

1 2011
28 203к

Жабайхан АБДИЛЬДИН

собрание сочинений

2

**Жабайхан
АБДИЛЬДИН**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ВТОРОЙ ТОМ

ҚАЗЫҒҰРТ
Алматы
2010

1/14
А139
~~УДК 1/14~~
ББК 87.3
А 13

Министерство связи и информации
Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Институт философии и политологии МОН РК

Редакционная коллегия:

Абишев К., Абдильдина Р.Ж., Иманкул Н.Н., Колчигин С.Ю.,
Нурманбетова Д.Н., Нысанбаев А.Н., Сабит М., Толгамбаева Д.Т.

Абдильдин Ж.

А 13 Собрание сочинений в десяти томах / Жабайхан Абдильдин.

– Алматы: Изд. «Қазығұрт», 2010.

Т. 2. – 400 с.

ISBN 9965-22-306-8

Во второй том десяти томного собрания сочинений академика НАН РК Ж.М. Абдильдина вошли его книга «Диалектико-логические принципы построения теории», а также главы и разделы Ж.М. Абдильдина опубликованные в монографиях «Принцип противоречия в современной науке», «Роль принципа конкретности в современной науке».

В данном томе также опубликованы научные статьи, в которых исследуются актуальные проблемы диалектической логики и теории познания.

УДК 1/14

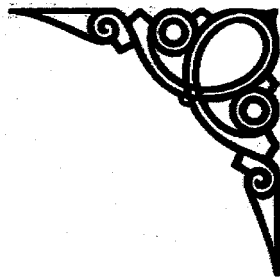
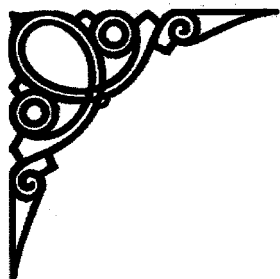
ББК 87.3

ISBN 9965-22-306-8-(Т.2)

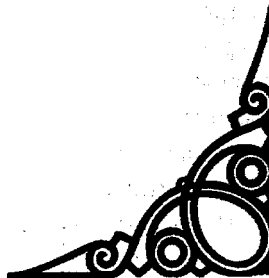
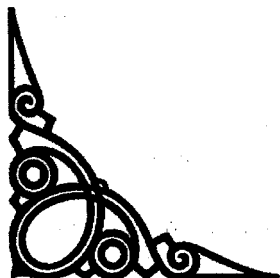
ISBN 9965-22-304-1

© Абдильдин А., 2010

© Қазығұрт, 2010

**ДИАЛЕКТИКО-
ЛОГИЧЕСКИЕ
ПРИНЦИПЫ
ПОСТРОЕНИЯ
ТЕОРИИ**

ВВЕДЕНИЕ

В ходе стремительного развития современной науки возрастает значение материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания. Диалектическое мышление – это универсальная методология научно-теоретического познания. Диалектико-логические принципы, отражая всеобщие законы природы, общества и мышления, одновременно являются необходимыми всеобщими условиями, методами развития, формирования и построения научной теории. Без всестороннего применения этих содержательных методов трудно осмыслить сущность научной теории и разрешить противоречия, какие возникают при ее систематическом развитии.

Порочность методологического принципа неопозитивизма в том, что он отрицает значение универсальных логических принципов (категорий) в научном познании. Всю задачу логики неопозитивисты сводят к эмпирическому обоснованию науки, анализу «языка науки», его связей и отношений. Для другого направления современной философии характерно преувеличение значения формальных методов познания. Многие философы и логики, работающие в области методологии наук, считают аксиоматический метод идеалом построения и развития научной теории.

Преувеличение роли математического метода имело место и раньше, например, у Декарта, Лейбница, Спинозы. Однако таким отношением к методу математики эти мыслители выражали свою веру в безграничные возможности разума, в его способность постижения сокровенных тайн природы и человеческого духа. Другое дело – их современные последователи. Для них вера в безграничное господство аксиоматического метода и его логического механизма во всех отраслях знания вытекает из неверия в способность науки и логики познать объективную истину.

После того, как было обнаружено, что аксиомы математики вообще, геометрии в частности, не являются логическими истинами, не-

посредственно усматриваемыми разумом в сущности вещей, была поколеблена и вера в универсальность и достаточность аксиоматического метода и формальной логики для целей познания действительности. В результате эта философия легко пожертвовала содержанием в угоду форме, сохранив формальные связи аксиоматической теории и отбросив все ее претензии на познание объективной истины. Математику стали считать дисциплиной совершенно формальной, не зависимой от опыта, автономной и всецело замкнутой в себе. Математические понятия были объявлены символами, смысл которых определяется лишь их взаимным отношением друг к другу и не выходит за пределы этой замкнутой системы символов, не переходит в сферу объективного и действительного. Поэтому многие математики и логики убеждены, будто все здание математики и теоретических дисциплин вообще возможно построить на одном лишь формальном базисе логики, так как логическое построение науки в их понимании означает ее независимость от действительности.

Представители подобного направления логики, рассматривающие проблему логического и его роль в научно-теоретическом познании, сходятся в признании того, что разум определяет не только форму познания, но и его содержание. Получается, что, чем выше роль логического в науке, тем больше в ней субъективного, произвольного и тем меньше может она претендовать на познание объективной истины. Идеалистическая философия, таким образом, абсолютизирует творческий, активный момент отношения субъекта к объекту в процессе познания.

Эти выводы логиков обусловлены порочностью их гносеологической и методологической концепции. Они концентрируют свое внимание обычно на одной, формальной, стороне логического. Правда, результаты добытые логиками в области теории формального вывода, имеют большое научное значение. Но преувеличение формальной стороны логического за счет его содержательной стороны приводит к порочным в научном отношении выводам, так как формальная правильность теории наносит ущерб ее истинности, а логичность – объективности. В результате такого подхода к изучению действительности получаем теоретическую картину, искажающую природу объективного процесса.

Таким образом, формальные принципы ограничены и не исчерпывают проблемы обоснования теоретического познания. Это вызывает

необходимость исследования более широких – диалектико-логических – принципов построения и развития научной теории. В философской литературе данная проблема разработана недостаточно...

Наша монография представляет собой, с одной стороны, анализ общелогических условий проблемы, а с другой – попытку применить диалектико-логические принципы к анализу физических теорий. Выбор именно этих форм знания не случаен. Он обусловлен тем, что, во-первых, физика – это, бесспорно, передний край современного естествознания, во-вторых, желанием внести посильный вклад в разрешение трудностей применения диалектико-логических принципов к этим наукам.

В ходе написания данной работы авторы опирались на важнейшие достижения наших философов по диалектической логике. Среди них нужно отметить работы Б.М. Кедрова, М.М. Розенталя, П.В. Копнина, И.В. Кузнецова, Э.В. Ильенкова, Е.П. Ситковского, Л.А. Маньковского, А.С. Арсеньева, В.С. Библера, З.М. Оруджева, В.А. Лекторского, Г.С. Батищева, Л.К. Науменко, М.И. Баканидзе и др.¹

¹ Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К.Маркса. М., 1967; Копнин П.В. Логические основы науки. Киев, 1968; его же. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.1969; Ильенков Э. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К.Маркса. М., 1960; Маньковский Л.А. Логические категории в «Капитале» Маркса. М., 1962; Арсеньев А.С., Библиер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967; Оруджев З.М. Единство диалектики, логики и теории познания. Баку, 1968; Лекторский В.А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; Баканидзе М.И. Проблема субординации логических форм. Алма-Ата, 1968; Кузнецов И.В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.–Л., 1948 и др.

РАЗРАБОТКА КАНТОМ И ГЕГЕЛЕМ ДИАЛЕКТИКО- ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Кантовская постановка проблемы

В новой философии проблемы диалектики, диалектические принципы знания глубоко разработаны Кантом, родоначальником немецкой классической философии. Можно утверждать, что Кант является тем мыслителем, с которого начинается в новое время обоснование диалектики и диалектических принципов мышления. Кантовская диалектика для нас не просто история, она внутренне связана с современной культурой, с современной задачей философского развития.

Творческое развитие философии неразрывно связано с разработкой диалектики как логики и теории познания, с углубленным исследованием проблем диалектической логики, Логики с большой буквы. Такая важная задача не только предполагает глубокий анализ современных фактов, внимательное изучение данных общественных и естественных наук, но предполагает и критическое исследование истории науки, прежде всего истории философии. «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, — писал Энгельс, — это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. А это имеет важное значение также и для практического применения мышления к эмпирическим областям. Ибо, во-первых, теория законов мышления отнюдь не есть какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль... Но именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития...»².

Трудно переоценить значение философии Канта и Гегеля для становления и разработки диалектики как логики. До настоящего времени

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 366-367.

кантовско-гегелевская диалектика остается наиболее серьезным и умным оппонентом марксистской философии, ее критический анализ помогает глубокому пониманию и раскрытию содержания диалектики.

Внимательное исследование кантовской диалектики важно и потому, что некоторые философы понимают под «современной» логикой только формальную и математическую логику, а диалектическую логику, систему категорий и всеобщих законов мышления изображают как то, что имеет лишь фигуральное значение.

Несостоятельность такой точки зрения наиболее полно раскрывается при обращении к истокам подлинной логики, являющейся учением о мышлении. В кантовской трансцендентальной логике продолжена традиция аристотелевой логики, как учения о принципах и законах теоретического мышления. Внимательное исследование истории философии, истории теоретического мышления не оставляет сомнений в том, что подлинной логикой современного мышления является диалектико-материалистическая логика, которой свойственны истинное содержание и продуктивный подход к изучению действительности и мышления.

Важность кантовской диалектики заключается и в том, что в ней в первоначальной форме разработаны важные моменты диалектической логики. Весьма примечательно и то обстоятельство, что диалектический способ мышления, творчески развиваемый лучшими представителями современного естествознания, хотя зачастую по теоретическому уровню и не поднимается до классических форм диалектики, разработанных Гегелем и Марксом, выступает в доступной форме кантовской диалектики.

Современное естествознание (в частности, физика и биология) под давлением большого количества фактов, по существу, поднимается до уровня кантовской диалектики, т.е. почти доходит до понимания необходимости единства возможности и действительности, конечного и бесконечного, внутреннего и внешнего и т.д. Не подлежит сомнению тот факт, что необходимость объединения противоположностей в акте теоретического мышления в настоящее время стала общей формой развития стихийной естественно-научной диалектической мысли. Такая форма ее развития, имея несомненные достоинства, все же не лишена отдельных недостатков и грубостей, которые в концентрированном виде еще содержались в кантовской диалектике. Поэтому критический анализ диалектики Канта, вскрытие ее теоретических

достоинств и недостатков дают возможность глубже понять природу той диалектической мысли, которая проявляется в форме современного естествознания.

Кант глубоко разработал проблемы диалектики и теории познания. Он еще в докритический период пытался рассмотреть с позиции диалектики некоторые фундаментальные вопросы естествознания и логики. Кант первым ввел в естественно-научное мышление принцип развития (самодвижения), в котором содержалась отправная точка дальнейшего поступательного развития. Представляют несомненный интерес предложенное им деление противоречия на логическое и реальное, произведенный им анализ понятия отрицательной величины в философии и, наконец, его диалектическое рассмотрение взаимосвязи категорий материи и формы.

Вся домарксовская философия и естествознание, как известно, не смогли проследить внутреннюю связь материи с формой. Кант в этом отношении сделал шаг вперед, обосновав возникновение и становление солнечной системы на своей собственной основе. В работе «Всеобщая естественная история и теория неба» он показал, что форма существует не изначально, а возникает в результате естественного развития самой бесформенной материи. Причину же движения бесформенной материи Кант видел в ее изначальной нетождественности. «Простейшие и наиболее общие свойства, данные как будто без... цели, материя, — писал он, — которая кажется совершенно инертной и нуждающейся в форме и организации, уже в простейшем своем состоянии таят в себе стремление подняться к более совершенному строению путем естественного развития. Но больше всего способствует упорядочению природы и выходу ее из состояния хаоса наличие *различных видов...* благодаря чему нарушается покой, который царил бы, если бы рассеянные элементы были во всех отношениях одинаковы»³.

К сожалению, эти важные диалектические мысли не получили дальнейшего развития в философии Канта. Всесторонне развиты и обоснованы они лишь в философии Гегеля.

Основные проблемы диалектики как науки разработаны Кантом в критический период. По значению для философии Гейне сравнивал «Критику чистого разума» Канта с французской революцией. И действительно, главный труд Канта нанес сильнейший удар по старому образу мысли, старой метафизике и логике. После кантовской

³ Кант И. Соч. Т. 1. С. 156.

критики метафизика (философия) не могла уже появляться в прежней форме, хотя Кант отрицал не всякую метафизику, а лишь традиционную, докантовскую. Мыслитель сам неоднократно подчеркивал, что его «Критика чистого разума» является лишь пропедевтикой для подлинной, истинной метафизики.

Важность и особенность кантовской диалектики состоит и в том, что Кант применил ее к процессу познания. Сама постановка вопроса о роли всеобщего необходимого синтетического знания для научно-теоретической области требовала совершенно иной, продуктивной, содержательной логики. В «Критике чистого разума» Кант доказывал, что такое всеобщее синтетическое знание невозможно на основе принципов старой логики и философии, и поэтому обосновывал необходимость трансцендентальной, новой логики. Таким образом, в форме трансцендентальной логики он нащупал новую основу для построения теоретического знания.

В своей философии Кант исходил из факта существования синтетического априорного знания, для основания которого, с одной стороны, необходимы чувственные данные, а с другой – категории рассудка. В чувственности и рассудке он видел два самостоятельных источника познания. Действительное знание возможно лишь в результате их соединения. Чувственность, по Канту, дает содержание познания, а рассудок – форму, устанавливающую связь явлений опыта. Этой формой являются логические категории. Они объективны своей предметностью, а созерцание объективно лишь когда оно подведено под категории. Чистые рассудочные понятия (категории) касаются только формы мышления, т.е. сами по себе они лишены содержания; в качестве априорных понятий категории не заимствованы ни из какого опыта.

Но чистые понятия должны иметь значение во всяком опыте. Будучи чисто субъективными по происхождению, они притязают по своему значению на эмпирическую объективность. Каким образом это происходит? Согласно Канту, мы имеем дело в нашем познании не с вещами в себе. Относительно того, что представляют собой вещи в себе, рассудок может научить нас так же мало, как и чувственность. Вещи в себе непознаваемы. Мы не можем приписать им никаких других определений, кроме признания того, что они существуют и каким-то образом воздействуют на нашу чувственность, аффицируют ее. Отсюда, по Канту, следует, что мы не имеем права утверждать, что вещи находятся в пространстве и времени и что вещи в себе обладают

величиной, что они суть субстанции, что они находятся в отношении причины и действия и т.п.

Пространство и время, по Канту, суть не объективные формы бытия вещей самих по себе, а формы человеческого созерцания. Отношения субстанции, причины, необходимости – это чисто рассудочные формы. Согласно Канту, не понятия заимствованы из опыта, а возможность опыта обусловлена категориями рассудка. Категории имеют объективное значение не потому, что они как-то связаны с независимым от сознания миром – с трансцендентностью, что Кант отрицает, а потому, что они являются всеобщими и необходимыми условиями всякого опыта, что они, по существу, сами создают предметы опыта. В этом – в общезначимости категорий в рамках чистого познания – идеалист Кант видит источник объективности как форм созерцания, так и категорий. Поэтому Гегель был прав, когда говорил, что кантовская «объективность» на самом деле субъективна.

Кант подробно исследовал применение категорий рассудка к чувственному многообразию. Для подведения чувственного материала под понятие представление первого должно быть однородно с последним. Между тем рассудочные категории неоднородны с эмпирическим наглядным представлением. Они исходят из совершенно различных источников. Поэтому для применения категорий к явлениям нужно нечто третье, что было бы однородно как понятиям, так и чувственным явлениям. Таковым является время. Оно как априорное условие созерцания однородно со всяким понятием рассудка, а как форма каждого наглядного представления – однородно со всяким явлением.

Вообще стремление привести в связь чувственное многообразие и рассудок является важной заслугой кантовской философии. Но Кант не давал истинного синтеза – диалектического единства чувственности и понятий. Он отрицал тот несомненный факт, что чувственное есть источник понятий и категорий. Поэтому он прибег к форме времени, посредством которого искусственно, внешним образом соединил категории с явлениями. Однако в кантовской философии категории рассмотрены как всеобщее условие, как принцип формирования знания. Проблема категорий, всегда выпадавшая из поля зрения традиционной логики, стала главным содержанием философии Канта. Его «Критика чистого разума», в которой ставится вопрос о происхождении и всеобщем значении категорий в акте мышления, является прямым продолжением традиции аристотеле-

вой «Метафизики». В этой связи важно отметить, что исследование всеобщих форм мышления, категорий и их дедукция в философской литературе обычно рассматриваются как специфическая особенность гегелевской логики. На самом же деле проблема категорий достаточно глубоко и широко ставилась и обсуждалась в кантовской трансцендентальной логике.

Кант не ограничивался подчеркиванием значения категорий в опытном познании, а достаточно глубоко разработал специфические диалектические принципы, получившие свое дальнейшее развитие и развертывание в гегелевской философии. Это прежде всего относится к анализу эмпирического и теоретического, единства всеобщего, особенного и единичного. В первоначальной форме Кант ставил вопрос также о системности знания, категорий, ввел при рассмотрении схем категорий принцип троичности, отлившийся в гегелевской диалектике в фундаментальный закон отрицания отрицания. В кантовской философии оригинально разработано логическое содержание идей. Но центральное место в его диалектике занимает проблема антиномии, принцип необходимости противоречия в разуме.

В отличие от своих предшественников, трактовавших противоречие только как промах мысли, Кант уже в ранних работах говорил о возможности и реальности противоречий в мышлении. Так, в «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» Кант вопреки господствовавшей традиционной логике и метафизике различал два вида противоречия: логическое и реальное. В суждении, по Канту, действительно невозможно логическое противоречие, оно может возникнуть лишь как результат ошибок в мышлении. Другое дело реальное противоречие. Например, в такой точной науке, как математика, имеет место допущение отрицательной величины, которая оказалась плодотворной в этой науке. По мнению Канта, такое понятие было бы ценно и в философии. Кант считал недопустимым огульное отрицание всякого противоречия. Он утверждал, что в науке есть такие противоречия, которые существуют реально и возникают не в результате ошибки в мышлении, а являются следствием последовательного теоретического исследования.

Мысли Канта звучат особенно свежо в настоящее время, когда диалектический метод рассмотрения предметов и явлений начинает применяться всеми науками. Деление противоречий на логические и реальные серьезно пригодилось Канту при разработке «Критики чистого

разума». Правда, постановка вопроса о противоречии здесь выступает в несколько иных формах.

Кантовское обоснование синтетического априорного знания было бы невозможно также без признания диалектического противоречия. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто рассматривает синтетическое априорное знание как следствие кантовского гносеологического дуализма. И хотя форма кантовского обоснования несколько напоминает дуализм, его основной смысл вовсе не сводится к дуализму, а есть признание противоречия как основы теоретического знания. В этом убеждает и то, что для обоснования беспринципного дуализма вовсе не нужно было создавать трансцендентальную логику. Кантовская дуалистическая форма является неразвитой, «стыдливой» формой диалектики. Признание необходимости единства противоположных аспектов у Канта выступает в дуалистической форме.

Принципы диалектики глубоко разработаны Кантом также в его трансцендентальной диалектике, которую он называл «логикой видимости». Кант строго различал трансцендентальную видимость от логической видимости. Если логическая видимость легко устранима при внимательном отношении к логическим правилам, то трансцендентальное заблуждение (диалектика) неустранимо и тогда, когда посредством критики выявляется его ничтожность.

В отличие от логической видимости, по Канту, трансцендентальная иллюзия необходима, она является естественной и неизбежной иллюзией разума. Поэтому здесь речь идет не об устранении логических ошибок. «Следовательно, — пишет он, — существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума, не такая, в которой какой-нибудь простак запутывается сам по недостатку знаний или которую искусственно создает какой-нибудь софист, чтобы сбить с толку разумных людей, а такая, которая неотъемлемо присуща человеческому разуму и не перестает обольщать его даже после того, когда мы раскрыли ее ложный блеск»⁴.

В целом, в кантовской философии диалектика оценена высоко. До Канта диалектика отождествлялась или с чем-то ложным, или трактовалась как то, что опирается на софистические основания. Поэтому в старой рассудочной философии предполагали, что для устранения диалектических суждений достаточно выявить содержащиеся в них логические ошибки. Принцип непротиворечивости,

⁴ Кант И. Соч. Т. 3. С. 339.

формальная правильность считалась основным условием истинности суждений.

Впервые после Платона Кант внес новое понимание диалектики, хотя, вводя термин «логика видимости», он отдавал некоторую дань традиционной философии. Кант не связывал диалектику с ошибкой в мышлении, а считал неотъемлемым свойством человеческого разума.

Необходимость диалектики в разуме, по Канту, коренится в том, что если рассудочное применение обусловлено сферой опыта, то разум безусловен, так как он выходит за пределы всякого возможного опыта; когда разум пытается это сделать, он становится трансцендентным и создает лишь паралогизмы, антиномии и идеал без действительности. В данном случае, несомненно, проявился агностицизм Канта, его принцип ограничения познавательной способности человеческого разума. Дело в том, что понятия разума, в которых мы должны были ожидать более глубокого содержания, рассматриваются Кантом лишь как голые идеи, приписывать истины которым было бы полным произволом и безумием. Гегель резко критиковал эти места кантовской философии. Он считал, что идеи разума должны быть более высокими понятиями, чем категории рассудка, так как в разуме мышление теряет ту обусловленность и ограниченность, какая присуща рассудку, и постигает истину. Но это предположение не оправдалось в учении Канта об идеях разума. Кант определял отношение разума к действительности лишь как диалектическое, понимаемое им в отрицательном смысле. «Можно ли было когда-нибудь подумать, — писал Гегель, — что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственной и временной, воспринимаемой чувственностью материи»⁵.

Тем не менее кантовское учение об антиномиях является великим завоеванием философии.

Кант доказывал, что антиномии разума не произвольны и не субъективны, а выражают неизбежную и естественную необходимость, на которую всякий человеческий разум необходимо должен натолкнуться в своем движении вперед. По Канту, как утверждение, так и отрицание одинаково необходимы, хотя и то, и другое выдает свои положения за безусловную истину. «Не трудно представить себе, — писал Кант, — что на этой арене издавна часто выступали и что обе стороны одерживали здесь немало побед, причем для последней победы, решавшей все

⁵ Гегель. Соч. Т. 6. С. 21.

дело, всегда старались, чтобы защитник доброго дела один удержал за собой поле и чтобы противнику его было запрещено на будущее время брать оружие в руки. Как беспристрастные судьи мы должны оставить совершенно в стороне вопрос, борются ли спорящие стороны за доброе или дурное дело, и предоставить им сначала решить их спор между собой»⁶.

В противоречивости разума Кант, правда, видел недостаток разумного познания. Это объясняется тем, что над Кантом все еще тяготела традиция старого мышления. Но само по себе важно то, что Кант обосновал необходимость противоречия в мысли в отличие от рассудочной логики, видевшей в противоречии лишь произвол субъекта. Это высоко оценено Гегелем, который видел глубокое содержание в кантовских антиномиях. Если Кант рассматривал всего четыре антиномии разума, то Гегель считал, что «в каждом понятии имеются антиномии, так как оно не *просто*, а *конкретно*, содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны»⁷.

В кантовском понимании противоречия (антиномии) также содержатся недостатки, так как он не шел дальше абстрактного противопоставления, не давал решения антиномии, не связывал антиномические положения в единое диалектическое внутри себя противоречивое понятие, не поднимался до истинной конкретности знания. Кант не понимал, что неделимость и бесконечная делимость, бесконечность в пространстве и вечность во времени, с одной стороны, и конечность в пространстве и времени, с другой стороны, и все прочие антиномические положения только внешне, с позиции рассудка разделены, а по существу, с точки зрения диалектики, нераздельны, едины и, стало быть, конкретны. Обе стороны антиномии представляют собой не самостоятельные понятия, а лишь моменты единого понятия, хотя и различаемые. Таким образом, мы имеем дело не только с противоречиями, но и с разрешением этих противоречий. Подлинный диалектик тот, кто признает и противоречие, и возможность его разрешения.

В своем учении об антиномиях Кант, по существу, дошел только до отрицательной, антиномичной диалектики, что, однако, не может умалить его заслугу в обосновании необходимости противоречия в разуме. Говоря о критике разумом самого себя, Кант обосновывал свободу мнений, противоречивых взглядов, как необходимое условие

⁶ Кант И. Соч. Т. 3. С. 401.

⁷ Гегель. Соч. Т. 11. С. 435.

существования разума. Только односторонний догматизм, по Канту, не понимает собственных законов разума и уклоняется от его критики. В действительности критика разума, его противоречивость не есть нечто внешнее, чужеродное, а является следствием равноправности противоположных утверждений.

Философ полагал, что когда разум выходит за пределы опыта, речь идет о безусловном, и невозможно с аподиктической достоверностью утверждать истинность того или иного положения. Так, например, утверждение теиста, что высшая сущность есть, и утверждение атеиста, что высшей сущности нет, по мнению Канта, одинаково равноправны, так как в обоих случаях речь идет о вещах в себе.

Согласно Канту, критика разума, противоречивые мнения, несомненно, служат доброй цели, ибо все в природе целесообразно, даже яды служат для преодоления других ядов. Стало быть, недопустимо всякое насилие, и полезно предоставить пытливому и испытывающему разуму полную свободу. «Поэтому предоставьте вашему противнику, – писал Кант, – говорить только разумное и побивайте его только оружием разума. Что же касается добра (практического интереса), не беспокойтесь о нем, так как в чисто спекулятивном споре оно вовсе не замешано. Тогда спор обнаружит лишь некоторую антиномию разума, которая, коренясь в его природе, необходимо должна быть выслушана и исследована. Спор развивает антиномию, рассматривая ее предмет с двух сторон и исправляя суждение тем, что ограничивает это суждение»⁸.

В обсуждении сложных теоретических проблем (поскольку речь идет о безусловном) философ рекомендовал полагаться на разум, учитывать его противоречивую, антиномическую природу. При этом он настойчиво призывал не примешивать к теоретическим спорам посторонние соображения (интересы общего блага и т.п.) и решать их только силами теоретических суждений, соблюдая полную свободу разума. По мнению Канта, нет нужды беспокоиться об исходе теоретических споров, ибо разум самопроизвольно укрощается и удерживается в границах самим же разумом.

Важнейшее условие разумности, по Канту, – внимательное отношение к противоречиям, серьезное отношение к суждениям спорящих сторон. «Если они обнаружат талант, если они произведут глубокие и новые исследования, одним словом, если только они будут говорить разумное, то разум от этого всегда выигрывает. Если же вы хватаетесь

⁸ Кант И. Соч. Т. 3. С. 622.

за другие средства, кроме средств непринужденного разума... то вы ставите себя в смешное положение... Было бы ведь нелепо ожидать от разума разъяснений и в то же время заведомо предписывать ему, на какую сторону он непременно должен стать...

Разум даже нуждается в таком споре, и было бы желательно, чтобы этот спор велся своевременно и публично, пользуясь неограниченной свободой. Тем раньше в таком случае развилась бы зрелая критика, при появлении которой все эти столкновения сами собой должны исчезнуть, так как спорящие поймут свое ослепление и предрассудки, разъединявшие их»⁹.

Наконец, необходимость критики, противоречивых суждений, по Канту, непосредственно следует из самой идеи свободы человеческого разума и является безусловным его правом. «К этой свободе, — писал он, — относятся также и свобода высказывать свои мысли и сомнения... Эта свобода вытекает уже из коренных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии, то это право священо, и никто не смеет ограничивать его»¹⁰.

В «Критике чистого разума» Кант также пытался обосновать необходимость критики, идеи противоречивости разума в обучении молодежи. Он выступал с резкой критикой догматического обучения, которое, по его мнению, не учитывает необходимых требований разума. Догматическое обучение, по Канту, имеет тот недостаток, что оно не научает людей критически мыслить, не воспитывает их с помощью наставника преодолевать доводы своих идейных противников, вскрывать ошибки, содержащиеся в их положениях. Поэтому молодые люди, воспитанные догматическим способом, обычно беспомощны. Они, встречаясь с хитроумными суждениями противника, бывают неспособны защищать свои теоретические убеждения.

Кант призывает придерживаться критического способа обучения молодежи, в котором полностью учитываются природа, предписания человеческого разума. При этом способе обучения молодежи дают не только знания, основы наук и убеждения, но знакомят их также с теоретическими доводами противника с целью научить опровергать эти доводы.

⁹ Там же. С. 622-623.

¹⁰ Там же. Соч. Т. 3. С. 626.

В результате такого обучения молодые люди рано почувствуют свои силы и сумеют противостоять хитрым и вредным суждениям противника. Только такие идейно закаленные люди, по мнению Канта, способны иметь теоретические убеждения и сражаться за них.

Все эти мысли еще раз свидетельствуют о важности кантовского понимания противоречия в становлении диалектики, в формировании диалектико-логических принципов теоретического знания. Однако диалектические идеи Канта содержат в себе коренные недостатки, обусловленные его идеализмом и агностицизмом. Но эти недостатки не могут обесценить тот факт, что именно Кант впервые в новое время подошел к формам мысли, теоретическим знаниям и разуму с позиций диалектики.

Гегелевский анализ диалектико-логических принципов знания

Диалектико-логические принципы знания в философии наиболее полно разработаны в гегелевской идеалистической логике. В отличие от рассудочной гегелевская логика является диалектической, а от кантовской логики она отличается тем, что идея диалектической логики проводится здесь более последовательно.

В своей логике Гегель прежде всего отличал рассудочное представление от разумного, конкретного понимания. Поэтому иногда он отождествлял рассудочное рассмотрение с общим представлением и словом «понятие» обозначал разумное диалектическое постижение. Но это не означает, что Гегель абсолютно отрицал значение абстрактного, рассудочного рассмотрения. Он только подчеркивал его конечность по сравнению с разумным, диалектическим пониманием. Подобный подход есть результат развития философии со времени Канта и Гегеля. Он оправдывается историей философии. Дело в том, что люди не ограничиваются чувственными данными, а хотят познать сущность явлений. Правда, сначала люди создают односторонние, рассудочные представления, которые еще неспособны охватить полную истину. Недостаточность такого знания выявляется с обнаружением новых сторон действительности. Само развитие познания, истории науки приводит к необходимости, конкретного, диалектического познания действительности.

Согласно Гегелю, рассудок и разум различаются по степени, по их роли в познании. Если разум выявляет сущность, сам является сущностью и истиной, то абстрактное, рассудочное представление в силу его односторонности, неподвижности и непротиворечивости не в состоянии познать сущность. Отсюда известное положение Гегеля, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Она постигается только в форме диалектического понятия, являющегося совокупностью многочисленных определений. Всеобщее понятие не только рассматривается в связи с особенным и единичным, оно вскрывает их внутреннее и необходимое противоречие.

Как мы уже отметили, Гегель не отрицал значения рассудка, рассудочного понимания предмета. Образование абстрактных, рассудочных понятий, по Гегелю, является великим шагом в познании. Если человек отличается от животных мышлением, то рассудочное понимание является первой формой мыслительной деятельности. Наука возникает, по Гегелю, тогда, когда имеются уже рассудочные рассмотрения. В предисловии к «Феноменологии духа» Гегель определял рассудочную форму как единственную форму возможности науки. «Рассудочная форма науки – это всем представленный и для всех одинаково проложенный путь к ней, и достигнуть при помощи рассудка разумного знания есть справедливое требование сознания, которое приступает к науке, ибо рассудок есть мышление, чистое «я» вообще; и рассудочное есть уже известное и общее для науки и ненаучного сознания, благодаря чему последнее в состоянии непосредственно приобщиться к науке»¹¹. В «Энциклопедии философских наук» Гегель также подчеркивал необходимость рассудочного рассмотрения. «Не только в теоретической, но и в практической области нельзя обойтись без рассудка. Для действия требуется главным образом характер, а человек с характером – это рассудительный человек, который, как таковой, имеет перед собою определенную цель и твердо ее преследует. Кто хочет достигнуть великого, тот должен, как говорил Гете, уметь ограничивать себя. Кто же, напротив, хочет всего, тот на самом деле ничего не хочет и ничего не достигнет»¹².

Согласно Гегелю, рассудок – существенный момент образования. Образованный человек схватывает предметы в четкой определеннос-

¹¹ Гегель. Соч. Т. 4. М., 1959. С. 7.

¹² Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. М.–Л., 1930. С. 132-133.

ти. Поэтому рассудок присутствует почти во всех областях человеческой деятельности. «Понимаемый в таком смысле, рассудок обнаруживает свое присутствие во всех вообще областях предметного мира, и совершенство какого бы то ни было предмета непременно предполагает, что принцип рассудка занимает в нем место, принадлежащее ему по праву». «В особенности это верно, – писал Гегель, – по отношению к искусству, религии и философии. Так, например, в искусстве рассудок обнаруживается в том, что различные, согласно понятию, формы прекрасного также фиксируются и воспроизводятся в этом их различии. То же самое верно и по отношению к отдельным произведениям искусства. Для того, чтобы драматическое произведение было прекрасным и завершенным, необходимо, чтобы характеры различных персонажей были развиты в их чистоте и определенности, и именно так, чтобы различные цели и интересы, вокруг которых вращается действие, были ясно и четко очерчены...»¹³. «Что, наконец, философия также не может обойтись без рассудка, – это после всего вышесказанного вряд ли нуждается в особом разъяснении. Для философствования требуется прежде всего, чтобы каждая мысль мыслилась нами во всей ее строгости и чтобы мы не оставляли ее смутной и неопределенной»¹⁴.

Однако Гегель последовательно подвергал критике рассудок, рассудочное рассмотрение. Существо рассудочного рассмотрения в том, указывал Гегель, что оно «сообщает своему содержанию форму всеобщности, и вообще, как его понимает рассудок, есть некоторое абстрактное всеобщее, которое, как таковое, фиксируется в противоположность особенному, но благодаря этому само, в свою очередь, так же оказывается особенным. Так как рассудок действует по отношению к своим предметам разделяющим и абстрагирующим образом, то он, следовательно, представляет собою противоположность непосредственному созерцанию и чувству, которые, как таковые, всецело имеют дело с конкретным и остаются при нем»¹⁵.

По Гегелю, всякие упреки относительно негибкости и односторонности мышления в основном относятся к рассудочному мышлению. И это правильно схвачено в суждении о том, что рассудок не должен заходить слишком далеко. Действительно, рассудочные определе-

¹³ Там же. С. 133-134.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 132.

ния во всяком случае не представляют собой последнего результата, а, «наоборот, конечны – говоря более точно, носят *такой характер*, что доведенное до крайности превращаются в свою противоположность; юношеству свойственно блуждать в отвлечениях, но человек умудренный жизненным опытом, напротив, не отдается абстрактному *или – или*, а держится конкретного»¹⁶.

Гегель постоянно подчеркивал, что рассудочном способу рассмотрения характерно абстрактное противопоставление сторон и неумение понять явление в целом. Об этом замечательно сказано в статье Гегеля «Кто мыслит абстрактно». Здесь глубоко вскрыты такие характерные черты рассудочного рассматривания как односторонность, неподвижность, непротиворечивость и формальность.

Так, например: «Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца – и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как? Убийца – красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу красивым? Сами, небось, не лучше!»¹⁷. В данном отрывке Гегель показывает, что толпа мыслит, безусловно, абстрактно. И в самом деле: убийца, конечно, человек безнравственный, но он может обладать и большой физической силой, и красивой внешностью. Абстрактно мыслящая толпа опирается на неподвижные и односторонние категории и поэтому видит в убийце только убийцу и совершенно не замечает других качеств, например того, что он красив по внешним данным. Это говорит о том, что категории рассудка имеют ограниченные познавательные значения. Отрывая одно от другого, категории рассудка не позволяют постичь конкретное целое. Конкретный подход Гегель показывает на примере знатока людей: «Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда это человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения»¹⁸. Знаток людей, как видим, подошел к вопросу не

¹⁶ Там же. С. 134.

¹⁷ Гегель. Работы разных лет в двух томах. Т. I. М., 1970. С. 391.

¹⁸ Там же. С. 391-392.

абстрактно, а конкретно, проанализировал поступок убийцы, условия, его сформировавшие, и тем самым выявил подлинную причину преступления.

Следуя диалектике Гегеля и подходя к вопросу с точки зрения разума, Н.Г. Чернышевский дал замечательное опровержение абстрактного, отвлеченного подхода к оценке явлений. «Пагубна или плодотворна война?» – спрашивает он. – Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств времени и места... Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества». Еще пример – дождь. «Благо или зло дождь?» Это вопрос отвлеченный, определенно ответить на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, вред; надобно спрашивать определенно: после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, – полезен ли он был для хлеба? Только тут ответ ясен и имеет смысл: «этот дождь был полезен». Кто рассуждает абстрактно, тот рассуждает по формуле отвлеченного *или – или*: дождь или вреден, или полезен. А кто, по совету Гегеля, ищет конкретной почвы, тот, подобно Н.Г. Чернышевскому, спрашивает, какой именно дождь имеется в виду; о какой именно войне идет дело. На первый взгляд, может показаться сомнительным даже существование людей, рассуждающих по формуле отвлеченного *или – или* (война или пагубна, или плодотворна), но в действительности таких людей очень много, а до Гегеля их было еще больше. Склонность рассуждать с позиции отвлеченного *или – или* свойственна не только неопытной юности. Можно назвать целые исторические эпохи, в продолжение которых все мыслящие люди, за самыми немногими исключениями, были склонны строить свои суждения подобным образом и даже очень удивились бы, если бы им сказали, что она не удовлетворительна. Так было, например, во Франции восемнадцатого века.

Французские просветители смотрели на общественную жизнь с точки зрения отвлеченной противоположности между добром и злом, между разумом и бессмыслицей, отказываясь от такого подхода лишь в исключительных случаях. Раз признав данное общественное явление (например, феодальную собственность) вредным и неразумным, они никогда не согласились бы с тем, что в свое, более или менее отдаленное, время это явление могло быть разумным и полезным. Вот один пример. Гельвеций в письме к Сорэну говорит по поводу знаме-

нитой книги Монтескье «О духе законов» «Но чему он хочет научить нас своим трактатом о феодальных учреждениях? Такими ли вещами должен заниматься мудрый и разумный человек? Какое законодательство могло явиться в результате варварского хаоса законов, установленных насилием, державшихся невежеством и всегда мешавших всякой попытке установить правильный порядок». В другом месте того же письма Гельвеций объявляет феодальное правительство верхом бессмыслицы. Теперь мы иначе относимся феодализму: мы понимаем, что в свое время он вовсе не был бессмыслицей. Но мы смотрим так потому, что знаем, до какой степени все зависит от развития способа производства, от исторического развития общества.

Примеры абстрактного подхода имеют место не только в области социологии, но и в естественных науках. Долгое время естествознание оперировало рассудочными, отвлеченными категориями. Вся додарвиновская биология за небольшим исключением была абстрактной. Физики также отвлеченно спорили о природе света (корпускулярная она или волновая?). Вся старая физика оперировала рассудочными категориями. Такие великие ученые, как Ньютон, Линней Кювье и философы Бэкон, Локк и французские материалисты, мыслили абстрактно. До Гегеля этот способ мышления господствовал во всех областях человеческого знания.

Рассудочные понятия по своей абстрактной односторонности неспособны отражать сущность и истину. Они схватывают лишь отдельные стороны целого. По мнению Гегеля, основным пороком рассудочной логики является ее неспособность рассматривать противоположности в единстве. Эта ограниченность преодолевается в теории конкретного понятия, разработанной в гегелевской логике, где понятие рассматривается как единство многообразного, конкретная тотальность определений, т.е. как целостность, сформулированная в результате самодвижения мышления. Определяя природу конкретного понятия, Гегель писал, что «оно не есть в самом себе абстрактное единство в противоположность различиям, характеризующим реальность, а уже как понятие оно есть единство различных определенностей, и стало быть, конкретная целостность»¹⁹.

В гегелевской философии конкретность, целостность прежде всего трактуется как то, что имманентно разуму и, обладая идеальной природой, привносится или лежит в основании вещей в качестве понятия;

¹⁹ Гегель. Соч. Т. 12. 1939. С. 111.

идеи. Правда, такое понятие изображается Гегелем не как мертвая, лишенная различий абстракция, а как живая, внутренне противоречивая мысль, беспокойное движение, себя в себе различающая сущность. Поскольку понятие есть некоторый синтез, отмечает Гегель, «оно имеет определенность и различие внутри себя самого. Поскольку эта определенность есть определенность понятия и тем самым *абсолютная определенность, единичность*, понятие есть основание и источник всякой конечной определенности и всякого многообразия»²⁰.

Гегелевское понимание конкретного, природы понятия, как известно, принципиально выходило за рамки традиционного представления о понятии, хотя первоначальная идея, зародыш такого понимания имели место уже в кантовском учении о синтетическом знании. На это неоднократно указывал и сам Гегель. Если при традиционном представлении под понятием мыслилось нечто общее, одинаковые свойства предметов, выделенные путем сравнения, отвлечения и обобщения из масс индивидуальных объектов, то кантовское учение о синтетическом знании требовало, чтобы мы пошли дальше этого представления о понятии. Так, понятие трактовалось Кантом не как мысленное выражение просто общего в предметах и явлениях, а как некоторый синтез, априорные условия знания, при помощи которых формируются материалы созерцания.

Поэтому Гегель в своем анализе кантовской трансцендентальной логики отличал ее от рассудочной логики. Согласно рассудочной логике, отмечал Гегель, «я обладаю понятиями точно так же, как я обладаю какими-либо внешними свойствами», всякое многообразие стоит вне понятий, которым присуща лишь форма абстрактной всеобщности. Синтетические суждения а priori являются не чем-то абстрактно-общим, а форма конкретного, синтетического знания, в котором предпринята попытка рассмотреть многообразие в некотором единстве (синтезе). «Этот первоначальный синтез апперцепции, – писал Гегель, – представляет собой один из глубочайших принципов спекулятивного развертывания; он содержит в себе первый шаг к истинному пониманию природы понятия»²¹.

В кантовской трактовке проблемы понятия, правда, еще много непоследовательности, противоречий. Будучи объективным идеалистом, Гегель, например, с раздражением отмечал, что у Канта категории сами

²⁰ Гегель. Соч. Т. 6. С. 20.

²¹ Там же. С. 19.

по себе не дают синтетического знания, а достигают его лишь в соединении с чувственными данными. Неполнота понятий, по Гегелю, заключается не в отсутствии у них чувственной реальности, а в том, что понятия еще не сообщили себе из них самих порожденной реальности.

Таким образом, в понимании Гегеля, синтетичность, конкретность являются внутренними определенностями самого понятия, которые приобретены в ходе его саморазвития. Отсюда, по Гегелю, не реальность и тем более не эмпирическое многообразие являются основой понятия, а само понятие, движение мысли *порождает действительность*, составляет животворящую душу всего действительного мира. Абсолютная идея стремится к самосознанию, она сначала проходит этап чисто логического развития, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему инобытию, природе, где проходит новый этап развития, правда, не сознавая самое себя. Абсолютная идея лишь в человеческом обществе выбивается из «грубого естественного состояния» и приходит к самосознанию. В своем первоначальном развитии она не была еще абсолютно конкретной, а имела это лишь в возможности. Абсолютно конкретным является только абсолютный дух, поскольку он снял и вобрал все богатства предшествующей ступени развития.

Гегель – объективный идеалист, и поэтому он не понимал, во-первых, того, что действительность, конкретная целостность воспроизводится посредством мышления («Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»²²); во-вторых, он не понимал также действительной, чувственной деятельности как таковой, не понимал роли материальной, общественно-производственной практики, а знал лишь абстрактную, теоретическую деятельность абсолютной идеи.

Подлинно научное разрешение вопроса о природе понятия стало возможно лишь в научной философии, в которой понятия рассматриваются как отражение объективной материальной действительности. «Таким образом, – писал Ф.Энгельс, – диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать – вновь поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове»²³.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

Эта оценка, несомненно, верна. Однако нам важно подчеркнуть, что в гегелевской логике все же положено начало новому, продуктивному пониманию теории понятия, что в дальнейшем, в материалистическом толковании, имело важное значение для научно-теоретического познания. Продуктивной, безусловно, была сама идея рассмотрения понятия в развитии, противоречивости. Все еще представляет громадный интерес гегелевская трактовка понятия как единства многообразного, конкретной тотальности, которая определяет форму, сущность эмпирической реальности. Действительно, если понятие рассматривать как конкретное единство многообразного, то его сущность невозможно понять с помощью отвлечения общих, одинаковых признаков предмета, а лишь в результате глубокого раскрытия содержания, внутренней связи и зависимости различных определенностей. Поэтому в «Науке логики» Гегеля интересны прежде всего эти рациональные моменты его учения о конкретном понятии. «Если эта забытая диалектика, — писал Ф.Энгельс, — даже с точки зрения «чистого мышления», привела к таким результатам..., то, значит, в ней во всяком случае было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения»²⁴.

Абстрактно-общие понятия вследствие своей односторонности неспособны постигать истину. Они схватывают лишь отдельные стороны целого. По мнению Гегеля, абстрактный, рассудочный способ рассмотрения вопроса характеризуется тем, что одна сторона отрывается от другой, что вызывает серьезное искажение действительности. Жизнь разумна, противоречива, текуча, подвижна, изменчива, рассудок же упрощает, огрубляет, разделяет, омертвляет живое, он не считается с движением, не сводит качественное многообразие к количественному, а растворяет многообразие случайных проявлений природы в абстрактной необходимости и т.д. «Живая деятельность природы смолкает в тиши мысли. Ее обладающая нас теплом полнота, организующаяся в тысячах привлекательных и чудесных образований, превращается в сухие формы и бесформенные всеобщности, похожие на мрачный северный туман»²⁵.

Опираясь на диалектический метод и объективный идеализм, Гегель старался обосновать теорию таких понятий, которые бы не упрощали, не огрубляли, не омертвляли живое, а выражали его как живое;

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 496.

²⁵ Гегель. Соч. Т. 2. М., 1934. С. 11.

если и не в полной гамме красок, то хотя бы в его существенном многообразии.

В этом Гегель видел задачу диалектической логики, изучающей понятия в их движении, противоречии и необходимой связи. «Дабы эти мертвые кости логики оживотворились духом и получили, таким образом, содержимое и содержание, ее *методом* должен быть тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой»²⁶.

В гегелевской философии разработаны важнейшие определенности, основные принципы теории конкретности понятия как, например, положение о содержательности понятий, о конкретном понятии как единстве всеобщего, особенного и единичного, о противоречивости понятий и т.д., которые, несомненно, являются великими завоеваниями философской мысли.

1. Содержательность конкретного понятия. Понятие рассматривается Гегелем прежде всего как содержательная форма мысли. Такое понимание является «непосредственным следствием гегелевской трактовки понятия как единства «конкретной тотальности», многочисленных определений. Согласно Гегелю, отрыв формы мышления, понятий от содержания является результатом рассудочного способа рассмотрения, которое неспособно раскрыть их подлинную сущность и не в состоянии проследить их в процессе развития. Гегель неоднократно подчеркивал ту правильную мысль, что если бы понятия являлись лишь мертвыми формами мысли, то и знать их было бы совершенно не нужно. «Но на самом деле, — писал Гегель, — формы понятий суть, как раз наоборот, *живой дух действительного*, а в действительном истинно лишь то, что *истинно в силу этих форм, через них и в них*. Но истинность этих форм, взятых сами по себе, точно так же, как и их необходимая связь, никогда до сих пор не рассматривалась и не служила предметом исследования»²⁷.

Требование содержательности понятий — одно из замечательных положений гегелевской логики. Гегель прав, когда выступает против метафизического отрыва формы от содержания. Но тут же проявляется его идеализм, когда он выводит понятия не из жизни, а, наоборот, реальный мир считает результатом саморазвития понятий. Для Гегеля понятие выступает как субъект развития, а действительный субъект, как отмечал К. Маркс, превращается в

²⁶ Гегель. Соч. Т. 5. М., 1937. С. 32.

²⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика. М.—Л., 1930. С. 267.

предикат. Таким образом, содержанием мысли оказывается сама мысль. Поэтому, она, по Гегелю, столь мало формальна, столь мало лишена содержания для действительного и истинного познания. Она является абсолютной формой. «Логика согласно этому, – писал Гегель, – следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, какова она без покрова, в себе и для себя самой*»²⁸.

Это положение не выдерживает критики. В философии Гегеля рациональные моменты диалектики сочетаются с идеалистическим, мистическим содержанием. Гегель был прав, когда заявлял, что бессодержательной, пустой формы не существует, что всякая форма содержательна. Но в подтверждение этой верной мысли он выдвинул нечто идеалистическое: «Понятие есть начало всякой жизни» и т.д. В действительности понятие не пустая оболочка, неизменное вместилище, а отражение объективной реальности. Форма не имеет никакого значения, если она не есть форма содержания. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, – писал Ленин, – а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т.е. развития всего конкретного содержания мира...»²⁹.

2. Конкретное понятие как единство всеобщего, особенного и единичного. В отличие от абстрактно-общего, количественно-общего традиционной логики конкретное понятие рассматривается Гегелем не как нечто общее, противостоящее единичному и особенному, а как такое всеобщее, которое в самом себе в своем развитии содержит свое другое, т.е. единичное и особенное. Конкретным является такое понятие, которое находит всеобщее не вне особенного, но в нем же самом. Гегель отмечает, что конкретное всеобщее понятие есть целостность моментов общего, особенного и единичного. В гегелевском понимании всеобщее есть такое простое, которое вместе с тем есть самое богатое внутри себя самого. Понятие – это не абстрактная, внутри себя тождественная всеобщность. Всеобщее конкретно потому, что оно внутри себя многообразно, но не всякое многообразное есть истинно-конкретное.

Гегель различает «чувственно-конкретное» и «истинно-конкретное». Чувственно-конкретное конкретно лишь по форме, а по содержанию абстрактно. Оно многообразно и внутри себя различно, но не

²⁸ Гегель. Соч. Т. 5. С. 28.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

доходит до истинной конкретности именно потому, что не достигает существенных определений, понятий вещи. На этом основании Гегель подверг критике эмпиризм Локка. Если Спиноза и Мальбранш начинали свою философию от лишнего различия всеобщего, то Локк выступил против этого (лишнего различий) тождества спинозовской субстанции. Он утверждал, что единичное, чувственное, ограниченное, непосредственно существующее есть основа познания. По мнению Гегеля, Локк оставил путь голых дефиниций и сделал попытку вывести всеобщие понятия. И в этом, по его мнению, несомненное достоинство локковской философии.

Однако, справедливо возражая против абстрактного всеобщего Спинозы и Мальбранша, Локк сам впал в односторонность, в субъективизм, когда стал начисто отрицать существование всеобщего. По мнению Локка, если бы существовали всеобщее, род, то отклонения от них были бы невозможны. Гегель опроверг субъективизм Локка, отрицающего объективность всеобщего. Касаясь этого вопроса, он отмечал, что «роды представляют собой не только совокупность сходных признаков, созданную нами абстракцию, что они обладают не только общими признаками, а являются подлинной внутренней сущностью самих предметов; и точно так же порядки служат не только для облегчения нам обзора животных, но представляют собою ступени лестницы самой природы»³⁰. Это — одно из глубочайших положений гегелевской логики. Гегель тут же подчеркивал, что всеобщее не относится безразлично к особенному, а представляет собой самое себя наполняющую всеобщность, которая содержит в себе особенное. Главное для Гегеля — единство единичного и особенного. «Если роды и силы составляют внутреннюю сторону природы и по сравнению с этим всеобщим внешнее и единичное является проходящим и ничтожным, то все же мы требуем как третьей ступени чего-то еще более внутреннего, того, что представляет собою внутреннее внутреннее, а это согласно предыдущему и есть единство всеобщего и единичного»³¹.

По мнению Гегеля, отрыв всеобщего от особенного и единичного недопустим, ибо такая абстрактная всеобщность, находящаяся вне особенного, сама представляла бы новое, особенное. Несостоятельность рассудка заключается в том, что он упраздняет как раз то определение,

³⁰ Гегель. Соч. Т. 2. С. 15.

³¹ Там же. С. 17-18.

какое сам же устанавливает. Рассудок желает отделить особенное от всеобщего, а на поверку выходит, что особенное благодаря этому возведено во всеобщее. Следовательно, действительно существующим оказывается единство всеобщего и особенного.

Истинное всеобщее, рассматриваемое в единстве с особенным и единичным, составляет живую мысль и является результатом истории познания. Между абстрактно-общим и истинно-всеобщим громадная разница: всеобщее понятие не абстрактно, а конкретно. Здесь Гегель нащупал подлинную диалектическую категорию. Если всеобщее имеет конкретный характер, то оно едино с особенным и единичным. Конкретное всеобщее, по мнению Гегеля, есть результат развития, нечто ставшее. О конкретном понятии можно сказать, что оно есть простое определение, но такое простое, которое содержит внутри себя наивысшую степень различия и определенности. Поэтому простота понятий коренным образом отличается от простоты бытия, которое лишено всякого определения и потому есть такое простое, которое исчезает в своей противоположности; его понятием служит становление.

Итак, истинно-всеобщее понятие – это простое, вместе с тем богатое внутри себя. Если абстрактное, общее просто отрицает всякое особенное и тем самым опускается до уровня особенного, то конкретное всеобщее отрицает единичное и особенное, выделяет и различает их от самого себя лишь для того, чтобы объединить. Оно не выступает в качестве голого, метафизического отрицания, а является единством всеобщего и особенного, их синтезом.

Кроме того, при характеристике понятия конкретно-всеобщего Гегель часто сравнивал его с бытием, которое вследствие своей бедности исчезает в своем другом, имеет своей истиной некоторое отличное от него самого определение. Всеобщее, как конкретное понятие, не исчезает в своем другом, сохраняет себя в нем, проявляется сквозь и через него. Вот что писал Гегель об этом: «Всеобщее, даже когда оно влагает себя в некоторое определение, *остается* в нем тем же, что оно есть. Оно есть *душа* того конкретного, в котором оно обитает, не стесненное и равное самому себе в его многообразии и разности»³².

Гегелевское понимание конкретно-всеобщего понятия, таким образом, идеалистично. В отличие от Гегеля мы материалистически

³² Гегель. Соч. Т. 6. С. 34.

понимаем диалектику всеобщего и единичного. Диалектическое всеобщее понятие прежде всего суть мысленное воспроизведение, логическое усвоение объективного взаимоотношения вещей и явлений. В объективной действительности сущность, закономерность явлений реализуются в особенном и единичном, так, например, биологический вид как общность реализуется в составляющих его индивидах; человеческое общество проявляется в образующих его людях. Общее проявляется в единичном и особенном, а вне их не существует. В свою очередь, особенное и единичное в их совокупности и взаимосвязи образуют «истинную общность», отличную от других видов общего. Поэтому сущность, закономерные связи явлений раскрываются не в отвлечении от особенного и единичного, а посредством глубокого анализа того и другого. «Общее существует лишь в отдельном, – писал В.И. Ленин, – через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного... Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д., и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д.»³³.

Диалектико-логическое понимание конкретного понятия в самой объективной реальности прослеживает, раскрывает переход всеобщего в особенное, и наоборот. Так как объективная материальная действительность находится в состоянии постоянного развития, то, несомненно, существует переход особенного во всеобщее, и наоборот. Например, товар является всеобщим условием капитализма, но он не был таковым в докапиталистических общественно-экономических формациях, он был лишь особым отношением.

3. Противоречивость конкретного понятия. Если рассудочная логика рассматривала противоположности как несовместимые (непримиримые), то, по Гегелю, конкретное понятие соединяет противоположности в тождестве и познает тождество как результат процесса. Сначала непосредственное единство, потом различие и, наконец, примирение, синтез противоположностей – таков всеобщий закон всякого развития. По мнению Гегеля, истина постигается не абстрактно размышляющим рассудком и не мистическим созерцанием, а разумом, проявляется как способность к конкретному понятию. Конкретное – это такое понятие, которое не отвергает своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним – к

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположностей, он познает их в разрешении.

Противоречие не есть нечто алогичное. Оно есть то, что принуждает к дальнейшему мышлению. Его надо не уничтожать, но «снимать», т.е. сохранять как отрицательное. Это происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем – высшем или более широком, более богатом понятии, моментами которого они становятся. Теперь их противоречие преодолено. Но этот синтез не окончательный. Находится новая противоположность, которая, в свою очередь, должна быть преодолена, и т.д.

Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ней образует высшее понятие, которое ближе к истине, но также еще не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие – абсолютная идея – само по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое оно прошло. Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности. Развитие понятий есть сама действительность. Мыслительный процесс – не произвольная игра понятиями мыслящего субъекта, а объективный процесс. Так как мир и его основа есть развитие, то его можно познать только через развитие. Закон, которому следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него к соединению. Логика развития всей системы подчиняется закону отрицания отрицания. Таким образом создается система понятий, так как их диалектическая обработка является не только раскрытием внутренних диалектических противоречий в отдельных изолированных понятиях, но и установлением их диалектической взаимосвязи, взаимоперехода. Подобное развитие понятий, по Гегелю, – это объективная, а не субъективная необходимость, так как для него понятие и есть сама объективность абсолютной идеи.

Поскольку всякая определенность бытия есть, по существу, переход в противоположное, то отрицание всякой определенности столь же необходимо, как и она сама. Поэтому если категории тождества и различия облакаются в такие абстрактные предложения, как $A=A$, то появляются также и противоположные предложения. И те, и другие выступают с одинаковой необходимостью, и как непосредственные утверждения они одинаково правомерны. Одно положение требует

доказательства своей истинности вопреки другому и поэтому указанным утверждениям не присущ характер неопровержимых законов мышления.

Истинно лишь конкретное тождество, которое внутри себя имеет различие. Оно отличается от абстрактного тождества, охарактеризованного Гегелем как выражение пустой тавтологии. «Таково то пустое тождество, за которое продолжают крепко держаться те, которые принимают его, как таковое, за нечто истинное, и всегда поучительно сообщают: тождество не есть разность, тождество и разность разны»³⁴.

Согласно Гегелю, абстрактное тождество и абстрактное различие являются односторонними определениями. Конкретное тождество есть единство тождества и различия. Конкретное тождество «в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своем различии, в своем противоречии тождественно с собой...»³⁵.

Гегелевская критика абстрактного тождества, по существу, правильна. От абстрактного тождества нет перехода к различию, потому что между ними отсутствует необходимая связь. Отмечая это, Гегель писал: «Если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому нельзя доказать перехода к различию, так как исходного пункта от которого должен совершаться переход, нет для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход»³⁶.

По мнению Гегеля, абстрактное различие, отвлекающееся от тождества, также несостоятельно. В своей односторонности, отвлеченности оно не соответствует истине. Такие определения, как сходство и несходство имеют значение только в их единстве. Отметив необходимость тождества и различия, Гегель упрекает естествознание своего времени, из-за тождества забывающее о различии, а из-за различия — о тождестве. По Гегелю, единственно правильной точки зрения придерживается спекулятивная логика, которая показывает ничтожность абстрагирующего от различия, «чисто рассудочного тождества, хотя она затем настаивает, во всяком случае, столь же энергично на том, что мы не должны успокаиваться на одной лишь голой разности, а должны познавать внутреннее единство всего сущего»³⁷.

³⁴ Гегель. Соч. Т. 5. С. 484–485.

³⁵ Там же. С. 483.

³⁶ Гегель. Т. 1. С. 199.

³⁷ Там же. С. 202.

Далее Гегель подвергает критике «закон исключенного третьего» формальной логики. Он характеризует его как закон абстрактного рассудка, который, желая избежать противоречия, неизбежно впадает в него. Стремление избежать противоречия неоправдано, так как все вещи противоречивы в себе самих. Рассудочная же логика принимает противоречие за нечто неистинное, будто противоречие не есть такое же существенно и внутреннее определение, как тождество. Если сравнить эти точки зрения, то следовало бы признать противоречие более глубоким и более существенным определением мысли. Согласно Гегелю, абстрактное тождество – поверхностное определение, тогда как «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»³⁸. В действительности противоречия являются основным содержанием понятия. Противоречие – это подлинно всеобщая категория, принцип всякого самодвижения.

При всем своем значении гегелевское понимание противоречия имеет существенные недостатки. Противоположность марксистского диалектического метода гегелевскому особенно ярко проявляется в учении о противоречии. Для Гегеля речь идет не о противоречии объективного материального мира, а о саморазвитии абсолютной идеи. Содержанием логического процесса, развивающегося от бытия к сущности и от него к понятию, для него является абсолютная идея, развивающаяся в направлении к самой себе. В своем развитии абсолютная идея продолжает нечто особенное, которое также не является абсолютной определенностью, а разрешается в более высоком синтезе. Касаясь этого вопроса, К.Маркс писал: «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыряться, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание»³⁹.

В гегелевской логике, таким образом, речь идет о чисто логическом процессе, о мысли, полагающей себя и противопоставляющей себя себе же; борьба этих противоположных элементов образует диалектическое движение и переходит в их синтез. Основным пороком гегелевского

³⁸ Гегель. Соч. Т. 5. С. 520.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 130.

учения о противоречиях является то, что противоречие не разрешается рационально, а примиряется, снимается. «Таким путем, — писал К.Маркс, — противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтез»⁴⁰. В этой связи следует отметить, что идеалистические пороки гегелевского учения о противоречии, несомненно, являлись теоретической основой консерватизма Гегеля в отношении к прусской абсолютной монархии.

Подлинно научное раскрытие природы противоречия возможно лишь с позиций диалектического материализма, который рассматривает противоречие конкретного понятия как отражение объективного противоречия самих вещей и явлений. По своей сути движение есть разрешение противоречий. Противоречие является источником движения. Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения является главным в диалектико-материалистической логике. Касаясь вопроса о противоречащих и исключаящих друг друга отношениях процесса обмена товаров, К.Маркс в «Капитале» писал: «Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»⁴¹. То же самое отмечал и Ф.Энгельс: «Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д.»⁴²

Гегель рассматривал идею конкретного понятия не только в логике, но и в применении к конкретным наукам. Благодаря диалектическому методу и учению о конкретном понятии, он преодолел формальное, отвлеченное *или — или* своих предшественников и создал свою философию истории и историю философии, которая основана на принципе необходимости. Но следует помнить, что гегелевская философия истории идеалистична.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 132.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 113-114.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 498.

Но важно то, что Гегель по сравнению со своими предшественниками и более поздними буржуазными историками сделал известный шаг вперед в глубоком понимании исторического процесса. В противоположность французским материалистам, которые подходили к истории и морали с точки зрения отвлеченного *или – или*, Гегель ввел в общественные явления принцип историзма.

С позиции диалектики Гегель подходил и к истории философии и подвергал критике тех, кто рассматривал предшествующую историю как сплошное заблуждение. Подобный подход к истории философии Гегель оценивал как рассудочный. Он считал, что каждая последующая философская система не просто отрицает предшествующую, а снимает ее, т.е. включает в себя все положительное предшествующей философии и развивает ее. Он отбросил точку зрения отвлеченного *или – или* в истории философии, показав, что развитие истории философии есть процесс.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ТЕОРИИ. ВЫБОР ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ И АНАЛИЗ ВСЕОБЩЕГО ПРИНЦИПА ТЕОРИИ

Материалистическое обоснование диалектико-логических принципов теории

По своей природе всякое человеческое мышление категориально. Однако только в определенной эпохе развития общества и познания становится возможным исследование всеобщих форм человеческого мышления и познания. В истории философии после Платона впервые систематически исследовал категории Аристотель.

В работах «Метафизика» и «Категории» он трактует их как роды бытия. Аристотель подробно описывал каждую категорию, выявлял ее содержание и указывал место ее применения. Он насчитывал десять категорий. Однако в его рассмотрении отсутствует понимание их внутренней связи. Поэтому Гегель справедливо назвал аристотелево описание категорий эмпирическим, естественным.

Большой шаг в исследовании логических категорий (диалектических принципов знания), как уже отмечалось, сделал Кант. Новизна кантовской постановки проблемы состояла в том, что он обратился к анализу категорий мышления в связи с обоснованием возможности и необходимости научно-теоретического знания. Логические категории он трактовал как априорную форму, которая обеспечивает всеобщность и необходимость синтетического (творческого) знания. Науку, изучающую происхождение, объективность, применение и границу этих логических форм, Кант назвал трансцендентальной логикой в отличие от обычной, общей логики.

Наибольшее развитие учение о категориях (логика) получило в идеалистической философии Гегеля. Прежде всего Гегель рассмотрел категории (понятия) в их внутренней связи. Для него они существуют не рядом друг с другом, как у Аристотеля, и не выводятся формально из функции суждения, как у Канта, а их целостность, субординация являются ступенью творческого развития абсолютной идеи. Если раньше каждая категория определялась самостоятельно, то Гегель рас-

сма­три­вал их как сто­ро­ны, ас­пек­ты це­ло­го. За­ко­ном раз­ви­тия это­го про­цес­са яв­ля­ет­ся прин­цип еди­нства про­ти­во­по­лож­но­стей. Опи­ра­ясь на прин­цип раз­ви­тия и за­кон тож­дества про­ти­во­по­лож­но­стей, Ге­гель об­ос­но­вал це­лост­ность ло­гиче­ских ка­те­го­рий, ло­гики, на­чи­ная с ка­те­го­рии бы­тия и за­вер­шая ка­те­го­рией аб­со­лют­ной идеи. В ге­гелевской ло­гике ка­те­го­рии кон­кретны как в сво­ей пар­ности, так и в си­сте­ме. За­кон еди­нства про­ти­во­по­лож­но­стей в ло­гике Ге­геля яв­ля­ет­ся не толь­ко еди­ным прин­ци­пом для пар­ных ка­те­го­рий, но и стерж­нем всей це­лост­ной си­сте­мы. Если в до­ге­гелевской ло­гике слу­чай­ное про­сто про­ти­во­по­став­ля­лось не­об­хо­ди­мо­сти, то Ге­гель рас­крыл их внут­рен­ние свя­зи. По­это­му пар­ные ка­те­го­рии вы­сту­па­ют как за­коны мы­шле­ния, ступеньки, уз­ло­вые пун­кты поз­на­ния.

В исто­рии фи­ло­со­фии Ге­гель от­крыл но­вый прин­цип мы­шле­ния, но­вую, ди­алек­тиче­скую, ло­гику. На язы­ке фи­зики это озна­ча­ет от­кры­тие но­вого пре­об­ра­зо­ва­ния. Ди­алек­тиче­ская ло­гика есть ло­гика, ин­вари­антная прин­ци­пу тож­дества про­ти­во­по­лож­но­стей. Ари­сто­телева ло­гика опи­ра­лась на за­кон о за­пре­те про­ти­во­ре­чия, а ло­гика Ге­геля – на за­кон тож­дества про­ти­во­по­лож­но­стей и прин­цип раз­ви­тия. В свя­зи с этим мож­но ска­зать о даль­ней­шем раз­ви­тии и за­вер­ше­нии то­го ду­хов­но-тео­ре­тиче­ского про­цес­са, ро­до­на­чаль­ником ко­то­рого был И. Кант.

Но ге­гелевское по­ни­ма­ние ло­гики, ло­гики на­учно-тео­ре­тиче­ского зна­ния со­дер­жа­ло в се­бе и поро­ки, по­сколь­ку про­цес­с раз­ви­тия мы­шле­ния, метод вос­хо­жде­ния от аб­стракт­но­го к кон­крет­но­му Ге­гель по­ни­мал не как спо­соб тео­ре­тиче­ского вос­про­из­ве­де­ния об­ъекта, ма­те­ри­аль­ной дей­стви­тель­ности, а как поро­жде­ние этой ре­аль­ности в хо­де ми­сти­че­ского са­мо­раз­ви­тия аб­со­лют­ной идеи. «Ге­гель... в­пал в иллю­зию, – пи­сал Маркс, – по­ни­мая ре­аль­ное как ре­зуль­тат се­бя в се­бе син­те­зи­ру­юще­го, в се­бя уг­луб­ля­юще­го­ся и из са­мо­го се­бя раз­ви­ва­юще­го­ся мы­шле­ния, ме­жду тем как метод вос­хо­жде­ния от аб­стракт­но­го к кон­крет­но­му есть лишь спо­соб, при по­мо­щи ко­то­рого мы­шле­ние ус­ва­и­ва­ет се­бе кон­крет­ное, вос­про­из­во­дит его как ду­хов­но кон­крет­ное. Од­на­ко это ни в ко­ем слу­чае не есть про­цес­с воз­ник­но­ве­ния са­мо­го кон­крет­но­го»⁴³. Та­ким об­ра­зом, основа ге­гелевской фи­ло­со­фии ложна и при­ро­да тео­ре­тиче­ского вос­про­из­ве­де­ния дей­стви­тель­ности Ге­гелем та­же из­вра­ща­ет­ся, так как он не при­зна­вал об­ъек­тив­но­го ре­аль­но­го су­ще­ство­ва­ния кон­крет­ной дей­стви­тель­ности вне тео­ре­тиче­ского мы­шле­ния. По­это­му в ге­гелевской фи­ло­со­фии кон­крет­ное це­лое не

⁴³ Маркс К., Эн­гельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

предпосылка познания, теоретического мышления, а результат саморазвития мышления. Отсюда идеалистически извращается само понимание природы познания, логики научно-теоретического познания. Поскольку Гегель отождествлял процесс возникновения вещи, конкретного целого со способом его теоретического понимания, постольку и вопрос об обосновании логики познания у философа направлен не к анализу объективной, конкретной целостности, а к исследованию системы теоретической деятельности.

При таком истолковании сущность действительного мышления, несомненно, извращалась. Мышление, по Гегелю, выступает не как функция реального человека и человечества и не в роли отражения объективной материальной действительности, а как нечто самостоятельно живущее, как субъект, истинная основа всей объективной действительности.

В диалектико-материалистической логике гегелевское понимание теоретического мышления (знания) принципиально преодолено. Для Маркса не мышление (понятие) порождает объективную реальность, а само мышление по природе своей – лишь *отраженная* реальность. Здесь также признается принцип активности человека, его мышления, но основой этой активности человека является производство, предметная деятельность людей.

Существо диалектико-материалистического толкования понятия, теоретического мышления сформулировал К.Маркс в «Капитале»: «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁴⁴. Причем последнее предложение («преобразованное в ней») означает, что источником этого преобразования является человеческая практика.

В марксистской философии мышление рассматривается в соответствии с его истинным содержанием. Предметная деятельность трактуется не только как основа мышления, но также как то, что формирует принципы (категории), универсальные логические формы, отражающие всеобщие законы природы, общества и мышления. Категории – это исторически возникшие принципы (законы) познания и деятельности, посредством которых предмет дается и мыслится.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

Поэтому уровень мышления любой эпохи определяется уровнем тех логических категорий, которые являются всеобщими условиями формирования теоретического знания. Категории в диалектико-материалистической логике рассматриваются как те рельсы, по которым человек двигается в соответствии с логикой предметов. Категории – это логические рычаги, при их помощи осуществляется познание объективной действительности. Поэтому, когда речь идет о конкретности истины и о конкретном познании объекта, то абстрактного постулирования недостаточно, необходимо теоретически проанализировать логические законы и принципы, обеспечивающие диалектическое познание материальной действительности.

В своих исследованиях Маркс не ограничивался заявлением о конкретности познания, а проанализировал диалектико-логические принципы, являющиеся основой выработки конкретно-теоретического знания об объективной действительности. И «Капитал», и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта...», и другие его работы служат ярким примером диалектического познания конкретной действительности, применения диалектики как логики научного познания.

В материалистической диалектике принципиально признается единство бытия и мышления, отражение мышлением объективной реальности. Совпадение их реализуется в практической деятельности, в процессе которой человек, с одной стороны, закономерно познает сущность объективного материального мира, формирует понятия и теории, а с другой – воплощает свое мышление в действительность. Понятия и теории продуктивны и реальны только своей включенностью в человеческую предметную деятельность. Поэтому в ходе познавательной деятельности отражение и творчество находятся в единстве. В том же случае, когда эти стороны отрываются друг от друга, диалектика процесса познания извращается. Недостатки такого рода, допущенные в философской литературе, подвергнуты глубокой критике в работах П.В. Копнина, Б.М. Кедрова. «Некоторые философы, – пишет П.В. Копнин, – даже из тех, кто субъективно себя считает марксистом, отвергают отражение как понятие метафизического материализма, несовместимое с марксистской философией, исходящей из признания активности субъекта в процессе практического и теоретического обладания объектом. Теория отражения получила у них наименование позитивистской и пресловутой и стала изображаться основой догматизма и апологетики»⁴⁵.

⁴⁵ Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М., 1969. С. 151.

Показывая теоретическую несостоятельность подобного понимания, П.В. Копнин пишет: «Два утверждения о мышлении (субъективная творческая деятельность и отражение) не только согласуются между собой, но необходимо предполагают друг друга. Знание может быть только деятельным, практически направленным отражением объективной реальности. Субъективная деятельность без отражения приведет не к творчеству, не к созданию необходимых человеку вещей, а к практически безрезультатному произволу»⁴⁶.

Таким образом, категории – это не результат чувственного обобщения, а момент, идеальная форма практического предметного изменения мира. Потому они и проверяются и доказываются в ходе их практического воплощения. Если мысль, теория и понятия способны превратиться в действительность или уже превратились в нее, то не может быть иного пути достоверного доказательства их истинности.

Итак, мышление – форма предметной деятельности. То, что на стороне человеческой предметной деятельности выступает как реальный предмет, результат, на стороне мышления выступает как идеальный результат, т.е. понятия, теории. Таким образом, предметная деятельность в одном случае получает реальное воплощение, в другом – идеальное. Эти две стороны не безразличны друг другу. Они взаимно превращаются друг в друга – теория воплощается в реальность, а реальность, в свою очередь, становится опорой теоретического мышления. Причем основой мышления является не локальная деятельность, а вся человеческая практика. Логическое мышление – форма тысячелетнего человеческого дела. Противоречивость предметной деятельности, благодаря которой развивается человеческое дело, и является основой прогресса мышления (категории).

Как свидетельствует история познания, категории находятся в постоянном изменении, что обуславливается развитием человеческой практики, общественно-исторической культуры человечества. Касаясь этого, Ф.Энгельс писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы, человеком*, а не одна природа как таковая, и ра-

⁴⁶ Там же. С. 152.

зум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»⁴⁷.

На самом деле, прогрессивное развитие производства двойко влияет на человеческое мышление: с одной стороны, оно влияет на приборы, с которыми работают ученые, и, следовательно, на количество и качество фактов, какими оперирует мышление, а с другой – на развитие понимания категорий, посредством которых осуществляется теоретическое освоение предмета, логическая переработка данных опыта и созерцания. Прогресс человеческого мышления характеризуется не только увеличением количества логических категорий, но прежде всего изменением понимания природы этих категорий.

Если внимательно рассмотреть историю познания, историю развития категорий, то легко можно обнаружить их развитие от низшего к высшему, от рассудочного (абстрактного) их понимания к разумному (диалектическому). История развития этих понятий, логических категорий – это сложный диалектический процесс, отражающий движение познания от абстрактного к конкретному. Деление развития мышления, категорий на рассудок и разум отражает этот процесс в общих чертах. В нем реально отражается лишь то, что понимание той или иной категории инвариантно конкретным принципам диалектики или абстрактным принципам метафизического рассудка. Например, сколько бы ни отличались понятия случайности и необходимости у Спинозы, английских и французских материалистов, по существу своему они одни и те же. Все эти мыслители понимали их рассудочно, противопоставляли одно другому, но не понимали их внутреннего единства, противоречивости, имманентного им перехода одной стороны противоположности в другую, не понимали диалектики этих понятий.

Разумное, диалектическое понимание категорий реализовано в философии Гегеля. Учение материалистической диалектики о всеобщих принципах знания (о категориях) прямо противоположно идеализму Гегеля, хотя категории, формы мышления также рассматриваются с позиции диалектики, понимаемой как логика и теория познания.

В диалектико-материалистической логике законы и категории исследуются в их развитии, необходимости, противоречивости и конкретности. Поэтому в науке они выступают и функционируют не как общие принципы, а как диалектико-логические принципы теоретического познания.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 545.

Здесь прежде всего материалистически обосновано объективное содержание этих принципов (категорий). Они объективны, но их объективность реально доказывается тем, что они одновременно являются и законами предметной деятельности, и принципами формирования знания. Попытка обосновать их объективность и всеобщность вне практики, вне истории познания не соответствует истине. На эту сторону проблемы, как известно, неоднократно указывал В.И. Ленин и на этом же основывается его вывод о совпадении диалектики с логикой и теорией познания марксизма.

Материалистическая диалектика (диалектическая логика) является наукой о всеобщих законах развития природы, общества и человеческого мышления. В таком понимании объективность содержания диалектики и ее методологическое значение рассмотрены в единстве. Поэтому марксистская трактовка несовместима с изображением диалектики как науки об общих связях предметов и явлений. Отрыв диалектики от функции логики и логики от объективного содержания предметного мира несовместим с научным пониманием диалектики. Когда диалектику отрывают от ее функции логики, она обедняется по содержанию, превращается в учение «об общих связях мира» и теряет методологическую и мировоззренческую функции. А логика, оторванная от объективного содержания, становится логистикой, формальной теорией о мышлении. Как известно, В.И. Ленин определяет диалектическую логику как содержательное, объективное учение о мышлении. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, – писал В.И. Ленин, – а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т.е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т.е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»⁴⁸.

В марксистском понимании диалектики фундаментальное значение имеет принцип единства диалектики, логики и теории познания. При этом последовательно утверждается отражение объективного в субъективном. Без учета единства трудно говорить о материалистической диалектике (логике) в строгом смысле слова.

Поэтому такое понимание диалектики ничего общего не имеет как с односторонне онтологической, так и с односторонне гносеологической ее трактовкой. С марксистским пониманием диалектики не согласуется также понимание логики как части диалектики, так как при этой интерпретации отношение диалектики к логике выступает не

⁴⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

как внутреннее, а как внешнее. В действительности, логика не просто часть диалектики, а сама диалектика существует как наука только в ее функции логики и теории познания. Примером недостаточно глубокого понимания ленинской идеи диалектики как логики является и тот случай, когда диалектическую логику трактуют лишь как применение диалектики к логике, к исследованию форм мышления.

С материалистическим пониманием диалектики как логики также несовместима идея о создании особой диалектики природы. Диалектика – наука мировоззренческая, она опирается на историю познания и всей практической деятельности. Именно это обстоятельство делает невозможным создание специального учения о диалектике природы, ибо такая наука с самого начала ничем бы не отличалась от прежней онтологии, натурфилософии. Кроме того, подобная идея может привести к мысли о существовании различий между диалектикой природы, диалектикой общества и мышления и, стало быть, к мысли о ликвидации диалектической логики как универсальной методологии всякого мышления. Такое понимание ошибочно по своей сущности. Ошибочно потому, что бытие и мышление едины, значит и принцип отражения в диалектико-материалистической логике универсален.

Понимание диалектики как логики и теории познания имеет великое значение в научном познании. В марксистской философии не только всесторонне обоснована объективность, логическая функция всеобщих принципов (категорий) теоретического познания, но глубоко вскрыта и природа теории, теоретического знания.

Как известно, теория является сложной и развитой формой логического мышления, в которой наиболее полно реализуется знание о предмете. Традиционная логика вовсе не исследовала логическую природу теории, она в основном ограничивалась исследованием таких логических форм, как суждение, умозаключение и методы познания.

В старой логике неразработанность теории как формы мышления связана с тем, что тогда не были развиты наука, научное мышление. Подобно тому, как куча кирпича не составляет дома, так и разрозненные понятия, суждения, умозаключения сами по себе еще не дают систематического знания. Теоретическое познание (теорию) образует только единство, внутренняя взаимосвязь этих форм мышления. Поэтому теория и есть реальное единство многочисленных суждений, заключений, понятий и т.п.

Важнейшей задачей диалектической логики как науки является раскрытие сущности теории. Однако невозможно познать сущность теории посредством описания, сравнения, эмпирического обобщения. Многие попытки объяснить, что такое теория, и в настоящее время чаще всего не выходят за рамки эмпирического способа рассмотрения. Авторы этих исследований в основном сопоставляют и сравнивают одну теорию другой, стараются выделить нечто общее для них и приходят к выводу, что для теории необходимы три группы понятий: исходная система понятий, выводы и связывающая группа понятий. Описав тщательно эти понятия, авторы в дальнейшем переходят к рассмотрению отношения теории к эксперименту, исследуют проблемы интерпретации и т.п., опираясь на высказывания виднейших ученых-естественников (Эйнштейна, Дирака, Мандельштама и других).

Важнейший недостаток такого рассмотрения заключается в том, что не раскрывается сущность, субстанциальная определенность теории и остается в тени связь теоретических представлений с предметной, практической деятельностью человека, поскольку описать отдельные элементы теории еще не означает дать понятие теории, раскрыть ее сущность. Это возможно сделать только в том случае, когда даны всеобщие определенности теории, способ ее реального формирования. Согласно ленинскому методологическому принципу, чтобы понять какой-нибудь предмет, необходимо его исследовать с момента возникновения, в процессе развития и чем он стал ко времени начала исследования, не ограничиваясь при этом формальным перечислением признаков. «Логика формальная, – писал В.И. Ленин, – ...берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим...

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования»⁴⁹. В качестве отличительных черт диалектического рассмотрения предмета В.И. Ленин отличает исследование его в развитии, «самодвижении», включение общественной практики и принципа конкретности истины.

Эти продуктивные идеи дают реальную возможность всесторонне понять такую сложную форму мышления, как теория, научно-теоретическое знание.

⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 289-290.

Основоположники марксизма не ограничивались описанием теории, а стремились раскрыть ее сущность, субстанциальные определения. Особое внимание они обращали на связь теории с предметной деятельностью общества. Не отрицая внутренней логики развития научно-теоретического познания, главную причину перехода от одних форм теоретических представлений к другим они видели в изменении и развитии практической деятельности общества. «И в самом деле, — писал К.Маркс, — низвержение метафизики XVII века может быть объяснено влиянием материалистической теории XVIII века лишь постольку, поскольку само это теоретическое движение находит себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на земной мир. Ее антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика *практически* потеряла всякое доверие»⁵⁰.

В другом месте, подчеркивая связь философии, философской теории с практической деятельностью общества, Маркс и Энгельс писали: «Мнение, что философия есть абстрактное выражение существующего положения вещей, принадлежит... *Фейербаху*, который впервые охарактеризовал философию как спекулятивную и мистическую эмпирию и доказал это... В действительности же дело обстоит скорее так, что философия именно потому, что она была только трансцендентным, абстрактным выражением существующего положения вещей, вследствие этой своей трансцендентности и абстрактности, вследствие своего *мнимого отличия* от мира, должна была вообразить, что она оставила глубоко под собой существующее положение вещей и действительных людей. С другой стороны, так как философия в *действительности* не отличалась от мира, то она и не могла произнести над ним никакого *действительного приговора*, не могла приложить к нему никакой реальной силы различения, не могла, значит, *практически* вмешаться в ход вещей, и в лучшем случае ей приходилось довольствоваться практикой *in abstracto*»⁵¹.

Если философская теория является абстрактно-теоретическим способом выражения действительности, общественных отношений, то столь неразрывная связь с жизнью, производством и предметной челове-

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 140-141.

⁵¹ Там же. С. 43.

ческой деятельностью еще больше характерна для всех других научных теорий. Все научные теории выступают как идеальное выражение эмпирии, эксперимента и общих условий производственной деятельности. Поэтому невозможно сформулировать понятие теории как формы мышления, отвлекаясь от этой ее реальной связи с действительностью, жизнью. Сущностью теории поэтому является не то абстрактно-общее, что проясняется при теоретическом сравнении одних теорий с другими; сущность и субстанцию теории можно раскрыть лишь в составе более широкого целого, в ее подключенности к человеческой практической и духовной деятельности. Конкретное понятие теории можно дать только учитывая ее связь с предметно-практической деятельностью.

Итак, что есть теория? Какую развитую форму человеческого мышления мы можем определить как теорию? В диалектико-материалистической логике под теорией понимают такую сложную форму мышления, в которой духовно воспроизводится природа объективного, конкретного целого. Поскольку целостность прежде всего дается в человеческой предметной практической деятельности, постольку основой теории является внутренне замкнутая, внутренне завершенная *целостная предметная деятельность*. Могут спросить: что это такое? Завершенной называется такая предметная практическая деятельность человека, в результате которой он может получить некий предмет, ожидаемый продукт. Например, строитель может считать завершенной свою деятельность, когда построил дом. То, что на уровне строителя становится реальным домом, на уровне проектных организаций – лишь теория дома. Таким образом, теория – это форма целостной деятельности. В теории какое-либо целостное явление воспроизводится всесторонне – от начала до конца.

Объективно-природная целостность воспроизводится или преобразовывается и в форме практической деятельности. Касаясь этого аспекта проблемы, Ф.Энгельс писал: «Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также то, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), – по крайней мере, не встречаются в таком виде, – и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры»⁵².

⁵² Там же. Т. 20. С. 544-545.

В теории человек охватывает идеально общее условие этого движения. Если в процессе построения теории происходит превращение материального в идеальное, то в ходе практической деятельности происходит превращение идеального в материальное. Правда, этот процесс превращения не простой факт, а сложное диалектическое движение, в котором обе стороны противоположностей взаимно обогащаются. Так, например, в ходе превращения теории в практическо-предметную реальность происходит не только подтверждение, но и обогащение теории. И, наоборот, в ходе духовного освоения практическо-предметной деятельности в теории дело не завершается познанием (отражением), а происходит также углубление и обобщение предметной деятельности. Еще не следует забывать, что практической деятельности и теории свойственны внутренняя логика развития, внутренний импульс и противоречие. Поэтому причиной развития практики и теории являются внутренние диалектические противоречия всего процесса. Только учитывая все вместе, можно говорить о развитии предметной деятельности и познания.

Поскольку все находится в постоянном универсальном развитии, постольку и человеческая предметная деятельность находится в непрерывном изменении, причем изменение это не только количественное, но и коренное качественное. Хотя все ступени внутренне связаны, они имеют свои собственные основы, не сводимые к предшествующим ступеням, что, в свою очередь, отражается в теориях, качественно отличных друг от друга. Примером такого рода может быть отношение квантовой механики к классической. Эти теории в своих основах имеют качественно различные формы предметной деятельности, эксперимента. Таким образом, изменение логики теории отражает изменение логики (принципа) предметной деятельности. Если в истории познания мы находим различные ступени человеческого мышления, понимания категории, то это означает отражение изменения практической деятельности. Хотя общие условия человеческой деятельности в основном оставались теми же, но в историческом процессе они претерпевали различные формообразования. Этот процесс, несомненно, отразился и в человеческом мышлении.

В теории идеально дано общее условие формирования и функционирования целостности, хотя отношение между теорией и объективной предметной действительностью не непосредственно. Притом объективная действительность опосредована не созерцанием, а предмет-

но-практической деятельностью. Поэтому, перефразируя известное суждение Маркса о понятии, можно сказать: теория есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Функция преобразования материального в идеальное осуществляется в ходе практической деятельности человека.

Теория поэтому выступает именно как форма практической деятельности. Правда, первоначально мы имеем дело с предметной областью, целостным предметом. Однако его нельзя рассматривать вне общества, вне предметной деятельности. Все отношения человека с природой, с внешним объективным миром опосредованы обществом, общественными отношениями. Критикуя созерцательность отношения Фейербаха к миру, Ф.Энгельс писал: «Он не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это – исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Вишневое дерево, подобно почти всем плодовым деревьям, появилось, как известно, в нашем поясе лишь несколько веков тому назад благодаря торговле, и, таким образом, оно дано «чувственной достоверности» Фейербаха только *благодаря* этому действию определенного общества в определенное время»⁵³. И далее: «...пресловутое «единство человека с природой» всегда имело место в промышленности, видоизменяясь в каждую эпоху в зависимости от большего или меньшего развития промышленности, точно так же, как и «борьба» человека с природой, приводящая к развитию его производительных сил на соответствующем базисе... Фейербах говорит особенно о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли? Даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, этот непрерывный

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 42.

чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире природы, – очень скоро не стало бы и всего человеческого мира»⁵⁴.

Следовательно, рассматривая такой сложный вопрос, как понятие теории, мы не можем отвлечься от фундаментального вопроса о чувственно-предметной обусловленности человеческого отношения к природе. Человек прежде относился к природе практически, предметно, лишь позже стал понимать ее внутренние законы, стал осваивать ее и теоретически. В ходе борьбы человек целесообразно изменяет природу, приспособливает ее формы к своим потребностям. В процессе производственной деятельности вещества природы, ее различные элементы принимают определенную целесообразную форму. «Труд есть прежде всего процесс, – писал Маркс, – совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»⁵⁵.

Производительный труд с самого начала является целесообразной деятельностью, т.е. «в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности..., теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства..., в форме бытия»⁵⁶.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 43.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188-189.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 191-192.

Как известно, невозможно целесообразно, в нужном направлении изменить форму предмета посредством нецелесообразной, хаотической деятельности. Человекообразная деятельность животных подсказана инстинктом. Человек же действует целенаправленно. Эта не врожденное его свойство, а продукт истории, в процессе которой человек стал человеком, окончательно отделившись от мира животных.

Природа подчиняется своим закономерностям, ей присущи качественное развитие, формообразование. В процессе трудовой деятельности человек целесообразно изменяет форму предметов природы, целенаправленно приспособливает их к своим потребностям. Спрашивается, почему это движение, являясь как бы внешним по отношению к предмету, приводит все-таки к нужной цели. Здесь, разумеется, нет никакой тайны. Дело в том, что человеческая предметная деятельность в сокращенном виде как бы воспроизводит закономерности самой природы. При этом ни один результат человеческой деятельности не является окончательным. Человек снова и снова вовлекает их в производство, оживляет и вдыхает в них «душу». Всеобщей формой человеческой деятельности является диалектика опредмечивания и распределмечивания. «Живой труд должен охватить эти вещи, — писал Маркс, — воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей...

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления»⁵⁷.

Производство, предметная деятельность есть всеобщее условие человеческой жизни. «Процесс труда, — писал Маркс, — как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»⁵⁸.

⁵⁷ Там же. С. 194-195.

⁵⁸ Там же. С. 195.

Хотя каждый предмет производится в результате особого движения, но существует и всеобщая форма производства каждой конкретной вещи, каждого целостного предмета. Процесс труда, который состоит из целесообразной деятельности, предмета труда и средств труда, и есть всеобщая форма производства предмета, потребительных стоимостей. Теория как формула логического мышления является идеальной формой целостного процесса труда, целостной предметной деятельности. Если в процессе труда, целенаправленной деятельности новая потребительная стоимость (законченная вещь) создается реально, то в теории мы имеем идеальную форму этого процесса. Если процесс труда угасает, в продукте, который в свернутом виде содержит весь предшествующий процесс деятельности, то понятия, теории аккумулируют в себе в такой же мере весь предшествующий процесс их формирования. Подобно тому, как посредством простого созерцания готового предмета невозможно понять способ формирования этой вещи, так и посредством сравнения одной теории с другой невозможно понять сущность теории, всеобщее условие ее возможности; понять теорию можно только тогда, когда мы раскрываем всеобщие условия ее существования.

В процессе человеческого постижения мира теория выступает как идеальная форма целостной практической деятельности, которая в формировании теоретического знания имеет особое значение. В теории дается идеально всеобщее условие существования, возможность и действительность конкретной, целостной реальности. Характеризуя специфику человеческого отношения к миру, К.Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»⁵⁹.

Хотя исторически это идеальное представление (теория) архитектора о будущем доме является продуктом человеческого общества и формировалось в процессе предметной деятельности, но, сформиро-

⁵⁹ Там же. С. 189.

вавшись, оно предшествует всякой конкретной деятельности, совершаемой конкретной личностью. То же самое можно сказать и о других теориях. Например, «Капитал» Маркса является теорией капитализма, вскрывающей всеобщие условия существования и функционирования капиталистического производства. К.Маркс также вскрыл внутренние противоречия капитализма и наметил те исторические и экономические тенденции, которые должны привести к смене этой системы. То же самое верно и относительно естественно-научных теорий, в которых также идеально выражается всеобщее условие конкретного целого, воспроизводимое в конкретных экспериментах. Так, в теории относительности закономерности электромагнитных явлений в движущихся системах объяснены исходя из общих условий. Здесь теоретически раскрыты всеобщие условия опыта Майкельсона.

Таким образом, теория выражает условие возможности и действительности, в себе и для себя бытие предметной, практической деятельности. В предисловии к «Капиталу» К.Маркс проиллюстрировал это положение следующим образом: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов»⁶⁰.

Отличие подлинного теоретического объяснения предмета от предварительного представления четко обнаруживается в сравнении теории относительности Эйнштейна с гипотезой Лоренца и Фицджеральда при объяснении опыта Майкельсона. На самом деле, гипотеза Лоренца и Фицджеральда была специально и искусственно придумана для объяснения данного единичного случая. Другое дело – теория относительности. Она объяснила опыты Майкельсона исходя из универсальных и фундаментальных принципов. Более того, теория обладала колоссальной эвристической силой, ибо ею предсказано множество возможных фактов и эмпирических закономерностей.

При построении теории всегда исходят из определенных фактов. Обычно теории предшествует определенная система фактов, хотя еще

⁶⁰ Там же. С. 6.

Эйнштейн полагал, что для построения новой теории вполне достаточно одного факта. Например, он справедливо полагал, что нужно было думать о необходимости принципиально новой теории (теории элементарных частиц) уже со времени открытия электрона, так как электрон был совершенно новым объектом, выпадающим из класса всей прежней реальности. Действительно, наличие множества фактов ни о чем еще не говорит: Сади Карно говорил, что тысяча машин доказывает закон сохранения не более убедительно, чем одна машина. Кроме того, теория выражает не общее множество фактов, а всеобщее условие существования и функционирования этих фактов.

В теории факты и эмпирические закономерности выводятся из единого принципа, всеобщих условий объективного конкретного целого. Касаясь этой стороны теории, А.Эйнштейн писал: «1. Охватить по возможности все явления и их взаимосвязи (полнота). 2. Добиваться этого, взяв за основу как можно меньше логически взаимонезависимых понятий и произвольно установленных соотношений между ними (основных законов или аксиом). Эту цель я буду называть «логической единственностью»⁶¹.

В физике принято считать специальную и общую теории относительности образцами теории, в которой принцип «логической единственности» проведен последовательно. В своих построениях Эйнштейн обращал внимание на всеобщее условие системы. Он всегда размышлял, почему конкретное целое существует именно в такой, а не иной форме. «Мы хотим не только знать, – писал А.Эйнштейн, – как устроена природа (и как происходят природные явления), но и по возможности достичь цели, может быть, утопической и дерзкой на вид, – узнать, почему именно такой, а не другой»⁶².

Поскольку важнейшей чертой теории является сведение многообразного к единому, выявление всеобщих условий конкретной целостности, постольку в теории придается важнейшее значение исходным понятиям, так как дальнейшее развитие теории, по существу, опирается на них. Поэтому в теории наибольшие трудности и дискуссии возникают вокруг этих понятий. Например, в политической экономии было много споров вокруг понятий стоимости, прибавочной стоимости, ибо эти понятия являлись наиболее универсальными ее понятиями. В экономических исследованиях были попытки назвать эти понятия

⁶¹ Эйнштейн А. Собр. научных трудов в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 244-245.

⁶² Там же. С. 245.

субъективными творениями ума. П.Б. Струве, например, назвал понятие стоимости средневековым «фантомом». На самом деле, теория капитализма выступает как система внутренне связанных понятий, причем все они имеют различные уровни общности. Если такие фундаментальные понятия, как стоимость, прибавочная стоимость имеют субстанциальное значение (они выступают как теоретические понятия), то прибыль, процент, рента и т.п. являются формами проявления (эмпирическими понятиями). Эти две стороны теории внутренне связаны, хотя и нет непосредственного совпадения сущности с формами проявления. Большое значение принадлежит в теории и опосредствующим звеньям.

Таким образом, теория состоит из всеобщих условий, системы особых понятий и их эмпирических фактов. Однако простое описание различных признаков теории еще не является ее понятием, ибо не дает представления о сущности теории. Как известно, важнейшей характеристикой теории служит целостное воспроизведение предмета, поэтому необходимо проанализировать те всеобщие условия (принципы), которые обеспечивают механизм формирования научной теории.

Важнейшее значение диалектической логики состоит также в том, что в ней всесторонне разработаны продуктивные принципы построения теоретического знания. Прежде всего речь идет о методе восхождения от абстрактного к конкретному, об исследовании сущности независимо от форм проявления и о диалектическом принципе противоречия в теории. Восхождение от абстрактного к конкретному охватывает всю логику теории и выступает как универсальный метод научно-теоретического познания. Важнейшими моментами этого метода являются определение предметной области и теоретический ее анализ, выявление исходного принципа, прослеживание движения теории от всеобщего к особенному и единичному и т.п.

В отличие от формальных методов, в которых охватывается лишь одна сторона конкретного целого, диалектико-логический метод — это наиболее развитый и целостный метод, адекватно отражающий реально-исторический процесс возникновения и развития объективного конкретного. Поэтому в ходе диалектического воспроизведения действительности индукция и дедукция, анализ и синтез, сведение и выведение проявляются в единстве. В силу своей конкретности такой метод принципиально превосходит как индуктивные, так и формально-дедуктивные методы познания предмета.

Выбор предметной области – важное условие теории

Всякое теоретическое познание предмета прежде всего начинается с выбора предметной области (объективного конкретного), которая должна быть подвергнута теоретическому анализу. С первого взгляда представляется, что предмет, предметная область неизменно дана исследователю. При ближайшем же рассмотрении выбор предметной области оказывается сложным вопросом, так как она не дана раз и навсегда, а имеет относительную природу, выступает исторической проблемой. Предмет исследования постоянно менялся с развитием науки, с развитием человеческого общества.

Вычленение предметной области происходит, с одной стороны, в результате практического, предметного отношения к действительности, а с другой – подготовлено всей историей развития познания в данной области (обусловлено всем ходом развития предшествующего знания). Остановимся на этих аспектах более подробно.

1. Согласно диалектико-материалистической логики предметная область вычленяется прежде всего в процессе практической, предметной деятельности. Здесь не отождествляется объект (предмет) с объективной реальностью, как это делает идеалистическая философия. Дело в том, что объективная реальность, природа как таковая существовала до человека и человеческого общества, но как объект (предмет человеческой деятельности) она постоянно изменялась. Поэтому доказательство и обоснование объективной реальности на основе общественной практики и вопрос о вычленении объекта (предмета) деятельности и познания на основе практики представляют собой два внутренне связанных аспекта. Если объективная реальность существует сама по себе (абсолютно независимо от субъекта), то понимание объекта (предмета) должно постоянно включать предметную деятельность субъекта. Предмет (объект) трудно понять вне его отношения к субъекту. Поэтому при определении (выборе) предметной области исследования необходимо учитывать и по возможности точно формулировать диалектическое отношение предмета (объекта) к субъекту.

Такая постановка проблемы является важнейшей отличительной особенностью диалектического принципа познания, согласно которому в познании предмета, объекта и в формулировке теоретических представлений и понятий о нем с самого начала подчеркивается активность познающего субъекта, учитываются его потребности, его

конкретное отношение к объекту. Ограниченность гносеологии созерцательного материализма прежде всего состояла в непонимании значения этого фундаментального принципа. «Главный недостаток всего предшествующего материализма, – писал К.Маркс, – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»⁶³.

Чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала правильно поставить вопрос, указать ту систему, объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. В данном случае практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при формулировке (выработке) понятия о предмете не учитывать практическое отношение субъекта, то такое познание ни в коей мере не является конкретным. А с абстрактной и отвлеченной позиции невозможно понять такие понятия, как «свобода», «демократия», «человек», «одновременность» и т.п. Поэтому необходимо с самого начала указать ту систему отсчета, объективную позицию класса, которая входит в формулировку теоретического понятия. Так, например, невозможно сформулировать конкретное понятие свободы, если не указать ту систему отсчета (классы), относительно которой оно имеет реальный смысл. На самом деле, о какой свободе идет речь? О какой демократии говорится? Вне такой конкретной постановки невозможно научное понимание этих понятий.

В процессе предметной деятельности человек выделяет объект, предметную область. Вне этого отношения предмет является бытием, но не конкретной предметной областью, что имеет важнейшее значение в ее понимании. Яркой иллюстрацией этого теоретического положения служит дискуссия о роли профсоюзов. В.И. Ленин говорил, что сущность профсоюза невозможно выразить абстрактно, необходимо указать ту реальную систему, относительно которой рассматриваются профсоюзы.

Диалектическое рассмотрение необходимо при исследовании всех социальных явлений. Это относится к таким сложным явлениям, как

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.

«общество», «человек» и т.п. Главный недостаток всех социологов до Маркса состоял в том, что они рассуждали об обществе вообще. В отличие от них Маркс выработал понятие общественно-экономической формации, в основе которой лежит конкретное отношение общества к природе (характер производительных сил) и соответствующие этому отношения людей друг к другу в процессе производства.

В современном научном познании данный методологический принцип имеет универсальное значение. Он успешно применен также в теории относительности. При рассмотрении фундаментальных понятий «пространство» и «время» классическая физика отвлекалась от системы отсчета, трактовала эти понятия как абсолютные, не связанные друг с другом. Эйнштейн же доказал, что понятие одновременности не абсолютно, а имеет смысл лишь относительно той или иной инерциальной системы. Анализ показал, что одновременность во всех системах – фикция, а в действительности события, одновременные в одной системе, вовсе не одновременны событиям в другой системе. Вследствие этого время относительно, а не абсолютно, и «преобразование Лоренца» есть результат относительности одновременности, а не следствие механического сплющивания.

Работу «К электродинамике движущихся тел» Эйнштейн начал с тщательного анализа понятия «одновременности». «Мы должны обратить внимание на то, – писал он, – что все наши суждения, в которых время играет какую-либо роль, всегда являются суждениями *об одновременных событиях*»⁶⁴. В результате глубокого анализа он изменил старое, классическое представление о пространстве и времени и показал, что абстрактное (абсолютное) представление об одновременности – фикция, а подлинное значение имеет только одновременность относительно той или иной системы отсчета. «Итак, мы видим, – писал Эйнштейн, – что не следует придавать *абсолютного* значения понятию одновременности. Два события, одновременные при наблюдении из одной координатной системы, уже не воспринимаются как одновременные при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной системы»⁶⁵.

С методологической точки зрения подход А.Эйнштейна имеет важнейшее значение. Дело в том, что, проанализировав понятие одновременности и через него – понятие пространства и времени, Эйнштейн

⁶⁴ Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Т. 1. М., 1965. С. 8.

⁶⁵ Там же. С. 13.

вышел не только за пределы физического представления о пространстве и времени, но изменил метод, стиль физического мышления. Одновременно он внес большой вклад в современную логику, так как доказал, что при образовании научного понятия (при формулировке его содержания) необходимо учитывать ту систему, относительно которой существует данный предмет.

Грандиозность открытия Эйнштейна особенно ясно проступает тогда, когда мы сравниваем его способ объяснения «преобразования Лоренца» с трактовкой Лоренца и Фицджеральда, которые стремились преодолеть возникшие трудности, выдвинув искусственную гипотезу о продольном сокращении. Основные теоретические недостатки такого локального решения состояли в том, что посредством этой гипотезы хотели решить фундаментальные противоречия в физике, не затрагивая основ старой теории. Лоренц и Фицджеральд не понимали значения анализа пространства и времени.

Согласно Ландау, сущность теории Эйнштейна состоит в раскрытии связи принципа относительности с принципом конечности электромагнитных взаимодействий, с постоянством скорости света. Когда теория исходит из этих двух положений, сразу выявляется ненужность эфира, и цель теории концентрируется на преобразованиях. Классическое преобразование не точно, в электромагнитных явлениях имеют место релятивистские эффекты. Они – результат изменения пространственно-временных характеристик тел, а не сплющивания тела и не механических изменений. Время теперь не абсолютно, а зависит от различных систем отсчета.

Такое толкование вопроса многим философам и физикам, воспитанным на традициях старой физики, показалось чем-то субъективным, точкой зрения наблюдателя. Они считали, что объективная формулировка понятия должна исключать субъект и систему отсчета. И в этом состояла их ошибка.

Согласно диалектической концепции, подлинно объективное рассмотрение предмета не есть исследование его в форме объекта, в форме созерцания. Человек действительно познает предмет только в его включенности в предметную деятельность.

Диалектико-материалистическая логика выработала определенные методы и способы исследования предмета. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что диалектика требует рассмотрения явлений во всеобщей и необходимой связи с другими явлениями. В пределах

диалектической логики само это методологическое требование трактуется конкретно. При абстрактной постановке вопроса каждое явление связано со всеми, и поэтому невозможно решение самой простой проблемы без предварительного рассмотрения всех связей Вселенной. Диалектическая логика поэтому самое требование о всеобщей связи рассматривает диалектически (конкретно).

Если более конкретно определить содержание этого требования, то оно состоит в том, что при исследовании предмета необходимо рассматривать лишь внутренние и специфичные для данной системы связи, отвлекаясь от привходящих и внешних для нее связей и отношений. Образцом такого методологического анализа является «Капитал» Маркса. Историю капитализма, как известно, Маркс начинает с первоначально-го накопления. При определении капитализма он берет лишь те связи и отношения, которые постоянно воспроизводятся в ходе функционирования капиталистических отношений. Такой определенностью капитализма является рабочая сила как товар. Абстрактный подход извратил бы суть дела и затемнил понимание существенных связей явлений.

2. В диалектико-материалистической логике раскрыта тесная связь выбора предметной области (первоначального целого) с развитием человеческого знания в данной области. На самом деле, в редких случаях мы имеем дело с абсолютно новым объектом, чаще речь идет о предмете, о котором уже имеется предшествующее знание. Поэтому выбор предметной области, объекта исследования зависит от степени зрелости познания, эксперимента, развития науки. В работе «К критике политической экономии» К.Маркс глубоко обосновал зависимость предмета и задачи науки от уровня ее зрелости. «...Человечество ставит себе всегда только такие задачи, – писал он, – которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»⁶⁶.

Правильность этой мысли подтверждается всей историей развития человеческого познания. Замечательной иллюстрацией этому служит исследование космоса, расшифровка генетического кода живого, а также задачи по созданию теории элементарных частиц, теории диалектики (Логика с большой буквы), научное решение проблемы рака и многое другое. Все эти задачи не могли возникнуть тогда, когда еще

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

не существовали соответствующие предпосылки их разрешения. Так, одной из важнейших проблем современной физики является создание теории элементарных частиц. В настоящее время мы являемся свидетелями многочисленных попыток в этом направлении. Эта задача не могла возникнуть до тех пор, пока физика одну за другой не открыла большую группу элементарных частиц. Кроме того, эта задача есть следствие развития современной физики. Подобная картина в истории науки наблюдалась почти всегда. В этом отношении представляет интерес история квантовой механики.

Предметная область собственно квантовой механики выделилась благодаря исследованиям по атомной физике в первой четверти XX в. Проблема удивительной устойчивости атома, его строения, загадки атомных спектров, объяснение свойств химических элементов и т.д. — вот те основные вопросы, на которые стремились дать ответ физики. Уже в 1911–1912 гг. стало более или менее ясно, что ввиду существования постоянной Планка нужна новая механика для объяснения атомных явлений, и допущение, согласно которому механика Ньютона справедлива и в области микроявлений, изжило себя. Так, в 1911 г. на Сольвеевском конгрессе Г.А. Лоренц, давая подробный анализ новым тенденциям в развитии физики, сделал вывод о необходимости создания новой механики, отличной от ньютоновской ⁶⁷.

Прогресс наметился в 1913 г., когда Н.Бор, используя планетарную модель атома (установленную незадолго до этого в работах Э.Резерфорда) и выдвинув свои знаменитые квантовые постулаты, связал исследование в области атомных явлений с квантовой гипотезой М.Планка.

Согласно постулатам Н.Бора, в атоме существует ряд выделенных состояний движения электрона, так называемых стационарных состояний, в которых электрон может находиться, не излучая. Излучение возникает лишь при переходе электрона из одного стационарного состояния с энергией E_m в другое — с энергией E_n , причем справедливо соотношение $E_m - E_n = h\nu$, где ν — частота излучения, h — постоянная Планка. На основе этих постулатов Н.Бор создал теорию атома водорода, которая объяснила линейчатый характер излучения и навела порядок в массе спектроскопических данных. В физику вошли новые термины: стационарные состояния, квантовые скачки, квантовые условия, квантовые числа, квантование и т.д.

⁶⁷ Сборник «К 100-летию со дня рождения М.Планка». М., 1958. С. 231.

Атом водорода, являясь самым простым в ряду элементов периодической системы Менделеева, сыграл в создании квантовой механики роль классической формы, в которой в чистом виде воплощена природа целого, предметной области. В атоме водорода вокруг ядра движется лишь один электрон. Вплоть до создания квантовой механики все теоретические положения в первую очередь применялись к физике атома водорода. Создав удовлетворительную теорию атома водорода, можно было бы с учетом всех усложняющих обстоятельств дать расчет и других, более сложных атомов. Так, немалое значение в становлении квантовой механики сыграли исследования водородоподобных атомов.

Стало ясно, что теория Бора обладает изрядной долей истины, что общее ее направление верно. Однако она не была свободна и от существенных недостатков. Главный из них – неоднородность, противоречивость логических основ теории: она, с одной стороны, допускала справедливость законов классической физики, с другой – накладывала извне на эти законы квантовые условия, которые должны были отбирать реально допустимые движения, значения механических величин (энергии, момента количества движения и т.д.). К тому же она уже в случае простейшего атома водорода не могла объяснить интенсивность излучения. Еще большие затруднения она испытывала при переходе к атому гелия, стоящего в таблице Менделеева после водорода, не говоря о более сложных элементах.

При попытке осмыслить природу атомных явлений возникали явные противоречия, которые физики первоначально пытались свести полностью к вышеперечисленным недостаткам теории Н.Бора. В.Гейзенберг следующим образом характеризует те вопросы, которые вынуждены были ставить физики, исходя из эксперимента и из теории: «Имея дело с этим экспериментальным материалом, физики постепенно научились ставить правильные вопросы. Каковы эти вопросы? Практически почти все они имели дело с явными и удивительными противоречиями в результатах различных опытов. Как может быть, что одно и то же излучение, которое образует интерференционную картину и доказывает тем самым существование лежащего в его основе волнового движения, производит одновременно и фотоэлектрический эффект и потому должно состоять из движущихся световых квантов? Как может быть, что частота орбитального движения электронов в атоме не является также частотой испускаемого излучения?

Разве не означает это, что нет никакого орбитального движения? Но если представление об орбитальном движении неверно, то что в таком случае происходит с электроном внутри атома?.. Можно перечислить много подобных примеров»⁶⁸, – заключает он.

Дальнейшее развитие квантовой теории осуществлялось под влиянием идей Н.Бора, который в сети этих противоречий находил пути для их выражения. В разгадке закономерностей атомных явлений было велико значение принципа соответствия, сформулированного Н.Бором для того, чтобы максимально использовать законы классической физики в этой области. С помощью этого принципа Н.Бор пытался продуцировать закон для квантовых явлений. «Мне всегда казалось чудом, – писал А.Эйнштейн в знаменитой «Автобиографии», оценивая работы Бора того периода, – что этой колеблющейся и полной противоречий основы оказалось достаточно, чтобы позволить Бору – человеку с гениальной интуицией и тонким чутьем – найти главнейшие законы спектральных линий и электронных оболочек атомов, включая их значение для химии. Это кажется мне чудом и теперь. Это – наивысшая музыкальность в области мысли»⁶⁹. Видимо, идея дополнительности, которую Н.Бор развил позже в целях интерпретации квантовой механики, имеет свой исторический корень уже в его работах этого периода, когда он оперировал названными «удивительными» противоречиями.

Следуя духу принципа соответствия Н.Бора, его ученики Г.Крамерс и В.Гейзенберг научились рассчитывать сложные атомы, частоты и даже интенсивности их излучения. Правда, расчеты были трудны, громоздки, требовали большого опыта и интуиции исследователя. Единственной путеводной нитью служил принцип соответствия. Эти работы также послужили историческим источником квантовой механики. «Удивительнейшим событием тех лет был тот факт, – пишет В.Гейзенберг, – что в этом процессе разъяснения парадоксы квантовой теории не исчезали, а, наоборот, выступали все более явной форме и приобретали все большую остроту. В это время многие физики были уже убеждены в том, что эти явные противоречия принадлежат к внутренней природе атомной физики»⁷⁰ (курсив мой. – Ж.А.).

Таким образом, в ходе развития квантовых представлений выявился замечательный по своему логическому содержанию факт: по мере

⁶⁸ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963. С. 17.

⁶⁹ Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Т. 4. М., 1967. С. 275.

⁷⁰ Гейзенберг В. Физика и философия. С. 19.

раскрытия загадок атомных явлений нарастают и обостряются противоречия, которые первоначально приписывались недостаткам теории, уровню знаний, достигнутому в то время, но которые благодаря своей устойчивости, неустранимости заставили физиков уважительно отнестись к себе. Физики начали понимать, что эти противоречия имеют не субъективный, а объективный, самим атомным явлениям присущий характер. А значит, встает задача усвоить эти противоречия, адекватно их выразить в будущей теории.

Когда предметная область квантовой теории была уже выделена, исследована в плане анализа и установлены ее отдельные закономерности, когда были выявлены внутренние ее противоречия, тогда полностью определились и условия задачи – создать новую теорию атомных явлений. Теоретическая деятельность физиков стала более целенаправленной; они начали искать то звено в цепи явлений, которое вытянуло бы за собой все определенности предметной области и связало бы воедино дотоле разрозненные представления и понятия. Наиболее чистое выражение это нашло в работах Л. де Бройля 1922–1924 гг. В поисках недостающего звена он обратился к гипотезе световых квантов А.Эйнштейна, к представлению о корпускулярно-волновом дуализме. Л. де Бройль выдвинул гипотезу о связи движущейся частицы вещества с некоторой волной. Вот что он писал: «Внезапно меня осенило прозрение. Я был убежден, что дуализм волны-частицы, открытый Эйнштейном в его теории световых квантов, был абсолютно общим и что он охватывает весь физический мир, и поэтому мне казалось несомненным, что распространение волны связано с движением частицы любого рода – фотона, протона и любой другой»⁷¹.

Хотя сам Л. де Бройль говорил о «прозрении», внезапно осенившем его (и действительно, здесь интуиция опытного физика сыграла немалую роль), нельзя не заметить значения тех противоречий, которые возникали в представлениях об атомных явлениях и которые физики начали осознавать как внутренние противоречия самих явлений, в выдвижении гипотезы Л. де Бройлем. Он был основательно знаком с этими противоречиями и не мог не чувствовать их действия на теоретическую мысль. Содержательно-логической подоплекой гипотезы де Бройля, видимо, явилось стремление выразить эти противоречия как модификации более фундаментального противоречия предметной области, которое де Бройль усмотрел в корпускулярно-волновом дуализ-

⁷¹ Цит. по кн.: «Эйнштейновский сборник». М., 1966. С. 241.

ме микрочастицы. Этой гипотезой он связал между собой, казалось бы, совершенно самостоятельные области: исследования А.Эйнштейна о природе излучения и работы группы физиков-атомщиков во главе с Н.Бором. «Тем самым, — верно замечает В.Гейзенберг, — де Бройль предложил перекинуть мост от квантовых условий, которые оставались чуждым элементом в механике электронов, к дуализму волн и частиц»⁷².

Нельзя упускать из виду эту связь гипотезы де Бройля как с работами А.Эйнштейна, так и с работами по атомной физике, когда речь идет об истории квантовой механики. Как отмечал Н.Бор, история создания квантовой механики сложна и включает в себя переплетение различных подходов, методов исследования. Как нам кажется, кульминационным моментом этой истории, позволяющим понять дальнейший ход событий, явились именно работы Л. де Бройля. И работы В.Гейзенберга и Э.Шредингера, в которых квантовая механика получила свое завершение, тесно связаны с гипотезой де Бройля. Матричная механика Гейзенберга не могла быть понята без идеи корпускулярно-волнового дуализма, а волновая механика Шредингера — прямой результат дальнейшего развития этой идеи.

Гипотеза де Бройля в применении к атомным явлениям позволяла получить все основные результаты теории Бора, и хотя проблема интенсивности излучения и более сложных, чем водород, атомов оставалась пока нерешенной, результаты получались из единой теоретической основы без искусственного сочетания классических и квантовых представлений. Но гипотеза де Бройля и связанные с ней его работы еще не представляли целостной теории, надо было ее развить. В дальнейшей судьбе этой гипотезы большую роль сыграли работы А.Эйнштейна, который горячо воспринял гипотезу де Бройля и высоко оценил его работы. Эйнштейн тут же применил гипотезу к решению задачи идеального одноатомного газа и получил хорошие результаты. Благодаря такому косвенному подтверждению (а также опыту А.Комптона) в то время уже ставился вопрос о непосредственном экспериментальном подтверждении гипотезы де Бройля.

Наибольшего теоретического успеха добился Э.Шредингер. В 1926 г. он сумел написать уравнение для волн де Бройля и обобщить его для случая движения в силовых полях. Уравнение позволило Шредингеру получить все результаты старой квантовой теории Бора, а

⁷² Гейзенберг В. Физика и философия. С. 19.

также предсказать новые эффекты. Так был создан волновой вариант квантовой механики (волновая механика).

Другой, матричный вариант квантовой механики вырос непосредственно из работ по атомной физике. Согласно Л. де Бройлю, весь смысл этого варианта в его математическом формализме. В.Гейзенберг, набивший руку на расчетах сложных атомов по принципу соответствия, заметил определенные математические закономерности, а именно: если представить величины, относящиеся к атомной системе в виде таблиц чисел и установить для них правила сложения и умножения (таблицы и операции над ними оказались известной в математике алгеброй матриц), а также предположить, что они подчиняются каноническим уравнениям Гамильтона, то решение этих уравнений естественным образом приводит к стационарным состояниям с квантованной энергией. Матричная механика также давала новые результаты. Но предметное содержание теории трудно было понять, так как отсутствовала исходная физическая идея. Можно было бы ее считать математическим воплощением принципа соответствия, однако последний не представляет вполне определенной физической идеи. Сам В.Гейзенберг, как известно, выдвинул так называемый принцип наблюдаемости, согласно которому физическая теория должна иметь дело с принципиально наблюдаемыми величинами.

Вскоре Э.Шредингер доказал математическую эквивалентность обоих вариантов, и они слились в единую теорию – квантовую механику. Теперь отпала необходимость в исторических постулатах Бора: представления старой квантовой теории Бора нашли свое естественное объяснение, ее понятия заняли в новой теории место согласно логике предмета. Эквивалентность матричной и волновой механики является замечательным фактом. При изложении истории создания квантовой механики часто лишь констатируют эквивалентность, доказанную Э.Шредингером, но не объясняют, ограничиваясь подчеркиванием математического ее характера, т.е. лишь формальной стороны, не вскрывая предметного содержания. Оба эти варианта вбирают в себя всю историю развития физики: матричная механика – через принцип соответствия Бора, волновая – через историческую аналогию между механикой и оптикой, давшей путеводную нить Э.Шредингеру при написании волнового уравнения. Однако для объяснения их эквивалентности нужен конкретно-исторический подход, необходимо проследить, исследования какой предметной области породили их. Такой

конкретной областью, как это было показано выше, служит область атомных явлений. Эквивалентность матричной и волновой механики имеет своим основанием общность их содержания, которое получает в них разное математическое оформление.

Зависимость предмета исследования от уровня развития науки истинна не только для физической, но и для философской теории. В настоящее время наиболее фундаментальной проблемой в философии является систематическая разработка теории материалистической диалектики (Логики с большой буквы), которая должна быть подлинным синтезом истории познания, результатов современной науки и практической деятельности.

Эта сложная задача встала именно в настоящее время, ибо уже сделано многое в исследовании отдельных категорий и их функций в научном познании. Сейчас имеются серьезные историко-философские исследования, проанализированы различные формы мысли и методы научного познания. Возникло много работ, в которых глубоко исследованы философские проблемы современного естествознания и общественных наук. Все это обусловило задачу по разработке систематической диалектической логики (теории диалектики).

Но это только одна сторона проблемы. В вопросе о выделении предмета, объекта исследования имеет место более широкое отношение – отношение субъекта и объекта. В процессе познавательной деятельности реальным субъектом познания выступает не отдельный индивид, а общество на определенной ступени его развития. В философии отношение субъекта и объекта в выделении предметной области трактуется как сложное диалектическое взаимоотношение. Прежде всего, речь идет о предмете, который сам является историческим продуктом и ни в коей мере не стоит на месте. Нельзя не сказать и о субъекте познания, который также не останавливается в своем развитии; в процессе познания мы имеем дело с конкретным субъектом, который конкретно относится к объективной материальной действительности.

Возникает вопрос, что значит быть конкретным субъектом? Это означает, во-первых, что он является совокупностью сложных социальных отношений, продуктом определенного общественно-исторического времени, во-вторых, является конкретной личностью, поднявшейся на определенную ступень человеческой деятельности, культуры и мышления. Такая личность не ограничивается освоением человеческой культуры, а выступает субъектом, ее творцом. В кон-

кретном субъекте данные аспекты находятся в диалектическом единстве. Сначала индивид осваивает реальную культуру общества и лишь в результате ее активного освоения становится конкретным субъектом и действительно осознает цели и задачи общества.

Каждый общественный индивид является индивидуализированным обществом. Его мышление, по существу, есть функция общественного мышления. Только освоив достижения человечества на той или иной ступени его развития, индивид становится способным к подлинному творчеству, ибо освоение и творчество внутренне связаны друг с другом. Претензия на творчество без соответствующего освоения культуры ведет только к воображаемым (маниакальным) целям. Освоение и творчество – диалектический процесс. Поэтому их невозможно абсолютно противопоставлять друг другу, ибо освоение в определенной степени содержит момент творчества, а истинное творчество есть результат освоения. Действительное понимание, например, прежней культуры, возможно только тогда, когда она и ее результаты вовлекаются в практику, включаются в состав новой деятельности. При этом имеет место диалектика опредмечивания и распредмечивания.

С этой теоретической позиции легко преодолеваются и разрешаются трудности, связанные с проблемой взаимоотношений гения и общества, которые описаны Т.Манном. Согласно Т.Манну, гений стремится продвинуть человечество, поднять его на новую ступень. Но чтобы поднять эту машину, нужны невероятные усилия, и одному человеку, даже гению, это не под силу. По этой причине, полагает писатель, судьба гения трагична. Художник приходит к пессимистическим выводам по вопросу об отношениях гения и общества.

Данная проблема и ее реальные трудности прежде всего вызваны той постановкой вопроса, которую выбрал в своей книге «Доктор Фаустус» Т.Манн. Дело в том, что он знает и рассматривает лишь одно отношение – гений и общество, где гений – творческое (активное), одаренное существо, а общество – инертная, сопротивляющаяся масса. При такой постановке весь упор делается на гения, на его силы и творческие способности. Действительно, сколько бы гений не был одарен (активен), ему одному невозможно поднять человечество. И, действительно, очень часто судьба таких гениев-одиночек складывается трагично.

На самом деле трагичность судьбы гения непреодолима, если понимать творчество психологически как отношение активного индиви-

да и пассивного человечества. Проблема реально разрешается, если посмотреть на нее с иных позиций. Дело в том, что в действительности творчество – не только функция гения, а важнейшее (сущностное) содержание самого общества. Поднимает всю прежнюю культуру не гений, не изолированный индивид, а само человечество, само развитие общества.

Правда, человечество не есть нечто абстрактно-общее, некий «социум»⁷³, а единство многочисленных индивидов. И гений также не абстрактный индивид, а представитель самого общества, освоивший его культуру. Как гений, так и обыкновенные индивиды одинаково являются его представителями. Реально развивается само общество. Если в гениях проявляется самое передовое, новое, то отсталые люди – носители всего отрицательного, косного, ограниченного. Подобно тому, как каждое общество конкретно, исторически определено, так и борьба передового, нового и отсталого, реакционного также определена. Только само развитие общества, его переход на новую ступень развития реально разрешает противоречие передовых, прогрессивных его представителей с отсталыми. Оно высоко ценит своих передовых представителей, потому что они лучше осознают его цели, его историческую перспективу.

Прекрасной иллюстрацией к этой мысли может служить развитие науки и научно-теоретического познания. При внимательном рассмотрении истории науки мы убедимся, что не личность двигает науку, а действительные внутренние противоречия самой науки, ее связи с производством, экспериментом. Поэтому все великие научные достижения обусловлены потребностями производства и самого общества. Этим объясняется и то, почему все крупные, революционизировавшие науку открытия одновременно готовились многими учеными. Ярким примером может служить история специальной теории относительности, теории Дарвина и др. Специальная теория относительности не могла появиться в XIX в., она появилась именно в XX в., поскольку проблема драматически была поставлена лишь в связи с опытом

⁷³ В свое время К.Маркс подверг Прудона решительной критике за то, что он «персонафицировал общество». «...Он делает из него общество-лицо, общество, которое представляет собой далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам, и свой «собственный разум» – не обыкновенный человеческий разум, а разум, лишенный здравого смысла. Г-н Прудон упрекает экономистов в непонимании личного характера этого коллективного существа» (см: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 118*).

Майкельсона. Противоречие в науке возникло в ходе развития ее самой, и наука разрешила его в ходе дальнейшего развития. Однако наука – это не какая-то самостоятельная сущность, орудие в развитии абсолютного духа. Она – функция человека и человечества. Подобно тому, как человек создавал себе физические орудия (топор, кирку и т.п.), он создавал себе и такие духовные орудия освоения мира, как наука, искусство и т.п.

Поэтому познавательный процесс реально выступает не как отношение абстрактной науки к предмету и не как отношение абстрактного индивида к предмету, а как отношение конкретного человека, человечества к природе и к самому себе. Это обстоятельство подчеркивается в марксистской философии. Если в кантовской философии проанализировано отношение индивида к предмету и Кант в «Критике чистого разума» занят выяснением механизма образования теоретического знания у индивида, то Гегель проследил становление науки, искусства как ступени абсолютного духа. Для Гегеля субъектом познания является не абстрактный индивид, а теоретическое мышление, абсолютный дух. Гегель проследил механизм отношения абсолютного мышления (духа) к самому себе, ибо абсолютный дух в ходе своего развития сам себя выявляет предметом, объектом и преодолевает свой же результат в процессе исторического развития. Согласно Гегелю, познание не есть отношение субъекта к объективной действительности, а есть процесс самопознания, самосознания своей же, самим собой положенной сущности.

В диалектико-материалистической логике познавательный процесс трактуется на материалистической основе и раскрывается во всей его сложности. Подлинным субъектом познания признается исторически, конкретно развивающееся общество, которое относится с практической и познавательной целью как к природе, так и к самому себе. Поэтому задача науки состоит в том, чтобы раскрыть механизм познания общества, общественного субъекта.

В развитии человеческого познания, науки существует реальная преемственная связь между поколениями. Каждое последующее поколение продолжает работу предшествующих. Это продолжение по своей природе является сложным диалектическим процессом. Сначала в сокращенном виде осваиваются все результаты прежнего научного познания, а затем происходит ассимиляция, подключение всех достижений в состав нового знания. Логикой такого преобразования старой системы теоретического знания в новое является принцип соответ-

ствия. В области физики Н. Бор глубоко обосновал, что новые физические теории не противостоят старым, а содержат их в качестве частного случая. Современная квантовая механика относится к ньютоновской механике, как к своему частному случаю. То же самое можно сказать об отношении евклидовой геометрии к неевклидовой, теории относительности Эйнштейна к старой теории пространства и времени.

Вопрос об отношении новой теории к старой глубоко рассмотрен и в области философии. Здесь уместно сказать о Гегеле, который в соответствующих разделах «Науки логики» глубоко обосновал этот вопрос. Говоря об отношении своей теоретической концепции к философии Спинозы, он писал: «Единственное опровержение спинозизма может поэтому состоять лишь в том, что его точка зрения признается, во-первых, существенной и необходимой, но что, во-вторых, эта точка зрения, *исходя из нее же самой*, поднимается на уровень более высокой точки зрения»⁷⁴. По мнению Гегеля, Спиноза дошел до идеи субстанции, и необходимо было пойти дальше. А такой более высокой точкой зрения является концепция субстанции-субъекта⁷⁵.

Теоретический анализ первоначального целого и выявление исходного пункта теории

Выявление предметной области (целостное рассмотрение) является важнейшим моментом теоретического познания объективной действительности. Однако нельзя преувеличивать его значения, ибо задача познания — понять объект, теоретически выразить его в логике понятий. Первоначальное целое является первоначальным потому, что оно еще не проанализировано и оно дает, по выражению Маркса, только хаотическое представление о целом⁷⁶.

На недостаточность первоначального целого, данного еще в созерцании, неоднократно указывал и Гегель, который подчеркивал необходимость теоретического постижения целого, конкретного. Только в результате размышления, по его мнению, возможно иметь истинное

⁷⁴ Гегель. Соч. Т. 5. С. 10.

⁷⁵ Выбор предметной области теории является сложной проблемой. Нами рассмотрены лишь некоторые ее аспекты. Мы специально, например, не анализировали такие важные вопросы, как вопросы о роли творческого воображения, о проблемной ситуации и о значении исторического и логического в выделении предметной области, так как полагаем, что они могут быть предметом особого исследования.

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

знание. «Следует все же *выйти за пределы* чистого созерцания, – необходимость этого заключается в том, что интеллигенция по самому своему понятию есть *познание*, – созерцание же, напротив, не есть еще *познающее* знание, потому что, *как таковое*, оно не достигает *имманентного развития* субстанции предмета, но скорее ограничивается постижением *неразвитой субстанции*, окруженной еще *побочными моментами внешнего и случайного*. Созерцание есть поэтому только *начало познания*»⁷⁷.

О значении созерцания в схватывании целого Гегель далее писал: «В непосредственном созерцании я, правда, имею перед собой весь предмет в его целом, но лишь во всесторонне развитом познании, возвращающемся к форме простого созерцания, предмет стоит перед моим духом как некоторая *внутри себя расчлененная*, систематическая целокупность»⁷⁸.

В научно-теоретическом познании предмет, целостность воспроизводятся в мышлении посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному. В отличие от формальных методов, охватывающих лишь одну сторону конкретного целого, диалектико-логический метод восхождения является наиболее развитым, в нем адекватно отражается реально-исторический процесс возникновения и развития объективного конкретного.

При таком методе теоретического познания тут же возникает вопрос о начале, об исходном пункте научной теории⁷⁹. В выявлении и обосновании начала теории во всем объеме проявляется превосходство материалистической диалектики как логики и теории познания марксизма⁸⁰. Вопрос о начале необходим в любой теории. До выявления начала трудно говорить о систематическом, теоретическом исследовании. Дело в том, что в отличие от эмпирического рассмотрения теоретическое понимание реально осуществляется в том случае, когда многообразие единичностей (фактов) сводится ко всеобщему и постигается как форма проявления этой основы. Поэтому понятие начала – труднейший вопрос всякой теории, ибо систематическое познание почти невозможно, пока не выявлено начало развивающейся

⁷⁷ Гегель. Соч. Т. 3. С. 252.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ В работе мы различаем исходный пункт (начало) как элементарную конкретность от всеобщего принципа теории.

⁸⁰ Здесь этот аспект проблемы рассмотрен кратко. Подробно см.: Абдильдин Ж.М. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967.

системы. В самом деле, идет ли речь о «Капитале» Маркса, о теории относительности, о квантовой механике, о теории элементарных частиц или о систематическом построении теории материалистической диалектики (Логика с большой буквы) – всюду возникает неизбежная для теоретика проблема начала, исходного пункта построения теоретического знания, критериев и способов его нахождения.

Понятие начала имеет различные аспекты, в философии и науке существуют разные его толкования. Марксистское, диалектико-материалистическое понимание прежде всего связано с предметной характеристикой объекта. Это – единственно правильная и универсальная концепция по данному вопросу. Исходное всеобщее понимается не как мысль (абстракция) в оторванной от реальности замкнутой теоретической области, а как элементарная конкретность, всеобщее, «клеточка» развивающейся системы.

Важнейшей предпосылкой марксистского понимания начала и логики научно-теоретического познания является признание историчности системы. Каждое конкретное целое берется Марксом как продукт предшествующего исторического движения, в процессе которого постоянно происходит изменение начала, превращение всеобщего в особенное и особенного во всеобщее.

В силу историчности систем выявление начала, «клеточки» невозможно посредством эмпирического анализа и редукции, которая сводит все богатство мира к последним элементам, ибо каждое конкретное целое имеет множество формообразований, и они не могут быть поняты посредством сведения к простейшим элементам.

Диалектическое понимание начала является синтетическим, конкретным. Оно существенно отличается от начала, рассматриваемого как в логике рационализма и эмпиризма, так и в дедуктивном и интуитивном строении знания.

Во всех этих толкованиях понятие начала рассматривается вне исторической конкретной системы. В качестве начала выдвигали всеобщее (ясное и отчетливое) понятие (Декарт, Спиноза, Лейбниц), а из него стремились вывести путем дедукции все наличное знание, или исходили из чувственного опыта, единичного (Локк, Юм, позитивисты), опираясь на который стремились обосновать синтетическую природу человеческого знания.

Абстрактность и односторонность всех этих понятий начала состояла в том, что в них одна сторона конкретного понятия начала пре-

увеличивалась и противопоставлялась другой стороне. Поэтому они оказались не в состоянии удовлетворительно объяснить на основе своих отвлеченных начал конкретную, синтетическую и всеобщую природу человеческого познания.

В истории философии как рационалисты, так и эмпирики не смогли правильно поставить и решить проблему начала, так как не понимали диалектики общего и единичного, непосредственного и опосредованного, аналитического и синтетического, индуктивного и дедуктивного.

При недialeктическом понимании начала оказалось неразрешимым противоречие, которое обнаружилось уже в генезисе философии. В философских системах рационализма и эмпиризма оно проявилось как противоречие аналитического и синтетического в формировании человеческого знания. Так, если в построении знания исходить из всеобщего (понятия), то трудно объяснить синтетическую природу знания. Наоборот, если исходить из единичного, чувственного опыта, то трудно обосновать всеобщность, необходимость знания.

Попыткой решения этой трудности было кантовское учение о синтетическом знании. В «Критике чистого разума» Кант утверждал, что для доказательства возможности синтетического априорного знания необходим синтез всеобщего и единичного. Однако вершины домарксовского понимания начала достиг Гегель. Его понимание начала внутренне связано со всей проблематикой логики, с обоснованием системы теоретической деятельности, которую Гегель трактовал как ставшую в ходе исторического развития. Со времени Гегеля начинается подлинное, диалектико-логическое понимание начала, как начало восхождения, как элементарное бытие в логической системе.

Материалистическая трактовка начала противоположна гегелевской. Поскольку Гегель отождествлял процесс возникновения вещи, конкретного целого со способом его теоретического понимания, постольку, естественно, его анализ был направлен не к объективной, конкретной целостности, а к исследованию системы сложившихся теоретических отношений. Поэтому за начало, исходный пункт Гегель принимал теоретическую абстракцию, понятие, которое в своем саморазвитии порождает особенное и единичное.

Хотя гегелевское представление о начале и логике, принципе построения знания является великим завоеванием домарксистской логики, все же научного решения данного вопроса Гегель не смог дать в

силу объективного идеализма. Сам по себе величайший принцип в руках Гегеля приводит к ложному пониманию явлений. Свое отношение к гегелевской диалектике Маркс предельно ясно сформулировал как диаметрально противоположное. Сравнивая гегелевскую диалектику, «Науку логики» с «Капиталом» Маркса, в котором дано замечательное применение материалистической диалектики, Энгельс писал: «С одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальная мысль и местами очень важные переходы; как, например, качество в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого»⁸¹.

Таким образом, если для гегелевской логики характерно саморазвитие мысли, в процессе которого понятие переходит в особенное, то для Маркса идеальное есть «не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Для Маркса все богатство эмпирической реальности содержится не в понятии, в саморазвитии абсолютной идеи, а в тех реальных отношениях, которые объективно являются всеобщими отношениями объекта, из которых вытекает и объясняется природа реального и конкретного. В «Капитале» Маркс подвергает глубокому анализу не понятие товара, не отсюда выводит все богатство и определенности капитализма, а анализирует «самое массовидное... миллиарды раз встречающееся» отношение реального процесса в буржуазном обществе. Таким отношением является обмен товаров. Товарное отношение является не понятием, а объективно реальным отношением, всеобщим условием капитализма. Вот почему Маркс рассмотрение капитализма начинал с анализа товара, который является «клеточкой» капитализма и обнаруживал, раскрывал в этой «простейшей конкретности» все противоречия капитализма. «Анализ вскрывает, — писал Ленин, — в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»⁸².

Таким образом, для теоретического воспроизведения капиталистического общества, для понимания глубоких закономерностей раз-

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 177.

⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

вития товарно-капиталистической системы Маркс анализирует не теоретические представления, а ту конкретность, развитие которой и составляет капиталистическую общественно-экономическую формацию. Вот почему теоретическая концепция Маркса существенно отличается от формальной дедукции, согласно которой теоретическое знание начинается не с анализа реальности, конкретности, а восходит от принципов и абстракций к другим абстракциям, и задача теории сводится к формальному соотнесению одной абстракции с другой. Поэтому действительным результатом формально-дедуктивных построений является не духовное воспроизведение объективной действительности, а лишь логическая конструкция, имеющая некоторое значение в познании, но ничего общего не имеющая с диалектическим постижением предмета.

В «Капитале» Маркса в качестве элементарной конкретности анализируется товар – эта всеобщая, непосредственная определенность товарно-капиталистического общества. В товаре охвачено элементарное бытие данного конкретного целого. То, что в «Капитале» рассматривается как всеобщее, совпадает с объективно-историческим процессом становления и формирования капиталистического производства. Если капиталистическое общество представить как социальную систему внутренне связанных отношений в себе и для себя бытия, то товар есть элементарное в себе бытие капиталистического общества.

Согласно Марксу, всеобщей и универсальной определенностью товар является лишь в данной системе, так как при капитализме все связи и отношения опосредованы товаром. Товарное отношение при капитализме является наиболее простым и всеобъемлющим, поэтому его можно рассматривать раньше и независимо от других сложных экономических отношений. Маркс в «Капитале» анализ товарного отношения делает раньше других конкретных отношений буржуазного общества и независимо от них. При этом Маркс исследует товарное отношение «чисто», т.е. сначала рассматривает единичный, безденежный обмен товаров. Внимательный анализ этой «элементарной конкретности», единичности позволяет выявить всеобщий закон товарного производства.

Таким образом, природа единичности интересует исследователя не сама по себе, а как средство выявления всеобщей абстракции данного конкретного целого.

Анализ всеобщего принципа как необходимый этап в построении теории. Диалектическое понимание субстанции как метод обоснования принципа теории

В построении теоретического знания большое значение имеет не только анализ исходной конкретности, «клеточки» теории, но и обоснование всеобщей абстракции, принципа теории. Путем анализа и обоснования конкретно-всеобщей связи целого, субстанциальных отношений системы, теоретическое мышление проникает в более глубокие связи предмета. Действительно, если в результате выявления и анализа исходного пункта объективного конкретного делается первый шаг в теоретическом воспроизведении предмета, то в итоге анализа и обоснования всеобщей абстракции (принципа) теории делается следующий довольно крупный шаг в научно-теоретическом познании действительности.

В истории политической экономии анализ товара как «клеточки» капитализма, несомненно, имел определенное значение в теоретическом понимании капитализма. Правда, это значение не исчерпывается выявлением содержания товара. Гораздо важнее выявить сущность товарных отношений, которая фиксируется в понятии стоимости, являющейся одновременно всеобщей определенностью, субстанцией всех буржуазных экономических отношений. Для теоретического воспроизведения действительности фундаментальное значение имеет всеобщее условие системы, субстанция конкретного, к которой в конечном счете сводятся все другие определенности целого. Пока не обосновано всеобщее, фундаментальное понятие теории, невозможно говорить о теоретическом познании действительности. На этом уровне научно-теоретического познания вся задача теории концентрируется вокруг правильного понимания и обоснования исходного принципа теоретического познания действительности.

В обосновании всеобщего принципа (субстанции) теории четко выявляется коренное отличие диалектико-логического принципа от формальных и эмпирических методов построения знания. В целостном построении теоретического знания обычная формальная логика дает мало. Она вовсе не ставит вопрос о теоретическом воспроизведении объекта. А в том случае, когда она ставит и рассматривает проблему понятия, то все сводится к выявлению общего, существенного признака предмета посредством сравнения одной единичности данного клас-

са с другими. Поэтому такое общее, найденное средствами формальной логики, ни в коей мере не является содержанием действительного понятия, а самое большее выполняет функцию отличия одного класса (вида) предметов от другого класса и играет роль субстрата (некоторой основы) для классификации предметов и явлений.

В научно-теоретическом познании предмета значение такого общего действительно ограничено. Ибо задача научно-теоретического познания предмета в том, чтобы воспроизвести, духовно воссоздать предмет. В процессе решения этой задачи возникает необходимость определить исходный принцип теории, исходя из которого возможно теоретическое воспроизведение целого. По своей логической природе такое начало (субстанция) теории есть всеобщее условие формирования данного конкретного целого, а все особенности и многообразные формы существования системы – лишь модификации, формы проявления этого единого основания.

Выявление и обоснование конкретного всеобщего с самого начала существенно отличается от обнаружения абстрактно-общего признака предмета. Они являются следствием различных способов исследования и отвечают различным задачам познания предмета. Для обнаружения общего вполне достаточно внимательного рассмотрения множества единичностей данного класса, умения концентрировать внимание на различных признаках предмета и способности выявлять наиболее общие его определенности посредством сравнения и абстрагирующей деятельности мышления. При этом исследователь ясно себе представляет, что такое общее (существенный признак) присуще каждому предмету данного класса без исключения. В логике это общее фигурирует как родовой признак предметов данного класса, который, в свою очередь, обладает и видовыми определениями. Задача же определения сводится к выявлению отношения видовой определенности предмета к его родовому признаку и т.п.

В отличие от рассмотренного способа исследования (по существу эмпирического) диалектическая логика исходит из другой задачи в познании предмета. Согласно этой логике, цель познания не в том, чтобы научиться отличать один предмет от другого, а в теоретическом воспроизведении его как живого целого. Главным вопросом для этой логики является то, что делает данный предмет данным предметом, что является всеобщим условием, основанием формирования этого предмета субстанцией (сущностью) его реального бытия. При

продуктивным решении этой задачи необходимо возникает вопрос о тех принципах и методах, которые обеспечивают такое понимание действительности. Речь прежде всего идет о целостном рассмотрении предмета, о теоретическом анализе и о диалектическом понимании понятия субстанции, противоречия и т.п.

Для обоснования всеобщих условий, принципа теории мало только обнаружить существенный признак предмета. Нас не удовлетворит и эмпирический способ, при котором субстанция предмета отождествляется с субстратом, а обоснование исходного принципа сводится к эмпирическому анализу и разложению предмета на составные элементы. Не удовлетворит потому, что любой предмет можно анализировать сколько угодно и при этом не выявить истинного основания конкретного целого, а в результате дробления даже потерять природу целого. Именно эти недостатки одностороннего аналитического метода Гегель имел в виду, когда писал: «Многие говорят, что ничего больше мышление не может вообще делать, что оно может только разлагать данные ему конкретные предметы на их абстрактные элементы и рассматривать затем последние в их изолированности. Ясно, однако, вместе с тем, что такая деятельность представляет собою извращение природы рассматриваемых мышлением вещей... Так, например, химик помещает кусок мяса в свою реторту, подвергает его разнообразным операциям и затем говорит: я нашел, что он состоит из кислорода, углерода, водорода и т.д. Но эти абстрактные вещества уже не суть мясо. И также обстоит дело, когда эмпирический психолог разлагает поступок на различные стороны, которые этот поступок представляет рассмотрению, и затем фиксирует их в их изолированности. Подвергаемый анализу предмет рассматривается при этом так, как будто он представляет собою луковицу, с которой снимают один слой за другим»⁸³.

Несостоятельность такого способа исследования, при котором субстанция, всеобщее условие формирования предмета отождествляются с элементом (субстратом), глубоко вскрыта также в философских системах Платона, Аристотеля, Спинозы. Эти мыслители ясно понимали, что реальный целостный предмет (вид), сущность, по терминологии Аристотеля, ни в коей мере не сводим к элементам, материи (субстрату). Платон и Аристотель критиковали Анаксагора за то, что, первым высказав мысль о несводимости целого к его составным элементам, он не провел ее последовательно в своих философских исследованиях.

⁸³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. М., 1930. С. 332-333.

Недостаток Анаксагора, по мнению Платона и Аристотеля, состоит в том, что он лишь формально ссылается на природу целого (разума), а все существо дела решает и объясняет при помощи частных причин. «Разум у него [у Анаксагора], – писал Платон, – остается без всякого применения и... порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается – совершенно неожиданно и нелепо – воздуху, эфиру, воде и многому иному. На мой взгляд, это все равно, что если бы кто сперва объявил, что всеми своими действиями Сократ обязан мировому разуму, а потом, принявшись объяснять причины каждого из них в отдельности, сказал: «Сократ сейчас сидит здесь потому, что его тело составлено из костей и сухожилий и кости твердые и отделены одна от другой сочленениями, а сухожилия могут натягиваться и расслабляться и окружают кости – вместе с мясом и кожей, которая все охватывает»⁸⁴. Примерно с такой же позиции критиковал философию Анаксагора и Аристотель. «Анаксагор, – писал он, – использует ум как машину для создания мира, и когда у него явится затруднение, в силу какой причины (то или другое) имеет необходимое бытие, тогда он его привлекает, во всех же остальных случаях он все, что угодно, выставляет причинною происхождения вещей, но только не ум»⁸⁵.

Сами Платон и Аристотель концентрировали свое внимание на природе целого, стремились вскрыть природу всеобщего, субстанциального, хотя интерпретировали их идеалистически. Говоря о недостаточности указания на материю (субстрат), Аристотель много раз подчеркивал, что для понимания «дома» недостаточно указания на то, что он состоит из кирпичей, что нельзя ограничиваться указанием на то, что статуя сделана из мрамора, чтобы понять ее сущность, необходимо еще нечто другое (форма), что делает дом домом, а статую статуей.

При всех недостатках такая постановка проблемы имела громадное значение в истории научного познания предмета, в развитии метода познания действительности. Ибо она нацеливала познание не на общее, не на субстрат, а ставила вопрос о всеобщих определениях именно целого. Правда, это всеобщее, целостное Платон и Аристотель понимали идеалистически, трактовали как нечто идеальное, как идею, как форму и т.п.

Внимательное рассмотрение истории философии и познания свидетельствует, что борьба этих направлений продолжалась долго.

⁸⁴ Платон. Избранные диалоги. М., 1965, С. 387.

⁸⁵ Аристотель. Метафизика. М., 1934. С. 25-26.

Определенные трудности свойственны как логической концепции редукционизма, так и теологическому, идеалистическому пониманию целого (целостности). Каждое из этих направлений могло гордиться своими победами, но в то же время отметить и немало горестных поражений. Все эти трудности научно разрешены только в материалистической диалектике, понимаемой как логика и теория познания марксизма. Здесь по-новому поставлен вопрос о природе целого. Оно объективно и в то же время трактуется как нечто развивающееся и внутренне противоречивое.

Сложность в том, чтобы воспроизвести предмет как живое и конкретное целое. Для реализации этой задачи познание с самого начала должно ориентироваться на те всеобщие принципы, которые обеспечивают возможность и действительность конкретного, теоретического знания о предмете.

Только сознательное понимание таких категорий, как всеобщее, субстанция, сущность, целостность и т.п., дает возможность рационально решить противоречия и трудности предшествующих теоретических концепций.

При таком способе исследователь с самого начала концентрирует свое внимание не на особенном, единичном для данного класса предметов, а на целом как ступени развития объективной реальности. Само выделение целого имеет то значение, что ставит исследователя в совершенно иное отношение к предмету, в другое измерение по сравнению с эмпирическим способом. Именно такой подход позволяет исследователю напасть на след всеобщих условий формирования предмета. Правда, само по себе целостное рассмотрение еще не все, оно должно выступать в единстве с пониманием всеобщего не как абстрактно-общее, а как субстанция, всеобщее условие предмета.

Абстрактный, эмпирический подход к предмету, наоборот, уходит от познания объективной, всеобщей природы предмета. В этом отношении хорошей иллюстрацией может служить понимание сущности человека домарксовской философией. Действительно, на пути сравнения одного индивида с другим невозможно было прийти к такому пониманию человека, когда его субстанцией, всеобщей определенностью понимается труд, производство орудий труда. При выработке конкретно-всеобщего понятия «человек» Маркс исходил не из абстрактного индивида, предметом своего исследования он взял целое — общество. Поскольку человек реально существует только в

обществе, то и выработка понятия «человек» возможна не путем выявления общего различным индивидам, а в результате обнаружения всеобщих условий общества как конкретного целого, ибо всеобщее условие общества одновременно выступает основанием (сущностью) формирования человека.

Важнейшее значение целостного рассмотрения предмета в обобщении исходного принципа в том и состоит, что внимание исследователя концентрируется на конкретности, на том факте, что предмет есть единство многообразного. Поэтому вопрос о выявлении исходного начала предмета сводится к обнаружению реального единства, субстанции, всеобщей взаимосвязи, на которой покоится многообразие форм его существования. По своей логической природе единство многообразного не является общим признаком и ему нельзя найти эмпирического носителя, оно существует лишь как единство различного и как всеобщее условие (субстанция) целого.

В своих теоретических работах В.И. Ленин придавал огромное значение тому принципу диалектико-логического воспроизведения действительности, согласно которому в познании предмета нельзя ограничиваться фактами, отдельными примерами и пассивным описанием фактов, но требуется в процессе анализа свести факты к коренным движущим силам, глубинным, субстанциальным процессам. При этом подчеркивается, что в исследовании предмета недостаточно простого обобщения внешних форм и закономерностей, это эмпирическое обобщение надо свести к коренным законам, подлинному основанию. Все явления и особые факты необходимо теоретически понять как формы саморазвития, саморасчленения единой основы. Научно-теоретическое познание возможно тогда, когда устанавливаются внутренние связи фактов. В ходе познания глубинных связей предметов и явлений теоретическое мышление проходит следующие ступени: выявление отношений твердо установленных фактов к первоначальному обобщению и нахождение закономерности явлений, а в дальнейшем сведение этой закономерности к истинной причине явлений, субстанции, коренным законам. Ступени такого проникновения познания в сущность, субстанцию предмета охвачены в следующем положении В.И. Ленина: «Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи явлений, процессов и т.д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»⁸⁶.

⁸⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

Политическая экономия была эмпирической и описательной до тех пор, пока классики политэкономии А.Смит и Д.Рикардо не попытались экономические факты вывести из единого принципа, исходя из трудовой теории стоимости. Подчеркивая фундаментальное значение такого способа рассмотрения фактов социальных явлений, В.И. Ленин писал: «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам»⁸⁷.

Пренебрежение этим важнейшим принципом теоретического познания и нарушение его неизбежно ведут к ошибкам в теории. В.И. Ленин неоднократно критиковал вождей II Интернационала за подмену конкретного, диалектического анализа социальных явлений, в котором раскрываются коренные движущие силы эклектичными и софистическими рассуждениями. В частности, В.И. Ленин, подчеркнув, что время требует от марксиста теоретического и глубокого анализа фактов, справедливо критиковал Плеханова, который вместо того, чтобы дать глубокий классовый анализ происходившей тогда первой мировой войны, ограничивался такими абстрактными рассуждениями: «...сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию»⁸⁸. Порочность подхода Плеханова состояла в том, что он не смог конкретно проанализировать происходящую войну и не исследовал соотношение классов и империалистических кругов, которые привели к этой захватнической войне. «У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, — писал В.И. Ленин, — а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики *обеих* воюющих ныне групп держав»⁸⁹.

Диалектическое, конкретно-научное рассмотрение фактов не ограничивается выхватыванием отдельных фактов, случайных явлений, а тщательно анализирует всю совокупность фактов, раскрывает их внутренние связи и взаимодействия. «Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо)отношения — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики...»⁹⁰. «Развертывание всей совокупности моментов

⁸⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 223.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 178.

действительности NB= сущность диалектического познания»⁹¹. Поэтому диалектическое рассмотрение несовместимо с абстрактными и софистическими рассуждениями. «Софист выхватывает один из «доводов», – пишет В.И. Ленин, – и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете»⁹².

Г.В. Плеханов не сумел раскрыть коренную особенность происходящей войны, как продолжения политики империализма, поэтому его абстрактные размышления схожи с предательскими положениями К.Каутского, который софистически утверждал: «Все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права социалистами всех наций». Такие суждения В.И. Ленин считал гнусными и абстрактными. «Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистическими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение – это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского...»⁹³, ослепленных шовинизмом.

Согласно диалектической логике, конкретное, диалектическое познание объективной действительности не исчерпывается сведением фактов (явлений) к коренным движущим силам, оно требует познания их как формы саморазвития, саморасчленения этой единой основы.

Важнейшей особенностью диалектического метода является познание предмета, явлений, «всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни»⁹⁴, т.е. как единство противоположностей. Такой способ рассмотрения охарактеризован В.И. Лениным как важнейшая черта диалектико-логического метода анализа действительности. «Диалектическая логика требует, – писал он, – чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменений»⁹⁵.

При анализе причин, вызвавших первую мировую войну, борьбы различных течений необходимо было вскрыть коренные движущие силы, их развитие и становление, проследить те внутренние механизмы, которые, собственно, привели к данным явлениям. «Самое

⁹¹ Там же. С. 141.

⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 223.

⁹³ Там же. С. 225.

⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

⁹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

первое и основное правило научного исследования вообще, – писал В.И. Ленин, – марксовой диалектики в особенности, требует... рассмотрения *связи* теперешней борьбы *направлений* в социализме – того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит, – с той борьбой, которая шла перед этим *целые десятилетия*»⁹⁶.

Данное методологическое требование является важнейшим принципом конкретного анализа общественных явлений. Такое рассмотрение было чуждо К.Каутскому и другим вождям II Интернационала. «Каутский и не заикается об этом, – писал В.И. Ленин, – не хочет даже поставить вопроса о направлениях и *течениях*»⁹⁷, а подменяет конкретный подход, выявление направлений, течений и их борьбу ссылкой на авторитеты. Принципиальную постановку вопроса о течениях и направлениях вожди II Интернационала подменяли вопросом о личностях, о том, возможно ли, что такие «авторитеты», как Плеханов, Гед, Вальян... в один день стали оппортунистами.

В своих рассуждениях нарушали важнейшие требования научного метода, так как, во-первых, рассматривали предмет не в целостности, а выпячивали отдельные части и противопоставляли их целому, подменяли анализ направлений пустыми словами об отдельных личностях, во-вторых, не смогли конкретно и принципиально раскрыть историю становления этих «вождей», ставших оппортунистами, предателями интересов пролетариата не в один день, а в результате эволюции, которая раньше была скрыта и проявилась лишь в эпоху кризиса.

Раскрыв неспособность и теоретическое их бессилие в анализе общественных явлений, В.И. Ленин выявил те грани, черточки в поведении Плеханова, Вальяна и других, которые естественно и неуклонно привели их «не в один день», а в течение определенной эволюции к оппортунизму: «...не бывали ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах *направление* Геда в образцово безжизненном, бездарном, не способном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале «Социализм»? не проявлял ли Каутский... бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т.д.?»⁹⁸.

⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 243-244.

⁹⁷ Там же. С. 244.

⁹⁸ Там же.

Теоретический анализ позволил отчетливо увидеть оппортунизм вождей II Интернационала. Действительно, их измена вовсе не являлась чудом, странностью, а естественным результатом их развития. Все кажется странным только в том случае, когда жонглируют отдельными фактами, отрывают их от единого основания, коренных движущих сил. В диалектическом рассмотрении эти «странности» легко снимаются, так как факты интерпретируются в составе конкретного целого и исходя из действительного, конкретно-всеобщего основания системы:

Именно извращением этого фундаментального принципа философии и занимаются различных толков идеалисты и позитивисты, когда отрицают объективность всеобщих принципов, действительных основ теоретических понятий науки.

Эмпирическая философия категорически отрицает объективное значение субстанции, причинности и т.п. Если Локк старательно опровергал объективность категории субстанции, то Юм подверг решительной критике категорию причинности. По Локку, каждому предмету свойственно множество признаков, свойств, которые имеют реальное значение, но тому, что называется субстанцией, общей природой вещей, ничего объективного не соответствует в мире. Юм же, отрицая объективность категории причинности, трактовал ее как выражение субъективной привычки людей. Позитивизм и неопозитивизм принципиально отрицают объективное и познавательное значение всякой философской категории. Не удивительно поэтому, что они отрицают объективное значение всеобщих понятий науки. В этом отношении служат яркой иллюстрацией работы одного из крупных представителей современного неопозитивизма Р.Карнапа. В его книге «Философские основания физики» позитивистские взгляды представлены наиболее выпукло. Следуя Юму в понимании причинности, Р.Карнап представляет дело в таком свете, что эта категория нуждается в исследовании. «Наша задача состоит в том, — продолжает он, — чтобы изучить, как ученые в эмпирических науках используют понятие причинности, сделать совершенно ясным, что они имеют в виду, когда говорят: «Это есть причина того»⁹⁹.

С первого взгляда здесь нет ничего плохого. Однако важнейшим условием научного анализа, по Карнапу, является принципиальный отказ от метафизической (философской) природы причинности, отказ

⁹⁹ Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 255.

от донанучной постановки, от компонента необходимости в трактовке категории причинности. «Важно проанализировать это неясное понятие причинности, — писал он, — очистить его от всех старых, ненаучных компонентов, которые входят в него»¹⁰⁰.

Возникает вопрос, что именно Р.Карнап считает ненаучным элементом понятия причинности? Это, прежде всего, момент необходимости, объективности. Нетрудно догадаться, Р.Карнап под видом очищения научного понятия причинности от метафизических (ненаучных) элементов вовсе отрицает философское понятие причинности. Свою критику он направляет главным образом против сущности этого универсального понятия, значит, его позиция ничем не отличается от субъективно-идеалистической позиции Д.Юма в понимании категории причинности. Такое «очищенное» от необходимости и объективности понятие причинности было бы вполне приемлемым и для Юма. Вообще-то об этом говорит и сам Р.Карнап. «Некоторые философы утверждают, — пишет он, — что Давид Юм в своей известной критике причинности отрицал понятие причинности *in toto* (в целом). Я не считаю, что это было действительным намерением Юма. Он не имел в виду отрицать понятие причинности, а хотел лишь очистить его. Позднее этот вопрос будет рассмотрен снова, но теперь я хочу сказать, что Юм отрицал только компонент необходимости в понятии причинности. Его анализ велся в правильном направлении, хотя, по мнению современных философов науки, он не заходил достаточно далеко и не был достаточно ясным»¹⁰¹.

Все эти рассуждения свидетельствуют о том, что современные позитивисты на словах готовы принять даже такие философские понятия, как причинность и т.п., но того, что эти понятия всеобщие, необходимы, объективны, они никак принять не могут. Иными словами, позитивисты отрицают в этих понятиях именно то, что делает их философскими категориями.

Коренной порок методологии современного позитивизма состоит в том, что он крайне отрицательно относится к логическим категориям и философским понятиям. Для них псевдопроблемой является не только основной вопрос философии, но и всякое применение универсальных категорий. Позитивизм желает знать только ближайшую основу фактов, речь ведет только об эмпирических законах, что выда-

¹⁰⁰ Там же. С. 256.

¹⁰¹ Там же.

ется им за высшую форму научного исследования предмета. А всякая попытка выявить причины побудительных сил, стремление опереться на категориальную основу того или иного факта осуждается им как схоластика, донаучное мышление, мистика и т.п. При этом позитивисты с большим высокомерием отзываются о Платоне, Аристотеле и в особенности о немецкой классической философии (Фихте, Шеллинг и Гегель).

Разумеется, в философских воззрениях немецких мыслителей было много мистических, антинаучных идей. За это они подвергнуты принципиальной критике в марксистской философии. Позитивизм же критикует их не за идеализм, ибо сам является разновидностью субъективного идеализма, а за то, что они являются диалектиками, осуждает их за признание всеобщих логических форм – категорий, посредством которых мыслятся факты, опытные данные и т.п.

Кроме того, в своих философских трудах видные представители современного позитивизма пытаются представить дело так, как будто уже абсолютно доказана бессмысленность, ненужность этих универсальных категорий. Если в их трудах (имеются в виду ранние труды) встречаются опровержения этих «бессмысленных», «метафизических агентов», то это, как они утверждают, «должно быть понято в его историческом плане». Его предпосылкой была немецкая философская атмосфера того времени, в которой доминировал идеализм в традиции Фихте, Шеллинга и Гегеля. Эти люди чувствовали, что описание того, как функционирует мир, было недостаточным. Они хотели более полного понимания, которое, как они верили, могло быть получено только посредством нахождения метафизических причин, стоящих за явлениями и не достижимых научным методом. Физики отвечали им следующим образом: «Не спрашивайте нас «почему?». Не существует никакого ответа, кроме того, который дают эмпирические законы». Они возражали против вопросов «почему?», так как обычно эти вопросы были метафизическими»¹⁰².

Согласно Карнапу, теперь научная атмосфера совершенно изменилась. В мире мало осталось философов и иных представителей науки, которые бы ставили вопрос о категориях, о субстанциальных причинных отношениях, и потому само употребление слова «почему?» имеет принципиально иной смысл. «В результате, – пишет Р.Карнап, – мы больше не беспокоимся относительно вопросов «почему». Мы не

¹⁰² Там же. С. 50-51.

должны говорить «не спрашивайте нас «почему?»», так как теперь, когда кто-то спрашивает «почему?», мы полагаем, что он понимает вопрос в научном, неметафизическом смысле. Он просто просит нас объяснить нечто в рамках эмпирических законов»¹⁰³.

Это суждение Р.Карнапа представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, современные позитивисты, если и менее активно опровергают философские понятия, универсальные логические категории, то это вовсе не значит, что позитивизм как философское направление стал более терпимо относиться к этим понятиям. Позитивисты просто полагают, что философские направления, признающие универсальные понятия (категории), практически исчезли. «Когда я был молод и участвовал в Венском кружке, некоторые из моих ранних публикаций были написаны в качестве реакции на философский климат немецкого идеализма. Вследствие этого мои публикации, как и публикации других участников кружка, были полны утверждений запрещающего характера, подобных тем, которые я только что обсуждал. Эти запрещения должны быть поняты с учетом той исторической ситуации, в которой мы находились. Сейчас, особенно в Соединенных Штатах Америки, мы редко делаем такие запрещения. Оппоненты, с которыми мы встречаемся здесь, совершенно другого склада, и характер их возражений часто определяет способ, с помощью которого они выражают свои взгляды»¹⁰⁴.

С другой стороны, единственной целью науки позитивисты считают объяснение фактов в рамках эмпирических законов. Отсюда научный метод, научность сводится ими к поиску регулярности, постоянства в протекании того или иного факта. Всякое стремление выйти за пределы этой эмпирической законосообразности третируется позитивизмом как отход от позиции науки, возрождение донаучных методов и приемов. «Когда мы говорим, — пишет Р.Карнап, — что для объяснения данного факта необходимо использовать научный закон, мы желаем прежде всего исключить ту точку зрения, согласно которой метафизические агенты должны быть найдены раньше, чем сам факт может быть адекватно объяснен. В донаучные эпохи это был, конечно, обычный тип объяснения. В то время мир представлялся населенным духами или демонами, которые непосредственно не наблюдались, но которые своими действиями вызывали дождь, наводнение, удар мол-

¹⁰³ Там же. С. 51.

¹⁰⁴ Там же.

нии. Что бы ни случилось, там было нечто – или, скорее, некто, – ответственное за событие»¹⁰⁵.

Как видим, все, что выходит за пределы эмпирического закона, трактуется позитивизмом как нарушение основного, важнейшего требования науки, научного познания. С позиции такого понимания принципиально невозможно было бы исследовать, например, содержание понятия стоимости. Марксов анализ двойственного характера человеческого труда с точки зрения позитивизма принципиально недопустим, ибо выходит за рамки меновых отношений, ищет то, что определяет природу всей капиталистической экономики в целом.

Всестороннее понимание природы субстанции и раскрытие ее методологической роли мы находим в диалектико-материалистической логике. В «Капитале» Марксом всесторонне раскрыта роль этой категории в обосновании всеобщего принципа и других содержательных определений теории. Познавательная функция понятия субстанции особенно четко обнаружилась при рассмотрении исходного принципа капиталистического способа производства – понятия стоимости, в анализе содержания этого теоретического понятия системы.

В своей экономической теории Маркс не только исследовал различные категории капитализма (деньги, прибыль, рента и т.п.), а стремился их свести к их действительному основанию, единству и в дальнейшем понять как форму обнаружения этого единого основания. При этом Маркс к анализу экономических фактов применил свое глубокое диалектическое понимание категории субстанции.

В теоретическом анализе Маркса содержанием исходного принципа является не абстрактно-общее, не субстрат, а конкретное, всеобщее условие конкретного целого. В теоретическом воспроизведении буржуазного способа производства такой субстанцией (единым основанием), из развития и формообразования которой возникает все многообразие сложного экономического организма, является понятие стоимости, те реальные отношения, которые выражаются через это понятие.

В «Капитале» в качестве содержания стоимости рассмотрен абстрактный человеческий труд. В основе же товара лежит двойственный характер человеческого труда. При этом, в понимании Маркса, абстрактный труд не есть свойство, абстрактно-общее и товару, и деньгам, и прибыли, и ренте, а являет собою конкретно-всеобщие связи всей капиталистической экономики.

¹⁰⁵ Там же. С. 51-52.

Конкретное понятие стоимости отражает не абстрактно-общее, количественно-общее, выявляемое в меновых отношениях одного товара к другому, а обнаруживает конкретно-всеобщие, качественные связи всех индивидуальных товаропроизводителей друг с другом. Причем единство это не внешнее, формальное объединение, а основа, субстанция (целостность) всех многочисленных форм его существования. Поэтому и становится возможным рассмотрение стоимости (субстанции) независимо от форм ее проявления.

В теоретическом и глубоком понимании понятия стоимости К.Маркс последовательно развил все лучшие достижения монистической философской мысли. В своем исследовании капиталистической системы он исходил из ясного и четкого понимания, что каждое конкретное целое имеет свое всеобщее условие, единое основание, субстанцию, из развития которой формируется данное целое. При теоретическом познании действительности это понятие имеет фундаментальное значение. Дело в том, что теория есть духовная (идеальная) форма объективной целостности. В ходе научно-теоретического воспроизведения целого, конкретного в основе теории лежит такое понятие, в котором выражается субстанция, всеобщее условие реального конкретного.

Этот важнейший принцип действительности и мышления глубоко разработан в философии Спинозы, что было несомненным достижением человеческой мысли в понимании глубинных связей действительности. Субстанцию Спиноза трактовал как то, что лежит в основе всего многообразия. В качестве такового она есть причина самой себя (*causa sui*) и необходимо заключает в себе существование. «Под субстанцией я разумею то, писал Спиноза, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться»¹⁰⁶.

В философии Спинозы атрибуты и модусы трактуются как нечто другое по сравнению с субстанцией. Если субстанция существует и представляется через самое себя, то под атрибутами философ разумел то, что ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность, а модус — это состояние субстанции, существующее в другом и представляющееся через это другое.

С самого начала отметим важность самой идеи, в которой субстанция понимается как конкретно-всеобщее, как то, что существ-

¹⁰⁶ Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1957. С. 361.

вует и познается само через себя. Отсюда, субстанцию, всеобщее в конкретной системе вполне возможно постичь независимо от форм проявления. Важнейшим достижением Спинозы мы считаем то, что субстанцию он рассматривал как причину самой себя. Если при рас-судочном, метафизическом понимании причина рассматривается как противоположная действию, то в философии Спинозы реализуется другое понимание причинности, ибо причиной самой себя может быть такая причина, которая, действуя и отделяя некое другое, вместе с тем порождает лишь самое себя, снимает, следовательно, в акте порождения это различие. «Полагание этой причиной себя как некоего другого, – писал Гегель, – есть *отпадение* и вместе с тем *отрицание* этой потери; это – совершенно спекулятивное понятие, и даже, скажем больше, основное понятие во всем спекулятивном. Причина, в кото-рой причина тождественна с действием, есть бесконечная причина...; если бы Спиноза развил дальше то, что заключается в понятии *causa sui*, то его субстанция не была бы чем-то неподвижным»¹⁰⁷.

В спинозовском учении о субстанции, атрибутах и модусах важно и то, что он отделил эти три момента, предоставив ведущее значение субстанции. Еще Гегель видел здесь некоторую аналогию с всеобщим, особым и единичным. Правда, соотношение этих понятий Спиноза не всегда брал в истинном смысле, применял формально, не дедуцировал одно из другого. Ему не хватало в рассмотрении этих категорий пони-мания принципа конкретности, диалектичности. Он не понимал, что в особенном и единичном происходит дальнейшее развитие основания, субстанции, которая в этих определениях проявляется в некоторой особенной форме. Касаясь данной стороны спинозовской философии, Гегель писал: «Модус есть единичное, конечное как таковое, которое вступает во внешнюю связь с другим. Таким образом, Спиноза лишь нисходит; модус есть лишь нечто захиревшее. Недостаток Спинозы заключается, следовательно, в том, что он понимает третье лишь как модус, как дурную единичность. Истинная единичность, индивидуаль-ность и субъективность есть не только некое отдаление от всеобщего, всецело определенное, а как просто всецело определенное есть вместе с тем для себя сущее, определяющее лишь само себя. Единичное, субъ-ективное тем самым есть как раз возвращение к всеобщему, а так как оно есть сущее у самого себя, то оно само есть всеобщее. Возвращение как раз и состоит именно лишь в том, что единичное, субъективное

¹⁰⁷ Гегель. Соч. Т. 11. М., 1935. С. 286.

есть в самом себе всеобщее. Спиноза не продвинулся дальше, не перешел к этому всеобщему. Неподвижная, застывшая субстанциальность является у него окончательным, а не бесконечной формой»¹⁰⁸.

В данном случае Гегель правильно схватил основные недостатки спинозовского понимания субстанции, ибо Спиноза в основном подчеркивал момент единства, момент всеобщего, но не смог последовательно провести диалектики всеобщего, особенного и единичного. Главный недостаток спинозовской трактовки субстанции коренится в метафизическом понимании природы этой категории. Все находится в постоянном развитии и формообразовании, а осмыслить посредством метафизического понимания субстанции это невозможно. На самом деле, как можно понять исходя из единой, неподвижной субстанции реальное существование множества, качественно определенных конкретностей, формообразований, видов?

Для решения этой проблемы необходимо было соединить идею единства мира с принципом развития, допустить принцип самодвижения, саморазвития, переход от всеобщего к особенному и единичному.

Но такой фундаментальной идеи в философии еще не было, поэтому Лейбниц исходил из противоположной идеи. В отличие от Спинозы он в качестве основания брал абсолютную множественность индивидуальных субстанций, которую называл монадой. В трактовке Лейбница монады суть простые, субстанциальные формы, которые определяют сами себя. Они не изменяются в своей внутренней сущности, одна монада не является причиной другой. Каждая монада самостоятельна, все ее определения и видоизменения всецело совершаются единственно в ней самой, и никогда она не определяется извне. «Остается, следовательно, лишь гармония, существующее в себе единство. Монада, следовательно, просто замкнута в себе, не может быть определена чем-то другим; это другое не может быть введено в нее. Монада не может выходить вне себя и другое не может входить в нее»¹⁰⁹.

В философии Лейбница монады определяются как внутренне определенные, качественные, обладающие внутренними действиями. «Другими словами, – пишет Гегель, – они всеобщы в себе, ибо всеобщность-то и есть именно простота во множестве, следовательно, такая простота, которая вместе с тем изменение, движение множественнос-

¹⁰⁸ Там же. С. 287-288.

¹⁰⁹ Там же. С. 345.

ти. Это очень важное определение; в самой субстанции положена отрицательность, определенность, причем она не теряет своей простоты и внутри-себя-бытия»¹¹⁰.

Как понимание субстанции Спинозой, так и трактовка Лейбница страдают серьезными недостатками. Спиноза сделал великое дело, когда попытался все понять как форму единой, являющейся причиной самой себя субстанции. Но это понимание тут же обнаруживает свои пороки, ибо философ еще не знал принципа развития, историчности субстанции и потому не мог объяснить существование множества сущностей, форм, видов и т.п. В свою очередь, Лейбниц, желая преодолеть этот недостаток, постулировал существование множества сущностей, монад, которые внутренне конкретны, целостны, деятельны и энтелехияльны, но оказался бессильным постичь единство, целостность монад, сущностей, соединить единство и множество этих сущностей.

Поэтому Лейбниц прибегнул к идее монады монад, предустановленной гармонии и т.п. Касаясь противоречий, возникающих при этом допущении, Гегель писал: «Началами вещей служат монады, каждая из которых существует самостоятельно, не воздействуя на других. Если же монада монад, бог, есть абсолютная субстанция и отдельные монады сотворены его волей, то исчезает субстанциальность последних. Таким образом, здесь имеется остающееся в себе неразрешимым противоречие между субстанциальной монадой и затем многими монадами, являющимися согласно Лейбницу, самостоятельными, потому что их сущность состоит в том, что они не находятся в отношении друг к другу»¹¹¹. Чтобы все же выйти из тупика, Лейбниц попытался в отношении одной монады к другой допустить единство, связь этих противоположностей через понятие «предустановленная гармония».

Выявившиеся в истории философии трудности в понимании всеобщего, субстанции пытался по-своему преодолеть (поскольку это возможно в рамках идеализма) Гегель, который в целом сделал много в теоретическом анализе логического содержания субстанции. Однако действительное развитие этого понятия, подлинно научное понимание его содержания стало возможно лишь в материалистической диалектике.

Важнейшей предпосылкой диалектико-логического осмысления содержания понятия субстанции является прежде всего признание

¹¹⁰ Там же. С. 347.

¹¹¹ Там же. С. 353.

всеобщего развития, историчности объективной действительности. Данная концепция охватывает не только материю, абсолютную субстанцию, но и ее бесчисленные особые формы. Каждая форма, система, в свою очередь, имеет ряд формообразований. Все формообразования (особые и единичные) постигаются как особые формы проявления всеобщего, субстанции, причем субстанция понимается как конкретно-всеобщее, которое не просто отличается от своих особых форм проявления, а в них и через них реализует самое себя.

В диалектико-материалистическом истолковании субстанции односторонности прежних концепций преодолеваются так, что субстанция, всеобщее, необходимо соединяется с принципом развития. Если отношение субстанции, атрибутов и модусов у Спинозы формально, абстрактно (ибо неподвижная, метафизически понимаемая субстанция соединяется только таким образом), то в диалектическом понимании это отношение необходимо, конкретно, поскольку все эти стороны не внешни, не самостоятельны, а выступают как особая форма субстанции, формируются и существуют как самостоятельные сущности, хотя в действительности являются формой развивающейся самодвижущейся субстанции.

Конспектируя книгу Гегеля «Лекции по истории философии», В.И. Ленин отмечал: «С «принципом развития»... «согласны все». — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть *того рода* согласие, которым душат и опопшляют истину. — Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respectively уменьшение) etc. — Раз так, то... надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»¹¹². Далее свое понимание В.И. Ленин сформулировал так: «Кроме того, всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира, природы, движения, материи* etc»¹¹³.

Таким образом, в марксистском понимании всеобщее функционирует не только как субстанция, общая основа, отрицательная мощь, а выступает одновременно и как субъект развития и изменения. Поэтому особенное и единичное не подводятся непосредственно под всеобщее, не фигурируют в теоретическом представлении как ничтожные,

¹¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

¹¹³ Там же.

«захиревшие определенности», по остроумному выражению Гегеля, а существуют как формы собственного развития, особые формы самодвижения субстанции. В ходе своего движения субстанция не остается абсолютно тем, что она есть, а становится все более содержательной и конкретной. При абстрактном понимании отношение особенного и единичного ко всеобщему формально, внешне. В диалектическом же понимании особое действительно обособляется от всеобщего, исходной субстанции, выступает как нечто отрицательное по отношению к нему, но суть дела в том, что всеобщее есть конкретно всеобщее, оно в этом особенном и единичном существует не в абсолютно другом, а в самом себе, в особой форме своего собственного самодвижения. То, что отрицает субстанцию (всеобщее), следовательно, выступает собственным самоотрицанием и поэтому преодолевается в ее дальнейшем развитии.

В ходе экономических исследований К.Маркс всесторонне применил диалектико-материалистическое понимание категории субстанции, всеобщего, конкретного и т.п. Только такой подход дал ему возможность глубоко осмыслить экономические факты, вскрыть объективные противоречия действительности и разрешить те теоретические трудности, которые стояли перед его предшественниками. В науке недостаточно глубокое понимание методологической роли категории субстанции мешает правильной трактовке ее исходного принципа. В этом отношении ярким примером может служить само экономическое воззрение классиков политической экономии.

Маркс высоко оценивал труды этих экономистов, поставивших политическую экономию на научную почву. Классики политической экономии пытались все формы капиталистического богатства вывести из понятия стоимости. Это, несомненно, было великим достижением. В их понимании стоимость, труд с самого начала выступали как всеобщее по отношению к товару, деньгам, капиталу и ренте. Если бы они искали абстрактно-общее, то не смогли бы выработать такое понятие. Понятие стоимости ими сформулировано, когда перед исследователем стояла задача выбрать то основание, всеобщее, исходя из которого можно понять всю систему капиталистических экономических отношений. Реализовав такое понимание общего, всеобщего, исходного принципа, они пошли намного дальше по сравнению с современной им эмпирической философией. Если сравнить достижения английской политической экономии с методологической рекомендацией

Локка, Гоббса, Юма, то четко обнаруживается их различие. Понятие стоимости, анализируемое А.Смитом и Д.Рикардо, выходит за рамки методологической рекомендации английского эмпиризма. Локк и Юм принципиально отрицали какое-либо объективное содержание в понятиях субстанции, причинности. В трудовой теории стоимости необходимо присутствует понимание общего как субстанции, всеобщего и т.п. Без такого понимания просто невозможно было бы выработать столь фундаментальное понятие политической экономии. Выработав научное понятие стоимости и поднявшись выше эмпирического понимания общего, классики политической экономии продемонстрировали превосходство своего теоретического мышления над эмпирической философией. Сила их теоретической концепции состояла в том, что они в своих исследованиях применили более глубокое понимание категорий общего, всеобщего, субстанции.

Однако теоретическая слабость А.Смита и Д.Рикардо проявилась в том, что они, во-первых, непоследовательно применяли свою исходную теоретическую концепцию, во-вторых, руководствовались в лучшем случае недиалектическим, антиисторическим пониманием субстанции, всеобщего. Поэтому Маркс совершенно справедливо упрекал их за то, что у них слаба абстракция.

В анализе проблемы политической экономии также существует различие между А.Смитом и Д.Рикардо. А Смит – теоретик, настоящий классик английской политэкономии, ибо он сумел научно обосновать трудовую теорию стоимости, исходя из определенного понимания всеобщего, субстанции. Но, как показал Маркс, А.Смит непоследователен, часто отступал и даже четко не осознавал того, что сам делал при выработке понятия стоимости. Поэтому при анализе других категорий он забывал о субстанциальности своего исходного принципа, а обходился с ним так, как будто это понятие есть абстрактно-общее. Реализовав высокую теоретическую концепцию, когда речь шла об анализе конкретных сторон вещей, он забывал о своей продуктивной идее.

В отличие от А.Смита Д.Рикардо более последователен. Он принципиально проводил исходную позицию. При анализе экономических категорий строго руководствовался предписаниями принципа стоимости. В этом несомненное превосходство теоретического мышления Рикардо по сравнению со Смитом. Однако концепции Рикардо свойственна ограниченность, ибо понятие стоимости он брал не во всем объеме. Анализируя понятие стоимости, он в основном исходил

из метафизического понимания категории субстанции. Поэтому он оказался не в состоянии преодолеть трудности, возникающие между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли.

Это удалось сделать только Марксу, потому что он с самого начала сознательно ориентировался на диалектическое, конкретное понимание всеобщего, субстанции в научно-теоретическом познании. Марксов «Капитал» представляет собой классический образец анализа субстанции, субстанциального отношения, лежащего в основе понятия стоимости. Маркс анализировал это понятие само по себе, в чистом виде и раскрыл те отношения, которые являются подлинной субстанцией буржуазных производственных отношений. Последовательно монистический анализ позволил Марксу показать, что все товары (мелкие стоимости) являются лишь формой этой единой субстанции. «Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости»¹¹⁴.

Величайшее значение марксистского анализа предмета, выявление субстанциальной определенности целого в построении теории хорошо оттенил Э.В. Ильенков, который рассматривает метод восхождения от абстрактного к конкретному как наиболее адекватный метод научного познания. «Этот метод развития понятий – от абстрактного к конкретному, т.е. от понимания субстанции к пониманию форм ее проявления (саморазличения) – как раз и создал возможность научно понять все те очевидные, на поверхности явлений наблюдаемые факты, которые при ином подходе остались бы мистически загадочными: иллюзии товарного фетишизма; природу денег и капитала (как «автоматически самовозрастающей стоимости»), в форме которого стоимость выступает как «...автоматически действующий субъект», как «самовозрастающий субъект» или «...как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция»¹¹⁵.

Таким образом, выявление субстанции, конкретно-всеобщей определенности объективной реальности является фундаментальной задачей научной теории. Субстанция теории по своему замыслу близка к понятию сущности теоретического познания объекта, но субстанция еще не сущность.

¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 46.

¹¹⁵ Ильенков Э.В. Субстанция. «Философская энциклопедия». Т. 5. М., 1970. С. 153.

В метафизическом понимании категории «сущность», «всеобщее», «субстанция», «начало» и т.п. отождествляются или окончательно отрываются друг от друга. Только при диалектическом понимании все эти категории рассматриваются в их связи, трактуются как моменты целостного (диалектического метода) познания действительности. При этом методе исходят из принципа универсального развития и противоречивости объективной реальности. Если действительность находится в универсальном противоречивом развитии, в процессе которого она переходит из одного формообразования (конкретной целостности) в другое, то теоретически осмыслить и понять можно такую действительность лишь посредством диалектического понимания категории субстанции. Для понимания развивающейся действительности субстанцию необходимо осмысливать как историческую категорию, как субстанцию-субъект. При этом все целое, будучи многообразным формообразованием, может быть понято как развитие, саморасчленение единой субстанции. Каждое формообразование, являясь ступенью развития единой субстанции, в то же время имеет свою сущность, которая является особой формой существования субстанции. Справедливость такого понимания можно проиллюстрировать на примере всей марксистской философии, согласно которой материя есть истинная субстанция-субъект всего существующего. Все есть форма саморазвития, саморасчленения материи. В ходе саморазвития материя способна к формообразованию (механические, химические, физические, органические, социальные формы). При этом каждая форма материи имеет свою сущность, не сводимую к другим формам.

Отсутствие глубокого понимания принципа субстанции-субъекта, идеи историчности субстанции необходимо ведет к теоретическим ошибкам и мешает адекватному научно-теоретическому воспроизведению действительности. Непонимание методологической роли этого теоретического принципа ведет, с одной стороны, к абстрактному редукционизму, а с другой – к вульгарному релятивизму.

Согласно диалектической логике, все эти направления несостоятельны и мешают реализации истинной задачи научно-теоретического познания. Действительно, внутри себя сложный, расчлененный объект (конкретная реальность) возникает из более простой системы. Однако познание такого более сложного целого, имеющего свою сущность, невозможно непосредственно свести к более простой системе. Широко известной формой одностороннего мышления был механи-

цизм, долгое время господствовавший в научном познании. Только открытие закона сохранения энергии, создание классической теории поля и статистической физики способствовали крушению механицизма и могли разрушить представление о перемещающихся в пространстве неизменных и навеки данных частицах, лежащих в фундаменте мироздания.

В истории развития физики Максвелл, Гиббс, Больцано сделали многое для подрыва механистического мировоззрения. Однако и они окончательно не подорвали это мировоззрение, поскольку сами понимали субстанцию как нечто неизменное. Выдвинув идею превращаемости и несводимости явлений к механической основе, они не понимали реального, качественного развития явлений. Причину этого прежде всего следует видеть в отсутствии экспериментального материала, который бы четко поставил вопрос о движении, происходящем в самом фундаменте материи. Поэтому проблема субстанции-субъекта универсальна, хотя в широком масштабе поставлена только в теории относительности и квантовой физике. Именно здесь был выдвинут вопрос о том, что объекты, исследуемые квантовой механикой и теорией относительности, принципиально несводимы к механическому перемещению частиц.

В построении современных теорий все большее значение приобретает диалектический способ мышления, в частности закон тождества противоположностей, принцип историчности субстанции. В современной физике превращаемость – это неотъемлемое свойство элементарных частиц. Этот закон в своем частном проявлении отражен в теории Дирака, который дал синтез квантовых и релятивистских идей применительно к электрону. Началом экспериментального доказательства принципа превращаемости является открытие позитрона, а завершением его – открытие антипротона. Открытие позитрона привело к открытию превращения электронно-позитронной пары в фотоны и обратно. С открытием антипротона отпало имеющееся известное (с привкусом классического атомизма) предположение, что существующие элементарные частицы (протон и др.) всегда остаются тяжелыми частицами и не могут превращаться в более легкие частицы (и наоборот – легкие частицы всегда остаются легкими частицами).

Прекрасной иллюстрацией продуктивности принципа субстанции-субъекта, историчности субстанции может служить дарвиновская теория развития видов и марксова теория общественного развития.

Ч. Дарвин в «Происхождении видов» доказал, что в ходе прогрессивного развития случайное для одного вида выступает как бы необходимым, субстанциальным для другого. «Дарвин, – писал Ф. Энгельс, – в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основы. Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака и у которых даже ближайшие их причины могут быть установлены лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его подвергнуть сомнению прежнюю основу всякой закономерности в биологии – понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменности»¹¹⁶.

К. Маркс не только обосновал материалистическое понимание общественного развития, но, открыв всеобщий закон исторического развития, определив понятие общественно-экономической формации, обосновал также историчность его различных форм. В «Капитале» и других теоретических исследованиях Маркс показал несостоятельность методологии редукционизма, который, вместо того, чтобы понять сложное как развитие, формообразование простого, стремился интерпретировать его просто как отклонение от первоначальной формы. При таком понимании природа конкретного, сложного искажается, ибо его сводят к абстрактному выражению. «Это все равно, – писал Маркс, – как если бы кто-нибудь захотел утверждать, что не существует никакого различия, а тем более противоположности и противоречия между природными телами, потому что они, будучи взяты, например, в определении тяжести, все имеют тяжесть и потому одинаковы; или одинаковы потому, что все они существуют в пространстве трех измерений. Саму меновую стоимость здесь также фиксируют в ее простой определенности, в противовес ее более развитым антагонистическим формам»¹¹⁷.

Когда конкретное и развитое сводят к его абстрактному выражению, то вместо адекватного познания получается извращение сложного целого. При этом создают еще впечатление, что якобы в сфере меновых отношений есть область свободы и равенства, которая впоследствии искажается посредством денег, капитала. В действительности такой взгляд ничего общего не имеет с истиной. Противоречия и антиномии существуют еще в товарных отношениях, которые в даль-

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 535.

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 194.

нейшем только получают более развитую форму. В отличие от буржуазных экономистов К.Маркс в анализе товарных отношений вскрыл не только противоречия, но и возможности, зародыши всех противоречий капитализма. «В простом определении меновой стоимости и денег в скрытом виде содержится противоположность заработной платы и капитала и т.д. Таким образом, вся эта премудрость [буржуазных апологетов] сводится к тому, чтобы застрять на простейших экономических отношениях, которые, будучи взяты самостоятельно, представляют собой чистые абстракции, а в реальной действительности, напротив, опосредствуются глубочайшими противоположностями и отражают только ту сторону действительности, в которой выражение этих противоположностей заглушено»¹¹⁸.

В реальной действительности целое (конкретное) действительно вырастает из более простых отношений, но это не дает оснований для сведения более сложной системы к простейшей. Так, например, капитализм реально возникает из товарного производства, но его невозможно непосредственно свести к простым товарным отношениям. На самом деле условием простого товарного производства является обмен товаров по стоимости, а условием капиталистического товарного производства – производство прибавочной стоимости. Однако второе невозможно непосредственно свести к первому. Касаясь этой стороны проблемы, К.Маркс писал: «Если я скажу... что капитал есть *сумма стоимостей*, то этим я скажу только, что *капитал равен меновой стоимости*. Всякая сумма стоимостей есть определенная меновая стоимость, и всякая меновая стоимость есть некоторая сумма стоимостей. Путем простого сложения я не могу от меновой стоимости прийти к капиталу. В простом накоплении денег, как мы видели, еще нет отношения капитализации»¹¹⁹.

Действительно, более сложное целое вырастает из более простого отношения, хотя оно не является механической суммой простейших отношений. Нельзя забывать и то, что сами простейшие отношения к данной системе существуют в чистом виде лишь как исключение и в действительности сами предполагают существование более сложного отношения и являются абстрактной формой его выражения.

Маркс решительно выступал также против методологических приемов, согласно которым хотят понять и решить проблему, не затрагивая

¹¹⁸ Там же. С. 195.

¹¹⁹ Там же. С. 198.

основы, субстанции предмета, а только манипулируя внешними формами проявления. В «Капитале», полемизируя с различными теоретическими противниками, Маркс подчеркивал, что противоречие товарных отношений невозможно снять, разрешить посредством изменения форм денег. «Теперь должно стать совершенно ясным, – продолжает К.Маркс, – что до тех пор, пока сохраняется базис меновой стоимости, все эти попытки представляют собой жалкую стряпню, а иллюзия, будто металлические деньги фальсифицируют обмен, проистекает из полного незнакомства с их природой»¹²⁰.

Порочность теоретических установок апологетов буржуазии состоит в том, что все противоречия капиталистических отношений, коренящиеся в товарно-капиталистических отношениях, они пытаются свести к проблеме металлических денег, которые якобы фальсифицируют обмен. Поэтому они и хотят посредством всяческих фокусов с деньгами устранить те бросающиеся в глаза антагонизмы, проявлением которых только и являются деньги. «Столь же ясно, – писал Маркс, – что, по мнению этих реформаторов, над деньгами можно было бы произвести кое-какие революционные операции, поскольку при этом кажется, будто нападение на деньги оставляет все остальное в старом виде и только приводит его в порядок. В этом случае бьют по мешку, а имеют в виду осла. Однако пока осел не чувствует ударов по мешку, действительно попадает только мешку, а не ослу. Как только осел почувствовал удары, бьют уже осла, а не мешок. Пока операции направлены против денег как таковых, это – всего лишь нападение на следствия, причины которых сохраняются; это есть, стало быть, такое нарушение производительного процесса, которое оставляет нетронутой самую основу...»¹²¹.

К.Маркс подчеркивал, что в металлических деньгах противоречия товарного производства вовсе не коренятся, а только проявляются более ярко. Сами золото и серебро выполняют функцию денег не от природы, а в результате развития товарного производства. Только противоречие и развитие товарного производства породило деньги как определенное экономическое явление. «В золоте и серебре отнюдь не обнаруживается, что их назначение быть деньгами представляет собой лишь результат общественного процесса»¹²².

¹²⁰ Там же. С. 186.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 186-187.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К.Маркс подверг резкой и основательной критике прудониста Даримана, который пытался свести все противоречия в буржуазном обществе к недостаткам организации обращения, не затрагивая при этом производственных отношений и распределения. При этом Дариман подменял причину процесса следствием. Касаясь этой стороны вопроса, К.Маркс писал: «Если бы оказалось, что каждое подобное преобразование обращения, в свою очередь, само уже предполагает изменение прочих условий производства и общественные перевороты, то, естественно, сразу же обнаружилась бы несостоятельность такого учения, которое предлагает свои фокусы в сфере обращения *для того, чтобы*, с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а, с другой стороны, сделать сами эти перемены не предпосылкой, а, наоборот, постепенным результатом перестройки обращения»¹²³.

Несостоятельность этой концепции в том, что Дариман и его сторонники не хотят анализировать сущность, субстанцию процесса, в данном случае характер производственных отношений, а хотят добиться некоторого результата посредством совершенствования обращения, путем изменения форм денег.

К.Маркс показал всю бесплодность их усилий, ибо трудности и противоречия разрешаются только вследствие развития самих субстанциальных отношений, а не вследствие некоторых перемен во внешних формах. По этому поводу К.Маркс писал: «Не является ли опять-таки самоуничтожающимся требованием желать избавления от существующих условий какого-либо отношения путем всего лишь формального изменения этого отношения. Та или иная из различных форм денег может лучше другой соответствовать общественному производству на той или иной из его различных ступеней; одна форма денег может устранить такие недостатки, с которыми не в состоянии справиться другая; но ни одна из этих форм, пока они остаются формами денег, а деньги – существенным отношением, не может уничтожить противоречий, присущих выраженному деньгами отношению, а может лишь преподнести их в той или иной форме»¹²⁴.

Дариман не видел коренных, субстанциальных экономических причин, а сводил все к отдельным формам денег, т.е. в основном обвинял золото и серебро. В «Капитале» Маркс показал несуразность

¹²³ Там же. С. 61.

¹²⁴ Там же. С. 61-62.

рассуждений Даримана, не способного понять то обстоятельство, что буржуазное общество требует специфического обмена, особых орудий обмена. Вообще-то зло не в том, что золото является всеобщим эквивалентом. Рассуждать таким образом, значит видеть причину кризисов в формах, а не в экономических отношениях. Пороки капитализма невозможно вылечить посредством операции над металлическими деньгами, поскольку эти пороки коренятся в буржуазных отношениях. К.Маркс писал: «Стало быть: отменить обмен в том его виде, в каком он соответствует буржуазной организации... общества. Эта последняя задача означает: экономически революционизировать буржуазное общество. Тогда с самого начала обнаружилось бы, что болезнь буржуазного общества нельзя вылечить «преобразованием» банков и учреждением рациональной «денежной системы»¹²⁵.

Эта мысль Маркса имеет важное теоретическое значение и в настоящее время. Дело в том, что многие буржуазные теоретики и сейчас при анализе социальных явлений обращают внимание на частности, формы проявления, оставляя в стороне коренные социальные причины общественного движения.

И еще одной формой непонимания методологической роли принципа субстанции, идеи субстанции-субъекта является тот вульгарный (эмпирический) способ, который при первом же обнаружении противоречия в теории стремится пересмотреть исходный (субстанциальный) принцип теории. В этой связи интересна критика Марксом вульгарной политической экономии.

Вследствие непонимания диалектико-логической природы понятия субстанции в научно-теоретическом познании возникает ряд односторонних способов понимания предмета. Одни с целью понять предмет редуцируют сложное (конкретное) к более простому, другие при каждой встрече с теоретическими трудностями (противоречиями) в познании предмета убеждают, будто речь идет о принципиально новом объекте, о новой системе, хотя в действительности это не так.

Какой же реальный выход из этой антиномии?

Ответ однозначен: единственным способом, в котором действительно преодолеваются эти теоретические односторонности, является сознательное применение фундаментальных принципов диалектики, понимаемой как логика и теория познания. Более конкретно – эти односторонние (абстрактные) способы познания реально разрешаются

¹²⁵ Там же. С. 74.

всесторонним применением марксистского понятия субстанции, теоретического принципа субстанции-субъекта, историчности субстанции.

Во многих областях современной науки, в которых сознательно и во всем объеме еще не руководствуются этим принципом, он все же пробивает себе дорогу под давлением фактов. Кроме того, как свидетельствует известный физик И.С. Шапиро, существуют в научном творчестве кое-какие эмпирические правила, которые в конечном счете восполняют отсутствие общего, универсального принципа субстанции-субъекта в построении теоретического знания. По мнению того же И.С. Шапиро, до сих пор научный прогресс обуславливался совокупным действием двух совершенно противоположных тенденций: с одной стороны, смелая гипотеза, а с другой – нежелание «менять фундаментальные положения физической теории до тех пор, пока есть хоть какая-нибудь надежда найти выход из трудностей без существенного изменения основ»¹²⁶.

В физике существующая теория обычно претендует объяснить все в своей области. Так, классическая электродинамика в свое время претендовала на известную полноту и завершенность. Отдельные физики уже поговаривали о возможной завершенности физической науки вообще. На сей счет известный физик лорд Кельвин говорил: «В физике осталось только два облачка, с решением которых физика окончательно завершит познание своего предмета».

Дальнейшее развитие физической науки ясно показало, что она была бесконечно далека от завершенности. Кроме того, некоторые факты и проблемы оказались по своей природе настолько сложными, что для их научного решения нужно было в определенных областях изменить сложившееся физическое мышление. Например, излучение абсолютно черного тела принципиально противоречило всей системе классического физического познания.

В науке судьбу как новой, так и старой теории обычно решают эксперименты. «По крайней мере до сих пор, – пишет И.С. Шапиро, – негодность положений старых физических воззрений никогда не удавалось доказать иным способом. Это обстоятельство связано в значительной степени с тем, что экспериментальные данные практики никогда не бывают настолько полными, чтобы на их основе можно было бы однозначно решить «обратную задачу» – восстановить истинный

¹²⁶ Шапиро И.С. О квантовании пространства и времени в теории элементарных частиц. В кн.: «Философские проблемы физики элементарных частиц». М., 1963. С. 155.

облик физической теории, отвечающей известной нам совокупности фактов»¹²⁷.

Действительно, наука ни на каком этапе не располагает совокупностью всех фактов. Это обстоятельство знал еще Кант, сделавший отсюда агностические выводы в гносеологии. Кроме того, все факты еще не есть теория. Необходимо выявить внутренние связи этих фактов, господствующие законы процесса, памятуя, что принципы и законы науки «работают» только в определенных пределах, что каждая система имеет свои законы развития и движения. И.С. Шапиро правильно оттеняет значение интуиции, которая указывает ученому на непригодность старой теории. Если рассмотрим историю создания теории относительности и квантовой физики, то увидим, что в процессе познания и осмысления новых фактов, экспериментальных данных А.Эйнштейн решительно порывал со старыми теориями. Противоречие в науке, выявившееся как противоречие теории с фактом (экспериментом) было осмыслено на основе открытия принципиально новых фундаментальных законов науки.

В современной физике, в области теории элементарных частиц, выявились трудности и противоречия (проблемные ситуации), теоретическое осмысление которых нуждается в применении всех ресурсов материалистической диалектики и одновременно имеет большое значение для самой философии. Поэтому интересно рассмотреть ее отдельные проблемы с позиции марксистского понимания субстанции-субъекта.

В настоящее время, по И.С. Шапиро, в создании фундаментальной теории элементарных частиц имеются две группы трудностей: первая состоит в том, что физики еще не научились решать уравнения квантовой теории взаимодействующих полей; вторая – в отсутствии принципа, с помощью которого можно было бы объяснить многообразие известных нам элементарных частиц и установить связь между различными типами их взаимодействия. Он полагает, что трудности второй группы отпали бы, если бы мы умели решать уравнения квантовой теории поля. Как отмечает Шапиро, уравнения классической теории являются системой *конечного* числа дифференциальных уравнений в частных производных. Уравнения же квантовой теории поля представляют собой системы *бесконечного* числа дифференциальных уравнений частных производных. Последние плохо изучены, и нет

¹²⁷ Там же. С. 155.

уверенности в том, что они не содержат внутренних противоречий. Эти уравнения сейчас решаются в двух случаях: а) когда частицы не взаимодействуют; б) когда они взаимодействуют мало. Все решение до сих пор дано по методу теории возмущения квантовой электродинамики.

В истории современной физики были различные попытки решения системы уравнения в квантовой электродинамике методом последовательных приближений. Сначала стремились решить их для свободных полей, а затем подправить их с учетом тех величин, которые содержат α в первой, второй и т.д. степени. Согласно Шапиро, можно было подумать при этом, что из-за малой величины константы α члены этого ряда теории возмущений, содержащие более высокие степени α , будут малы по сравнению с низшими неисчезающими приближениями. Вопреки ожиданиям, последующие приближения оказались не только не малыми, но даже бесконечными, что уже совсем бессмысленно.

В электродинамике научились устранять эти бесконечности с помощью так называемой перенормировки массы и заряда. Однако эти приемы, во-первых, не вытекают последовательно из самих уравнений, они привнесены в теорию искусственно, и, во-вторых, процедура перенормировки отказывается служить в других аналогичных случаях. Это относится, в частности, к так называемым слабым взаимодействиям, ответственным за распад элементарных частиц.

Попробуем эту попытку истолковать положительно. На самом деле, если проанализировать отмеченные И.С. Шапиро трудности, они вполне могут быть разрешены в дальнейшем анализе логических проблем теории. В истории науки подобные трудности встречались в классической теории политической экономии. В «Капитале» Маркс последовательно разрешил их все. То же самое имеет место и в данной теории. Так, решение первоначальных уравнений для свободных полей можно понимать как нечто аналогичное методу, в соответствии с которым Маркс сначала анализировал непосредственный обмен ($t=t$), являющийся экономической клеткой капиталистического общества. В квантовой электродинамике затем подправляют первоначальное решение для свободных полей с учетом величин, содержащих величины в первой и т.д. степенях. В «Капитале» же Маркс не подправляет, а развивает принцип стоимости, учитывая развитие товарного производства и существование такого товара, как рабочая сила. Закон стои-

мости предполагает существование только товарного производства, в котором еще не существует особого товара «рабочей силы». С развитием общества, товарного производства стоимость тоже не стоит на месте, а переходит в особую форму – в прибавочную стоимость. Если бы Маркс сознательно не рассмотрел весь этот процесс и не вскрыл его закономерностей, то можно было бы подумать: сначала он решает принципы для непосредственного товарного обмена (принцип стоимости), а затем подправляет его с учетом таких величин, как прибыль, процент и т.д.

При внимательном анализе логической структуры квантовой электродинамики необходимо возникает ряд аналогий с «Капиталом» Маркса. В самом деле, если уравнения для свободных полей как-то напоминают стоимость, их поправка в дальнейшем напоминает прибавочную стоимость, то перенормировка прямо тождественна закону средней нормы прибыли, а слабое взаимодействие – прибыли и т.д. При обычном дедуктивном подходе здесь возникают тысячи трудностей. В своей статье И.С. Шапиро утверждает следующее: «Поскольку у нас нет перед глазами точного решения уравнений квантовой электродинамики, мы до сих пор не в состоянии сделать окончательный вывод о природе появления упомянутых бесконечностей – являются ли они следствием использования метода теории возмущений или свидетельствуют о неправильности (внутренней противоречивости) исходной системы уравнений»¹²⁸.

Согласно Шапиро, в теории возникают противоречия и парадоксы, когда хотят их развить. «При определенных предположениях, – продолжает он, – представляющихся естественными, из теории следует парадоксальное заключение: исходя из уравнений, предполагавших наличие взаимодействия между частицами, мы получаем решение, в котором взаимодействие исчезает вовсе (детальные исследования в этом направлении принадлежат Л.Д. Ландау и И.Я. Померанчуку). Такой результат, будучи строго доказанным, означал бы внутреннюю противоречивость уравнений квантовой теории поля»¹²⁹.

Диалектическая логика утверждает, что всякое противоречие в теории не является злом, поэтому необходимо прежде всего исследовать логическую природу, характер этого противоречия. В теории недопустимы противоречия, возникающие из-за ошибок и теоретических

¹²⁸ Там же. С. 157.

¹²⁹ Там же.

неточностей. А противоречия, возникающие в теории как результат духовного воспроизведения предмета и при строжайшем соблюдении логики, вполне допустимы.

В истории политической экономии к такого рода противоречиям относилось противоречие между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. В «Капитале» К.Маркс исходит из того, что источником стоимости является живой труд, переменная часть капитала, а в заключение (о норме прибыли) говорит, что прибыль тем больше, чем больше постоянная часть капитала. В противоположность вульгарным экономистам, которые сразу предложили изменить исходные принципы, Маркс внимательно исследовал причину возникновения такого противоречия и разрешил его путем нахождения опосредствующих звеньев.

**ОБОСНОВАНИЕ ОСНОВНОГО ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ.
 ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СВЯЗ СУЩНОСТИ С ФОРМАМИ
 ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ**

**Основное понятие теории. Анализ категорий «сущность»,
 «противоречие» как логических форм (принципов) обоснования
 основного понятия теории**

В построении теоретического знания, в форме которого воспроизводится объективное конкретное целое, как было отмечено, имеет фундаментальное значение всеобщий принцип теории, с обоснования которого начинается духовно-теоретическое воспроизведение действительности. Однако в диалектическом познании, в отличие от формального способа построения знания, обоснование начала, всеобщего принципа не покрывает всего сложного содержания теоретического познания предмета. Для полного и адекватного воспроизведения действительности всеобщее основание теории должно развиваться, выявить новые определенности, и только в результате такого теоретического движения можно воспроизвести объективное целое. Логической формой такого движения является развитие от всеобщего к особенному и от него к единичному.

В начале теоретического познания всеобщее¹³⁰ еще не расчленимо и поэтому абстрактно. Только в ходе движения теоретического познания от всеобщего к особенному и единичному преодолевается абстрактность исходного всеобщего знания и оно становится конкретным. В диалектической логике восхождение трактуется не как простое выведение из исходного общего, а понимается как его развитие. При этом особое рассматривается здесь не как нечто другое, а как *обособившаяся всеобщность*. Поэтому, отмечал Гегель, всеобщее находится «в особенности не у чего-либо другого, а всецело у себя самого»¹³¹. В свою очередь особенность содержит в себе ту всеобщность, которая составляет ее основу, субстанцию. «Особенное, следовательно, – писал Гегель, – не только *содержит* в себе всеобщее, но и изображает

¹³⁰ Здесь и в дальнейшем «всеобщее» нами понимается материалистически, т.е. как объективное всеобщее отношение предметов объективной материальной действительности

¹³¹ Гегель. Соч. Т. 6. С. 37.

последнее также и *своей определенностью*, поскольку всеобщее образует собой ту *сферу*, которую должно исчерпать особенное»¹³².

В диалектической логике, таким образом, особенное и единичное рассматриваются не просто в их включенности в сферу всеобщего, а интерпретируются как такая определенность, в которой присутствует момент отрицания.

В целом развитие всеобщего к особенному и единичному, с одной стороны, выступает как саморазвитие, самоотрицание исходного начала (субстанции), а с другой – как диалектическое снятие своего отрицания, так как в особенном и единичном всеобщее не превращается в нечто чуждое себе, а переходит в свое другое.

В ходе такого движения теоретическое познание о предмете становится все более содержательным. При этом фундаментальное значение имеет внутренняя противоречивость всеобщего, наличие внутреннего отрицания, которое, являясь деятельной стороной противоречия, выступает причиной саморазвития всего теоретического знания. В общем-то исходное всеобщее (субстанция) развивается не только потому, что оно неразвито, но главным образом вследствие того, что оно внутри себя противоречиво, содержит момент отрицания. Диалектическое отрицание – это форма развития исходного основания.

Развитие теоретического знания, движение всеобщего к особенному и единичному в классической форме прослежено Марксом в «Капитале». Как известно, свой анализ Маркс начинает с того, что капитализм – это огромное скопление товаров, а отдельный товар – его элементарная форма. В результате теоретического анализа «элементарного бытия» буржуазного общества он обосновал всеобщий принцип (стоимость), который, будучи сущностью товара, простых товарных отношений, одновременно является субстанцией всего капиталистического производства, ибо все другие конкретные (многообразные) отношения буржуазного общества возможно понять только как модификацию этой основы.

Однако справедливо также и то, что стоимость, будучи субстанцией, всеобщим капитализма, не является его сущностью, которая, в свою очередь, есть не что-то другое, а лишь особая форма развития этой же субстанции. Действительно, сущность капиталистического товарного производства не выражается просто понятием стоимости, а особой стоимостью – прибавочной стоимостью. Если понятие стоим-

¹³² Там же. С. 38.

мости выражает сущность простого товарного отношения, то понятие прибавочной стоимости выражает внутреннее содержание капиталистического товарного производства, когда товаром становится рабочая сила. Но понятие стоимости одновременно является субстанцией всей капиталистической формы хозяйства, ибо все капиталистические отношения опосредуются через товарные отношения.

Согласно Марксу, стоимость как сущность и стоимость как субстанция отличаются друг от друга. Как сущность стоимость непосредственно определяет свои формы (товар, меновые отношения, деньги и т.п.), а как субстанция лежит в основании многообразных форм, среди которых фигурируют прибыль, рента, процент и т.д. Причем последние не определяются непосредственно стоимостью, она выступает их основанием только в результате своего саморазвития. Лишь прибавочная стоимость (особая форма этой субстанции) является сущностью прибыли, ренты и процента. Прибавочная стоимость — это не нечто другое по отношению к стоимости, а ее собственная форма развития и саморазвития. «...Стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно, ее возрастание есть самовозрастание»¹³³.

Заслуга Маркса в том, что он проследил процесс возникновения прибавочной стоимости, т.е. определил прибавочную стоимость как такое особое в товарно-капиталистическом производстве, что возникает как бы в процессе самодвижения стоимости. «Стоимость становится, таким образом, — пишет Маркс, — самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал»¹³⁴. «Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, — писал он, — она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо»¹³⁵.

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 165.

¹³⁴ Там же. С. 166.

¹³⁵ Там же. С. 165.

До Маркса было тайной превращение формул товарного обращения в формулы капитала. Более того, возможность прибавочной стоимости противоречила стоимости, обмену эквивалентов. Лишь Маркс разрешил эту тайну посредством открытия рабочей силы как товара. Для возникновения капитала недостаточно наличия простого товарного производства, а необходимо его развитие. В.И. Ленин охарактеризовал капитализм как товарное производство на той стадии его развития, когда и рабочая сила становится товаром.

Касаясь процесса самодвижения, самовозрастания стоимости, Маркс писал: «...это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т.е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду, или рабочая сила»¹³⁶.

Всеобщим условием саморазвития, самовозрастания стоимости, таким образом, является существование рабочей силы как товара. Для своего саморазвития и самодвижения стоимость, деньги должны противостоять потребительной стоимости. В этом имманентном отрицании стоимость должна сохранить себя, или сделать бытие потребительной стоимости условием своего самовозрастания. Это может быть действительно реализовано только тогда, когда стоимость противостоит не просто той или иной потребительной стоимости, а лишь особой потребительной стоимостью, т.е. потребительной стоимости, соотносенной с ней самой.

«Обмен, посредством которого деньги становятся капиталом, – писал Маркс, – не может быть их обменом с товарами [вообще], а может быть только обменом с их понятийно определенной противоположностью, с товаром, находящимся к ним самим в понятийно определенной противоположности – с трудом»¹³⁷. «В качестве капитала деньги существуют только в связи с не капиталом, отрицанием капитала, и они являются капиталом только в рамках отношения к этому отри-

¹³⁶ Там же. С. 177-178.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 489.

цанию капитала. *Действительным не капиталом является сам труд. Первый шаг, делаемый деньгами в их становлении капиталом, это их обмен с рабочей силой...*¹³⁸

Таким образом, Маркс рационально разрешил трудности, возникающие в обосновании прибавочной стоимости. Оказалось, что прибавочная стоимость есть также стоимость, возникающая в условиях, когда рабочая сила становится товаром. В данном случае мы опять сталкиваемся с отношением всеобщего, особенного и единичного. Всеобщим является стоимость как основа всего товарно-денежного отношения, но она вступает в противоречие с особой формой стоимости – прибавочной стоимостью. Закон стоимости регулирует обмен эквивалентов, а прибавочная стоимость констатирует обмен неэквивалентов, т.е. неравной стоимости. Эти два суждения как бы взаимно исключают друг друга. В «Капитале» Маркс разрешает это противоречие стоимости и прибавочной стоимости. Оно разрешается посредством открытия такого особого товара, каким является рабочая сила. Тайна возникновения прибавочной стоимости оказывается в неоплаченном труде. Капитал возникает в процессе товарного обращения и вместе с тем вне товарного обращения.

В построении теории капиталистического общества *основным* является понятие прибавочной стоимости. В политической экономии главные трудности выявлялись в процессе обоснования этого понятия, отчего зависело в основном и теоретическое воспроизведение капиталистического общества. «Необходимо точно развить понятие капитала, – писал Маркс, – так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал, – абстрактным отображением которого служит его понятие, – является основой буржуазного общества. Из четкого понимания основной предпосылки [капиталистического] отношения должны выявиться все противоречия буржуазного производства, так же как и та граница, достигая которую это отношение гонит буржуазное производство к выходу за свои собственные предель»¹³⁹.

Маркс всесторонне и научно разработал понятие прибавочной стоимости и разрешил все теоретические трудности, которые были камнем преткновения для всей домарксовской политической экономии. Понятие прибавочной стоимости – это величайшее открытие Маркса.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 288.

Именно в результате открытия и обоснования этого фундаментального понятия он революционизировал всю прежнюю политическую экономию и пересмотрел все прежние экономические категории. Сначала Маркс дал свою теорию стоимости и подверг критике теории стоимости Рикардо. Он исследовал затем отношение товара и денег и обосновал свою знаменитую теорию денег. После этого Маркс с абсолютной точностью доказал источник капитала, превращение денег в капитал, которое основывается на купле и продаже рабочей силы. «Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, – писал Ф.Энгельс, – он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников»¹⁴⁰.

Все прежние политэкономы о прибавочной стоимости имели лишь представление, но не имели понятия, не могли раскрыть способ формирования прибавочной стоимости. В лучшем случае они видели источник прибавочной стоимости в неоплаченном труде, но не исследовали этого факта дальше, не раскрыли внутренних процессов формирования прибавочной стоимости и не провели эту идею через всю политическую экономию. Недостаток их теоретического мышления выявился уже в том, что они оказались неспособными рассмотреть прибавочную стоимость в чистом виде, постоянно смешивали ее с особыми формами ее проявления. В связи с этим об А.Смите Маркс писал: «...хотя он по сути дела и рассматривает прибавочную стоимость, не представляет ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм, – то в дальнейшем он уже прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью»¹⁴¹.

Эту теоретическую ошибку допускал и Рикардо и все последующие экономисты. Причем у Рикардо она выступала в более резкой форме, так как он систематически и последовательно проводил закон стоимости. «Рикардо везде... непосредственно отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью. Поэтому согласно Рикардо това-

¹⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 21.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 64.

ры продаются с *прибылью* не потому, что они продаются *выше* своей стоимости, а потому, что они продаются *по своей стоимости*»¹⁴². «Ни самому Рикардо, ни его ученикам не приходит в голову, – писал Маркс, – что даже если мы рассматриваем не капиталы в различных отраслях, а *каждый* капитал в отдельности..., норма прибыли и норма прибавочной стоимости различны, и, следовательно, прибыль должна представлять собой некоторую далее развитую, специфически модифицированную форму прибавочной стоимости»¹⁴³.

В понимании природы прибавочной стоимости, ее взаимоотношения с особыми формами вульгарная политическая экономия выявила свое полнейшее бессилие, так как она грубо хваталась за эмпирическую форму, чтобы опровергнуть истинность общего закона. Некоторый прогресс в понимании понятия прибавочной стоимости сделан так называемыми пролетарскими противниками политико-экономов, которые, сводя прибавочную стоимость к прибавочному труду, пытались подвергнуть критике капиталистический способ производства. Касаясь работы этих экономистов, К.Маркс писал: «Если у Рикардо и других политико-экономов интерес направлен только на то, чтобы понять отношения капиталистического производства и объявить их абсолютными формами производства, то рассматриваемый нами памфлет и остальные подлежащие здесь рассмотрению сочинения той же категории овладевают вскрытыми Рикардо и другими политико-экономом таинствами капиталистического производства для того, чтобы с позиций промышленного пролетариата выступить против капиталистического производства»¹⁴⁴.

В своих исследованиях они постоянно смешивали также прибавочную стоимость с особыми формами ее проявления, по этой причине они и не имели понятия прибавочной стоимости. Только Маркс, рассмотрев прибавочную стоимость в чистом виде, независимо от ее особых форм, смог сформулировать понятие прибавочной стоимости, всесторонне раскрыть способ формирования, возникновения и функционирования прибавочной стоимости в буржуазном обществе. Теоретическое превосходство Маркса состоит в том, что он смог раскрыть сущность капиталистического производства, детально проследить действительный ход образования прибавочной стоимости. В отличие

¹⁴² Там же. Ч. 3. С. 65-66.

¹⁴³ Там же. С. 83.

¹⁴⁴ Там же. С. 246.

от своих предшественников он видел подлинную научную проблему там, где те видели уже решение. «Он видел, – писал Энгельс, – ... что здесь речь шла не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства...»¹⁴⁵. Вот почему теория прибавочной стоимости имела великое значение в построении теории о капиталистическом способе производства, она оказала колоссальное влияние на умы, «произвела такое впечатление, как удар грома с ясного неба, притом во всех цивилизованных странах»¹⁴⁶.

Понятие прибавочной стоимости – действительно великое открытие Маркса. Оно революционизировало всю прежнюю политическую экономию, заставило пересмотреть все прежние экономические категории. При обосновании понятия прибавочной стоимости им всесторонне применена и разработана материалистическая диалектика.

В свете сказанного легко можно убедиться в ложности тех утверждений, авторы которых в свое время пытались приписать первооткрытие (обоснование) понятия прибавочной стоимости Родбертусу и другим. Так, некий Р.Майер писал: «Из этих опубликованных работ» [работ Родбертуса, относящихся ко второй половине тридцатых годов] «Маркс, как это можно доказать, почерпнул большую часть своей критики»¹⁴⁷. В этом же духе выступил и сам Родбертус: «Ныне я вижу, как меня *ограбили* Шеффле и Маркс, причем они не называют меня»¹⁴⁸.

В предисловиях ко второму тому «Капитала» и первому немецкому изданию «Нищеты философии» Ф.Энгельс опроверг одно за другим эти измышления как с фактической (документальной); так и с теоретической стороны. Он доказал, что понятие прибавочной стоимости, открытое и обоснованное Марксом, как небо от земли отличается от представления, которое себе составил Родбертус. Если Маркс разработал конкретное понятие прибавочной стоимости, то Родбертус в лучшем случае о прибавочной стоимости имел лишь абстрактное первоначальное представление, «несовершенное мысленное выражение предмета».

¹⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 20.

¹⁴⁶ Там же. С. 19.

¹⁴⁷ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 10.

¹⁴⁸ Там же.

В своем исследовании Родбертус смешивает прибавочную стоимость с особой формой ее проявления, т.е. рентой, которую он считает лишь простой суммой земельной ренты и прибыли. Ввиду этого он с самого начала закрывает себе путь к теоретическому пониманию сущности капиталистических отношений. При этом ничего нового по сравнению с предшественниками он не дает. Кроме того, как отмечает Энгельс, Родбертус некритически заимствовал экономические категории «труд», «капитал», «стоимость» и т.д. в их грубой, выражающей лишь поверхность явления форме, «перешедшей к нему по наследству от экономистов, не исследуя содержания этих категорий»¹⁴⁹.

Правда, надо отдать должное, Родбертус обратил внимание на то, что прибавочная стоимость образуется от неоплаченного труда и что заработная плата составляет только часть стоимости продукта. В своих работах он отсюда пытался сделать кое-какие социалистические выводы. В этих положениях, как показал Ф.Энгельс, в теоретическом отношении нет ничего нового, так как первая часть вывода уже содержится в экономических воззрениях А.Смита и Д.Рикардо, а вторая широко распространена в трудах пролетарских критиков политэкономов. Однако, как совершенно правильно отметил Ф.Энгельс, от этого первоначального представления до понятия прибавочной стоимости еще очень далеко. Родбертус прежде всего не понял сущности понятия прибавочной стоимости, способа ее образования, ее связи с развитием товарного производства, с рабочей силой как товаром. Поэтому-то Родбертус и не видел необходимости в критическом пересмотре существующих экономических категорий. Только Маркс обосновал подлинно научное понятие прибавочной стоимости, раскрыл ее место в системе других категорий экономической науки. Руководствуясь этим понятием, он пересмотрел всю прежнюю политическую экономию и обосновал новое теоретическое понимание предмета. Вот почему теория Маркса явилась настоящим переворотом в политической экономии.

В ходе обоснования понятия прибавочной стоимости Маркс всесторонне разработал также материалистическую диалектику и важнейшие логические принципы, обеспечивающие конкретное познание объективной действительности. Так, если Родбертус отождествлял прибавочную стоимость с особой формой, то Маркс, опираясь на логический принцип рассмотрения сущности независимо от форм проявления, исследовал прибавочную стоимость самостоятельно, незави-

¹⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 183.

симо от особых форм ее проявления. В результате такого продуктивного методологического подхода он получил возможность выработать о предмете глубокое научное понятие. Касаясь особенности марксистского способа образования понятия, Ф.Энгельс писал: «Маркс сводит то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях, к его наиболее обобщенному мысленному выражению. Его абстракция, следовательно, только отражает в форме мысли то содержание, которое уже заключается в вещах»¹⁵⁰.

В отличие от Маркса Родбертус обнаружил крайне поверхностное, абстрактное понимание предмета, в котором проявились коренные недостатки его логико-теоретических представлений. «Родбертус, наоборот, — пишет Ф.Энгельс, — составляет себе некое более или менее несовершенное мысленное выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет истинное, вечное содержание вещей и общественных отношений, содержание которых, однако, по существу преходяще. Таков его *истинный* капитал. Это — не *современный* капитал, который является лишь несовершенной реализацией понятия. Вместо того чтобы из современного, единственно только и существующего в действительности капитала выводить понятие капитала, Родбертус, желая от современного капитала прийти к капиталу истинному, прибегает к помощи изолированного человека и спрашивает: что же может в производственной деятельности подобного человека фигурировать в качестве капитала?»¹⁵¹.

Как видим, Ф.Энгельс вскрыл два серьезных недостатка в экономических исследованиях Родбертуса: во-первых, то, что у исследователя не было подлинно научного понятия о предмете, а только абстрактное представление, «несовершенное мысленное выражение», что обусловлено теоретической слабостью его мышления; во-вторых, то, что Родбертус не способен рассмотреть предмет в его конкретности и раскрыть его сущность, объективные и действительные взаимосвязи с другими явлениями, так как сам его способ рассмотрения предмета является абстрактным (в дурном смысле этого слова).

Поскольку Родбертус не смог глубоко проникнуть в суть понятия прибавочной стоимости, постольку он не выявил и отношения данного понятия к его превращенным формам. Отождествляя частную форму с общей, он был не в состоянии понять характер противоречия общей

¹⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 180.

¹⁵¹ Там же.

формы с особыми формами ее существования. Поэтому к Родбертусу относятся полностью замечания Маркса, высказанные им в адрес одного ученика Рикардо: «Как у Рикардо смешение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, так и у него к таким же противоречиям приводит то, что прибавочную стоимость он окрестил процентом на капитал. Правда, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он, во-первых, сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду, а во-вторых, хотя и называет прибавочную стоимость процентом на капитал, вместе с тем подчеркивает, что под *interest of capital* он понимает общую форму прибавочного труда в отличие от его особых форм – ренты, ссудного процента и предпринимательской прибыли. Но название одной из этих особых форм, *interest*, он опять-таки принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова впасть в экономическую тарабарщину...»¹⁵².

В своих экономических исследованиях Родбертус также находился в плену старых экономических категорий, некритически заимствовал их у своих предшественников. Отождествив ренту с прибавочной стоимостью, он сделал ее совершенно неопределенной. «Результатом этих двух промахов было то, – писал Энгельс, – что он снова впадает в экономическую тарабарщину, что, сделав шаг вперед по сравнению с Рикардо, он критически не идет дальше, а вместо этого поддается искушению сделать свою недоработанную теорию, еще не освободившуюся от скорлупы, основой утопии, с которой он выступил, как и всегда, слишком поздно»¹⁵³.

В результате всего этого Родбертус оказался неспособным, во-первых, иметь подлинно научную теорию (понятие) прибавочной стоимости, во-вторых, провести такое понятие как руководящую нить по всей экономической области. Поэтому он имел о прибавочной стоимости лишь некоторые первоначальные представления, дальше которых в своем творчестве не пошел. Касаясь этой стороны творчества Родбертуса, Ф.Энгельс писал: «Разработка им в известном направлении теории стоимости Рикардо была многообещающим началом. Хотя она и была новой только для него и для Германии, но в целом она все же стоит на одном уровне с произведениями его лучших английских предшественников. Но это было именно только начало, из которого действительный вклад в теорию мог получиться лишь при

¹⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 17.

¹⁵³ Там же.

дальнейшей основательной и критической работе. Этот дальнейший путь, однако, он сам себе отрезал тем, что с самого начала принялся развивать теорию Рикардо и в другом направлении, в направлении к утопии. Вместе с этим им было утеряно первое условие всякой критики – отсутствие предвзятого мнения»¹⁵⁴.

Подлинный переворот во всем понимании экономической проблемы сделал Маркс, который с самого начала поставил вопрос на чисто объективную позицию, отвлекаясь от всякого предвзятого мнения. Если Родбертус оставался в рамках старых теоретических представлений, то Маркс основательно и критически пересмотрел основы прежних теоретических воззрений. Он прежде всего рассмотрел сущность, прибавочную стоимость независимо от особых форм и таким образом получил возможность развить понятие стоимости, понять прибавочную стоимость как особую форму саморазвития стоимости. В последующем он глубоко проанализировал отношение прибавочной стоимости к особым, превращенным, формам ее существования и разрешил противоречия, которые были камнем преткновения для предшествующих экономистов. Касаясь этой стороны проблемы, Ф.Энгельс писал: «У Маркса прибавочная стоимость *лишь всеобщая форма* той суммы стоимости, которую без всякого эквивалента присваивают собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на особые, *превращенные* формы прибыли и земельной ренты. Эти законы излагаются в книге III, в которой впервые будет показано, сколько промежуточных звеньев требуется для того, чтобы от понимания вообще прибавочной стоимости прийти до понимания ее превращения в прибыль и земельную ренту, следовательно, – до понимания законов распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов»¹⁵⁵.

Таким образом, основное понятие капитализма – понятие прибавочной стоимости – всесторонне и глубоко обосновано только Марксом. В ходе обоснования этого понятия ярко проявилось превосходство марксистской методологии, имеющей фундаментальное значение в построении любого теоретического знания. В этой связи необходимо проанализировать те логико-теоретические условия (принципы), которые дают возможность успешно обосновать основное понятие теории и разрешить трудности, возникающие в ходе разработки данного

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 193.

¹⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 14–15.

понятия. Здесь, с одной стороны, важнейшее значение имеет марксистская трактовка понятия, а с другой – углубленный теоретический анализ таких диалектико-логических принципов (категорий), как «сущность», «целостность», «противоречия» и т.п.

А. Категория сущности и ее роль в обосновании основного понятия теории

В обосновании основного понятия теории категория сущности выполняет важнейшую логико-методологическую функцию, в чем легко можно убедиться на примере «Капитала» Маркса. Теоретическое преимущество Маркса в обосновании основного понятия теории выявилось и в успешном применении диалектико-логического понимания сущности к анализу сложнейших экономических явлений.

Предшественники Маркса, в том числе Родбертус, не смогли обосновать понятие прибавочной стоимости, отождествляли ее с особыми формами (прибыль, рента, процент), потому что исходили из эмпирического, ограниченного представления о сущности. В их понимании сущность – это нечто общее и одинаковое для данного класса явлений. Поэтому, чтобы выработать понятие прибавочной стоимости, они хватились или за эмпирическое общее, или просто описывали какую-либо частную форму. Даже понятие стоимости они трактовали как абстрактно-общее, из которого непосредственно пытались вывести особые, более развитые формы. Они не имели представления о посредствующих звеньях, предполагали всегда совпадение сущности с эмпирическими формами проявления. Абстрактность, метафизичность такого понимания не вызывает никакого сомнения.

В ходе обоснования понятия прибавочной стоимости Маркс реализовал принципиально иное понимание сущности. По его трактовке, сущность – это не элемент, не абстракт, а та особая форма развития субстанции, которая имеет всеобщее значение в данной системе. В понимании Маркса сущность выступает как особый «эфир», который определяет удельный вес всего существа, в нем находящегося. «Каждая форма общества имеет определенное производство, – писал он, – которое определяет место и влияние всех остальных производств... Это – общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях»¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 733.

В таком понимании сущность, разумеется, не покоится в эмпирической структуре отдельного предмета, а реально существует в тех особых связях и отношениях, которые этот предмет занимает внутри некоторого целого. Поэтому понять сущность предметов и явлений означает раскрыть природу целостности, внутренние движения, делающие данный предмет тем, что он есть. Обычное же разложение (анализ) целого на составные эмпирические элементы не только не способствует познанию сущности, а, наоборот, ведет к ее потере. Вот почему в ленинском анализе сущность не изображается неким остаточным явлением, а рассматривается как реальное движение, смысл целого, возникающий лишь в реальном отношении.

Поскольку сущность есть некоторое взаимоотношение, взаимодействие, внутренний смысл целого, постольку она существует только в этом отношении и проявляется через те стороны, которые составляют эти взаимоотношения. Поэтому всегда существует отношение сущности и видимости, сущности и явления и т.п. Если сущность существует как некая внутренняя связь, взаимодействие и потому непосредственно не доступна, то явление существует непосредственно, эмпирически-реально. Стало быть, эмпирическое знание не совпадает со знанием сущности. В этой связи Маркс подчеркивал: если сущность предмета непосредственно совпала бы с явлением (формой), то не было бы необходимости в науке, ибо все было бы непосредственно очевидно.

Продуктивность марксистского понимания сущности ясно обнаружилась в анализе таких сложнейших понятий, как «человек», «мышление», «общество» и т.п. Действительно, прежняя философия и социология не могли выработать научное понятие человека, так как подходили к нему структурно, стремились выявить то, что было общим для всех человеческих индивидов. Только Марксу удалось дать научное понятие человека. Он рассмотрел человека как совокупность общественных отношений, основой которых является производственная, предметная деятельность людей.

В «Капитале» Маркс также всесторонне применял свое глубокое научное понимание сущности. Анализируя такое сложное явление, как деньги, Маркс четко понимал, что их сущность возможно понять не из природы золота, а только исходя из развития товарных отношений.

На самом деле, сколько бы ни анализировали средствами физики и химии вещественную природу золота, в нем невозможно найти то,

что делает золото всеобщим эквивалентом. Быть деньгами – это вовсе не природное, естественное свойство золота; лишь определенные социально-экономические условия превращают золото в деньги, дают возможность ему функционировать в этом качестве. Иными словами, функция денег не закодирована в вещественной структуре золота, а коренится в более широком целом, из развития которого впервые возникают деньги. Только развитие товарных отношений и их противоречия создали возможность вытолкнуть золото (особый товар) из среды всех других товаров и заставили его выполнять функцию денег.

«Золото и серебро сами по себе не деньги, – писал Маркс. – Природа не создает денег, так же как она не создает вексельный курс или банкиров. В Перу и Мексике золото и серебро не служили деньгами, хотя они встречались в виде украшений и хотя там существовала развитая система производства. Быть деньгами не является природным свойством золота и серебра, и поэтому оно совершенно неизвестно физику, химику и т.д., как таковым»¹⁵⁷.

Здесь К.Марксом точно сформулировано отношение сущности к элементам. Действительно, кирпичи сами по себе еще не дом, хотя дом может быть и кирпичным. Подобно этому и золото само по себе не есть деньги, хотя деньги и существуют в форме золота. «Но деньги, – продолжает Маркс, – это непосредственно золото и серебро»¹⁵⁸. И на этом основании те, которые: знают только эмпирический анализ предметов, сводят целостность (форму) к элементам.

Таким образом, сущность не есть некая покоящаяся определенность, а своеобразное сочетание, функция целого, которое, в свою очередь, формировалось исторически и выступает особой формой более широкого целого. На самом деле, всякое внутренне расчлененное целое в качестве своего основания имеет единое, субстанцию, из саморазвития которой слагаются различные формообразования этой единой субстанции. Система выступает как единое целое потому, что многочисленные формообразования, отличающиеся друг от друга, выступают как формообразования этой единой субстанции.

Задача научно-теоретического познания не в том, чтобы свести многообразие к единому (это успешно сделал еще Спиноза), а в воспроизведении целого как результата саморазвития субстанции, при этом диалектически синтезировать сведение форм к субстанции

¹⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 185.

¹⁵⁸ Там же.

и выведение многочисленных форм из развития субстанции. В этой связи интересны мысли Маркса, высказанные относительно метода применения диалектики Ф. Лассалем. «Идеологизм проходит через все, — писал Маркс, — а диалектический метод применяется *неправильно*. Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы «случаев» под общий принцип»¹⁵⁹. На полях В.И. Ленин отметил: «Лассаль «идеолог» и фальшиво применяет диалектику: («Подведение массы случаев под общий принцип не есть диалектика»)»¹⁶⁰. Итак, сведение многообразия к общему не имеет никакого отношения к диалектике. Диалектическое познание прослеживает противоречивое развитие, формообразование, раскрывает опосредствующие звенья и разрешает рационально противоречия предмета.

При таком способе теоретического воспроизведения предмета четко выявляется различие категорий «субстанция», «сущность» и т.п. Если при абстрактном рассмотрении они только синонимы, то при конкретном подходе они отличаются, выполняют в теоретическом познании различные функции. Если субстанция есть единое в целом, то сущность — это особая, своеобразная форма субстанции, которая в данном формообразовании имеет всеобщее, субстанциальное значение. В теоретическом познании сущность, имея срединное положение между субстанцией и другими превращенными формами, выполняет своеобразную функцию. По отношению к субстанции она является особым, а по отношению к своим формам — всеобщим. Сущность, таким образом, есть своеобразное движение субстанции, выполняющей функцию всеобщего в формировании данного целого. Будучи особым движением, своеобразным сочетанием многообразного, она отличается от элементов, формирующихся посредством этого движения. Если первое есть сущность, то второе — это эмпирическая форма ее реализации, значит, сущность (внутренняя связь) отличается от своих явлений, форм проявления, которые ее выражают.

Следует подчеркнуть, что сущность как способ формирования данного целого ничего общего не имеет с эмпирическим аналогом, а является особым движением субстанции, особым единством своих форм проявления. Поэтому в теоретическом познании возникает реальная возможность рассмотреть сущность независимо от форм проявления.

¹⁵⁹ См. Ленин В.И. Конспект «Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса. 1844-1883 гг.». М., 1968. С. 298.

¹⁶⁰ Там же.

Только такое рассмотрение и позволяет выделить сущность предмета, рассмотреть способ его формирования.

Ограниченность политэкономов до Маркса состояла в том, что они не смогли рассмотреть прибавочную стоимость независимо от форм проявления. Они не понимали, что сущность как особый способ формирования предмета в целом не тождественна с особыми формами, которые являются только эмпирическими, превращенными формами ее выражения, не понимали, в чем отличие общего, формально-общего от содержательно-общего как способа формирования предмета.

В «Капитале» Маркс глубоко и всесторонне показал как отличие сущности от форм проявления, так и внутреннюю, нераздельную связь этих определенностей друг с другом. Вопрос об отличии сущности от форм проявления К.Маркс содержательно проанализировал в ходе рассмотрения соотношения стоимости с ценами товаров. В его трактовке стоимость реально отличается от цен товаров, так как она выступает как закон тех движений, которые совершает цена. «Но они всегда различны и никогда не совпадают или совпадают лишь совершенно случайно и в виде исключения. Цена товара стоит всегда выше или ниже стоимости товара, и сама стоимость товара существует лишь в отклонениях товарных цен вверх и вниз»¹⁶¹.

В своих теоретических исследованиях Маркс не ограничился различием стоимости от рыночных цен, но раскрыл и их внутреннюю связь. По его определению, каждая сторона противоположности имеет ту или иную определенность только соотносясь с другой ее стороной. К.Маркс писал: «Рыночная стоимость выравнивается в реальную стоимость путем своих постоянных колебаний, никогда не путем установления равенства с реальной стоимостью как с чем-то третьим, а через постоянное неравенство с самой собой (как сказал бы Гегель, не через абстрактное тождество, а через постоянное отрицание отрицания, т.е. через отрицание самой себя как отрицания реальной стоимости). Что сама реальная стоимость в свою очередь – независимо от ее господства над колебаниями рыночной цены (независимо от нее как закона этих колебаний) – сама себя отрицает и постоянно ставит реальную стоимость товаров в противоречие с ее собственным определением, снижает или повышает реальную стоимость наличных товаров...»¹⁶².

¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 78.

¹⁶² Там же.

В анализе Маркса категории «сущность» и «форма» не выступают как нечто внешнее, а как внутренне связанные понятия. Поэтому форма у него выступает как собственное определение, саморазличение содержания и как самоотрицание содержания. В свою очередь, содержание – это внутренние связи формы, а огнюдь не что-то другое, абстрактно тождественное.

Продуктивность марксистской концепции также в том, что в ней всесторонне проведена идея историчности предмета, сущности. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал мысль о сущности первого порядка, второго порядка и т.п. Он обращал внимание исследователей также на то, что нужно знать не только сущность предмета, но и ее развитие. Эти мысли В.И. Ленина имеют важнейшее методологическое значение в научно-теоретическом познании объективной действительности. В домарксистской философии вопрос о развитии сущности с позиций идеализма в основном рассмотрен Гегелем, который считал, что подлинным носителем развития, историчности является не сам предмет, его внутреннее противоречие, а некая абсолютная идея, существующая до реальности и определяющая ее истинное содержание и развитие. В качестве таковой абсолютная идея выступает как абсолютная сила, которая реализуется и проявляется в особенном и единичном.

В материалистической диалектике проблема понимается принципиально иначе. Поскольку сущность истолковывается материалистически (как внутренняя взаимосвязь самой реальности), постольку вопрос о развитии сущности понимается как расчленение, формообразование самого объективного предмета, его реальной сущности. В силу того, что объективно реальная предметная область по своей природе – это сложно расчлененное целое, состоящее из различных формообразований, знания одной абстрактной сущности предмета недостаточно, необходимо проследить также развитие сущности, проанализировать действительные переходы от сущности первого порядка к сущности второго порядка. Касаясь этой стороны проблемы, В.И. Ленин писал: «...диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (an sich), сущности, субстрата, субстанции, – от явления, «для-других-бытия»... Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*»¹⁶³.

¹⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

В работе «Кризис партии» идею историчности сущности В.И. Ленин сформулировал в несколько иной форме: «Именно поэтому надо изучать не только *абстрактную сущность разногласий*, но и конкретное развертывание и видоизменение их в развитии разных этапов борьбы». В.И. Ленин далее продолжал: «Надо, чтобы *все* члены партии с полным хладнокровием и величайшей тщательностью принялись изучать: 1) Сущность разногласий и 2) Развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь да рядом и видоизменяется) *в ходе борьбы*, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда на каждом этапе *не* одинаковый состав и число борющихся, *не* одинаковые позиции в борьбе и т.д. Надо *изучать* и то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон»¹⁶⁴.

Правильное и глубокое понимание развития сущности в работах В.И. Ленина выполняет важнейшую методологическую функцию. В своих теоретических исследованиях он глубоко прослеживал историческое развитие конкретного целого и его сложные взаимоотношения с другими явлениями. Поэтому каждый исторический период, крупная полоса исторического развития познавались им на основе выявления всеобщих отношений данного целого. Однако В.И. Ленин никогда не сводил конкретные сложные отношения предмета к абстрактному выражению, а прослеживал развитие всеобщих отношений, находил посредствующие звенья, объясняющие связь всеобщего с особыми и единичными отношениями. В.И. Ленин раньше других распознал развитие сущности, ее особые формы модификации. Этим объясняется и то, что ленинские идеи (лозунги) всегда точно отражали объективно-историческую картину действительности. Противники В.И. Ленина обычно терпели поражение, потому что плохо понимали развитие сущности исторического процесса, изменение конкретных сочетаний общественного движения, т.е. абстрактно подходили к общественным явлениям и, конечно, постоянно ошибались в оценке сложного исторического процесса, цеплялись за лозунги вчерашнего дня.

В.И. Ленин подходил к анализу общественных явлений всегда конкретно, учитывая при этом развитие, историчность сущности общественно-исторического процесса. Все работы В.И. Ленина, написанные

¹⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 234-235 (курсив в первой части цитаты мой. — Ж.А.).

в период между февралем и октябрём 1917 г., – образцы конкретного, диалектического анализа общественных явлений. Анализируя этот небольшой по времени период, В.И. Ленин к его анализу подошел не календарно (абстрактно), а внимательно проследил развитие сущности определенной полосы исторического процесса, вскрыл формы изменения классовых, политических, военных и идеологических отношений в ходе развития революции. В.И. Ленин истолковывал эту полосу исторического процесса не как однородное, а как сложное сочетание различных, друг друга сменяющих ступеней в развитии сущности. В.И. Ленин отчетливо видел эволюцию различных форм, периодов в историческом развитии революции, улавливал особенность каждой формы, сложное сочетание различных общественных явлений, которые характеризуют данную форму, данную полосу общественного развития. Поэтому он принципиально отвергал абстрактные рассуждения и мелкобуржуазные иллюзии, а каждый раз вскрывал особое звено в цепи, «душу» данной совокупности явлений. Все ленинские выводы опирались на глубокое знание исторических фактов.

В.И. Ленин выделил ряд этапов в развитии революции, каждый из которых есть сложное, своеобразное сочетание классовых, военных и политических отношений, в единстве (тотальности) образующих особую форму в развитии сущности, в развитии революции. На основе конкретного анализа конкретной ситуации В.И. Ленин четко определял своеобразные этапы в развитии революции и давал единственно правильные ответы (лозунги, тактику) на вопросы, какие ставила жизнь и сложнейшая общественно-историческая обстановка.

Б. Противоречие и его роль в обосновании основного понятия теории

В обосновании основного понятия теории (теоретического знания вообще) важнейшее значение имеет диалектический принцип противоречия. Если все находится в постоянном развитии, противоречия, то это необходимо должно относиться и к мышлению, формированию теоретического знания. Поэтому диалектическая логика в отличие от логики формальной в обосновании теоретического знания широко опирается на этот принцип. Правда, роль противоречия в теории она решает не абстрактно, а конкретно, на основе тщательного анализа. Раскрывая значение противоречия в обосновании теоретического зна-

ния, диалектическая логика исходит из того, что а) противоречие в мышлении, в формировании знания недопустимо, если оно возникло как следствие субъективных ошибок, как результат нарушения последовательности рассуждения, и б) противоречие необходимо, если оно в процессе построения теоретического знания возникло как отражение объективной противоречивости предмета. Действительно, в человеческом мышлении, теории и понятиях встречаются противоречия, парадоксы, антиномии, возникающие не вследствие нарушения правил логики, последовательности мышления, а при строжайшем соблюдении этих правил. Если в мышлении мы имели бы дело только с субъективными противоречиями, то науке, логике сравнительно легко было бы устранить их. Но в процессе формирования знания речь часто идет о таких противоречиях, которые возникли в результате правильного, адекватного отражения действительности.

В отличие от формальной логики диалектическая логика не отрицается от таких противоречий, а внимательно исследует и обосновывает правомерность их в построении теоретического знания. Касаясь природы подобных противоречий, В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» писал: «Развитие производства... преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это – настоящее «производство для производства», – расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это – противоречие не доктрины, а действительной жизни; это – именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства»¹⁶⁵.

Важнейшая особенность диалектико-логического понимания предмета в том, что здесь не только обосновывается правомерность и необходимость противоречия, но и прослеживаются переходы противоположных определений друг в друга. «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, а э т о с а м о е *важное*»¹⁶⁶. «Отношения (=переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, **причем** эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика в е щ е й создает диалектику *идей*, а не наоборот»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 46.

¹⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

¹⁶⁷ Там же. С. 178.

Таким образом, диалектическая логика допускает противоречие в мышлении, отражающее объективную противоречивость действительности, и не только допускает, а считает такое противоречие важнейшим условием объективного познания действительности. При этом диалектическая логика опирается на следующие реальные основания: если все находится в развитии и противоречии, то это должно непременно относиться к мышлению, общим понятиям. В.И. Ленин отмечал, что если нет развития, противоречивости мысли, то трудно говорить о связи мышления, общих понятий с действительностью. Кроме того, согласно марксистской концепции, мышление не есть особая, самостоятельная реальность. Она является формой действительности. Мыслить вообще означает двигаться по формам вещей, по форме объективной реальности. По этой причине, если объект противоречив, то мышление, являющееся только идеальной формой этой реальности, тоже должно быть противоречиво, гибко, релятивно и т.п. По этому вопросу В.И. Ленин писал: «Всемирной, всесторонней, **живой** связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир. Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹⁶⁸.

Другим важнейшим основанием противоречивости человеческого мышления является противоречивость предметной деятельности человека. Мышление есть форма предметной деятельности, которая прежде всего выступает как единство процесса опредмечивания и распрепредмечивания. Без такого единства нет предметной деятельности. «Эта категория на деле есть не что иное, – справедливо отмечает Г.С. Батищев, – как элементарнейшая **социальная** связь, простейшее социальное *отношение*, в котором деятельность как труд и деятельность как общение еще совпадают и не разделились в относительно самостоятельные сферы. Это – «*клеточка*» (и историческая, и логическая), т.е. предельно абстрактная конкретность всех социальных процессов, всей общественной формы движения. Эта «клеточка» выступает как то, из чего образована вся материальная и духовная культура человечества, ибо деятельность есть *façon d'être* культуры, способ ее жизни и развития»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Там же. С. 131.

¹⁶⁹ Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С. 15.

В ходе предметной деятельности опредмечивание и распредемечивание переходят друг в друга — одно из них непосредственно проявляется как другое. «В самом деле, — пишет Г.С. Батищев, — опредмечивание необходимо есть также и распредемечивание, ибо оно совершается как (хотя бы частичное, если это труд) освоение орудия деятельности и опирается на освоенность частичных результатов своей собственной деятельности. Определить человек вообще может только нечто распредемеченное, в противном случае он действует просто как машина, в которой функционирует по законам природы и вещественно-экстенсивно воспроизводится лишь *материальный состав человеческой деятельности*... С другой стороны, распредемечивание есть также и опредмечивание, ибо оно совершается не как воспарение в царство идеальных сущностей или в мир идей, населенный творческими способностями без предметов, без материи, а как «перепредмечивание», как перевоплощение прежней формы деятельности (другого человека)»¹⁷⁰.

Противоречивость человеческой деятельности проявляется в противоречивости любого акта деятельности. В любой целесообразной деятельности реально существует диалектическое противоречие цели, средств и результата. В процессе практической деятельности люди всегда выходят за пределы первоначального плана, и происходит действительное перевыполнение первоначальной цели. В этом именно в первую очередь проявляется творческий характер труда и неустранимость диалектики, диалектического принципа противоречия. В самом деле, если в производстве было бы полное совпадение цели и результата, что в основном осуществимо только в стандартизованном производстве, то формально-логическое тождество стало бы абсолютным принципом человеческого мышления. Ограниченность логики, знающей только формальные принципы, связана с ограниченностью стандартизованного производства, с ограниченностью той формы труда, при которой возможно непосредственное совпадение цели с результатом. Это имеет место только в узкой области, где опредмечивание отрывается от распредемечивания. Человеческая же деятельность в своей основе является целостной, в ней опредмечивание и распредемечивание находятся в диалектическом единстве.

Таким образом, принцип противоречия в мышлении имеет глубокое основание. В диалектической логике необходимость этого принципа связана с диалектическим пониманием познания, сущности, понятия

¹⁷⁰ Там же. С. 14.

и теоретического воспроизведения предмета. В ней, как отмечалось, под сущностью предмета понимается не абстрактно-общее, а единство многообразного, внутренняя взаимосвязь, внутреннее взаимоотношение целого. Если это так, то определенность сущности относится не к какой-либо стороне, а характеризует все единство противоположностей, ибо единство само по себе не существует, а является единством именно многообразного. В свою очередь многообразие есть многообразие единого. Каждая сторона существует постольку, поскольку существует другая. При этом, например, невозможно рассуждать так, что вещь в одном отношении единое, а в другом – многое. Она во всех отношениях выступает и как единое, и как многое. Следовательно, сама сущность предмета противоречива. Устранив противоречивость сущности, мы устраним и самое сущность. Невозможно эмпирически выделить сущность, поскольку она – свойство не отдельных вещей, а целого. Вещь или предмет имеет свою сущность, являющуюся функцией вещи в целом. Например, сущность отдельного человека не в его морфологической структуре, не в нем самом, а в той функции, которую он выполняет в общественном целом. Именно эта мысль содержится в высказывании К.Маркса: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»¹⁷¹.

Таким образом, целостность, конкретность не существуют наглядно, их нельзя свести к какой-либо эмпирической определенности. Конкретное представляет собой форму взаимосвязи многообразного, единство определенностей. Поэтому логическим средством, в форме которого отражается сущность, способ формирования конкретного, является не термин, не общее представление, а понятие, т.е. синтез многочисленных определений. Этот синтез возможен только при наличии противоположностей, поскольку что-либо можно рассматривать как противоположное другому лишь в рамках какой-нибудь целостности. И действительно, абсолютно разные вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть противоположными, как и абсолютно одинаковые вещи не могут быть едиными, не образуют внутренней

¹⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 62.

целостности. Касааясь товарно-капиталистического производства, К.Маркс писал: «Если бы индивид *A* имел ту же потребность, что индивид *B*, и овеществлял свой труд в том же самом предмете, что и индивид *B*, то между ними не существовало бы никакого отношения; рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства, они вовсе не были бы различными индивидами. У обоих есть потребность дышать; для обоих существует воздух в качестве атмосферы; все это не устанавливает между ними никакого социального контакта; как дышащие индивиды они находятся в отношении друг к другу, только как природные тела, а не как личности. Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и их социальному приравнению друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена и вообще является предпосылкой того отношения, в которое они вступают между собой как производящие индивиды»¹⁷².

В приведенном высказывании К.Маркса сформулировано существо диалектического закона тождества противоположностей. Действительно, каждая сторона противоположностей дополняет другую, не существует без другой, каждая сторона непосредственно проявляет себя в своей противоположности. Каждый индивид обслуживает другого, чтобы обслуживать самого себя; каждый пользуется другим как своим средством. И то и другое в сознании обоих индивидов представлено таким образом, что 1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого) только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимосвязь, состоящая в том, что каждый является одновременно и средством и целью и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку, становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели, что каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а этот другой делает себя бытием для него, будучи бытием для себя, — эта взаимосвязь есть необходимый факт, предполагаемый в качестве естественного условия обмена.

В этом отношении человеческое производство существенно отличается от животного существования. В обществе потребность одного может быть удовлетворена продуктом другого, и то, что один может

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 189.

произвести предмет, являющийся потребностью другого, доказывает, что каждый индивид в качестве человека выходит за пределы своей собственной особой потребности и т.д. и что они относятся друг к другу как люди; что общая им родовая сущность осознана всеми. Это совершенно не свойственно царству животных, поскольку, как писал Маркс, «...не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других. Например, пчелиный рой составляет в сущности лишь одну пчел, и все пчелы производят одно и то же»¹⁷³.

В ходе развития товарных отношений внутреннее противоречие товара приобретает все новые и новые формы. Начало этому процессу кладет отделение меновой стоимости в виде денег от натуральной формы существования продукта. «...Это двоякое *неодинаковое* существование должно развиваться дальше в *различие* – в *противоположность* и в *...противоречие*. Это же самое противоречие между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости, которое порождало необходимость определять его двояко: во-первых, как этот определенный товар, во-вторых, как деньги...»¹⁷⁴.

В ходе дальнейшего развития меновых отношений возникают все новые и новые коллизии, противоречия и т.п. Деньги, например, не только отрываются от реального источника, от реальных стоимостей, а в результате этого отрыва даже создаются иллюзии, что не деньги являются действительными представителями стоимостей, а наоборот, все реальные продукты и работы становятся представителями денег. На этой поверхностной иллюзии покоится мнение тех, кто полагает изменить существо дела путем изменения денег.

В действительности деньги возникли из потребности реального обмена, они устранили затруднения, возникшие в меновой торговле. Отрывать их от реальных товарных отношений нельзя. Их действительное единство, невозможность разрыва в ходе развития товарных отношений постоянно восстанавливается путем борьбы либо мирными средствами. «Абсолютно необходимо, – писал Маркс, – чтобы насильственно разорванные элементы, которые по существу взаимно связаны, показали путем насильственного взрыва, что они представляют собой результат *разрыва* чего-то по существу взаимосвязанного. Единство осуществляется *насильственным путем*. Как только

¹⁷³ Там же. С. 189-190.

¹⁷⁴ Там же. С. 89.

враждебное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на *единство по существу* и абстрагируются от отчужденности»¹⁷⁵.

Только в рамках уравнения «товар – деньги» товар выполняет роль единичного, а деньги выступают как всеобщее. Если смотреть более широко, деньги не только всеобщий эквивалент, но также особый товар, который исторически выделился из сферы обмена. Касаюсь двойственного характера денег, К.Маркс писал: «Дело также и в том, что деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются *особым* товаром (даже и тогда, когда они лишь знак) и поэтому в своем обмене на другие товары подчиняются, в свою очередь, особым условиям обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной обмениваемости»¹⁷⁶.

В «Капитале» Маркс, исследуя развитие товарных отношений, одновременно прослеживает развитие противоречия на разных уровнях. В этом отношении представляет особый теоретический интерес анализ превращения денег в капитал, которое является сложным, противоречивым процессом. В своей экономической теории Маркс всесторонне изучил и глубоко разрешил это противоречие посредством открытия такого особого товара, как рабочая сила. Выяснилось, *что* источник возникновения прибавочной стоимости – неоплаченный труд. Капитал возникает в процессе товарного обращения и вне товарного обращения.

Согласно диалектической логике противоречивость – всеобщая природа действительности и познания. При этом сущность, объективная противоречивость предмета отражаются в форме конкретного понятия диалектико-материалистической логики. В конкретном понятии схвачено единство положительного и отрицательного. Рассматривая отрицательное, диалектическая логика требует отыскания в нем положительного. От утверждения к отрицанию и от него к отрицанию отрицания – такова диалектическая сущность *понятия*. Без этого мы имеем дело с голым, зряшным, метафизическим отрицанием, омертвляющим предметы и явления в их познании.

Если метафизическое мышление рассматривает отрицательное вне положительного, и наоборот, то это говорит о несостоятельности метафизического мышления. Например, абстрактно-общее представ-

¹⁷⁵ Там же. С. 92.

¹⁷⁶ Там же. С. 93.

ление бесконечного и конечного основано на принципе абстрактного тождества, в силу которого бесконечное мыслится как то, что исключает конечное. Но такое представление конечного и бесконечного, хотя и имеет существенное познавательное значение, не истинно, не содержит в себе понятия в более высоком смысле слова. Истинное понятие бесконечного состоит в том, что бесконечное рассматривается в единстве с конечным. Таким образом, конечное неотделимо от бесконечного, а дано в бесконечном, как его момент.

В общей цепи взаимодействующих явлений метафизик рассматривает одни из них только как причину, другие – только как действие. На самом деле, эти явления выступают одно как причина, другое как действие, но их роль не сводится к такой односторонней связи, и каждое из них невысказуемо без своей противоположности. Определение действия невысказуемо без его соотнесения с причиной. Причина и действие – не два разных понятия, а лишь моменты, аспекты диалектического понятия.

Конкретное понятие – результат познания. Оно возникает в процессе движения познания от непосредственной практики через абстракцию к истине. Это отмечено В.И. Лениным в «Философских тетрадях»:

«...истина как процесс ...проходит в своем *развитии* (Entwicklung) три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику*... 3) ступень абсолютной идеи (т.е. полной истины)»¹⁷⁷. В другом месте: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹⁷⁸.

В диалектико-материалистической логике преодолевается узкий горизонт абстрактного рассмотрения. Так, все абстрактные противоположности, например, конечное и бесконечное, причина и действие, добро и зло и т.д., суть противоречия не каким-либо внешним причинам, а сами по себе, по присущему им свойству переходить из одного в другое. Каждая категория переходит в свою противоположность, поскольку содержит ее в самой себе. Удержание положительного в отрицательном, предпосылки в ее результате – вот что важно с точки зрения диалектической логики. Положительное и отрицательное суть стороны противоположности, ставшие самостоятельными. Каждое из

¹⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 183.

¹⁷⁸ Там же. С. 190.

них есть и свое другое. Иными словами, положительное есть положительное, а отрицательное есть отрицательное постольку, поскольку каждая сторона содержит внутри себя свое другое: положительное имеет свое отрицательное, а отрицательное – свое положительное. Только абстрактный рассудок может рассматривать их вне связи, ибо он, когда говорит о положительном, абстрагируется от отрицательного и, наоборот, когда рассматривает отрицательное, абстрагируется от положительного. Истинное определение содержит противоположности в единстве.

Для иллюстраций этого возьмем пример из работы К.Маркса «Святое семейство». Пролетариат и буржуазия – противоположности. Как таковые, они образуют единое целое. Они оба порождены капиталистическим способом производства. Речь идет о том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает в противоречии. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Буржуазия как монополист своего богатства вынуждена сохранять свое собственное существование и тем самым существование своей противоположности – пролетариата. «Это – положительная сторона противоречия, удовлетворенная и упраздняющая себя частная собственность». Пролетариат же вынужден упразднить самого себя и тем самым обуславливающую его противоположность, делающую его пролетариатом, – частную собственность. «Это – отрицательная сторона противоречия». Таким образом, буржуазия представляет консервативную сторону, пролетариат – прогрессивную. От первого исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго – действие, направленное на его уничтожение. Капиталистическое общество не стоит на одном месте, а с его развитием углубляется основное противоречие капитализма: общественный характер производства и частно-капиталистическая форма присвоения. «Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата как пролетариата, – этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обезчелоченности, сознающей свою обезчелоченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе

самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность – частная собственность»¹⁷⁹.

Без пролетариата нет буржуазии, без буржуазии нет пролетариата. Каждое, таким образом, существует постольку, поскольку существует другое.

Противоположности не абсолютны, они могут в процессе развития переходить одна в другую, могут меняться местами. То, что сейчас рассматривается как случайное, может выявить свою необходимую сторону. В таком же соотношении находятся элементы, составляющие категорию разумного и неразумного и т.п.

Метафизическое мышление запутывается в этих определениях и становится само противоречивым. Так бывало с метафизическими противниками Гегеля. Подобным образом продолжают и теперь думать некоторые представители формальной логики и метафизики. Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей. Если противоречие скрыто от представления и абстрактного подхода, то оно раскрывается в форме диалектических понятий. Для метафизика положительное и отрицательное – абсолютные противоположности, поэтому он не в состоянии перейти от положительного к отрицательному.

Противоречие – всеобщая форма действительности. Отрицание противоречия есть отрицание, искажение самой действительности, есть отрицание движения, отрицание связи нашей мысли с действительностью.

Диалектика мысли – это отражение объективной диалектики, причем мысль отражает ее не фотографически, не мертво, а специфично. Касаясь этого вопроса, В.И. Ленин в «Философских тетрадах» писал: «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹⁸⁰. Но эта специфичность противоречий в мысли не говорит о их самостоятельности. Просто сконструированные умом противоречия

¹⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 39.

¹⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

не имеют никакого значения, они справедливо отвергаются наукой и историческим развитием как произвольное творение ума.

В объективном мире мы имеем дело не только с противоречиями, но и с их разрешением. Недостаточно признать противоречие. Дialeктиком является тот, кто признает не только противоречия, но и их разрешение, их переход из одного состояния в другое. Отмечая эту сторону вопроса, Энгельс писал: «...мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае, из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить...»¹⁸¹.

Признание противоречий без понимания их разрешения – это еще не диалектика в точном смысле этого слова. До понятия противоречия дошла элеатская школа, в особенности Зенон. До признания неразрешимых противоречий дошел Кант в своих антиномиях. Концепцию отрицательной, антиномичной диалектики в свое время разрабатывали также С.Кьеркегор и его ученики. Кьеркегор понимал диалектические противоречия только в форме негативного, парадокса и антиномии, которые неразрешимы в разумном мышлении. Поскольку такие философские вопросы, как единство бытия и мышления, проблема сущности человека и т.п. объявлялись неразрешимыми, то и диалектика интерпретировалась как парадоксальная «логика», иррациональная мудрость, касающаяся субъективных переживаний человека или метафизических основ науки.

Отличие подлинной диалектики от словесной, формальной диалектики особенно разительно, когда мы обращаемся к современной

¹⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497-498.

буржуазной софистике. В этом отношении характерна работа французского экзистенциалиста Мерло-Понти «Приключения диалектики», в которой он отрицает диалектическое учение об отрицании отрицания. Концепция неогегельянцев антидиалектична и механистична, потому что они сводят диалектические противоречия к антагонизму, противопоставлению несводимых друг к другу сил. Гегель же, напротив, говорит, что диалектика не полна, если она не доходит до разрешения противоречий, до отрицания старого диалектического единства противоположностей и его перехода к иному единству противоположностей.

Учение о разрешении противоречия у Гегеля является как раз выражением диалектического закона отрицания отрицания и рассматривается как дополнение и форма развития диалектического противоречия, диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Известно, что любое диалектическое противоречие предполагает наличие двух тенденций, двух сторон: положительной и отрицательной. Взаимопроникновение и борьба противоположностей есть взаимодействие этих двух сторон диалектического противоречия. А отрицание отрицания – это синтез положительного содержания предшествующих ступеней, их снятие, превращение их в моменты, истинное диалектическое разрешение противоречия.

Например, первоначальное количество выступает как отрицание качества. Дальнейшее развитие определений категории количества раскрывает качественную природу количества, и тогда уже количество отрицается качеством.

Гегель выражает это иначе: качество явило себя как переходящее в количество и обратно¹⁸²; количество в своей истине явило себя качеством, перешло обратно в количество. Что же достигается этой диалектикой двух категорий качества и количества, их взаимными переходами, переходом качества в количество и обратным переходом количества в качество? По мнению Гегеля, истинное и полное раскрытие содержания этих двух категорий, а вместе с тем и правильно научное понимание соотношения качественной и количественной определенности, их взаимосвязи достигается в самой объективности и материальной природе, в вещах объективного материального мира.

Рассудок, который противопоставляет качественную определенность вещи количественной, не дает истинного понимания качества

¹⁸² Гегель. Соч. Т. 5. С. 376.

и количества, их связи, не дает совокупности понятия. Рассудок констатирует «две тенденции», констатирует противоречие, и на этом дело заканчивается. Рассудок не доходит, в частности, до понимания того, что вещь есть, по выражению Гегеля, «качественно определенное количество» или «количественно определенное качество». Рассудок не доходит до понятия «меры», в которой воплощается единство количества и качества. Так, например, Кант, по мнению Гегеля, не дошел до формулирования категории «меры», не дошел до «целостности понятия»¹⁸³.

Абстрактное противопоставление тождества различию и положительного отрицательному несостоятельно. Важно не только положительное, но и отрицательное, так как они не существуют отдельно. Раскрытие противоречия и пути его разрешения являются главным в диалектической логике, которая ведет в этом вопросе борьбу на два фронта: с одной стороны, против тех, кто отрицает противоречие в действительности, с другой стороны, против тех, кто не отрицает существования противоречия в действительности, но отрицает противоречивость мыслей, отражающих реальное противоречие, ссылаясь на то, что наша мысль есть мысль о противоречии, поэтому сама она не должна быть противоречивой. Первая точка зрения выдвигается всеми метафизическими противниками марксизма, вторая – некоторыми представителями формальной логики.

Обе точки зрения несостоятельны, так как теория конкретного понятия подтверждается историей познания и развитием современной науки¹⁸⁴. Бурное развитие современного естествознания представляет все больше и больше фактов, доказывающих истинность категорий диалектической логики.

Целостная теория и рассмотрение логических условий, обеспечивающих развитие и завершение теории

В построении теоретического знания, как отмечалось, велика роль основного понятия теории; в котором схвачено *главное противоречие* конкретного целого. Однако обоснованием основного понятия теории не исчерпывается задача теоретического познания действительности.

¹⁸³ Там же: С. 381.

¹⁸⁴ Подробно о значении принципа противоречия в науке (квантовой механике) см. в работе: Абдильдин Ж.М., Сабитов М.С. Диалектика и современная наука. Алма-Ата, 1972.

Возникает очередная задача научного познания – целостное и систематическое воспроизведение предмета, которое необходимо предполагает развитие сущности (основного понятия) предмета, постижение связи сущности с формами проявления и разрешения противоречий, трудностей, возникающих в процессе систематического познания предмета.

Целостное и систематическое воспроизведение предмета является сложнейшей задачей науки. В теоретическом познании предмета не было бы такой трудности, если сущность предмета, отражающаяся в форме основного понятия теории, непосредственно совпадала бы с формами проявления. Как было уже показано, такого совпадения нет и быть не может. Этот факт сам по себе порождает непреодолимые трудности для эмпирической философии, методологическая порочность которой состоит в том, что она, преувеличивая значение непосредственно данного, фактов, отрицает объективное значение фундаментальных понятий науки и трактует их как «удобные схемы», субъективные творения человеческого духа.

Проблема целостного развития теории, связь сущности с формами проявления всесторонне и глубоко решена только в марксистской философии, являющейся критическим синтезом всего предшествующего понимания. В домарксистской философии данный вопрос наиболее полно рассмотрен Гегелем в связи с анализом понятия идеи. В его трактовке идея представляется более высокой формой мышления, так как она является единством понятия и реальности. Если понятие лишь мысль, которая еще в себе, в возможности, то «идея» – это уже для себя – бытие понятия, его зрелость, положенность, единство себя и своего другого. «В нашем единстве понятие... – писал Гегель, – остается господствующим. Ибо в себе, согласно своей собственной природе, оно уже до этого соединения есть указанное тождество, и оно поэтому порождает из самого себя реальность как свою реальность, а так как последняя есть его собственное саморазвитие, то оно ни от чего своего не отказывается, а находит в ней реальным лишь само себя, понятие, и поэтому остается в своей объективности в единстве с собою»¹⁸⁵.

Таким образом, для Гегеля отношение понятия к реальности не внешнее, а внутреннее, нераздельное отношение. Если понятие выступает как единство (сущность), то реальность не есть нечто абсолютно другое, а форма реализации понятия. Реальность, чувственное многообразие может не совпадать с понятием, но это ни в коей мере

¹⁸⁵ Гегель. Соч. Т. 12. С. 110.

не является недостатком понятия, которое охватывает всеобщее, истинное и само составляет истину предмета.

В своей логике Гегель решительно выступал и против абстрактного отождествления, и против противопоставления понятия и реальности. Он, в частности, писал: «...Следует выставлять такие определения, как: *идея есть единство* бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т.д... Но одновременно нужно знать, что все подобные определения и тезисы односторонни, а посему оппозиция им правомерна. Присущий им недостаток и состоит как раз в том, что они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство*, существование... и, следовательно, не выражают наличного различия (бытия и ничто и т.д.) и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»¹⁸⁶.

Отношение понятия к реальности Гегель рассмотрел также в связи с анализом отношения философии к частным наукам. По его мнению, если философия является душой частных наук, дает им понятие, выпячивает и побуждает их к дальнейшему развитию, то частные науки, в свою очередь, дают материал, богатство и пищу для философского размышления. Превосходство же философии над частными науками, как считает Гегель, непосредственно вытекает из господства, доминирующего положения понятия по отношению к реальности.

В отличие от Гегеля марксисты принципиально исходят из материалистической концепции, согласно которой сама объективная действительность обладает сущностью, закономерными связями. Мышление и понятие – это только идеальная форма реальности. Если Гегель знает только один срез (аспект) этого отношения, т.е. отношение теоретического понятия к эмпирической реальности, то в марксистской философии отношение понятия к реальности трактуется как более сложная проблема: во-первых, отношение теоретического понятия к объективной сущности предметов, а, во-вторых, отношение сущности (понятия) к эмпирическим, превращенным формам своего существования.

Согласно марксистской логике, понятие прежде всего является отражением объективной сущности предметов. Правда, в силу постоянного развития действительности никогда не бывает абсолютного тождества между понятием и объективной сущностью, что, однако, не должно приводить к отрицанию значения научных понятий. «По той причине, – писал Энгельс, – что понятие имеет свою сущностную

¹⁸⁶ Гегель. Работы разных лет в двух томах. Т. 2. С. 416-417.

природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо и *primo facie** с действительностью, из которой сверено только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении»¹⁸⁷.

Кроме того, в научно-теоретическом познании мы имеем дело с развивающимся, историческим предметом, который постигается только в процессе развития нашего мышления. По этой причине неразвитой ступени предмета соответствуют неразвитые же теоретические понятия о предмете.

Так, ограниченности теорий А.Смита и Д.Рикардо связаны не только с теоретической слабостью их способа исследования, но и с неразвитостью той реальности, на основе которой возникла теория. Поэтому совпадение понятия и реальности, теории и действительности нуждается для своей реализации по крайней мере в следующих двух условиях: во-первых, необходимо, чтобы развитие предмета достигло своей зрелости и обнаружило свои классические формы развития; во-вторых, теоретическое исследование не должно быть в плену абстрактных представлений, а должно руководствоваться диалектикой как логикой научно-теоретического познания.

Другим аспектом исследуемой проблемы является вопрос об отношении сущности (понятия) к эмпирическим формам проявления. В марксистской логике эта проблема также ставится и решается на фундаментальной основе материалистического мировоззрения. Действительно, в силу постоянного развития объективного материального мира наше понятие, охватывающее общую природу, сущность целого, не совпадает с эмпирической формой существования предмета. Однако это свидетельствует не столько о фиктивности понятия, сколько о богатстве объективного конкретного. «Разве понятия, господствующие в естествознании, – писал Ф.Энгельс, – становятся фикциями от того, что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только приближенно соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений; в тот день, когда понятие и действительность в органи-

¹⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 354.

* - явно (перевод ред. соч.).

ческом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию. Понятие рыбы подразумевает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хотите перейти от рыбы к земноводному, не отражая этот переход в понятии? И это было сделано; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом. Как можно перейти от яйцекладущего пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приводя одно или оба понятия в столкновение с действительностью?»¹⁸⁸.

Противоречие основного понятия теории с эмпирическими формами обусловлено тем, что при его обосновании предмет рассматривается в чистом виде, *идеализированно*, отвлекаясь от тех связей, которые реально влияют на проявление сущности предмета. Другими словами, на стадии формирования основного понятий теории предмет рассматривается сам по себе, а исследователь занят выявлением тех связей (законов), которые вытекают из имманентного способа существования и функционирования предмета, отвлекаясь от входящих и перекрещивающихся действий, влияющих на форму его функционирования. «Разве феодализм, – писал Энгельс, – когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией оттого, что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?»¹⁸⁹.

Рассмотрение предмета само по себе, в чистом виде имеет, таким образом, громадное значение в научном познании, в раскрытии сущности предмета. Правда, сущность выступает основанием предмета, но не является всем его содержанием. Чтобы теоретически воспроизвести целостную предметную область, необходимо проследить развитие сущности и всесторонне вскрыть ее связь с особыми, эмпирическими формами проявления.

С самого начала следует подчеркнуть, что такое рассмотрение – труднейшая проблема теоретического познания. Дело в том, что при

¹⁸⁸ Там же. С. 357.

¹⁸⁹ Там же. С. 356.

попытке последовательно провести монистическое понимание предмета возникают противоречия между сущностью и эмпирическими формами, которые как бы грозят опрокинуть все достижения теоретического познания действительности. Поэтому вполне закономерно задача развития теории сводится к рациональному (диалектическому) разрешению противоречий.

Методологическая продуктивность той или иной научной концепции главным образом определяется по ее отношению к противоречиям, в развитии теории. Типичным примером такого рода может служить история политической экономии. При попытке объяснения экономических фактов исходя из всеобщего принципа, из понятия стоимости, как известно, возникли противоречия, которые Рикардо выразил, но не мог теоретически разрешить, так как не понимал диалектики сущности и форм проявления, не понимал развития сущности, не имел представления об опосредствующих звеньях, в которых реально разрешаются противоречия теории. Однако важно то, что Рикардо не закрывал глаза на эти противоречия и не пытался искусственно и формально устранить их из теории.

Противоречие в теории Рикардо имелось, что со злорадством отмечали все его противники. Но в этом была не только слабость, но и сила его теории. Когда впоследствии ученики Рикардо пытались освободить его теорию от противоречия посредством исправления исходного принципа, теоретическое рассмотрение проблемы было потеряно; возникла так называемая вульгарная политическая экономия, которая, увидев противоречия сущности с формами проявления, не только не пыталась развить теорию, разрешить противоречия теоретического знания, а пошла по тому ложному пути, который окончательно увел от самой возможности теоретического понимания предмета.

К.Маркс не пошел по линии формального «исправления» теории, а на основе более глубокого рассмотрения вопросов разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое и рациональное объяснение всем экономическим явлениям. Если после опубликования третьего тома «Капитала» буржуазные экономисты шумели, что Маркс не выполнил своего обещания, то это говорит лишь о том, что они просто ничего не поняли, поскольку им чужд диалектический метод. Их пониманию оказалось недоступно то, что в теоретическом познании объекта всегда возникает реальное противоречие, которое можно разрешить лишь посредством действительного развития теории.

В этой связи возникает вопрос, какие же логико-теоретические условия (принципы) дали возможность Марксу успешно развить теорию и разрешить те противоречия, которые были камнем преткновения для всей предшествующей политэкономии?

1. Это прежде всего глубокое понимание развития, историчности сущности, последовательный учет диалектики сущности и явления. Если при абстрактном рассмотрении явления просто противопоставляются сущности, то диалектическое, конкретное исследование трактует их как единство противоположностей, вскрывает их внутренние связи. Отдельные явления непосредственно не совпадают с сущностью, могут отклоняться от нее, но в совокупности они совпадают с требованием, направлением сущности.

2. В процессе развития теории всесторонне проанализированы и применены такие важные диалектико-логические принципы теоретического знания, как возможность и действительность, внутреннее и внешнее, закон и закономерность и т.п., которые позволили успешно проследить развитие сущности (основного понятия), раскрыть ее связь с формами проявления и осуществить целостное, диалектическое познание объективной действительности. И в самом деле, завершить научную теорию без конкретного, диалектического понимания этих категорий невозможно.

3. В развитии теории и в разрешении ее противоречий важное место отводится понятию *особого*,¹⁹⁰ опосредствующего, промежуточного звена, в котором разрешается противоречие сущности с эмпирическими формами. В научном познании действительно создается такая ситуация, когда эмпирические факты нельзя непосредственно понять из сущности, а приходится выявлять опосредствующие, промежуточные звенья, позволяющие понять связи сущности с формами проявления. Только в результате такой теоретической работы создается возможность охватить целостную природу предмета, в котором эмпирические формы выступают как собственные формы развития сущности, ее формообразования.

Марксов «Капитал» является классической формой научной теории. В нем все эмпирические факты, особые формы объяснены как собственные формы развития прибавочной стоимости, превращенные

¹⁹⁰ Поскольку систематическая теория выступает как разрешение ряда противоречий, постольку понятие *особого* в теории фигурирует то как форма развития принципа, то как опосредствующее звено между сущностью и формами проявления.

формы¹⁹¹ ее существования. «Капитал» – это внутренне завершенная теория, единство внутренне связанных понятий (категорий), в форме которых отражается реальная закономерность товарно-капиталистического производства. Если в первом томе проанализированы понятия стоимости, прибавочной стоимости, то в последующих томах этого поистине великого труда буржуазные производственные отношения исследуются и раскрываются во всей их сложности.

Оценивая значение третьего тома «Капитала» в построении экономической теории Маркса, Ф.Энгельс писал: «Это – великолепное произведение, затмевающее в научном отношении даже первый том»¹⁹². «Это действительно неслыханный переворот во всей старой политической экономии. Только благодаря этому наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы сможем победоносно выступать на всех фронтах»¹⁹³.

В этих отзывах Ф.Энгельсом подчеркнута значение целостного охвата предмета в построении теории. Действительно, теория становится теорией, выполняет свою функцию систематического знания только тогда, когда предмет постигается во всей сложности и целостности. «Я буду, конечно, очень рад, – писал Ф.Энгельс, – когда смогу выпустить третий том, потому что... только тогда вся система автора будет окончательно понятна, и многие глупые возражения, выдвигаемые против нее теперь совершенно отпадут»¹⁹⁴. «После такого ясного изложения, – продолжал Ф.Энгельс, – никакие прямые возражения уже невозможны. Самые трудные вопросы разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид»¹⁹⁵.

Стройность и достоверность экономической теории К.Маркса есть результат титанической работы мысли ее творца по раскрытию внутренних закономерностей предметов и явлений. В «Капитале» проанализированы и разрешены все проблемы и трудности, с которыми не могла справиться вся прежняя политическая экономия.

¹⁹¹ В теории К.Маркса большое значение принадлежит понятию «превращенные формы». В нашей философской литературе отношение сущности к превращенным формам содержательно проанализировано в следующих работах: М.М. Розенталь. Диалектика «Капитала» К.Маркса. М., 1967; Сорокин А.А. Категория сущности в диалектике К.Маркса (на материале «Капитала»). Автореферат. М., 1970.

¹⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 281.

¹⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 252-253.

¹⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 480.

¹⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 259.

ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ЛОГИКА ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Разработка проблем диалектики, диалектической логики ныне осуществляется на новом уровне. Ушло в прошлое то время, когда абстрактно, вне конкретной системы и логики занимались исследованием отдельных законов и категорий. Теперь исследователей проблем диалектики в основном интересует вопрос применения законов и категорий диалектики к непосредственному процессу формирования знания, логики мышления.

В этой связи возникает вопрос о логике современного теоретического знания. Внимательный анализ метода мышления, способа теоретического освоения объекта в специальной теории относительности убеждает нас в том, что диалектическая логика является универсальной для современного научного знания. По принципу и логике построения многие современные теории близки логике «Капитала», в которой в концентрированном виде применена марксистская методология и теория познания. Вопреки рассуждениям буржуазных философов и экономистов «Капитал» не является теорией только XIX в. По методологии и принципу построения он представляет собой классическую, развитую форму современного теоретического знания.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о логике и методе теории относительности, являющейся первой физической теорией XX века, с созданием и разработкой которой связана крутая ломка старых понятий и представлений в физике. Теория относительности Эйнштейна по логике и методу существенно отличается от старых, классических физических теорий. Эйнштейнова теория объясняет большой класс физических явлений, не укладывающихся в рамки старых канонов физики. Эти явления настоятельно требовали не только коренного изменения прежних представлений о пространстве и времени, но и радикального пересмотра традиционного образа мышления в физической теории. И важнейшую роль в этом процессе сыграли понимание и осмысление электромагнитных явлений в движущихся средах. Дело в том, что в теоретическом истолковании этих явлений возникли известные трудности, связанные с вопросом взаимоотношения электромагнитных явлений с эфиром. Эйнштейн, руководствуясь

новой методологией, блестяще разрешил и объяснил все эти трудности. И именно поэтому его теория признана основой дальнейшего развития физического мышления. В теории относительности соединились смелый подход к объяснению большого класса физических явлений, глубокое понимание и талантливое применение нового метода и логики мышления.

Было по-новому осмыслено содержание прежде всего таких фундаментальных понятий в физике, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное. Как совершенно справедливо отмечал Л.И. Мандельштам, «принцип относительности перерос рамки, которые были ему предначертаны непосредственными физическими заданиями. Вот почему им были захвачены и механика, а в конечном счете вся физика. Вот чем объясняется тот, как вы знаете, огромный интерес, который вызвала теория относительности в среде не только физиков»¹⁹⁶. Вокруг теории относительности, как известно, развернулась борьба материализма и идеализма.

Когда говорят о произведенной теорией относительности ломке старых понятий и представлений в физике, то речь, разумеется, идет не о том, что Эйнштейн поставил на место старых, ясных и четких понятий какие-то свои, новые. Теория относительности показала, что многие понятия и представления, которыми оперировали раньше, были отвлеченными, абстрактными, рассудочными, что они не выдерживают критики с точки зрения новых фактов. Многие высказывания старой физики, как правильно отмечается в литературе, «не имели вообще никакого смысла и... это главным образом и было причиной тех недоразумений, с которыми сталкивались, когда старались подвести теоретические обоснования под те или иные физические явления»¹⁹⁷.

Рассудочные и отвлеченные представления о пространстве и времени, их абсолютизирование серьезно препятствовали глубокому пониманию физических проблем, связанных с электродинамикой движущихся сред, и вступили в явное противоречие с точно установленными фактами. В теории относительности Эйнштейна фундаментально разрешены все эти трудности и противоречия посредством разработки конкретного, диалектического понятия о пространстве и времени.

Возникла ситуация, очень сходная с той, какую вызвало появление грандиозной логики Гегеля с ее принципом развития, самодвижения.

¹⁹⁶ Мандельштам Л.И. Полн. собр. трудов. Т. 5. М., 1950. С. 91.

¹⁹⁷ Там же. С. 92.

Гегель тоже перевернул старое отвлеченное понимание категорий. Ведь до Гегеля в философии господствовало в основном рассудочное понимание категорий, и всем казалось естественным противопоставлять случайность необходимости, положительное отрицательному; каждую сторону парной категории определяли по отдельности, без учета ее связи с другой, даже рассматривали их как взаимоисключающие друг друга определенности. Гегель раскрыл внутренние связи этих категорий, опираясь на закон единства противоположностей. Подобным же образом обстоит дело и с теорией относительности Эйнштейна, и этим объясняется то огромное значение, какое она имеет для диалектико-материалистической логики.

Важность исследования логико-гносеологических проблем теории относительности связана и с тем, что как в философской, так и в физической литературе временами все еще вспыхивают дискуссии о логике теории Эйнштейна, о внутренней связи и субординации ее категорий. В этом направлении большую работу проделал известный ученый А.Д. Александров, который, правда, считает логику теории относительности «перевернутой». В качестве основания для подобного утверждения он указывает на то, что важнейшим понятием теории является понятие инерциальной системы или связанной с нею системы пространственно-временных координат: x, y, z, t . И стало быть, и сам Эйнштейн, и всякий, кто систематически излагает теорию относительности, исходит из понятия системы отсчета, или системы координат, так как без определения этих понятий невозможно сформулировать фундаментальные принципы теории. Такая логика, по мнению А.Д. Александрова, не соответствует объективной взаимосвязи предмета, а соответствует лишь логике наблюдения и т.п. «Основной отправной точкой зрения в построении теории, — пишет он, — оказывается точка зрения относительности, когда вопрос ставится прежде всего не о явлениях самих по себе, а об их отношениях к тем или иным системам отсчета. Эта точка зрения обычно господствует в дальнейшем развитии теории, когда рассматривают относительное время, сокращение Лоренца, относительную массу и т.д. Исходным здесь служит проявление того или иного тела или процесса по отношению к той или иной системе отсчета»¹⁹⁸.

В отличие от А.Д. Александрова в таком способе построения теории мы не находим ничего отрицательного. Нет ничего плохого в

¹⁹⁸ Александров А.Д. Философское содержание и значение теории относительности. «Вопросы философии», 1959. №1. С. 69.

том, что при построении теории исходят из понятия системы отсчета, только ее следует понимать не субъективно, а объективно. Подобно тому, как категории «хорошо» и «дурно» не существуют сами по себе (абстрактно), так не существуют и объективные характеристики тел вне пространственно-временных координат. Каждое тело существует реально в своих отношениях, и вне этих отношений оно не более чем пустая абстракция. Поэтому такое рассмотрение вовсе не специфично лишь для теории относительности и уж тем более не есть ее ограниченность, а подлинно научный подход к изучению действительности.

Например, при определении такого социального явления как класс, философы-марксисты рассматривают его не сам по себе, а в его отношении к средствам производства. И для всякой науки, любой теории точка зрения относительного является важнейшим условием при изучении объекта. Касаясь этой стороны вопроса, А.Д. Александров пишет: «Но во всех случаях так или иначе *основным оказывается понятие инерциональной системы отсчета (координат) и исходной – точка зрения относительности, не абсолютная структура (геометрия) пространства – времени, не реальность «сама по себе», а реальность в ее относительном проявлении. Безотносительное же определяется через относительное, как инвариант преобразования координат*»¹⁹⁹.

Но в чем же здесь порок, где же здесь основания для критики логики теории? Если в построении теории начинают с относительного, то это вовсе не говорит о ее «перевернутости», а свидетельствует лишь о том, что в теории преимущественно реализована одна сторона целостного познания предмета – движение от конкретного (относительного) к абстрактному. Правда, при построении теории необходимо реализовать и обратное, что К.Маркс считал более правильным: «Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»²⁰⁰.

Трудность же заключается в том, что невозможно с самого начала постулировать абсолютное, единство пространства – времени, ибо оно есть результат определенного теоретического познания предмета. На этом этапе теоретическое постижение и реальное движение предмета как бы идут в обратном направлении друг другу. То, что является результатом действительного движения, принимается за исходный пункт теоретического познания, а действительный исходный пункт – за ре-

¹⁹⁹ Там же. С. 107.

²⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

зультат теоретического анализа предмета. С этого пункта, собственно, и начинается восхождение от абстрактного к конкретному.

Таким образом, в логике теории вполне оправдано движение от относительного к абсолютному (движение от пространства и времени к пространству – времени). На сей счет и А.Д. Александров высказал не вызывающую возражений мысль о том, что «этот подход является вполне правомерным, так как он фактически дал верную теорию. Сам по себе он и не ведет к «растворению предметов в отношениях», и исходные его пункты: системы отсчета и проявления тела и процессов в их отношениях к системам отсчета – ничуть не менее реальны, чем сами тела и процессы, как реальна тень, отбрасываемая предметом и реализующая тем самым его проекцию»²⁰¹.

Приведенное положение свидетельствует о том, что подход Эйнштейна, по существу, дал правильную теорию. О чем говорит этот факт? О том, что логика теории относительности ни в коей мере не является «перевернутой». Кроме того, надо отличать в построении теории логику исследования от логики изложения. В обычной логике теории Эйнштейна эти две стороны переплетаются, что, видимо, дает основание для дискуссий относительно ее логики. Касаюсь отличия логики исследования от логики изложения, К.Маркс в «Капитале» писал: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция»²⁰².

Способ изложения и способ исследования суть два аспекта единого диалектического понимания предмета. Без теоретического анализа и без тщательного освоения предмета невозможно его теоретическое воспроизведение. В теоретическом познании предмета всегда начинают с результата, со ставшего предмета; и только в результате анализа выявляется действительное начало, основание данной предметной реальности.

²⁰¹ Александров А.Д. Философское содержание и значение теории относительности. «Вопросы философии», 1959. №1. С. 69.

²⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

Несмотря на это, А.Д. Александров настойчиво говорит о недостатках обычной логики теории относительности, о трудностях, которые якобы вызваны эйнштейновским подходом к исследуемой проблеме. «Во-первых, – пишет он, – указанный подход не отвечает должным образом объективной логике предмета, потому что, в согласии с этой логикой, первичным должно быть пространство – время как общая форма существования материи, сам предмет с его свойствами, тогда как его относительные проявления выступают как нечто вторичное. Основным должно быть абсолютное, ибо оно абсолютно, тогда как относительное оказывается лишь стороной, гранью, аспектом абсолютного. Когда же за исходное берется относительное, то предмет ставится «с ног на голову»²⁰³.

На наш взгляд, подход А.Д. Александрова имеет свои теоретические недостатки, ибо при этом недостаточно внимания уделяется первой половине логики научного познания – логике научного исследования. Данный процесс, как мы говорили, не совпадает с объективной логикой движения предмета, но он необходим в теоретическом познании. А.Д. Александров же ругает за то, чтобы логика научного познания с самого начала совпадала с объективной логикой предмета.

Внимательное исследование опыта научно-теоретического познания предмета свидетельствует, что такое требование невозможно реализовать. Никакое познание не начинается с постулирования сущности, абсолютного. Если такое было бы возможно, то, как отмечал К.Маркс, это означало бы «дать науку раньше науки». Поэтому только теоретический анализ фактов дает возможность напасть на след сущности, всеобщих оснований предметов. Предмет первоначально дается нам по его относительному проявлению. В этой связи безусловно справедливо известное положение В.И. Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁰⁴.

Эту же мысль ранее высказывал К.Маркс в «Замечании к книге А.Вагнера», подчеркнув, что для него исходным пунктом теоретического восхождения является не понятие, а определенная экономическая конкретность. Прежде всего «...я исхожу не из «понятий», стало быть,

²⁰³ Александров А.Д. Философское содержание и значение теории относительности. «Вопросы философии», 1959. №1. С. 69-70.

²⁰⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152-153.

также не из «понятия стоимости», — писал он, — и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — «товар». Я анализирую последний, и при этом сначала в той *форме, в которой он проявляется...* Стало быть, не я подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимости», — а конкретная общественная форма продуктов труда, «товар», есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — «стоимость», — а не меновая стоимость, так как одна только форма проявления не составляет ее собственного содержания»²⁰⁵.

Этого А. Вагнер не понимал, так как знал лишь формальное отношение родового понятия к видовому. Для Маркса же все богатство особенного и единичного содержится вовсе не в понятии, как это показалось Гегелю, а в тех реальных отношениях, объективно являющихся всеобщими условиями объекта, из которых вытекает и которыми объясняется природа особенного и единичного. Если подойти к вопросу на такой широкой основе, то движение познания от относительного к абсолютному вовсе не означает ставить предмет «на голову», а выступает стороной диалектико-логического, целостного воспроизведения физического объекта.

Правомерность такого подхода признает и А. Д. Александров. «Повторяем, — пишет он, — что идти от относительного к абсолютному вполне возможно, как показал самый факт построения теории относительности. Но это не значит, однако, что обратный путь, исходящий из абсолютного, не будет соответствовать более сути дела и не может привести поэтому к лучшему пониманию этой сути»²⁰⁶.

Чтобы в какой-то мере решить вопрос о предпочтительности того или иного способа теоретического выражения объекта, обратим внимание на содержание марксистского метода познания объективной действительности. При этом мы имеем в виду метод восхождения от абстрактного к конкретному, важное значение которого в отличие от формальных методов состоит в том, что он является *целостным* методом и в нем адекватно отражается реально-исторический процесс

²⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 383-384.

²⁰⁶ Александров А. Д. Философское содержание и значение теории относительности. «Вопросы философии», 1959. №1. С. 70.

возникновения и развития объективно конкретного. Поэтому то, что в объективной действительности является зародышем, первоначальной и нерасчлененной формой предметности, в теоретическом воспроизведении служит исходным пунктом, началом теоретического познания.

В ходе реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному движение от конкретного к абстрактному постоянно присутствует как предварительное условие. Если к логике теории относительности подойти с таких теоретических критериев, то становится ясным следующее: по своей логике предложение А.Д. Александрова не противоположно обычному построению логики теории относительности, а дополняет ее, реализует более строгое изложение. Только так и может быть построена действительно научная теория. Когда первый этап завершен, выявлены внутренние связи предмета, возникает другая возможность: теорию теперь можно изложить как бы дедуктивно, начиная с достигнутого результата, и выводить из него все относительные аспекты. Последнее ни в коей мере не является основанием для утверждения, что предшествующее построение теории субъективно и отвечает перевернутой логике предмета.

В дополнении А.Д. Александрова теория относительности выигрывает в некоторой стройности. Но сама концепция А.Д. Александрова имеет реальное теоретическое содержание лишь в том случае, когда предполагает всю прежнюю теоретическую нагрузку, открытую А.Эйнштейном. Поэтому их теоретические построения нельзя рассматривать как отношение истинной логики к неистинной, «перевернутой» логике. Будет более правильно, если мы рассмотрим их как стороны, аспекты единого теоретического постижения предмета.

Если к анализу подойти с такой позиции, то известная критика логики теории относительности лишается своего драматизма. Кроме того, создается реальная возможность проанализировать и выяснить все те философские соображения, которые приводятся обычно в пользу критики.

В философском отношении критика логики теории относительности обычно исходит из двух оснований: во-первых, она исходит из философского соображения, что нужно начать изложение с абсолютного, поскольку оно первично, существует само по себе, а относительное – сторона, аспект абсолютного, во-вторых, признается, что логика теории относительности «перевернута» и дает основание паразитировать позитивизму. Однако при ближайшем рассмотрении все

эти доводы не столь убедительны. Из справедливости этих оснований еще строго не следует «перевернутость» логики теории относительности. Дело в том, что позитивизм и идеализм вырастает на живом дереве человеческого познания. Они используют и извращают данные современной науки даже в том случае, если в ее конкретной структуре и нет той «перевернутости», о которой говорится здесь. Правда, Эйнштейн дал некоторые поводы для спекуляций позитивистов своей махистской терминологией. Действительный выход из трудности не в критике логики теории относительности, а в диалектико-материалистическом понимании понятия *системы отсчета*, позволяющем преодолеть позитивистские извращения логики теории. Позитивизм относительность пространственного и временного отношения считает субъективной. С позиции материалистической диалектики это не выдерживает критики. По своей методологической установке всякий позитивист – непременно метафизик и потому требует показать абсолютное, раз навсегда данное свойство тела. Если же это невозможно, то позитивист объявляет все относительным и субъективным. Он не понимает, что относительность есть также объективная характеристика предмета.

Своей теорией относительности Эйнштейн внес большой вклад в диалектическое понимание категорий пространства и времени. Если до него полагали, что при переходе тела от одной координатной системы к другой пространственные и временные его характеристики не изменяются, то он обосновал принципиально иное понимание проблемы. По Эйнштейну, пространственно-временные характеристики тел не внешне, а внутренне связаны с материальными процессами. Поэтому и релятивистские эффекты следует рассматривать как следствие пространственно-временных изменений, что делает их не кажущимися, а реальными изменениями.

Вопрос об относительности свойств тел ставился и до возникновения теории Эйнштейна. Например, скорость тела, и вместе с ней кинетическая энергия и количество движения относительны, т.е. объективно определены не для тела самого по себе, а относительно других тел. Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он установил относительность таких свойств материи, которые раньше считались безотносительными. Это – одновременность и, в известных рамках, последовательность событий во времени, продолжительность процессов, длина, т.е. расстояние между одновременными положениями концов движущее-

гося стержня, масса и др. Это вовсе не значит, что тела и процессы лишаются присущих им самим по себе свойств. Так, всякое тело, всякий процесс, всякая система событий имеет определенные пространственно-временные свойства, но эти свойства различно проявляются в разных отношениях.

Абсолютным, безотносительным в теории относительности является конкретное единство пространства – времени, а стороны, моменты этого целого всегда относительны. Например, абсолютно, безотносительно электромагнитное поле, а электрическое и магнитное поля в их отдельности относительны.

Здесь естественно напрашивается аналогия. Возьмем гегелевскую логику. Все ее категории относительны, т.е. они и абстрактны и конкретны, но абсолютное (конкретность) принадлежит только абсолютной идее, так как она вобрала в себя все богатство предшествующей ступени развития. Другими словами, только система в целом абсолютна, а все моменты, ее составляющие, относительны.

* * *

Выявление предметной области теории, как было отмечено, имеет громадное значение в научном познании. Во второй половине прошлого века в исследовании физических процессов на первое место выдвинулось изучение электромагнитных явлений в движущихся средах. Теоретическое истолкование этого процесса и разрешение всех его трудностей дано в специальной теории относительности Эйнштейна. Касаясь значения оптических явлений в движущихся средах для возникновения теории относительности, Луи де Бройль в книге «Революция в физике» писал: «Развитие теории относительности началось, фактически, с изучения некоторых вопросов, связанных с оптическими явлениями, происходящими в движущихся средах. Френелево представление о свете предполагало существование эфира, заполняющего всю Вселенную и проникающего во все тела. Такой эфир играл роль среды, в которой распространялись световые волны. Электромагнитная теория Максвелла несколько ослабила значение его, так как эта теория не требует, чтобы световые колебания были колебаниями какой-либо среды. В теории Максвелла световые колебания полностью определяются заданием векторов электромагнитного поля. После того как все попытки механической интерпретации зако-

нов электродинамики потерпели неудачу, поля в максвелловой теории, в конце концов, стали рассматриваться как исходные понятия, которые бесполезно пытаться перенести на язык механики. С того момента исчезла какая бы то ни было необходимость предполагать существование упругой среды, передающей электромагнитные колебания, и можно было подумать, что понятие эфира становится бесполезным. В действительности же это было не совсем так, и последователи Максвелла, в частности Лоренц, вынуждены были снова поднять вопрос об эфире... потому что уравнения электродинамики Максвелла не удовлетворяли принципу относительности классической механики»²⁰⁷.

Эйнштейну удалось разрешить противоречия и трудности электромагнитных явлений в движущихся средах, исходя из более глубоких методологических и теоретических оснований, чем это имело место в физике до него. Но для понимания глубокого содержания теории Эйнштейна необходимо изучить предшествующие теоретические воззрения, поскольку они глубоко связаны с раскрытием внутренней структуры теории относительности. Касаясь важности и необходимости исторического освещения по теории относительности, Л.И. Мандельштам писал: «Знание исторического развития какой-нибудь основной теории всегда интересно и поучительно, но не всегда необходимо. Например, волновую оптику можно излагать без связи с корпускулярной оптикой Ньютона. Но в вопросе о принципе относительности положение, по моему мнению, несколько иное, и это по целому ряду причин. Надо исподволь прийти к парадоксальным выводам теории относительности, надо осознать неизбежность этих выводов, надо знать, как пытались обойти трудности крупнейшие ученые и как это действительно не удавалось»²⁰⁸.

В начале XIX в. благодаря исследованиям Юнга и особенно Френеля утвердилось в физике господство волновой теории света над корпускулярной. Волновая теория смогла объяснить все известные интерференционные, дифракционные и поляризационные явления. Однако с победой этой теории также связано возникновение проблемы эфира, так как волновая теория предполагала среду, в которой распространяются световые волны.

В работах Френеля также ставился и исследовался вопрос о влиянии движения Земли на оптические явления. Эта важная проблема ре-

²⁰⁷ Луи де Бройль. Революция в физике. М., 1963. С. 65-66.

²⁰⁸ Мандельштам Л.И. Полн. собр. трудов. Т. 5. С. 94.

шалась им на основе волновой теории, опирающейся на предположение, что все пространство заполнено неподвижным эфиром. Если эфир неподвижен, естественно предположить, что движение относительно эфира скажется так или иначе на оптических явлениях в движущихся средах. Так, преломление света в движущихся телах должно отличаться от такового в неподвижных телах. Но предположение не оправдалось в опытах. Отрицательный результат опытов Френель объяснял гипотезой, что ожидаемый эффект в первом порядке относительно v/c (v – скорость движущегося тела относительно эфира, c – скорость света) компенсирован частичным увлечением эфира движущимся телом. При этом предполагалось, что во втором порядке относительно v/c опыты непременно обнаружат влияние движения тел относительно эфира на оптические явления.

В своих исследованиях Френель еще подчеркнул ту важную мысль, что скорость света с волновой точки зрения не зависит от движения источника, хотя это положение у него содержится лишь как гипотеза.

Таким образом, теория Френеля как будто бы удовлетворительно объясняла все тогда имевшиеся опыты по оптике движущихся сред (они все были лишь первого порядка относительно v/c). Но благополучие было кажущимся. Попытки охарактеризовать эфир как тело не приводили к успехам и постоянно порождали одну трудность за другой (в вопросах о свободном прохождении планет, об отражении и преломлении света и т.п.).

С созданием электромагнитной теории Максвелла вопрос о природе эфира еще более усложнился, так как в ней свет рассматривался частным случаем электромагнитных волн. Механические модели эфира теперь должны были охватить не только оптические, но и электромагнитные явления, и трудности проблемы эфира резко увеличились. В конце концов физики перестали строить механическую модель эфира, убедившись в невозможности механической интерпретации законов электродинамики. Эфир стали характеризовать электромагнитными свойствами, и как гипотетическая среда он отходил на задний план.

Вопрос об эфире был поднят заново в связи с электромагнитными явлениями в движущихся средах. Уравнения Максвелла относились к явлениям в покоящихся телах, опыты же Роуланда, Рентгена, Эйхенвальда, Вильсона и других обнаруживали новые эффекты в электромагнитных явлениях в движущихся средах. Кроме того, возникал вопрос: как влияет равномерное поступательное движение Земли на

электромагнитные явления? Имелись опыты Рентгена, Ранкина, Трутона и других, в которых попытки обнаружить влияние движения Земли давали отрицательный результат. Так появилась необходимость создать теорию электромагнитных явлений в движущихся средах. Другими словами, стояла вполне реальная проблема: как распространить уравнения Максвелла на движущиеся тела? Если известны эти уравнения в неподвижной системе координат, то как они выглядят в другой системе, движущейся относительно первой прямолинейно и равномерно?

Второй вопрос не являлся специфическим только для электромагнитных явлений, он определенным образом рассматривался и в механике. Было установлено, что механические явления в инерциальных системах протекают одинаково (принцип относительности Галилея). Это получило математическое выражение в инвариантности уравнений Ньютона относительно преобразования Галилея:

$$\begin{cases} \mathbf{x}' = \mathbf{x} - \mathbf{vt} \\ t' = t, \end{cases}$$

которое считалось воплощением воззрения Ньютона на пространство и время.

В механике принцип относительности и инвариантность относительно преобразования Галилея отождествлялись. Инвариантность тесно связана с представлением об однородности и изотропности пространства. Инвариантность «состоит в том, что если я помещу рассматриваемое тело относительно новой системы координат точно так же, как раньше, относительно старой, то уравнения в новой системе будут тождественны уравнениям в старой. В этом и состоит однородность и изотропность пространства, наличие которых требует, чтобы один и тот же опыт мог быть воспроизведен в разных координатных системах»²⁰⁹. Если, например, точка покоится относительно одной системы, а относительно другой она движется, то здесь играет роль различие начальных условий. Если они в обеих системах одинаковы, то и движения будут одинаковы. Следовательно, существует бесконечное множество систем, движущихся прямолинейно и равномерно относительно исходной (и относительно друг друга), для которых законы механики одинаковы. Среди таких систем нет какой-либо выделенной системы. Если бы существовала такая система отсчета и уравнения Ньютона были бы справедливы лишь в этой системе, то непременно существовало бы абсолютное движение.

²⁰⁹ Там же. С. 120.

Вернемся теперь к электродинамике движущихся тел. Первую попытку в направлении обобщения уравнений Максвелла на движущиеся тела, как известно, сделал Г.Герц. Он стремился получить уравнения, инвариантные относительно преобразования Галилея, т.е. сохранить принцип относительности и для электромагнитных явлений. Но попытка Герца не увенчалась успехом. Его уравнения оказались инвариантными не только относительно преобразования Галилея, но и относительно любого движения рассматриваемой системы. Анализ уравнений Герца приводит к тому же – к точке зрения о полном увлечении эфира, что противоречит явлению абберации и опыту Физо. О результатах теории Герца Л.И. Мандельштам писал: «Громадное число опытов показывает, что поступательное движение Земли действительно не сказывается на электромагнитных явлениях, и здесь, таким образом, все как будто бы обстоит хорошо. Но теория Герца идет дальше: ее уравнения инвариантны при всяком движении системы как твердого тела. Однако имеется целый ряд опытов с телами, движущимися относительно Земли (опыты Физо, Эйхенвальда, Вильсона и др.), которые не подтверждают теорию Герца, не объясняются ею совсем или же объясняются только качественно, а количественно получается типичное для теории расхождение»²¹⁰.

В последующем развитии физики из теории Герца сделали вывод, что принцип относительности в электродинамике не имеет места, так как допущение его приводит к полностью увлекаемому эфиру. На путь сознательного отказа от принципа относительности при обобщении уравнений Максвелла на движущиеся тела стал Г.А. Лоренц.

Он постулировал существование всепроникающего, однородного, изотропного и неподвижного эфира. Система отсчета, связанная с эфиром, является выделенной и преимущественной системой. Поэтому по отношению к эфиру имеет смысл абсолютное движение. Эфир, по Лоренцу, существенно отличается от обычного вещества, так как он никогда не приводится в движение и не обладает ни скоростью, ни ускорением. Поэтому нельзя говорить о массе эфира или о силах, к нему приложенных. В теории Лоренца эфир выступает только как переносчик всех сил, действующих на вещество: электромагнитных, молекулярных, сил тяготения и др. Вещество же состоит из положительно и отрицательно заряженных частиц. Распределением и движением электронов Лоренц пытался объяснить все электромаг-

²¹⁰ Там же. С. 141.

нитные и оптические явления, которые происходят в неподвижном эфире.

Для чистого эфира Лоренц сохранял максвелловские уравнения для пустоты, затем составил систему дифференциальных уравнений для случая, когда имеются заряды, движущиеся относительно эфира. К этой системе уравнений он добавил выражение для плотности силы, действующей на движущиеся заряды. Эти уравнения, так как в них уже учтено движение, и должны были объяснить все электромагнитные явления, в том числе и в движущихся средах. Надо отметить еще раз, что теория Лоренца была им создана главным образом для движущихся тел. По этому поводу он писал: «Электромагнитные и оптические явления в системах, имеющих поступательное движение, — а такими в силу годовичного движения Земли являются все тела на Земле, — представляют большой интерес не только сами по себе, но также и потому, что они дают нам возможность проверить различные теории электричества. Электронная теория была развита отчасти со специальной целью охватить и эти явления»²¹¹.

Усредняя уравнения, написанные для истинного микроскопического поля, Лоренц получил уравнение для макроскопических величин, с которыми обычно имеют дело при измерениях. Они для неподвижных тел совпадали с уравнениями Максвелла и хорошо объясняли электромагнитные и оптические опыты (Рентгена, Вильсона, Физо и др.) в движущихся телах.

Уравнения Лоренца инвариантны относительно преобразования Галилея. Это видно непосредственно из того, что они не совпадают с уравнениями Герца, относительно которых было доказано, что они являются единственными, удовлетворяющими требованиям: 1) обратиться для покоящихся тел в уравнения Максвелла и 2) быть инвариантными относительно преобразования Галилея.

Из теории Лоренца вытекало, что в принципе движение Земли уже в первом порядке относительно v/c должно оказать влияние, в то время как опыты первого порядка показывали независимость электромагнитных явлений от движения Земли. Тем не менее Лоренц для каждого такого опыта показывал что предсказываемое влияние состоит из частей, которые в первом порядке компенсируют друг друга. «Г.А. Лоренц в высшей степени остроумном теоретическом исследовании показал, что относительное движение в первом приближении не влияет на ход

²¹¹ Лоренц Г.А. Теория электронов. М., 1956. С. 247.

лучей при любых оптических экспериментах»²¹², — писал Эйнштейн по этому поводу.

Лоренц не удовлетворился этим и из чисто математических соображений написал преобразования:

$$\begin{cases} \vec{r}' = \vec{r} - \vec{v} t, \\ t' = t - \frac{(\vec{v}, \vec{r}')}{c^2} \end{cases}$$

относительно которых при условии

$$\begin{cases} \vec{r}' = \vec{r} - \vec{v} t, \\ t' = t - \frac{(\vec{v}, \vec{r}')}{c^2} \end{cases}$$

с точностью до первого порядка к $\frac{v}{c}$ уравнения Лоренца в новых переменных \vec{r}' и t' получаются похожими на максвелловские. В отсутствие токов проводимости уравнения имеют вполне максвелловский вид. Эти преобразования представляли для Лоренца лишь чисто математический прием, позволивший облегчить вычисления. Физический смысл, по Лоренцу, имеют только \vec{A} и \vec{H} в функции от переменных \vec{r}' и t , а не \vec{E}' , \vec{H}' и t' .

По теории Лоренца, опыты второго порядка относительно $\frac{v}{c}$ должны обнаружить влияние движения Земли на электромагнитные явления. Но, как показал опыт Майкельсона, явившийся первым опытом второго порядка, такого влияния нет. Опыт Майкельсона повторялся неоднократно, но ожидаемого эффекта не дал. И другие опыты второго порядка (опыт Трутона — Нобля, опыты по поиску двойного лучепреломления в прозрачных телах, обусловленного движением Земли) подтверждали результат опыта Майкельсона. «Оставался только один оптический эксперимент, — писал Эйнштейн, имея в виду опыт Майкельсона, — в котором исход был настолько чувствительным, что отрицательный метод опыта оставался непонятным даже с точки зрения теоретического анализа Г.А. Лоренца»²¹³.

Опыт Майкельсона, таким образом, не подтверждал теории Лоренца. Но Лоренц, спасая свою теорию, выдвинул гипотезу о продольном сокращении размеров движущегося тела, которая бы объяснила опыт Майкельсона. Действительно, расчеты показали, что при допущении сокращения размеров тела в направлении движения в отношении

$$\frac{l_2}{l_1} = \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}},$$

²¹² Эйнштейн А. Собр. научных трудов в четырех томах. Т. 1. М., 1965. С. 414.

²¹³ Там же.

где l_2 размер движущегося, а l_1 размер покоящегося тела, результат опыта Майкельсона вполне согласуется с теорией Лоренца. Но сама гипотеза сокращения (она до Лоренца была высказана Фицджеральдом) не вытекает из теории, носит искусственный характер. Лоренц писал: «Эта гипотеза, несомненно, представляется на первый взгляд несколько странной, но нам трудно обойтись без нее, если мы будем настаивать на представлении о неподвижном эфире. Я думаю, мы можем даже утверждать, что при этом допущении опыт Майкельсона доказывает существование указанного изменения размеров тела»²¹⁴ и что это утверждение законно.

В дальнейшем Лоренц попытался вложить в эту гипотезу физическое содержание, обосновать ее исходя из своей теории. При этом он сделал очень много для подготовки идей теории относительности.

Согласно Лоренцу, чтобы тело имело определенную длину, его молекулы должны находиться в равновесии. Это равновесие достигается не одними только электромагнитными силами, но и межмолекулярными силами. «Мы поймем возможность постулируемого изменения размеров, — пишет Лоренц, — если будем помнить, что форма твердого тела зависит от сил, действующих между его молекулами, и что, по всей вероятности, эти силы передаются через окружающий эфир способом, более или менее похожим на распространение через эту среду электромагнитных действий. Стоя на этой точке зрения, естественно предположить, что, подобно электромагнитным силам, молекулярные притяжения и отталкивания тоже получают некоторое изменение при сообщении телу поступательного движения; в результате весьма легко может последовать изменение размеров тела»²¹⁵.

В ходе обоснования гипотезы Лоренц довел свои вышеупомянутые преобразования до вида (1904 г.)

$$x' = \frac{x - vt}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}, \quad y' = y, \quad z' = z, \quad t' = \frac{t - \frac{vx}{c^2}}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}},$$

в которых сокращение размеров тела уже учтено и относительно которых электромагнитные уравнения еще более инвариантны. Впоследствии эти преобразования, названные Пуанкаре «преобразованиями Лоренца», сохранились и в теории относительности и получили в ней свое физическое истолкование. По Лоренцу же, эти преобразования не имеют физического

²¹⁴ Лоренц Г.А. Теория электронов. С. 284.

²¹⁵ Там же. С. 293.

смысла. Физический смысл имеет лишь «преобразование Галилея», координаты x', y', z' Лоренц назвал «эффективными», а время t' в отличие от истинного времени t – «местным временем». Позднее по этому поводу сам Лоренц писал: «Главная причина моей неудачи заключалась в том, что я всегда придерживался мысли, что только переменную t можно принимать за истинное время и что мое местное время t' должно рассматриваться не более как вспомогательная математическая величина»²¹⁶.

Значение работ Лоренца для создания теории относительности огромно. М. Борн писал: «Важные статьи Лоренца 1892 и 1895 годов по электродинамике движущихся тел содержат значительную часть математического аппарата теории относительности. Однако его основные предположения были совершенно нерелятивистского характера. Он считал, что существует абсолютно покоящийся эфир, некий вид «материализации» ньютоновского абсолютного пространства, он перенимал также и ньютоново абсолютное время»²¹⁷.

Физики того времени понимали неудовлетворительность теории Лоренца. Так, Пуанкаре высказал идею, что отрицательный результат опыта Майкельсона должен быть объяснен на основе более общих принципов. Он же в 1905 г. за несколько месяцев до появления первой работы Эйнштейна по теории относительности написал статью «О динамике электрона», в которой провозгласил «постулат относительности» и для электромагнитных явлений. Но он, как и Лоренц, не смог выйти за пределы ньютоновского воззрения на пространство и время и физически правильно истолковать преобразования Лоренца. Отмечая значение работ Лоренца и Пуанкаре, Эйнштейн писал: «Уже Лоренц заметил, что для анализа максвелловских уравнений существенны преобразования, которые позднее стали известны под его именем, а Пуанкаре еще более углубил это знание»²¹⁸.

Теория относительности Эйнштейна радикальным образом разрешила все трудности электродинамики движущихся тел. Эйнштейн показал, что Лоренцовы преобразования затрагивают сущность пространства и времени и что «Лоренц-инвариантность» есть общее условие для любой физической теории.

Итак, в физике до Эйнштейна стремились понять, теоретически воспроизвести оптические и электромагнитные явления в движу-

²¹⁶ Там же. С. 438.

²¹⁷ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 318.

²¹⁸ Там же. С. 322.

щихся системах Френель, Герц, Лоренц и Пуанкаре. Их теоретические положения были опровергнуты экспериментами. Гипотеза Герца противоречила опыту Физо, который свидетельствовал, что полного увлечения эфира нет, а есть только частичное. Теория же Лоренца опровергнута опытом Майкельсона.

Все эти теории содержали также методологические недостатки. Как правильно отмечал Луи де Бройль, до теории относительности электромагнитные и оптические явления не рассматривались как принципиально самостоятельные явления, которые подчинены своим имманентным закономерностям. В этих явлениях недостаточно подчеркивались субстанциальность поля и бесполезность перевода их на язык механики. Поэтому важное место в гипотезах по электродинамике занимало отношение к эфиру и его понимание.

Правда, со времени Максвелла механической характеристики эфира придерживались все меньше и меньше. Развитие физической мысли и эксперимента убеждало в несостоятельности механической трактовки электромагнитных явлений.

Касаясь этой стороны вопроса, Луи де Бройль писал: «Эфир не был для них уже упругой средой с особыми свойствами, способной передавать световые колебания. Он стал некоей абстрактной, весьма условной средой, служащей лишь для фиксации систем отсчета, в которых справедливы уравнения электродинамики Максвелла... Дело обстоит так, как если бы существовала некая среда, заполняющая всю Вселенную, такая, что уравнения Максвелла справедливы только в одной, связанной с этой средой, системе отсчета. Именно с этой средой отсчета ассоциировали последователи Максвелла понятие эфира»²¹⁹.

Однако понятие эфира все же сохранялось в этих физических теориях. Система отсчета, связанная с эфиром, трактовалась как преимущественная. Поэтому действительный шаг вперед в области физической мысли был сделан лишь Эйнштейном, решительно отказавшимся от понятия эфира. В работе «Эфир и теория относительности» Эйнштейн писал: «Электромагнитное поле является первичной, ни к чему не сводимой реальностью, и поэтому совершенно излишне постулировать еще и существование однородного изотропного эфира и представлять себе поле как состояние этого эфира»²²⁰.

²¹⁹ Луи де Бройль. Революция в физике. С. 66-67.

²²⁰ Эйнштейн А. Собр научных трудов. Т. 1. С. 686.

Принципиальное отрицание эфира и самостоятельное рассмотрение электромагнитного поля имело важное значение в генезисе теории относительности, так как выделение предметной области (целого) является важным условием научного познания. Без такого объективного выделения невозможно теоретическое воспроизведение и понимание предмета. Реальной основой выявления первоначального целого (предметной области) является человеческая практика. «Вся человеческая практика, – писал В.И. Ленин, – должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»²²¹.

В физике только субстанциальное рассмотрение электромагнитного поля (предметной области), несводимости к эфиру дало возможность правильно понять принципы электромагнитных явлений в движущихся системах. Такое рассмотрение теоретически (методологически) верно, поскольку разные системы имеют свои специфические, внутренне связанные закономерности. Например, социальная жизнь подчиняется иным закономерностям, чем органическая природа. Сама социальная жизнь также образует несколько систем, которые не сводимы друг к другу. Это верно и в пределах общей теории. Так, материя существует в специфических формах: физической, химической и т.д. Каждая определенная ее форма имеет свою субстанцию, не сводимую к другим формам существования материи. Гносеологической основой неудачи теории Френеля, Герца, Лоренца является то, что они не смогли последовательно провести мысль о субстанциальности электромагнитного поля.

Этот методологический недостаток тесно связан с другим, господствовавшим до теории относительности рассудочным, односторонним пониманием пространства и времени. Пространство и время считались тогда абсолютными, невзаимосвязанными сущностями. Преобразование Галилея понималось как незыблемое воплощение этого взгляда на пространство и время. Однако уравнения Максвелла неинвариантны относительно преобразований Галилея. Поскольку инвариантность относительно преобразований Галилея отождествлялась с принципом относительности, постольку выводы из уравнений Максвелла трактовались как отрицание принципа относительности. Поэтому признавалась преимущественная система отсчета, которая ассоциировалась с неподвижным эфиром. Физикам того времени эфир

²²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

представлялся, по меткому выражению М. Борна, «неким видом «материализации» ньютоновского абсолютного пространства»²²².

Такое понимание пространства и времени не давало хода принципу относительности и другим образом. Из теории Максвелла-Лоренца получалось, что скорость света в пустоте не зависит от движения источника. Но по закону сложения скоростей, вытекавшему из ньютонова понимания пространства и времени, этот закон распространения света не будет иметь места в других системах, движущихся прямолинейно и равномерно относительно эфира. Здесь закон независимости скорости света от движения источника рассматривается как нечто несовместимое с принципом относительности. Ввиду того, что отрицание первого приводило к отрицанию всей теории Максвелла-Лоренца, физики были склонны отрицать принцип относительности. Никто из физиков до Эйнштейна не отвергал ньютоново понимание пространства и времени, галилеево преобразование. Даже тогда, когда имелись преобразования Лоренца, физики не уловили их связи с пониманием пространства и времени.

Теоретическим недостатком теории Герца и Лоренца является непонимание диалектической связи всеобщего, особенного и единичного в построении теоретического знания. В физике того времени, с одной стороны, существовал классический принцип относительности, как теоретический результат громадного количества фактов, с другой – факт конечности и постоянства скорости света, электромагнитных излучений. До Эйнштейна многие физики видели здесь антиномию. Они рассуждали, что справедливо: принцип относительности или постоянство скорости света. На самом деле это было противоречие всеобщего с единичным, субстанции с формами проявления.

Герц в своей теории пытался исходя из общего (принципа относительности) при помощи уравнений Максвелла-Герца объяснить все единичное в области электродинамики. Но теория Герца потерпела неудачу, так как в его понимании принцип относительности отождествлялся с принципом относительности Галилея и механически переносился на электромагнитную область. Если провести аналогию с историей политической экономии, то Герц поступал примерно так же, как в свое время Рикардо, который хотел непосредственно вывести конкретные формы (прибыль, процент и т.д.) из субстанции стоимости. Герц в своей теории так же неспособен разрешить противоречия, как

²²² Борн М. Физика в жизни моего поколения. С. 318.

Рикардо в политической экономии. Герц не понимал единства всеобщего, особенного и единичного и, по существу, сводил единичное ко всеобщему. Получилась не конкретная, диалектико-логическая дедукция, а метафизическая редукция и угасание единичного во всеобщем.

В теории Лоренца выявилась другая крайность. Если Герц непосредственно, механически свел единичное ко всеобщему, то Лоренц неудачу теории Герца понимал как важный аргумент против принципа относительности. В этой теории отрицалось всеобщее в угоду единичному. Невозможность непосредственного выведения единичного из всеобщего трактовалась как недостаток, несостоятельность всеобщего.

В теории относительности все основные теоретические недостатки прежних теорий принципиально преодолены. Прежде всего Эйнштейн, как было показано, четко выделил предметную область, самостоятельно рассмотрел электромагнитные явления, исходя из опыта Майкельсона. «Ситуация, – писал М.Борн, – впервые сделалась ясной только тогда, когда Эйнштейн стал рассматривать эту невозможность наблюдения эфира в качестве исходного пункта, а тот факт, что скорость света не зависит от движения наблюдателя, возвел в принцип»²²³.

Эксперимент Майкельсона имел такое же значение для теории Эйнштейна, какое исследование английского капитализма имело для теории Маркса. В английском капитализме многие связи, специфичные для этой социально-экономической системы, проявились в классической форме, получили наибольшее развитие, а связи внешние, случайные не сохранились, угасли. Таким же образом обстояло дело и с экспериментом Майкельсона. Многие определенности электромагнитных явлений в движущихся средах в нем не проявились (это прежде всего относится к эфиру), зато эксперимент подтвердил справедливость принципа относительности и постоянства скорости света.

Рассмотрение наиболее развитого объекта имеет фундаментальное значение в логической теории Маркса, в которой учитывается принцип развития. Диалектико-логический принцип построения знания (метод восхождения от абстрактного к конкретному) является адекватным принципом познания развивающегося органического объекта. Поэтому возникает вопрос о применимости этого метода в физике, так как физическая теория в основном имеет дело с объектом, который сам по себе является относительно постоянным. В отличие от органических

²²³ Там же. С. 415.

и социальных систем в физике имеются определенные трудности в применении понятия развития.

Действительно, со времени А.Смита и Д.Рикардо изменилось не только наше знание о капитализме, но и сам он существенно изменился. Это имеет важное значение для теоретического анализа трудов Маркса. Если во времена А.Смита и Д.Рикардо капитализм был в зачаточной форме и многие его определенности являлись еще бытием в себе, то в XIX в. в такой развитой стране, как Англия, он достиг своей классической зрелости. Поэтому Маркс в соответствии со своим логическим методом исследовал и анализировал именно английский капитализм, что позволило ему выявить глубокие закономерности капитализма.

Но возможно ли применение логического метода Маркса в исследовании физической реальности? Дело в том, что природа электромагнитных явлений, их поведение в движущихся системах со времени Галилея, Ньютона, Френеля и Максвелла почти не изменились, однако серьезно изменились, стали полнее их проявления в эксперименте. Развитие и изменение нашего знания о предмете отражает изменение и развитие эксперимента. Главное различие здесь в полноте эксперимента, в котором эмпирически, реально наблюдались электромагнитные явления в движущихся средах (например, абберрация, опыт Физо, опыт Майкельсона и т.д.).

Все это свидетельствует о том, что изменение и развитие присуще не только общественной реальности, но характерно и для физических явлений. Особенность этой проблемы в физике состоит в том, что здесь понятие развития в основном относится к эксперименту. Хотя физические процессы сами по себе, в том числе электромагнитные явления, относительно постоянны, но как объект, предмет исследования они выступают на самых различных уровнях в зависимости от развития эксперимента. Поэтому надо четко различать бытие физических явлений само по себе и их объективное (предметное) обнаружение в эксперименте.

Если в должной мере учитывать это, то, несомненно, имеется нечто общее между органическими, социальными объектами и физическими явлениями. Органические и социальные объекты развиваются и тем самым ясно показывают, что для них внутренне и что имеет лишь побочное и внешнее значение. То же самое происходит в области физики, если исходить из развития экспериментов в анализе физических

явлений. Распространенные утверждения о том, что предмет естественных наук остается всегда одним и тем же, видимо, надо считать заблуждением, вызванным отождествлением бытия предмета с его объективностью и предметностью. Из сказанного вытекает заключение, что логический метод Маркса и анализ развитой формы объекта применимы и в области физики.

В создании теории относительности Эйнштейна опыт Майкельсона следует считать решающим экспериментом. Правда, это утверждение не общепризнано. Так, М.Борн оспаривает значение опыта Майкельсона как основного в генезисе теории относительности на том основании, что Эйнштейн не упоминает о нем в своей первой работе по теории относительности. Он считает, что «путь Эйнштейну, по-видимому, указывали скорее законы электромагнитной индукции, чем эксперимент Майкельсона»²²⁴. Такое утверждение нельзя считать правильным, ибо уже тогда Эйнштейн знал работы Лоренца середины 90-х годов XIX в., в которых рассмотрение опыта Майкельсона занимает одно из центральных мест. Как известно, именно опыт Майкельсона нанес решающий удар теории Лоренца и создал условия для новых теоретических поисков. Однако любой, в том числе самый важный, эксперимент автоматически не приводит к новой теории. После опыта Майкельсона (1881 г.) прошло более 20 лет, прежде чем была создана теория относительности. В течение этого времени вызревали основные идеи новой теории. В момент создания теории относительности (1905 г.), видимо, недостаточно подчеркивалась ее связь с опытом Майкельсона, хотя впоследствии сам Эйнштейн придавал должное значение этому опыту²²⁵.

В создании и обосновании теории велика роль эксперимента. Именно эксперименты выделили электромагнитные явления в качестве самостоятельной реальности как первоначальное целое. Но их значение в создании теории относительности различно. Отношение опытов второго порядка к опытам первого порядка такое же, как и отношение более развитой формы капитализма к менее развитой. Действительно, опыты первого порядка так или иначе охватывались

²²⁴ Там же. С. 415.

²²⁵ Эйнштейн в своих более поздних статьях всегда подчеркивал значение опыта Майкельсона. Так, в своих лекциях, прочитанных в 1921 г., касаясь опытов, не обнаруживших влияния поступательного движения Земли на электромагнитные и оптические явления, он говорил: «Наиболее важными из этих опытов являются опыты Майкельсона и Морли» // *Эйнштейн А. Собр. научных трудов*. Т. 2. М., 1966. С. 22.

теорией Лоренца, исходящей из допущения неподвижного эфира, тогда как опыт Майкельсона отверг ее вместе с эфиром. Лоренц пытался примирить опыт Майкельсона со своей теорией, выдвинув на этом пути гипотезу сокращения.

Ретроспективный взгляд позволяет нам сказать, что Лоренц не оценил всего значения опыта Майкельсона. Он своей попыткой как бы ставил его в ряд опытов первого порядка. Эйнштейн, наоборот, принципиально опирается на данные решающего эксперимента. Эйнштейн рекомендовал не просто общее всем экспериментам как первого, так и второго порядка, а исходил из наиболее развитого опыта, из эксперимента Майкельсона. В нем эфир не проявляется, и Эйнштейн констатирует это положение.

В теории относительности, таким образом, ясно выкристаллизована мысль о том, что эфир в решающем эксперименте не обнаруживается по той причине, что в природе он вовсе не существует. «В этом вопросе, – писал Эйнштейн в работе «Эфир и теория относительности», – можно встать на следующую точку зрения. Эфира вообще не существует. Электромагнитные поля представляют собой не состояния некоторой среды, а самостоятельно существующие реальности, которые, подобно атомам весомой материи, не связаны ни с какими носителями»²²⁶.

Отрицание эфира у Эйнштейна тесно связано с положительным утверждением – принципом относительности. Как известно, уже опыты первого порядка показали, что электромагнитные явления независимы от равномерного прямолинейного движения системы в целом. Но они не смогли привести к принципу относительности, так как эта независимость была объяснена теорией Лоренца как нечто случайное, имеющее место лишь в явлениях первого порядка. Именно опыт Майкельсона показал, что эта независимость есть нечто большее, чем случайное совпадение. В своей теории Лоренц также пытался объяснить результат опыта Майкельсона с помощью гипотезы сокращения.

Гениальность Эйнштейна в том и состоит, что он эту независимость поднял до уровня закона природы, исходя из классической формы эксперимента. В данном случае еще раз проявилась в физической теории продуктивность логического метода Маркса, согласно которому содержание, сущность исследуемого объекта обнаруживается не в результате выявления общего многим формам, а в процессе исследова-

²²⁶ Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Т. 1. С. 685.

дования определенной единичности, классической формы объекта. В классической форме явления себя проявляют такими, какими они являются на самом деле. В этом состоит значение крылатой фразы Маркса: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны».

Спрашивается, почему старая физика все время хваталась за эфир, даже после опыта Майкельсона? Потому, что уравнения Максвелла при переходе от одной системы координат к другой инвариантны относительно преобразования Галилея. Следовательно, они имеют преимущественный вид только в системе, связанной с эфиром. Подобно тому, как Маркс при исследовании английского капитализма интересовался главным образом не его особенностями, а всеобщими законами капитализма, которые проявляются в этой единичной, развитой форме, так и Эйнштейна в эксперименте Майкельсона интересовали не его особенность, не желание просто объяснить этот эксперимент, как это сделал Лоренц, а возможность объяснить через этот опыт общие законы электромагнитных явлений в движущихся средах.

Эйнштейн ставил перед собой вопрос: что же является исходным при обобщении уравнений Максвелла на равномерно и прямолинейно движущиеся системы, если эфира нет? Таким исходным, по Эйнштейну, является принцип относительности, который гласит: все явления, как механические, так и электромагнитные, протекают одинаково во всех инерциальных системах отсчета. Таким образом, научное развитие лишь в результате мучительного и трудного поиска приходит к истинному и действительному исходному пункту (Маркс). Правда, у Эйнштейна (во всяком случае, в первой его работе) тот путь, по которому он приходит к исходному, всеобщему основанию, остается нераскрытым, так как не дает ему полного исторического обоснования. Зато этот путь можно проследить в более поздних работах Эйнштейна, в которых он вскрывает исторические корни теории относительности²²⁷.

В основе теории относительности лежит наряду с принципом относительности принцип постоянства скорости света. Обычно при такой констатации создается впечатление, что эти два принципа играют одинаковую роль и в этом смысле они будто равноценны. На самом деле подобное рассуждение едва ли соответствует истине. Принцип относительности выступает в структуре теории относительности как всеобщее основание, исходный пункт, из которого можно понять все

²²⁷ См.: Там же. С. 65-67, 138-144, 410-415 и др.

другие определенности и категории теории. Но связь исходного всеобщего с формами проявления (единичностью) не непосредственна. Поэтому для перехода необходимо особенное, которое является опосредствующим звеном между всеобщим и единичным. Такое особенное Эйнштейн находит в принципе постоянства скорости света.

До Эйнштейна исходили из несовместимости принципа относительности и постоянства скорости света. Эйнштейн доказал их совместимость. В ходе распространения принципа относительности на электромагнитные явления выявилась также истинная продуктивность принципа относительности.

Необходимо заметить, что нахождение внутренней связи всеобщего с единичным путем выявления особенного, опосредствующих звеньев, является не спецификой только теории относительности Эйнштейна, а логическим принципом всякой истинной теории.

Принцип постоянства скорости света вытекал из существа теории Максвелла-Лоренца и получил в то время лишь косвенное подтверждение — через подтверждение других следствий теории. Как известно, это обстоятельство послужило Ритцу поводом, чтобы отрицать правомерность принципа постоянства скорости света. Действительно, казалось, что этот принцип несовместим с принципом относительности, что признание одного из них приводит к отрицанию другого. Картину, создавшуюся в определенный период развития физики, хорошо передает сам Эйнштейн: «Читатель, внимательно следивший за изложенными выше рассуждениями, несомненно, считает, что принцип относительности, являющийся почти неоспоримым в силу своей естественности и простоты, должен быть сохранен, тогда как закон распространения света в пустоте следует заменить более сложным законом совместимым с принципом относительности. Однако развитие теоретической физики показало, что этот путь неприемлем. Глубокие теоретические исследования электродинамических и оптических процессов в движущихся телах, выполненные Г.А. Лоренцом, показали, что опыты в этих областях приводят к необходимости такой теории электромагнитных явлений, неизбежным следствием которой является закон постоянства скорости света в пустоте. Поэтому ведущие теоретики были скорее склонны отказаться от принципа относительности, хотя и не удавалось найти ни одного экспериментального факта, противоречащего этому принципу»²²⁸.

²²⁸ Там же. С. 540.

По существу, в ходе развития электродинамики движущихся сред создалась такая же ситуация, как и в политэкономии капитализма. Там, с одной стороны, было налицо довольно глубокое понимание закона стоимости как закона товарных тел, с другой – в качестве эмпирического факта существовали прибыль, процент, рента и т.д.

Все эти трудности разрешены Марксом в «Капитале» путем открытия и обоснования понятия прибавочной стоимости.

Подобным же образом Эйнштейн разрешил трудности электродинамики. Он показал, что противоречие между принципом относительности и принципом постоянства скорости света разрешимо. Эйнштейн писал, что *«в действительности принцип относительности и закон распространения света совместимы и что, систематически придерживаясь обоих этих законов, можно построить логически безупречную теорию»*²²⁹.

Принцип относительности у Эйнштейна не тождествен принципу относительности Галилея. Эйнштейн обогащает общее (принцип относительности) путем нахождения особенного (принципа постоянства скорости света). Последний первоначально формулируется для одной системы отсчета (по выражению Эйнштейна, для «неподвижной»), как независимость скорости света от движения источника в ней, затем к нему предъявляется требование принципа относительности. От такого взаимодействия обогащается как общее, так и особенное: принцип относительности распространяется и на электромагнитные явления, а принцип независимости скорости света возводится в принцип постоянства скорости света во всех инерциальных системах.

В теории относительности постоянство скорости света имеет субстанциональное значение. Данный принцип не просто постулируется, а глубоко и внутренне увязывается с формулировкой принципа относительности. Причина неудачности попытки Герца применить принцип относительности в электродинамике теперь понятна: Герц пытался связать общее с единичным непосредственно, а потому его принцип относительности не вышел за рамки галилеевского. Если до Эйнштейна принцип относительности выступает как нечто узкое, как принцип механических явлений, то в теории Эйнштейна он трактуется как всеобщий принцип движения, способствующий радикальному пересмотру всех старых физических представлений и выводов.

²²⁹ Там же.

По Эйнштейну, действительности соответствует лишь такая теория, которая исходит из необходимой совместимости принципа относительности с постоянством скорости света и распространяет этот принцип на исследование электромагнитных явлений. В подобной трактовке принцип относительности является уже условием постоянства скорости света. Но сама продуктивность данного принципа реально доказывается, когда сформулировано субстанциальное постоянство скорости света. «Для Эйнштейна постоянство скорости света было не феноменологическим результатом компенсирующих друг друга эффектов абсолютного движения, а объективным законом природы, независимым от эксперимента субстанциальным свойством материальных систем, движущихся прямолинейно и равномерно одна относительно другой»²³⁰. В данном случае реализуется та же причинность, которая имеет место в «Капитале» Маркса. Товар является всеобщим условием капитализма, но реально это осуществляется лишь при капитализме, когда и рабочая сила становится товаром.

Единство этих двух принципов, взаимопроникновение общего и особенного, получает свое математическое выражение в преобразованиях Лоренца. О результатах теории относительности Эйнштейн писал: «Что было при этом нового, так это признание того, что значение лоренцовых преобразований выходит за пределы связи с уравнениями Максвелла; они затрагивали сущность пространства и времени вообще. Новым был также и взгляд, что «Лоренц-инвариантность» есть общее условие для любой физической теории»²³¹. В теории Эйнштейна исключительно важное значение имеют преобразования Лоренца, однако их роль и место в ней иные, чем исходные положения теории относительности, из которых генетически вытекают все другие ее определенности. Лармор и Лоренц сделали много для будущей теории, написали новое уравнение, но, оставаясь в пределах старых физических представлений, они не поняли истинного значения того, что обнаружили.

Преобразования Лоренца не могут быть исходным пунктом теории относительности, они представляют сложную ее категорию. Так, Лоренц, имея их под рукой, не посягал ни на эфир, ни на абсолютное движение, ни на абсолютность пространства и времени. Преобразования Лоренца дают такие радикальные следствия только тогда, когда

²³⁰ Кузнецов Б.Г. Беседы о теории относительности. М., 1965. С. 122.

²³¹ Цит. по кн.: Борн М. Физика в жизни моего поколения. С. 322.

правильно понимается их всеобщее основание и исходный пункт – принцип относительности. По свидетельству М. Борна, «сам Лоренц никогда не претендовал на авторство в открытии принципа относительности» и «считал основоположником принципа относительности Эйнштейна»²³². Примерно то же можно сказать и о Пуанкаре. Хотя он сформулировал «постулат относительности», установил полную инвариантность уравнений электродинамики относительно «преобразований Лоренца», исследовал их групповые свойства, но не смог связать принцип относительности с субстанциальным постоянством скорости света, а значит не смог глубоко понять его. Он все еще придавал определенный смысл гипотезе Лоренца, и поэтому его «постулат относительности» не противоречит ей.

В этой связи глубокий смысл имеет замечание Лоренца: «Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он первый высказал принцип относительности в виде всеобщего строгого и точного действующего закона»²³³. Ведь сам Лоренц подходил в своих работах, особенно в статье «Электромагнитные явления в системе, движущейся с любой скоростью, меньшей скорости света» (1904 г.), к принципу относительности. «Постулат относительности», провозглашенный Пуанкаре в его работе «О динамике электрона», является непосредственным логическим завершением работ Лоренца. Тем более примечательно признание Лоренца, показывающее не только его научную честность, но и глубокое понимание им сути дела.

При первой же попытке совместить принцип относительности и постоянство скорости света Эйнштейн натолкнулся на парадокс – относительность одновременности.

Эйнштейн разрешил этот парадокс радикальным образом: одновременность не абсолютна. То, что одновременно в системе K , не одновременно в K' , и наоборот. Эйнштейн понял, что он стоит у истоков нового воззрения на пространство и время. Ход рассуждений Эйнштейна примерно таков: если первое же соприкосновение двух принципов приводит к относительности одновременности, то систематическое их слияние, единство общего и особенного должно привести к новому пониманию пространства и времени, что отражено в преобразованиях Лоренца: время не абсолютно, пространство, время и движение связаны между собой. Такое понимание пространства и

²³² Там же. С. 320-321.

²³³ «Принцип относительности». М.–Л., 1935. С. 23.

времени приводит к необходимости нового определения одновременности явлений, пространственных и временных их характеристик.

Иногда положение дел в теории относительности изображают так, будто Эйнштейн сначала дал эти новые определения, которые необходимо привели к пространству и времени теории относительности. Причем эти определения представляются взятыми из головы, удобными соглашениями. Тогда и теория, исходящая из них, оказывается результатом соглашения между людьми (Эддингтон, Пуанкаре). Такая точка зрения переворачивает с ног на голову объективное существо вещей. Эйнштейн смог дать эти определения только потому, что нашел субстанциальную основу – постоянство скорости света в его единстве с принципом относительности, в которой в зародыше выражена связь пространства и времени.

Таким образом, теория относительности есть физическая теория пространства и времени. Здесь уместна некоторая аналогия с фундаментальным трудом Маркса. Если Маркс разработал глубокие логические и методологические проблемы научного познания в ходе экономического анализа капитализма, то Эйнштейн, исходя из проблем электродинамики движущихся сред, создал теорию пространства и времени, которая лежит в основе всей современной физики. Правильно замечание Л.И. Мандельштама: «Вся теория Эйнштейна далеко вышла за рамки первоначальных задач»²³⁴. Действительно, теория относительности позволила наиболее полно, насколько это возможно в рамках классической (неквантовой) электродинамики, охватить все электромагнитные явления. Кроме того, она релятивизировала и механику. Она привела к соотношению фундаментальной важности: $E=mc^2$. Огромное методологическое значение для физики имеет и то, что Эйнштейн называет «Лоренц-инвариантностью»: все законы должны быть ковариантны относительно преобразований Лоренца.

Эйнштейн высоко ценил метод Минковского, давшего наиболее адекватное математическое представление пространства и времени теории относительности. Минковский вводит на основе этой теории четырехмерное пространство-время, в котором пространство и время тесно взаимосвязаны и абсолютно неразделимы. Они лишь относительно, о пространстве самом по себе и времени самом по себе можно говорить лишь относительно тех или иных инерциальных систем. В классической же физике ввиду абсолютности пространства и времени они представля-

²³⁴ Мандельштам Л.И. Полн. собр. трудов. Т. 5. С. 181.

лись абсолютно независимыми. «После отказа от абсолютности времени, и особенно одновременности, сразу проявилась четырехмерность пространственно-временного представления»²³⁵, – писал Эйнштейн. Представление Минковского в дальнейшем помогло Эйнштейну создать математический аппарат общей теории относительности.

Идея пространственно-временного континуума подтверждает то положение, что объективной истинностью прежде всего обладает целое, конкретное, которое является системой внутренне связанных отношений. Пространство и время есть лишь моменты этого целого. Подобная трактовка истинна не только для теории относительности, но и для всякой другой истинной теории. Гегель неоднократно подчеркивал, что истина заключается не в общем, которое рассматривается в отрыве от особенного, а в их диалектическом единстве. Эту мысль Гегель последовательно применил ко всем философским категориям.

Подобно тому как Гегель с помощью закона единства противоположностей рассмотрел в единстве то, что до него мыслили раздельным, так и Эйнштейн, признав всеобщность и истинность преобразований Лоренца, рассмотрел в единстве то, что считалось раздельным. Замечательным примером этого является раскрытие синтетической природы пространства и времени, массы и энергии и т.д.

Заслуга Эйнштейна в том, что он не только рационально разрешил огромные трудности в развитии электродинамики, но сделал это в результате коренного изменения пространственно-временного представления вследствие изменения старого стиля мышления. Поэтому Эйнштейн создал цельную законченную теорию и стал зачинателем нового направления в физическом мышлении.

²³⁵ Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Т. 2. С. 258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

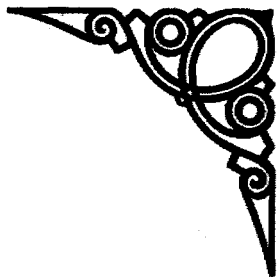
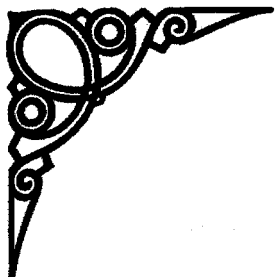
Процесс формирования и построения теории необходимо подчиняется универсальным логическим принципам (категориям), которые в ходе развития и формирования теоретического знания выполняют функцию переработки чувственного знания, фактов и способствуют образованию теоретического знания. Кант был совершенно прав, подчеркивая познавательное значение категорий в формировании научно-теоретического знания (синтетических суждений а priori), хотя он отсюда сделал априористические выводы относительно природы и происхождения этих универсальных принципов познания. Истинная трактовка природы логических категорий дана только в диалектико-материалистической логике и здесь же всесторонне раскрыта их конкретная функция в формировании научной теории.

Велико методологическое значение диалектико-логических принципов как в построении теории в целом, так и в осмыслении ее конкретных этапов развития. Действительно, важнейшими моментами всякой научной теории являются выбор предметной области, выявление начала, обоснование всеобщего принципа, основного понятия теории и выяснение диалектической связи сущности с формами проявления, эмпирическими фактами. Вся теория в целом и ступени ее формирования необходимо предполагают последовательное применение метода восхождения от абстрактного к конкретному, глубокое понимание и осмысление таких диалектико-логических принципов (категорий), как объект и субъект, отражение, развитие, субстанция, сущность, противоречие, всеобщее, особое и т.п.

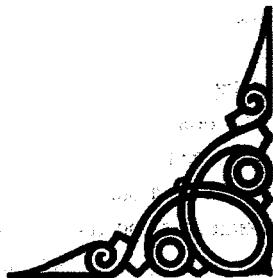
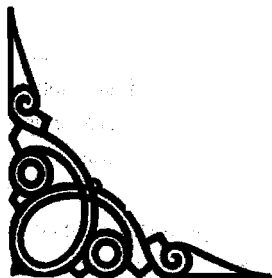
В этом отношении «Капитал» Маркса выступает образцом научной теории. Внимательный анализ метода мышления в развитых современных теориях (теория относительности, квантовая механика, теория множеств и т.п.) все больше убеждает в том, что их стиль мышления, методология совпадает с основными принципами материалистической диалектики, которые инварианты закону тождества противоположностей. Если Маркс на основе закона единства противоположностей раскрыл внутренние связи положительного и отрицательного, всеобщего и единичного, сущности и форм проявления и т.п., то Эйнштейн и Бор сделали то же самое в области физического мышления. В теории относительности найдена глубокая связь между такими фундаментальными понятиями, как пространство и время, масса и энер-

гия, относительное и абсолютное, что оказало рациональное влияние на всю культуру естественнонаучного мышления.

В ходе развития и формирования современного математического знания также реально возникают трудности, логико-гносеологические проблемы, которые разрешимы только с позиций материалистической диалектики, диалектико-логического понимания содержания таких важнейших логических категорий, как *количество и качество, бесконечное и конечное, дискретное и непрерывное, абстрактное и конкретное, противоречие* и т.п.

**ПРИНЦИП
ПРОТИВОРЕЧИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ
НАУКЕ**

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время стремительное развитие общественной жизни внутренне связано с научно-технической революцией, которая влияет на все стороны социальной действительности: на развитие всей сферы материального производства, на идеологию, образ жизни людей, на формирование личности и т.п. В свою очередь коренные изменения наблюдаются в самой основе науки, в стиле современного мышления. Фундаментальные изменения, как правило, затрагивают не отдельные аспекты, моменты в развитии науки, а пронизывают всю ее природу.

Основное направление прогресса научной мысли связано с большими теоретическими обобщениями. Бурное развитие науки сделало ее границы относительными. Многие новые области знания возникают на стыке наук. В целом современная наука похожа на гигантскую развивающуюся систему, которая каждый раз пересматривает свои основы.

Необходимые здесь большие перемены связаны также с изменением логики научно-теоретического познания. Если кратко выразить их основное направление, ведущую тенденцию, то это – теоретический синтез, интеграция, синтетическая идея в развитии современной науки. Кстати, синтез, и интегративная тенденция, вовсе не локальное явление, а универсальное направление, которое пронизывает все содержание, весь процесс развития науки нашего времени, начиная с формирования ее теоретических понятий и кончая ее взаимоотношением с производством.

Внимательный анализ синтетической природы современной науки обнаруживает ее тесную связь с диалектикой, понимаемой как логика и теория познания марксизма. Ибо такой характер науки – это не проходящее и не поверхностное явление, не случайное совпадение обстоятельств, а закономерный процесс, который инвариантен принципу тождества противоположностей. Поэтому вполне принципиально следует подчеркнуть, что диалектика не просто присуща всей нынешней

науке, она является «душой», стержнем, стилем современного способа мышления. Происходящее сейчас развитие науки ясно свидетельствует о возрастании методологической роли диалектики. Принцип противоречия, являющийся ядром диалектики, все больше проникает в современную науку, определяет ее стиль мышления, логику формирования и развития теоретического знания.

В развитии культуры изменение метода, стиля мышления имеет фундаментальное значение. Дело в том, что прогресс в науке, теоретическом познании связан не только с открытием новых фактов, явлений, получением очень важных экспериментальных данных, но также с изменением логических принципов познания. Речь идет об изменении содержания фундаментальных понятий и принципов, с помощью которых человек мыслит, осваивает факты, предметы действительности. Поэтому человечество всегда особо выделяло и ценило тех ученых, которые совершили революцию в способе мышления. В самом деле, в физике особый авторитет таких гениальных ученых, как А.Эйнштейн, Н.Бор, М.Планк, связан не с тем, что они открыли какие-то удивительные факты, а с тем, что они изменили способ, стиль мышления, пересмотрели такие кардинальные понятия, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное, прерывное и непрерывное. Если ранее эти понятия мыслились раздельно, то Эйнштейн и Бор смогли обосновать их единство в структуре физической теории.

Внимательный анализ самых развитых современных научных теорий все больше убеждает в том, что их стиль мышления и методология совпадают с основными принципами диалектической логики, которая является логикой современного научно-теоретического мышления.

В настоящее время исследование методологических и мировоззренческих проблем имеет весьма актуальное значение. Оно связано с необходимостью анализа современных сложных социальных процессов, закономерностей научно-технической революции, развития культуры и т.п. Интерес к методологическим вопросам продиктован также бурным развитием современной науки, которое постоянно порождает логико-гносеологические проблемы, без успешного решения которых трудно обеспечить творческое развитие научной мысли, взаимосвязь философии и конкретных наук.

В нашей философской литературе существуют различные точки зрения в трактовке методологии и логики научного познания. Одни

исследователи подчеркивают то, что подлинной логикой и методологией современного научного знания является материалистическая диалектика, диалектическая логика. Поэтому углубленное исследование методологических проблем науки, по их мнению, прежде всего связано с теоретическим анализом логических категорий, универсальных принципов научного познания (принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип противоречия, принцип конкретности и т.п.) в свете историко-философских традиций, а также данных современной науки и социальной практики. Другие же исследователи концентрируют свое внимание на изучении и анализе частной методологии научного познания (системно-структурный анализ и т.п.). Безусловно, изучение частной методологии научного познания также имеет продуктивное значение, если это делается в определенных рамках и без противопоставления материалистической диалектике как универсальной методологии научного познания.

В западной философии логические проблемы науки серьезно искажались и искажаются, так как она отрицает объективность важнейших законов (понятий) науки и недооценивает диалектико-материалистический принцип отражения. Для логической и методологической установки на Западе характерна абсолютизация методов символической и формальной логики, что объективно приводит к отрицанию общей методологии (диалектики как логики), диалектико-логического учения о методе научно-теоретического познания. В этой связи авторы настоящей монографии свою задачу также видят в критике этих односторонних воззрений и в выявлении границ применения формальных методов в познании.

В данном исследовании главное внимание авторов обращено не только на анализ общего понятия методологии, а сконцентрировано вокруг проблемы диалектического противоречия, на раскрытии логико-гносеологической и методологической функции принципа противоречия в современной науке (в физике, математике, биологии и психологии). Необходимость глубокого и всестороннего исследования данного диалектико-логического принципа вызвана его объективной ролью в современном мышлении.

Дело в том, что противоречие является центральным принципом диалектико-материалистической логики. Диалектическая, содержательная логика отличается от формальной логики главным образом в понимании и последовательном проведении диалектического прин-

ципа противоречия в мышлении. В современной науке все больше возрастает роль принципа противоречия, что, несомненно, связано с происходящим изменением стиля, логики научно-теоретического мышления. Наконец, по сей день вокруг этого фундаментального принципа не прекращаются жаркие споры, вызванные различным его пониманием. Все это настоятельно требует всестороннего исследования данной проблемы на материале различных современных естественных и общественных наук.

В современной философской литературе достигнуты серьезные успехи в исследовании роли принципа противоречия в познании. В своих теоретических выводах авторский коллектив данной монографии исходит из них и учитывает их результаты²³⁶.

В первой главе книги дается общая характеристика диалектического принципа противоречия, выявляются специфические логические критерии этой категории, анализируется их значение для современного способа теоретического мышления. В остальных главах на материале естественных наук показывается продуктивность диалектико-логического понимания категории противоречия, раскрывается роль принципа противоречия в формировании и развитии научных теорий.

Предлагаемый вниманию читателей труд написан с позиции диалектико-материалистической логики. В нем проведена единая теоретическая концепция в понимании принципа противоречия и его роли в научном познании. В первом томе исследуется главным образом роль принципа противоречия в естественных науках. Готовящийся к печати второй том будет посвящен анализу роли противоречия в общественных науках.

²³⁶ См.: Противоречия в развитии естествознания / Под ред. акад. Кедрова Б.М. М., 1965; Копин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М., 1969; Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974; Омеляновский М.Э. Диалектика в современной физике. М., 1973; Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; Абдильдин Ж., Нысанбаев А. Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА О СУЩНОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗНАНИИ

Согласно диалектико-материалистической логике объективная материальная действительность познается и теоретически воспроизводится в формах мышления. Возможно ли в правильном мышлении противоречие? Этот вопрос по своему содержанию отнюдь не является праздным. Он ставился не только гегелевской и диалектико-материалистической логикой. Интерес к нему возник еще в глубокой древности. В апориях Зенона вполне определенно выдвигались вопросы о противоречиях. Формальная логика в течение двух тысяч лет не могла дать апориям какого-либо рационального разрешения, так как эти вопросы выходили за ее рамки.

Действительно, идея противоречивости мышления, всеобщего в истории глубоко рассматривалась представителями элейской школы. Они впервые в философии обнаружили и по-своему раскрыли противоречивость сущности и явления, чувства и мысли, в себе бытия и для себя бытия. Важность их постановки вопроса состоит в том, что они обратили внимание на проблему противоречия в связи с вопросом о выражении движения в логике понятий. Касаясь проблемы противоречия, В.И. Ленин писал: «Диалектика вообще есть «чистое движение мысли в понятиях» (т.е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни...)»

В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе..., сущности, субстрата, субстанции...»²³⁷. В элеатской философии проблема противоречия сформулирована прежде всего в связи с анализом движения. Противоречивость движения была обнаружена не в его чувственном бытии, а в сущности. Все апории Зенона порождают трудности не в области чувственности, а тогда, когда речь идет о сущности, о сфере мыслимого, истинного бытия. Правда, элеаты из признания противоречивости движения логически пришли к отрицанию движения. Они не понимали того обстоятельства, что противоречивость движения, его сущности ни в коей мере не говорит в пользу отрицания движения, а только свидетельствует о том, что противоречие

²³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226-227.

есть источник движения. «Движение, – разъяснял В.И. Ленин, – есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»²³⁸.

По сравнению с элеатской философией более последовательно и глубоко проанализирована проблема противоречивости Платоном.

В новой философии проблемы диалектики, учение о противоречии специально не исследовались, так как диалектику тогда понимали как софистическое рассуждение, ложное умозаключение и т.п. В своих логико-теоретических размышлениях как Бэкон, Локк и Юм, так Декарт и Спиноза одинаково отрицательно высказывались о диалектике, диалектических рассуждениях, хотя такая их позиция нисколько не помешала Декарту и Спинозе дать в своих трудах замечательные образцы диалектической постановки проблемы. Это обстоятельство может свидетельствовать только о справедливости известной мысли К.Маркса, что непонятая форма является всеобщей формой познания и деятельности.

Вопрос о диалектике, о противоречии наиболее глубоко ставился в немецкой классической философии, в частности Кантом. Важнейшее значение кантовской философии состоит в том, что она восстановила вдумчивое отношение к диалектике и проблеме противоречия. При исследовании учения Канта о противоречии в литературе главное внимание обычно уделяется знаменитым антиномиям. Это справедливо и не может вызвать какого-либо возражения, хотя не следует забывать и следующее. Если внимательно проследить, проанализировать всю кантовскую философию, то идея противоречия, попытка осмыслить противоречия пронизывает все творчество великого философа. Во многих его работах легко обнаружить серьезное отношение к противоречию, попытку осмыслить противоречия.

Немалый интерес представляет уже его докритическая работа «Всеобщая естественная история и теория неба», в которой, правда, специально не говорится о диалектике, о противоречии. Однако она интересна в том отношении, что, обосновывая возникновение солнечной системы, Вселенной, Кант не может обойтись без диалектики, без введения принципа противоречия как важнейшего условия обоснования теоретического знания. Диалектика необходима философу потому, что он пытается обосновать возникновение солнечной системы, Вселенной, если можно так выразиться, на их собственной основе, т.е. без влияния какой-либо

²³⁸ Там же. С. 231.

посторонней силы. Он последовательно доказывает, что солнечная система, как сложное целое, как определенное качественное формообразование, с входящими в нее планетами, возникла из первоначальной туманности благодаря движению и развитию.

В своем труде, обосновывая возникновение солнечной системы, Вселенной, Кант исходит из первоначальной, еще бесформенной материи, первоначальной туманности, которая содержит в себе источник формирования целого, Вселенной. Если бы для объяснения возникновения солнечной системы, Вселенной он допускал, с одной стороны, материю, а с другой – готовую, активную форму, то оставался бы в рамках традиционного способа рассмотрения, не нуждался бы в диалектике, в принципе развития. Поскольку же источник формирования Вселенной философ ищет в самой бесформенной материи, в ее первоначальном, хаотическом состоянии, постольку в его гипотезу необходимо входит принцип развития, противоречия, т.е. диалектика.

В понимании Канта сама бесформенная материя благодаря своему внутреннему различию получает способность к самодвижению, формообразованию. «Простейшие и наиболее общие свойства, данные как будто без всякой цели, материя, которая кажется совершенно инертной и нуждающейся в форме и организации, – писал он, – уже в простейшем своем состоянии таят в себе стремление подняться к более совершенному строению путем естественного развития. Но больше всего способствует упорядочению природы и выходу ее из состояния хаоса наличие различных видов элементов, благодаря чему нарушается покой, который царил бы, если бы рассеянные элементы были во всех отношениях одинаковы»²³⁹.

В этой постановке вопроса материя трактуется как внутренне противоречивая, причину ее самодвижения мыслитель видел в ее изначальной нетождественности. Поскольку же материя способна к самодвижению, развитию, постольку категории «материя» и «форма» не абсолютные противоположности, в ходе формирования Вселенной они переходят друг в друга, т.е. материя сама порождает свою форму, формообразуется. В такой трактовке материи и формы в процессе возникновения Вселенной Кант пошел значительно дальше по сравнению с Аристотелем и Ньютоном в понимании этого вопроса.

Как видим, во «Всеобщей естественной истории и теории неба» довольно глубоко поставлен вопрос о развитии, о противоречии, хотя

²³⁹ Кант И. Сочинения в 6-томах. М., 1964-1965. Т. 1. С. 156.

в дальнейшей работе философа этот продуктивный аспект не получил должного развития. Принцип развития, самодвижения здесь остался локальным принципом, не получил универсальной общеметодологической значимости.

Вопрос о противоречии в логико-теоретическом плане Кантом ставился и в работе «Введение понятия отрицательных величин в философию». Здесь основное его внимание привлекает анализ понятия отрицательного, «отрицательной величины». В отличие от всей предшествующей философии, понимавшей отрицательное только как ничто, как отсутствие всякого содержания, Кант признает за отрицательным вполне определенное содержание. При этом подчеркивает, что такое понимание значения отрицательной величины давно имеет место в математике, в которой $(-a) + (-a)$ всегда равно $-2a$. Важность кантовского способа анализа состоит еще в том, что он проследил значение понятия отрицательной величины во многих областях науки и нравственности.

Особый интерес представляет кантовское деление противоречия (противоположности) на логическое и реальное. Под логической противоположностью философ понимал такую противоположность, такое соединение, следствием которого является ничто. Такая логическая противоположность реализуется тогда, когда об одной и той же вещи нечто утверждается и отрицается.

Примером логической противоположности через противоречие может быть суждение: тело находится и в то же время не находится в движении.

Реальной же он называл такую противоположность, следствием которой является не ничто, а нечто, т.е. определенное позитивное содержание. Здесь два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия. Так, сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствием такого состояния тела является покой, который имеет вполне определенное содержание.

В названном труде Кант оттенил еще одну мысль, которая имеет важнейшее значение при обосновании любого теоретического (творческого) знания. Он подчеркивал, как возможно нечто (субъект) необходимо соединить с тем, что не содержится в нем, а выходит за пределы этого нечто. Чтобы удовлетворительно обосновать эту проблему, Кант доказывал необходимость выхода за пределы традиционной ло-

гики, формальнологического понимания противоречия. В дальнейшем эту мысль Кант основательно разработал в «Критике чистого разума» в связи с рассмотрением синтетического суждения аргіоі.

Таким образом, в трактовке и понимании категории противоречия Кант еще в докритический период достиг определенных результатов, хотя его пониманию и были присущи существенные недостатки. В частности, признавая применимость категории противоречия в процессе решения космологических проблем (например, возникновения Вселенной), он не смог осознать ее методологическую и логическую функции. А в том случае, когда он в работе «Введение понятия отрицательных величин в философию» анализирует общую значимость понятия отрицательного, то разрабатывает его в плане корректности к формальнологическому закону противоречия.

По мнению Канта, всякая мысль, в которой содержится логическая противоположность, т.е. противоречие, ведет к ничто, к уничтожению мысли. Он признает значение реальной противоположности, обосновывает ее необходимость постольку, поскольку она не нарушает закон невозможности противоречия в логике. Кроме того, реальную противоположность философ не смог связать с принципом развития, самодвижения, а потому ее результат есть покой, некоторое нейтральное состояние. А это означает, что признание значения отрицательных величин отнюдь не привело философа к диалектическому пониманию принципа противоречия, роли отрицательного в познании.

Недостатки кантовского способа рассмотрения противоречия проявляются еще яснее, когда мы сравниваем его с трактовкой К.Марксом понятия отрицательного в «Святом семействе». Действительно, Кант сделал очень много, подчеркнул определенное содержание (значение) отрицательного в науке и практической жизни. Однако он не смог поставить проблему во всем объеме. Гегель и Маркс в понимании этой проблемы добились величайшего успеха по сравнению с Кантом.

В теоретических исследованиях Маркса всякий развивающийся объект (целостность) выступает как единство многообразного, как единство положительного и отрицательного. Притом эти стороны целого выполняют различные, противоположные функции. Если от положительного, поскольку оно положительное, исходит попытка сохранить данную целостность, то отрицательное стремится разрушить целостность. Борьба противоположностей ведет к образова-

нию нового целого, которое также состоит из единства противоположностей²⁴⁰.

При сравнении с этим глубоко диалектическим пониманием взаимоотношения противоположностей мы отчетливо видим абстрактность, слабость кантовского истолкования проблем. Кант не смог соединить понятие противоречия с принципами развития; не видел в единстве противоположностей всеобщего условия существования развивающегося целого (целостности); не поднялся до постижения ведущей роли отрицательного в развитии, важнейшего значения разрешения противоречия. Все это серьезные недостатки философии Канта, и мы о них отнюдь не забываем.

Однако нельзя забывать и то обстоятельство, что в новой философии Кант первый пытался исследовать и обосновать значение отрицательного в познании и деятельности. Если руководствоваться марксистским принципом историзма, исторической критики, то совершенно очевидно, что заслуга философа громадна по сравнению с его предшественниками в понимании и введении принципа противоречия в мышление.

На новом уровне к анализу проблемы противоречия Кант обращается в критический период, в особенности в работе «Критика чистого разума». Вопрос о противоречии встал перед философом в связи с обоснованием синтетического априорного знания. Он ясно понимал, что выполнить эту задачу в рамках общей логики, опирающейся на принцип непротиворечивости мышления, невозможно.

Задачу обоснования синтетического априорного знания философ возлагает на трансцендентальную логику, в которой вещь в себе, не являющаяся предметом человеческого познания, отличается от явления, чувственного многообразия, которые определяются категориями человеческого рассудка. Поэтому в кантовской философии формирование всеобщего, необходимого синтетического знания одновременно предполагает (в качестве своего теоретического условия) единство субъекта и объекта, самосознания и опыта, категории и чувственного многообразия.

Для синтетического априорного знания, по Канту, необходим синтез чувственного многообразия с категориями рассудка. Хотя чувственность и рассудок (категории) имеют различные источники возникновения, они тем не менее едины, внутренне связаны в процессе формирования априорного синтетического знания.

²⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 37-40.

В философской литературе кантовское положение о таком синтезе рассматривается обычно как пример гносеологического дуализма. Однако природу кантовского синтетического суждения а priori нельзя свести к дуализму, ибо дуалистичность обоснования является только специфической кантовской формой осмысления принципа противоречия в обосновании научно-теоретического знания. Кроме того, Кант попытался в своем главном труде рассмотреть, проанализировать то особое (форму времени), посредством которого осуществляется синтез всеобщего с единичным, категории – с чувственным многообразием.

В попытке мыслить противоречия, ввести диалектический принцип противоречия в научно-теоретическое знание особое место принадлежит кантовскому учению о первоначальном единстве апперцепции, о котором в свое время Гегель писал: «Этот первоначальный синтез апперцепции есть один из глубочайших принципов спекулятивного изложения...; он содержит начало истинного понимания природы понятия и совершенно противоположен... пустому тождеству или абстрактной всеобщности, которая не есть синтез внутри себя»²⁴¹.

Кантовское учение о первоначальном единстве апперцепции интересно в двух отношениях. Здесь, с одной стороны, предпринята попытка обосновать единство, синтез субъекта и объекта, единого и многого, категории и чувственного многообразия в структуре теоретического знания, а с другой – с идеи первоначального единства апперцепции по существу начинается новое понимание диалектики, новый способ ее обоснования. Если раньше (включая и Канта в докритический период) диалектика, диалектические идеи в основном исследовались в одном плане, аспекте, то с этого времени диалектика рассматривается как внутренний ритм человеческой деятельности, понимаемой, правда, идеалистически.

В послекантовской немецкой философии этот аспект диалектики получил всестороннее развитие, ибо ее стали понимать как творческий метод, как метод духовно-теоретического преобразования и формирования субъектом, теоретическим мышлением объекта. Отныне противоречие выступает внутренней пружиной развития человеческой духовной деятельности в ее творческом отношении с объектом.

С этого времени всесторонне стали исследовать принцип активности познающего субъекта. Отмечая эту сторону немецкого классического идеализма, К.Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествую-

²⁴¹ Гегель. Наука логики. Т. 3. М., С. 23.

шего материализма, -включая и фейербаховский, – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *дейтельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»²⁴².

Подчеркнув таким образом активный характер человеческой духовной деятельности, немецкая классическая философия стала пересматривать, по-новому трактовать многие вопросы философии и логики. Если раньше категории рассматривались главным образом в онтологическом плане, как роды бытия, то теперь – как формы человеческого сознания, мышления, как универсальные формы духовного действия на предмет, объект. Если сам Кант понимал категории как априорные формы рассудка, условия возможности теоретического априорного знания, объекта, чувственного созерцания, то Фихте, Шеллинг и Гегель пошли значительно дальше в анализе активности, творческого характера человеческой духовной деятельности.

Вопрос о противоречии ставится Кантом на новом уровне в «Трансцендентальной диалектике». Если до того противоречие в его философии рассматривалось или в плане реальной противоположности, или в виде синтеза единого с многим, всеобщего с единичным, то в трансцендентальной диалектике обоснована необходимость противоречивых, антиномичных утверждений как результат, следствие выхода нашего разума за пределы всякого опыта. По убеждению Канта, реальные противоположности, теоретические синтезы, проявляющиеся в форме синтетического априорного знания или в форме первоначального единства апперцепции, не нарушают незыблемость формально-логических законов, не противоречат им. Поэтому в результате синтетических действий рассудка возможно научно-теоретическое знание. Другое дело противоречия, которые имеют место в «Трансцендентальной диалектике». Они фигурируют как действительные противоречия, антиномии в теоретическом мышлении, которые нарушают формально-логические законы. Хотя впоследствии Кант снова пытается рассмотреть эти антиномии как противоречие в разных отношениях, но само обоснование их необходимости в мышлении выступает важным моментом в истории диалектической мысли. В «Критике чистого разума» Кант анализировал четыре

²⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.

антиномии человеческого разума, которые естественно присутствуют при попытках разума выходить за пределы опыта.

В этих антиномиях тезис и антитезис одинаково необходимы и доказываются также, полагал Кант, логически безупречно. Отсюда они не являются результатом субъективных ошибок в мышлении, а необходимо присутствуют в разуме при его стремлении охватить мир в целом.

Кант видел в антиномиях нечто отрицательное. Он придерживался того взгляда, что разум не способен сообщить идеям реальность; когда разум пытается это сделать, он становится трансцендентным, выходящим за пределы опыта, и создает лишь паралогизмы, антиномии и идеал без действительности.

В этих рассуждениях отчетливо проявились агностицизм Канта, его стремление ограничить познавательные способности человеческого разума. Понятия разума, в которых естественно предполагать более глубокое содержание, Кант рассматривал лишь как голые идеи, приписывать которым истину было бы полным произволом и безумным дерзновением, поскольку они не могут встречаться ни в каком опыте.

Гегель резко критиковал эти места кантовской философии. Он считал, что идеи разума должны быть более высокими понятиями, чем категории рассудка, так как в разуме мышление преодолевает обусловленность и ограниченность, которая присуща рассудку, и постигает истину. Но это предположение не оправдывается в кантовском учении об идеях разума. Кант определяет отношение к действительности лишь как диалектическое, понимаемое им в отрицательном смысле. «Можно ли было когда-нибудь подумать, — писал Гегель, — что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственной и временной материи чувственности»²⁴³.

Тем не менее, кантовское учение об антиномиях является великим завоеванием философии. Оно оказало положительное влияние на последующую немецкую классическую философию в становлении диалектического способа мышления. Именно в антиномиях ярче всего проявилась мысль о недостаточности формально-логических принципов в целостном познании. Поэтому-то Гегель, видимо, подробно останавливается на антиномиях, пытаясь обосновать продуктивность диалектического метода в осмыслении и разрешении рассматриваемых проблем.

В понимании Канта антиномичность, противоречивость необходимо присуща разуму. Это связано с тем, что, в отличие от рассудка, ра-

²⁴³ Гегель. Наука логики. Т. 3. М., С. 24.

зум пытаются осуществить полный синтез и безусловное обобщение. Здесь, если рассмотреть вопрос внимательно, Кант только выявил и описал ту реальную ситуацию, которая обычно имеет место, когда человеческое познание поднимается от эмпирического, ограниченного уровня к теоретическому уровню, когда мышление пытается дать о предмете более широкое, синтетическое понимание.

В теоретическом познании, в процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие. Этот несомненный факт открыли вовсе не Кант, Гегель и Маркс, он был известен еще в глубокой древности. И сколько бы формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из этого ничего не выходило: изгнанное в одном месте, противоречие еще глубже, в еще большей степени проявлялось в другом месте. Новым же в анализе Кантом противоречия является то, что он обосновал свое особое, антиномическое понимание проблемы. Он связал проблему противоречия, антиномии с особой познавательной способностью – с разумом и его стремлением познать безусловное, реализовать полный синтез.

«В итоге «диалектика» в интерпретации Канта «оказывается естественной логикой «разума», – как справедливо отмечает Э.В. Ильенков, – поскольку «разум» по его терминологии есть та способность человеческого интеллекта, которая старается осуществить «полный синтез» всех частных теоретических обобщений, всех понятий, выработанных путем обобщения эмпирических данных, данных «опыта».

Стремление мышления (теоретического мышления, мышления ученых) к созданию единой, целостной теории системы всех частных понятий и суждений, извлеченных рассудочной деятельностью из «опыта», – естественно и неискоренимо. Мышление не может и не хочет удовлетворяться простым агрегатом, простым коллекционированием частных обобщений. Оно всегда старается увязать их в одно целое, связать друг с другом с помощью всеобщих принципов. Где появляется потребность и стремление осуществить такой «синтез», там появляется и «разум».

«Разум» – это тот же «рассудок», только взявшийся за выполнение специальной и «непосильной» для него задачи, за выявление абсолютного «единства во многообразии», за объединение всех своих схем и результатов их применения к логическому анализу «опыта»²⁴⁴.

²⁴⁴ Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1968. С. 6-7.

Таким образом, Кант, с одной стороны, противопоставляет условное безусловному, рассудок разуму, с другой – связывает противоречие, антиномии только со стремлением разума познать безусловное. Субъективно в противоречии, антиномии Кант видел нечто отрицательное, недостаток разумного познания, объективно же выразил то реальное положение, которое связано с теоретическим целостным воспроизведением действительности. Он как-то не понимает, что такое целостное стремление познать свойственно не только метафизике, философии, а всякой развитой области конкретного научного познания.

Кант доказывал, что антиномии разума не произвольны и не субъективны, они выражают неизбежную и естественную необходимость, на которую человеческий разум должен натолкнуться в своем движении вперед. Как утверждение, так и отрицание одинаково несостоятельны, считает он, хотя каждая сторона выдает свои положения за безусловную истину. «Не трудно представить себе, – писал Кант, – что на этой стороне издавна часто выступали и что обе стороны одерживали здесь немало побед, причем для последней победы, решавшей все дело, всегда старались, чтобы защитник доброго дела один удерживал за собой поле и чтобы противнику его было запрещено на будущее время брать оружие в руки. Как беспристрастные судьи мы должны оставить совершенно в стороне вопрос, борются ли спорящие стороны за доброе или дурное дело, и представить им сначала решить их спор между собой»²⁴⁵.

Кантовская антиномия имеет великое значение в философии.

Старая рассудочная философия не допускала противоречия в мысли. Закон невозможности противоречия запрещал противоречие в категориях. В этом отношении кантовской философии принадлежит та заслуга, что она доказала необходимость противоречия, антиномии в употреблении разума за пределами опыта. Конечно, Кант видел в этом недостаток разумного познания. Это объясняется тем, что над Кантом все еще довлело старое рассудочное мышление. Но само по себе важно то, что он обосновал необходимость противоречия в мысли, в отличие от рассудочной логики, которая находила в противоречии лишь произвол субъекта.

Гегель видел глубокое содержание выдвинутого Кантом положения. «Эти кантовские антиномии, – писал Гегель, – навсегда окажутся важной частью критической философии; прежде всего они привели к ниспровержению предшествующей метафизики, и именно их можно

²⁴⁵ Кант И. Соч. Т. 3. С. 401.

рассматривать как главный переход к новейшей философии, так как особенно они привели к убеждению в ничтожности категории конечности со стороны содержания, а это более правильный путь, чем формальный путь субъективного идеализма; согласно которому их недостаток заключается лишь в том, что они субъективны, а не в том, что они суть в самих себе»²⁴⁶.

Кант исследовал четыре антиномии разума, Гегель находил, что это слишком мало, ибо «в каждом понятии имеются антиномии и так как оно *не просто*, а конкретно содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны»²⁴⁷. Кантовское рассмотрение противоречивости понятий в какой-то мере является обеднением антиномичной природы разума, и потому Гегель с похвалой отзывался об античных скептиках, которые считали противоречивость свойством каждого понятия.

Но между скептиками античности и Кантом пролегли века глухого забвения этих достижений диалектической мысли. И Кант был первым, кто в новое время обосновал необходимость, неизбежность антиномии в человеческом разуме. «Кант отвел диалектике более высокое место, – писал Гегель, – и это одна из величайших его заслуг: он освободил ее от видимости произвола, который, согласно обычному представлению, присущ ей, и изобразил ее как *необходимую деятельность разума*»²⁴⁸.

В кантовском понимании противоречия, антиномии содержатся и недостатки: оно не идет дальше абстрактного противопоставления, не дает решения антиномий, не связывает антиномичные положения в единое, диалектическое внутри себя, противоречивое понятие, не поднимается до истинной конкретности понятия. Кант не понимает, что неделимость и бесконечная делимость, бесконечность в пространстве и вечность во времени, с одной стороны, конечность в пространстве и времени – с другой, и все прочие антиномические, противостоящие друг другу положения только внешне, с позиции рассудка разделены, а по существу, с точки зрения диалектики, они нераздельны, едины, стало быть, конкретны. Каждая сторона антиномии – не самостоятельное понятие, а момент единого понятия, хотя и различаемые, но все же только моменты.

²⁴⁶ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 262-263.

²⁴⁷ Гегель. Соч. Т. 11. С. 436.

²⁴⁸ Гегель. Наука логики. Т. 1. С. 10.

В науке мы имеем дело не только с противоречиями, но и с их разрешением. Подлинным диалектиком является тот, кто признает не только противоречия, но и разрешение противоречий.

До признания антиномических противоречий Кант дошел. Это было очень важной, но еще не развитой формой диалектики. В своем учении об антиномиях он, по существу, поднялся только до отрицательной, антиномичной диалектики, что, однако, не может умалить его заслугу в обосновании необходимости противоречия в разуме. Говоря о критике разумом самого себя, Кант обосновал свободу мнений, противоречивых взглядов как необходимое условие существования разума. Только односторонний догматизм, по Канту, не понимает собственных законов разума и уклоняется от его критики. В действительности, критика разума, его противоречивость не есть нечто внешнее, чужеродное, они являются следствием равноправности противоположных утверждений.

Философ полагал, что, когда разум выходит за пределы опыта, речь идет о безусловном и невозможно с аподиктической достоверностью утверждать истинность того или иного положения. Так, например, утверждение теиста, что высшая сущность имеется, и утверждение атеиста, что высшей сущности нет, по мнению Канта, одинаково равноправны, поскольку в обоих случаях речь идет о вещах в себе.

Согласно Канту, критика разума, противоречивые мнения, несомненно, служат доброй цели, ибо все в природе целесообразно, даже яды служат для преодоления других ядов. Стало быть, недопустимо всякое насилие, полезно дать пытливому и испытывающему разуму полную свободу. «Поэтому предоставьте вашему противнику, – писал Кант, – говорить только разумное и побивайте его только оружием разума. Что же касается добра (практического интереса), не беспокойтесь о нем, так как в чисто спекулятивном споре оно вовсе не замешано. Тогда спор обнаружит лишь некоторую антиномию разума, которая, коренясь в его природе, необходимо должна быть выслушана и исследована. Спор развивает антиномию, рассматривая ее предмет с двух сторон и исправляя ее суждение тем, что ограничивает это суждение»²⁴⁹.

В обсуждении сложных теоретических проблем (поскольку речь идет о безусловном) философ рекомендовал полагаться на разум, учитывать его противоречивую, антиномическую природу. При этом он настойчиво призывал не примешивать к теоретическим спорам пос-

²⁴⁹ Кант И. Соч. Т. 3. С. 621.

торонние соображения (интересы общего блага и т.п.) и решать их только силами теоретических суждений, соблюдая полную свободу разума. По мнению Канта, нет нужды беспокоиться об исходе теоретических споров, ибо разум самопроизвольно укрощается и удерживается в границах самим же разумом.

Важнейшее условие разумности, по Канту, – внимательное отношение к противоречиям, серьезное отношение к суждениям спорящих сторон. И «если они обнаружат талант, если они произведут глубокие и новые исследования, одним словом, если только они будут говорить разумное, то разум от этого всегда выиграет...

Разум даже нуждается в таком споре, и было бы желательно, чтобы этот спор велся своевременно и публично, пользуясь неограниченной свободой. Тем раньше в таком случае развилась бы зрелая критика, при появлении которой все эти столкновения сами собой должны исчезнуть, так как спорящие поймут свое ослепление и предрассудки, разъединявшие их»²⁵⁰.

Наконец, необходимость критики, противоречивых суждений непосредственно следует из самой идеи свободы человеческого разума и является безусловным его правом. «К этой свободе, – писал Кант, – относится также и свобода высказывать свои мысли и сомнения... Эта свобода вытекает уже из коренных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии, то это право священно, и никто не смеет его ограничивать»²⁵¹.

В «Критике чистого разума» содержится попытка обосновать необходимость критики, идеи противоречивости разума и в обучении молодежи. Кант выступал с резкой критикой догматического обучения, которое, по его мнению, не учитывает необходимых требований разума. Догматическое обучение, по Канту, имеет тот недостаток, что не учит людей критически мыслить, не воспитывает их с помощью наставника преодолевать доводы своих идейных противников, вскрывать ошибки, содержащиеся в их положениях. Поэтому молодые люди, воспитанные догматическим способом, обычно беспомощны. Они, встречаясь с хитроумными суждениями противника, бывают неспособны защищать свои теоретические убеждения.

²⁵⁰ Там же. С. 622–623.

²⁵¹ Там же. С. 626.

Кант призывает придерживаться критического способа обучения молодежи, в котором полностью учитываются природа, предписания человеческого разума, осваиваются не только знания, основы наук, но и теоретические доводы противника с целью научить опровергать эти доводы. В результате такого обучения молодые люди рано почувствуют свои силы и сумеют противостоять хитрым и вредным суждениям.

Все эти мысли свидетельствуют о важности кантовского понимания противоречия в становлении диалектики, в формировании диалектико-логических принципов теоретического знания. Однако диалектические идеи Канта содержат в себе коренные недостатки, обусловленные его идеализмом и агностицизмом.

Кантовская постановка проблемы противоречий в разуме имела важное значение в становлении диалектического метода мышления. Это особенно относится к той части учения об антиномиях, в которой обоснована необходимость, неизбежность противоречия, диалектики в разуме, разумном познании. Именно эта сторона учения была подхвачена и продуктивно развита в последующей немецкой философии.

Важным само по себе является то, что отныне диалектика, противоречия трактуются не просто как ошибка, результат субъективной деятельности мышления, а рассматриваются как нечто необходимое, естественное, порожденное в связи с тем, что разум выходит за пределы опыта, стремится постичь и охватить безусловное. Величие Канта проявилось именно в том, что он открыл и описал антиномичную, противоречивую природу разума, которая характерна не только для теоретического разума, но и для практического, а также для способности суждения.

Открыв и описав противоречивость, антиномичность разума, Кант, однако, до конца не понял истинного содержания противоречия, ибо видел в нем нечто отрицательное, недостаток разума. По сложившейся традиции он видит в противоречии разума не источник движения, самодвижения, а нечто противоречащее научно-теоретическому знанию. Он убежден, что всеобщим условием научного знания является его непротиворечивость. В этом именно коренится секрет того, что Кант, с одной стороны, признает разум высшей познавательной способностью, а с другой – отрицает объективность результатов деятельности разума. Поскольку разум противоречив, антиномичен, постольку он, полагает Кант, не способен дать объективно-истинное знание о предмете. Позитивность разума состоит только в том, что он стремится

дать полный синтез, безусловное знание, хотя его, по существу, никогда не достигает.

В отличие от Канта последующие представители немецкой классической философии видели в разуме действительно высшую способность человеческой познавательной деятельности. Признавая внутреннюю связь противоречия с разумом, они видели в диалектическом противоречии не недостаток, а коренное условие истины, способности саморазвития человеческого знания. Поэтому объективно, вопреки интерпретации Кантом, его учение об антиномиях, о противоречивости разума имело великое значение в становлении диалектического, конкретного мышления.

К сожалению, нельзя то же самое сказать о способе, форме доказательства Кантом антиномий и о тех решениях антиномий, к которым он приходит в результате теоретических размышлений. Основная критика недостатков этих антиномий содержится уже в философии Гегеля, в которой достаточно придирчиво проанализированы и выявлены все пороки кантовского способа размышления, насколько это возможно с позиции объективного идеализма.

Диалектическая противоречивость объективной, духовной деятельности всесторонне разработана Гегелем, который не просто постулировал тождество бытия и мышления, субъекта и объекта, а рассматривал его как результат творческого развития абсолютной идеи, абсолютного духа. Поэтому противоречивое, диалектическое саморазвитие абсолютного духа, по Гегелю, не схватывается творческой интуицией, а постигается систематическим знанием, наукой, разумом.

В отличие от Фихте и Канта он исходит не из субъективного Я, а из объективного субъекта, абсолютной идеи, абсолютного духа, который в процессе своего саморазвития порождает действительность, составляет животворную душу действительного мира. По мнению Гегеля, абсолютная идея по своей природе активна, деятельна, постоянно находится в процессе изменения и развития, т.е. постоянно полагает свой объект, познает его, снимает его и тем самым постоянно совершенствуется.

Диалектика, принцип противоречия есть внутренний ритм духа, форма его развития и деятельности. Правда, его деятельность и активность могут выражаться лишь в мышлении, в самопознании. Сначала абсолютная идея совершает чисто логическое развитие, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему

инобытию, природе, где продолжает свое развитие, правда, не сознавая самое себя. Абсолютная идея только в человеческом обществе выводится из «грубого естественного состояния» и приходит к самопознанию. Она в своем первоначальном развитии не была еще абсолютно конкретной, а полагала это лишь в возможности. Абсолютно конкретным является лишь абсолютный дух, поскольку он есть результат длительного развития, вобравший в себя все богатства предшествующей ступени развития.

Таковы контуры гегелевской идеалистической философской системы, которая в своей основе ложна, ибо трактует идеи, понятия не как логические формы отражения объективной материальной действительности, а как нечто самостоятельно существующее, как чистое мышление, предшествующее объективной действительности и создающее ее. «Для Гегеля процесс мышления, – писал Маркс, – который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пережитое в человеческую голову и преобразованное в ней»²⁵².

Подлинное величие Гегеля состоит в разработке диалектики, диалектического способа мышления, ядром которого является принцип противоречия. Без противоречия, полагает философ, не было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное противоречиво и, тем не менее, разумно. Философия есть движение мысли, система понятий, из которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ней образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие – абсолютная идея – сама по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое оно прошло.

Таким образом, в логико-теоретическом плане наиболее глубокое понимание понятия противоречия разработано в философии Гегеля, которому удалось оттенить следующие важнейшие характеристики этой сложной категории. Во-первых, противоречие в философии трактуется им как внутренний стержень всей логической системы. Действительно, только благодаря этому понятию осуществляется и

²⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

реализуется универсальное развитие форм мышления, переход их от одной теоретической ступени к другой. Во-вторых, философ анализирует категорию «противоречие» соответственно тому, какое место она занимает в системе логических категорий, раскрывает ее сущность, содержание и выявляет ее отношение к другим философским категориям. В-третьих, в гегелевской философии это понятие рассматривается самостоятельно, берется в плане целостности и конкретности и такое разумное понимание противопоставляется абстрактному, рассудочному пониманию этого понятия.

Разумеется, все эти аспекты, их грани весьма условны. Гегель постоянно противопоставляет абстрактному пониманию конкретное, диалектическое. В его трактовке противоречие – это понятие, целостное образование, которое состоит из единства многочисленных определений. Процесс формирования сущности противоречия – диалектического, конкретного понятия противоречия – проходит ряд последовательных, внутренне связанных этапов; их содержание входит (подключено) в понятие противоречия.

Как видим, Гегель не просто описывает, не просто дает дефиницию понятия противоречия, не рассказывает, не рассуждает об отличии его от других философских понятий и категорий, а пытается исследовать содержательно, раскрыть категорию «противоречия» во всей ее конкретности, тотальности, выявляя сначала ее всеобщие определения, после чего шаг за шагом раскрывая более конкретные определенности.

Рассматривая конкретную природу противоречия как сложное, внутренне расчлененное понятие, Гегель раскрывает и прослеживает моменты тождества, разности, различия, противоположности, противоречия и разрешения противоречия. В понятии противоречия все эти моменты, аспекты, можно даже сказать определенности, содержатся в нераздельном единстве.

В своих теоретических исследованиях Гегель, несмотря на то, что он был объективным идеалистом, проводит эту мысль довольно последовательно и четко. В его понимании «противоречие» и конкретно, и целостно потому, что содержит все прежние ступени развития этого знания в качестве своего момента, в качестве ступеней развития конкретного понятия противоречия. Гегель тут же справедливо отметил, что каждый момент, аспект целостности (конкретности) может быть в историческом развитии выделен в самостоятельный принцип, в самостоятельный закон, о чем свидетельствует сам факт существования

формально-логических законов, как-то: противоречие, тождество, закон исключенного третьего и т.п.

В трактовке Гегеля такое рассудочное рассмотрение выступает как нечто абстрактное, не соответствующий истине способ исследования. Истину он понимает как конкретное (понятие), как такую мысль, которая реализуется в форме системы. Когда же моменты противоречия отрываются от целого и рассматриваются самостоятельно, то, по мнению Гегеля, исчезает понятие, являющееся их единством, целостностью. По этой причине единый, целостный принцип опускается до уровня различных определений. В данном случае диалектическое, конкретное понимание противоречия распадается на различные абстрактные законы мышления, как «тождество», «различие», «противоположность» и т.п. В форме этих разрозненных, внутренне не связанных абстрактных определений вовсе не содержится философское (конкретное) понятие противоречия. В лучшем случае здесь мы имеем дело с общим представлением о противоречии, но не с понятием противоречия. Противоречие, по Гегелю, не есть нечто недопустимое, отрицательное, оно является источником развития мысли. Отношение диалектической логики к формальной, диалектического закона единства противоположностей к закону противоречия формальной логики решается с общеметодологической гегелевской позиции: формальная логика и ее законы имеют подчиненное значение по отношению к законам диалектической логики, в частности, к закону единства противоположностей.

Если формальная логика в своей абстрактной безжизненности рассматривала противоположности как несовместимые (непримиримые), то диалектическая логика соединяет противоположности в тождестве и познает тождество как результат процесса. Сначала непосредственное единство, потом различие и, наконец, примирение, синтез противоположностей – вот всеобщий закон всякого развития. По мнению Гегеля, органом философии является не абстрактно размышляющий рассудок, который видит себя замкнутым в границы явления, не мистическое созерцание, которое быстрым скачком хочет достичь вершины познания абсолютного, а разум как способность к конкретному понятию. Диалектическое, разумное познание не отвергает упрямо своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним – к синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположностей, он заставляет их отождествляться, познает их в разрешении.

Целью познания является не конечное, а конкретное, бесконечное, абсолютное. Абсолютное не как покоящаяся субстанция, а как живой, распадающийся на различия и через них возвращающийся к тождеству субъект, который развивается через противоположности. Абсолютное есть процесс, все действительное – изображение этого процесса. Если бы абсолютное трактовалось только как покоящаяся субстанция, абсолютная неразличимость, тождество, единство, то истина оказалась бы лишь абсолютной неразличимостью, тождеством и единством. «Однако с точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе *конкретное*, – писал Гегель, – т.е... как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т.е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самое жизнь, как неразличимость, понятую только как *кажущуюся в себе* неразличимость или неразличимость, заключающую в себе некоторое различие, которое как существующее в ней в единстве в то же время не есть различие – как различие *снятое*, т.е. уничтоженное и вместе с тем сохраненное»²⁵³.

Если наука хочет отвечать действительности, то она должна быть также процессом. Философия есть движение мысли, система понятий, из которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Все действительное есть развитие, а побудительной силой, источником этого развития является противоречие. Без противоречия не было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное полно противоречий и, тем не менее, разумно.

В трактовке Гегеля противоречие разумно, корень всякой жизненности; оно принуждает к дальнейшему мышлению. Его надо не уничтожать, но «снимать», т.е. сохранять как отрицательное. Это происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем – высшем или более широком, более богатом понятии, так что они образуют теперь его моменты. Теперь их противоречие преодолено. Но этот синтез – не окончательный. Дело начинается снова, находится другая противоположность, которая в свою очередь должна быть преодолена, и т.д. Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, представляет только часть истины; оно нуждается в

²⁵³ Гегель. Работы разных лет. В 2-томах. Т. 2. М., 1971. С. 446.

дополнении своей противоположностью и в соединении с этим дополнением образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие – абсолютная идея сама по себе не есть полная истина; к окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое она получилась.

Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности, развитие понятий есть сама действительность. Мыслительный процесс – не произвольная игра мыслящего субъекта понятиями, а объективный процесс. Так как мир и его основа есть развитие, то его можно познать только через развитие понятия. Законы, которым следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него к соединению. Самый широкий пример этой триады – идея, природа, дух – дает деление системы; другой широкий пример – субъективный, объективный, абсолютный дух – определяет подразделение в развитии сознания.

Таким образом, в понимании Гегеля внутренний ритм всякого развивающегося целого, идеи, конкретности представляет собой противоречие, единство противоположностей. Поскольку конкретность, целостность, идея развиваются от простого к сложному, постольку противоречия выступают в различных формах, начиная с абстрактной, бедной формы и кончая наиболее сложными формами противоречия. Поэтому мыслитель решительно возражал против тех, кто пытался свести его понимание идеи к одной форме противоречия, например, к становлению как единству бытия и ничто. Касаясь такого понимания, он писал: «Во-первых, бытие и ничто есть наиабстрактнейшие, наибеднейшие, а потому первоначальные формы противоречия; другие такие формы, из которых ни одной нельзя, однако, придерживаться в отдельности, – бытие и сущность, бытие и мышление, идеальность и реальность, понятие и объективность... Напротив, научным способом представления идеи я считаю такое, при котором раскрывается процесс, причем начиная с абстрактного, ибо всякое начало абстрактно, и кончая конкретным, как процесс, движущийся сам по себе и саморазвивающийся»²⁵⁴.

При этом Гегель подчеркивал еще одну важную мысль: при анализе идеи, предмета, противоречия недостаточно уловить только единство,

²⁵⁴ Там же. С. 416.

необходимо оттенить и их различие. Касаясь этой стороны проблемы, он писал: «Замечу, что следует выставлять такие определения, как: идея есть единство бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т.д. – и такие тезисы, как: бытие есть ничто, понятие есть объективность, идеальное есть реальное, и наоборот. Но одновременно нужно знать, что все подобные определения и тезисы односторонни, а посему оппозиция им правомерна. Присущий им недостаток и состоит как раз в том, что они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство* существования (*das ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия... и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»²⁵⁵.

Дело в том, что, по Гегелю, истинное есть не что-то просто тождественное, покоящееся, сущее, а нечто самодвижущееся и живое, «вечное различие и существующее в Едином сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух – они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой»²⁵⁶.

Гегель не ограничивается доказательством конечности, неистинности категорий рассудочной логики, а подвергает конкретной критике ее формы мышления, законы. Он не просто критикует абстрактные понятия рассудочной логики, а разрабатывает, противопоставляет ей конкретное понятие диалектической логики. По его мнению, законы формальной логики не лежат в основе всякого мышления и в мире нет ни одной вещи, которая бы существовала согласно этим законам. Так как всякая определенность бытия есть, по существу, переход в противоположное, отрицательное всякой определенности столь же необходимо, как и она сама. Поэтому если эти категории облекаются в такие абстрактные предложения, как $A=A$, то появляются также и противоположные положения; и те и другие положения выступают с одинаковой необходимостью и, как непосредственные утверждения, по меньшей мере одинаково правомерны. Одно положение требует доказательства своей истинности вопреки другому, и потому указанным утверждениям не присущ характер неопровержимых законов мышления. Кроме абстрактного тождества, исключаящего различия, су-

²⁵⁵ Там же. С. 416-417.

²⁵⁶ Там же. С. 417.

шествует конкретное тождество, которое внутри себя имеет различие; только последнее является истинным понятием.

Абстрактное тождество и конкретное тождество имеют разные ценности, подобно тому, как абстрактные и конкретные понятия имеют различные познавательные значения. Относительно абстрактного рассудочного тождества Гегель отмечает, что оно не более, как выражение пустой тавтологии. «Таково то пустое тождество, за которое продолжают крепко держаться те, кто принимает его, как таковое, за нечто истинное и всегда утверждает: тождество не есть разность, тождество и разность разны»²⁵⁷.

Гегель неоднократно подчеркивает ту мысль, что истина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью и тем самым состоит только в этом единстве. Абстрактное тождество и абстрактное различие – односторонние определения.

Истинное, конкретное тождество есть единство тождества и различия. Конкретное тождество характеризуется следующим образом: «Оно в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своей разности, в своем противоречии тождественно с собой и что в нем самом совершается это движение перехода одного из этих определений в другое; и это именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самому себе»²⁵⁸.

Для абстрактного тождества нет перехода к различию, потому что у них отсутствует необходимая связь. Отмечая эту сторону вопроса, Гегель писал: «Если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому нельзя доказать перехода к различию, так как для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход, нет исходного пункта»²⁵⁹.

Все категории диалектической логики связаны между собой, каждая внутри себя – возможность перехода в последующую.

С позиции диалектической логики Гегеля абстрактное различие, отвлекающееся от тождества, также несостоятельно. Он резко критикует закон различия формальной логики, который в своей односторонности, отвлеченности не соответствует истине. Такие определения, как сходство и несходство, имеют значение только в их единстве, каж-

²⁵⁷ Гегель. Наука логики. Т. 2. С. 34.

²⁵⁸ Там же. С. 33.

²⁵⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 272.

дое из них не мыслится без другого. Сравнение имеет смысл лишь при предположении наличного сходства.

Отметив необходимость единства тождества и различия, мыслитель сетует на естествознание своего времени: оно из-за тождества забывает о различии и наоборот. По его мнению, единственно правильной точки зрения держится спекулятивная логика, которая «показывает ничтожность абстрагирующего от различия, чисто рассудочного тождества; правда, она столь же энергично настаивает на том, что мы не должны успокаиваться на одной лишь голой разности, а должны познавать внутреннее единство всего сущего»²⁶⁰.

Далее Гегель подвергает критике закон исключенного третьего. Этот закон им характеризуется как закон абстрактного рассудка, который, желая избежать противоречия, как раз впадает в него. Согласно этому закону А должно быть либо +А, либо – А; но этим уже положено третье А, которое не есть ни +, ни – которое в то же время полагается и как +А и как –А. Стремление избежать противоречия является не истинным, так как все вещи противоречивы в самих себе. Если обратить внимание на рассудочную логику, то она принимает противоречие за нечто неистинное, будто противоречие не есть такое же существенное и внутреннее определение, как тождество. Если сравнить эти точки зрения, то «противоречие следовало бы признать более глубоким и более существенным»²⁶¹ определением мысли. Согласно Гегелю, абстрактное тождество – поверхностное определение, «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»²⁶². В действительности противоречия являются основным определением понятия. Противоречие – подлинно всеобщая категория, принцип всякого самодвижения.

При всем своем значении гегелевское понимание противоречия имеет существенные недостатки. Противоположность марксистского диалектического метода гегелевскому особенно ярко проявляется в учении о противоречии. Для Гегеля речь идет не о противоречии объективного материального мира, а о саморазвитии абсолютной идеи. Содержанием логического процесса, развивающегося от бытия к сущности и от нее к понятию, здесь является абсолютная идея, развиваю-

²⁶⁰ Там же. С. 276.

²⁶¹ Гегель. Наука логики. Т. 2. С. 65.

²⁶² Там же.

щаяся в направлении к самой себе. В своем развитии абсолютная идея продолжает нечто особенное, которое также не является абсолютной определенностью, а разрешается в более высоком синтезе. Касаясь этого вопроса, К.Маркс отметил: «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыряться, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание»²⁶³.

В гегелевской логике, таким образом, речь идет о чисто логическом процессе, о мысли, полагающей себя и противопоставляющей себя себе же; борьба этих противоположных элементов образует диалектическое движение и переходит в их синтез. Основной порок гегелевского учения о противоречиях заключается в том, что им противоречие не разрешается рационально, а примиряется, снимается. «Таким путем, – писал К.Маркс, – противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль – их синтез»²⁶⁴. В этой связи следует отметить, что идеалистические пороки учения Гегеля о противоречии, несомненно, явились теоретической основой его консерватизма, положительного отношения к прусской абсолютной монархии.

Подлинно научное, всестороннее познание и раскрытие природы противоречия возможно лишь с позиции диалектической философии, которая рассматривает противоречие теоретического мышления как отражение объективного противоречия самих вещей и явлений. По своей сути движение является разрешением противоречий. Противоречие представляет собой источник движения. Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения – главное в диалектико-материалистической логике. Касаясь вопроса о противоречащих и исключаящих друг друга отношениях процесса обмена товаров, К.Маркс в «Капитале» писал: «Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»²⁶⁵. То же самое отметил Ф.Энгельс: «Но так как мы

²⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 130.

²⁶⁴ Там же. С. 132.

²⁶⁵ Там же. Т. 23. С. 113-114.

здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д.»²⁶⁶.

Таким образом, подлинно научное понимание противоречия является материалистическим, оно исходит из признания противоречия в действительности, в человеческой деятельности, которые отражаются в человеческом познании. Логическое противоречие имеет смысл лишь тогда, когда в нем отмечается противоречие самого предмета. Реальное противоречие в теоретическом познании, в логическом, существует в виде отрицания. Противоречие, имеющееся в предмете, должно быть выражено диалектическим, противоречивым образом. Закон единства противоположностей отражает сущность как объективного, реального, так и мышления. В этом именно заключается тождество, совпадение объективной и субъективной диалектики. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга... в более высокие формы»²⁶⁷.

Закон единства противоположностей имеет всеобщее значение в действительности и мышлении. В.И. Ленин характеризовал этот закон как суть, ядро диалектики. Он писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»²⁶⁸.

Противоречивость объективной реальности отражается в форме противоречивости теоретического мышления. В отличие от всей предшествующей философии марксистская философия смотрит на истину не как на нечто неизменное, раз навсегда данное, а как на процесс. В данном случае в марксистской философии больше продолжают диалектические традиции Гегеля, чем известные положения француз-

²⁶⁶ Там же. Т. 13. С. 498.

²⁶⁷ Там же. Т. 20. С. 526.

²⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316.

ских материалистов, которые рассуждают по формуле абстрактного «или – или».

Раскрывая содержание гегелевского понимания истины, Ф.Энгельс говорил: «Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложив руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия»²⁶⁹.

Эта же мысль, что человеческое познание истины по своей природе процесс, четко сформулирована в ленинских «Философских тетрадах»: «Совпадение мысли с объектом есть процесс: мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль»²⁷⁰.

Однако в ходе своего непрерывного движения, постижения объекта человеческое познание все полнее и полнее воспроизводит объект, его внутренние закономерности. По своей природе человеческое познание противоречиво, оно есть единство относительных и абсолютных истин. В познании абсолютное знание складывается как сумма относительных истин. Говоря о противоречивости человеческого познания действительности, В.И. Ленин писал: «Идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его...»²⁷¹. Эта мысль подтверждается всей историей человеческого познания.

В своих теоретических исследованиях В.И. Ленин к этой мысли возвращается неоднократно, оттеняя важную роль понятия противоречия в адекватном воспроизведении объективной реальности. «Идея есть познание и стремление (хотение) [человека]... Процесс (прехо-

²⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 275.

²⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 176-177.

²⁷¹ Там же. С. 177.

дящего, конечного, ограниченного) познания и действия превращает абстрактные понятия в законченную объективность»²⁷².

Следует подчеркнуть, что раскрытие природы и значения принципа противоречия у В.И. Ленина внутренне связано с его пониманием сущности, конкретного, истины. Для него сущность, истина не есть нечто абстрактно общее, а своеобразно связанное конкретное. «С о - в о к у п н о с т ь всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения, – писал он, – вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика *в е щ е й* создает диалектику *идеи*, а не наоборот»²⁷³.

В действительном процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие – это несомненный факт. И это, как мы отмечали, открыли вовсе не Маркс, Ленин и Гегель, а было известно еще в глубокой древности. И сколько формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из ее усилий ничего не выходило: изгнанное в одном месте, оно еще глубже, еще в большей степени появлялось в другом месте.

В этом отношении небезынтересна история политической экономии. Вопрос о противоречии не мог возникнуть в политической экономии, пока она была просто описательной. Когда Рикардо стремился понять всю политэкономия на основе закона стоимости, тогда и возникла проблема противоречий, которую он выразил, но не мог теоретически разрешить. Противоречие в теории Рикардо имело. Это с злорадством отмечали все его противники. Но в этом была не только слабость, но и сила его теории. Когда впоследствии ученики Рикардо пытались освободить его теорию от противоречия посредством простого «исправления терминов», теоретического рассмотрения проблемы уже не получилось, возникла так называемая вульгарная политическая экономия.

Великой заслугой К.Маркса является то, что он не пошел по линии формального «исправления» теории, а на основе глубокого рассмотрения вопроса разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое, рациональное объяснение всем экономическим явлениям. Если после опубликования третьего тома «Капитала» буржуазные экономисты

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. С. 178.

шумели, утверждая будто Маркс не выполнил своего обещания, то это говорит лишь о том, что они не имели понятия о теоретическом воспроизведении объекта. В теоретическом воспроизведении объекта всегда возникает противоречие, которое можно разрешить лишь раскрытием опосредствующих звеньев.

Действительно, норма прибавочной стоимости непосредственно не совпадает с нормой прибыли, но это не является основанием для вульгарно-экономического способа «исправления» понятия прибавочной стоимости. Содержание непосредственно не совпадает с формой, поэтому нужно не вносить поправки в исходный пункт теории, а понять и рационально разрешить противоречия, как это делал Маркс.

Но отсюда вовсе не следует, что закон противоречия формальной логики не имеет никакого реального содержания. Чтобы понять соотношение диалектического закона единства и борьбы противоположностей с формально-логическим законом запрета противоречия, требуется раскрыть, в чем состоит определенность, содержание закона запрета противоречия. Согласно марксистской методологии, при исследовании какого-либо явления необходимо его рассматривать в возникновении, развитии, дальнейшей тенденции. Вспомним, что закон противоречия формальной логики был сформулирован в борьбе с софизмом, который, указывая на гибкость понятий, отрицал их определенности.

По своему содержанию закон запрета противоречия не является всеобщим законом природы, общества и человеческого мышления, а относится лишь к формам мыслей, предстает как закон языкового выражения мышления. Закон запрета противоречия имел огромное значение в борьбе с софистикой, с субъективными противоречиями как следствием нелогичности рассуждения. Действительно, такие субъективные противоречия недопустимы в истинном мышлении. Но, как было отмечено, диалектическое противоречие в мысли отражает реальное, объективное противоречие в самой сущности вещей. Когда хотят «исправить» диалектическое противоречие и привести его в соответствие с законом невозможности противоречия, то как бы по иронии возникают такие противоречия, которые действительно недопустимы в истинном мышлении. К подобным противоречиям относятся противоречия в теории Рикардо.

Таким образом, чтобы научно разрешить отношение закона невозможности противоречия к закону единства и борьбы противоположностей нужно прежде всего выяснить их сферу применения. Проти-

воречие между законом единства противоположностей и формально-логическим законом противоречия выступает как противоречие диалектической и формальной логики.

Диалектико-материалистическая логика стремится раскрыть внутренние связи, сущность объективной действительности. Сущность же вещей и явлений не является абстрактно-тождественной, она противоречива. Закон единства противоположностей и выражает эту суть объективной реальности. Отсюда естественно возникает вопрос: как отражается сущность реального мира в нашем мышлении? Научный ответ на этот вопрос дает диалектическая логика. Формальная логика не исследует сущность, закономерные связи объективной действительности, а изучает формы мысли в отрыве от содержания, поэтому она и есть логика непротиворечивого мышления. Формальная логика изучает формы мышления в их застывшем и неподвижном виде; она не в состоянии рассматривать формы мышления, понятия в их органической связи, в их переходе из одной в другую, в диалектическом единстве противоположностей. Если формальная логика является логикой непротиворечивого мышления, то диалектическая — по праву считается логикой противоречивого мышления. Иначе не может быть, ибо сущность объективной действительности исследуется категориями диалектической логики.

Все в мире находится в постоянном развитии. Развитие является, по существу, разрешением, порождением и еще раз разрешением противоречий. Разумеется, разрешение противоречий не является «ликвидацией» противоречий, а есть лишь разрешение данного противоречия. Например, буржуазная революция не разрешает противоречия вообще, а разрешает лишь противоречие между производительными силами и производственными отношениями при феодализме. Воображаемое разрешение всякого противоречия равносильно отрицанию движения.

Гегель полагал окончательным разрешение противоречия в виде абсолютной идеи, абсолютного конкретного, в том смысле, что она вобрала в себя все богатство прежней ступени развития идеи и разрешила все ее противоречия.

Поэтому с абсолютной идеей, согласно Гегелю, кончается всякое развитие. Она может лишь перейти в свое инобытие, в природу, но не в состоянии развиваться дальше, если не желает снова повторить то, что уже пройдено.

В абсолютной идее, по представлению Гегеля, разрешены все противоречия, она – венец его философской системы. Поэтому здесь разрешение и примирение всех противоречий вполне понятно.

Марксизм же признает реальное существование объективного мира, который по своей сущности есть процесс. Противоречие, разрешение противоречия и одновременное порождение его – сущность движения. Если мы признаем вечность движущейся материи, то необходимо признание также универсальности противоречия.

Действительно, если все находится в постоянном развитии, противоречии, то это необходимо должно относиться к мышлению, формированию научно-теоретического знания. Диалектическая логика, в отличие от формальной, в обосновании теоретического знания широко опирается на этот принцип. Правда, роль противоречия в теории она решает не абстрактно, а конкретно, на основе тщательного анализа. Раскрывая значение противоречия в обосновании теоретического знания, диалектическая логика исходит из следующего: а) противоречие в мышлении, в формировании знания недопустимо, если оно возникло как результат субъективных ошибок, нарушения последовательности рассуждения; б) противоречие необходимо, если оно в процессе построения теоретического знания адекватно отражает собой объективную противоречивость предмета. В самом деле, в человеческом мышлении, теории и понятии встречаются противоречия, парадоксы, антиномии, которые там возникли не вследствие нарушения правил логики, последовательности мышления, а при строжайшем соблюдении этих правил. Если бы в мышлении мы имели дело только с субъективными противоречиями, то науке, логике было бы сравнительно легко устранить их. Все дело в том, что в процессе формирования знания речь часто идет о противоречиях, образующихся в результате правильного, адекватного отражения действительности.

В отличие от формальной логики диалектическая логика не отмахивается от таких противоречий, а внимательно исследует и обосновывает их правомерность в построении теоретического знания. Касаясь природы таких противоречий, В.И. Ленин писал: «Развитие производства... преимущественно за счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это – настоящее «производство для производства», – расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это – противоречие не доктрины, а действительной жизни; это – именно такое противоречие,

которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства»²⁷⁴.

Важнейшая особенность диалектико-логического понимания предмета состоит в том, что здесь не только обосновывается правомерность и необходимость противоречия, но и прослеживаются переходы противоположных определений друг в друга. «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное»²⁷⁵. Отношения, переходы, противоречия понятий – главное содержание в диалектической логике, причем эти понятия, их отношения, переходы, противоречия выступают как отражения объективного мира²⁷⁶.

Таким образом, диалектическая логика допускает противоречие в мышлении, отражающее объективную противоречивость действительности, и не только допускает, а считает такое противоречие важнейшим условием объективного познания действительности. Эта логика опирается на следующее реальное основание: так как все находится в развитии и противоречии, то сие должно непременно относиться и к мышлению, общим понятиям. В.И. Ленин в свое время отмечал, что, если нет развития, противоречивости мысли, то трудно говорить о связи мышления, общих понятий с действительностью. Кроме того, согласно марксистской концепции мышление не есть особая, самостоятельная реальность. Оно является формой действительности.

Мыслить вообще означает двигаться по формам вещей, по форме объективной реальности. По этой причине, если объект противоречив, то мышление, являющееся только идеальной формой этой реальности, тоже должно быть противоречиво.

По этому вопросу В.И. Ленин писал: «всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир. Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»²⁷⁷.

Другим важнейшим основанием противоречивости мышления является противоречивость предметной деятельности человека. Мыш-

²⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 46.

²⁷⁵ Там же. Т. 29. С. 128.

²⁷⁶ См.: Там же. С. 178.

²⁷⁷ Там же. С. 131.

ление является формой предметной деятельности, которая прежде всего выступает как единство процесса опредмечивания и распределенности. Без данного единства нет предметной деятельности. «Эта категория на деле есть не что иное, – пишет Г.С. Батищев, – как элементарнейшая *социальная* связь, простейшее *социальное* отношение, в котором деятельность как труд и деятельность как общение еще совпадают и не разделились в относительно самостоятельные сферы. Это – «клеточка» и историческая, и логическая), т.е. предельно абстрактная конкретность всех социальных процессов, всей общественной формы движения. Эта «клеточка» выступает как то, из чего образована вся материальная и духовная культура человечества, ибо деятельность есть *fagon d'être* культуры, способ ее жизни и развития»²⁷⁸.

В ходе предметной деятельности опредмечивание и распределенность переходят друг в друга; одно из них непосредственно проявляется как другое. «В самом деле, – пишет Г.С. Батищев, – опредмечивание необходимо есть также и распределенность, ибо оно совершается как (хотя бы частичное, если это труд) освоение орудия деятельности и опирается на освоенность частичных результатов своей собственной деятельности. Определить человек вообще может только нечто распределенное, в противном случае он действует просто как машина, в которой функционирует по законам природы и вещественно-экстенсивно воспроизводится лишь материальный состав человеческой деятельности... С другой стороны, распределенность есть также и опредмечивание, ибо оно совершается не как воспарение в царство идеальных сущностей или в мир идей, населенный творческими способностями без предметов, без материи, а как «переопредмечивание», как перевоплощение прежней формы деятельности (другого человека)»²⁷⁹.

В любой целесообразной деятельности реально существует диалектическое противоречие цели, средств и результата. В процессе практической деятельности люди всегда выходят за пределы первоначального плана, происходит действительное перевыполнение первоначальной цели. Именно в этом проявляется в первую очередь творческий характер труда и неустранимость диалектики, диалектического принципа противоречия. Ведь если бы в производстве было абсолютное совпадение цели и результата (что в основном осуществимо только в стандартизованном производстве), то формальнологическое тождество было бы абсолютным принципом человеческого мышления.

²⁷⁸ Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963, С. 15.

²⁷⁹ Там же. С. 14.

Ограниченность логики, знающей только такие формальные принципы, связана с ограниченностью стандартизованного производства, с ограниченностью той формы труда, при которой возможно непосредственное совпадение цели с результатом. Это имеет место только в узкой области, где опредмечивание отрывается от распредмечивания. Человеческая же деятельность в своей основе является целостной деятельностью, в которой опредмечивание и распредмечивание находятся в диалектическом единстве.

Наконец, вопрос о необходимости противоречия в мысли теснейшим образом связан с принципом универсальности развития. Если признать универсальность развития (развитие есть разрешение противоречий), то необходимы признание и проведение принципа противоречия как важнейшего условия формирования теоретического знания. В материалистической диалектике развитие понимается не как простой процесс роста, а как процесс формообразования, изменения сущности, перехода от одного качественного состояния к другому. Критикуя поверхностное, филистерское понимание развития, В.И. Ленин писал: «Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respective уменьшение) etc. – Раз так, то... надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, *взаимопереходы*»²⁸⁰.

При таком диалектическом понимании проблемы развитие, его сущность понимается как тождество противоположностей. «Тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *в с е х* явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей». Только такое понимание развития, указывал В.И. Ленин, и «дает ключ к «самодвижению» всего сущего»; только оно «дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»²⁸¹.

Противоречие – имманентная сущность всякого развивающегося предмета. Если сущность не есть просто общее, а целостность, конкрет-

²⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

²⁸¹ Там же. С. 316-317.

ность, то ее мера существования есть тождество противоположностей. Это особенно четко видно, когда мы прослеживаем процесс формирования предмета. В этом процессе вещь приобретает свое содержание, сущность в составе некоторого реального целого. Она как бы превращается в свое другое, проявляет себя как форма обнаружения своей сущности. Например, сущность золота как денег – это не эмпирическая его определенность, а его реальная функция в системе товарных отношений. То же самое можно сказать о мышлении. Сущность мышления нельзя непосредственно редуцировать к структуре мозга, его можно понять только как форму человеческой предметной деятельности.

Таким образом, сущность предмета не просто общее, а способ формирования предмета, место его внутри развивающегося целого.

Для марксиста, в отличие от идеалиста, целое не есть результат имманентной деятельности разума, духа, некоей формы, оно является следствием общественно-исторического движения. Например, сущность человека, по определению Маркса, не абстракт, а совокупность общественных отношений. Она обуславливается теми общественными отношениями, в которых он существует, и, следовательно, определяет его место в обществе. Эти отношения не неизменны, они формируются в результате развития материальных способов производства.

Если бы сущностью предмета было просто общее, то не было бы и принципа диалектического противоречия. Поскольку в диалектической логике речь идет о сущности как способе формирования предмета, необходимо встает вопрос о тождестве противоположностей. Ведь в процессе действительного формирования предмет, вещь, имея свои особые определения, начинает включаться в состав другого целого, движется по данным этого целого, обнаруживая себя как форма проявления этой сущности. Но здесь его прежние определенности, реальное бытие выступают уже только формой проявления, моментами другого движения, которое теперь выступает для него подлинной сущностью.

Познать сущность, способ формирования предмета означает понять его в виде противоречия, диалектического превращения одного в другое, обнаружения предметом себя как формы проявления своей сущности. Поэтому диалектику В.И. Ленин характеризовал как обнаружение, вскрытие противоречивой сущности предмета. «В собственном смысле диалектика, – разъяснил он, – есть изучение противоречия в *самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей

также»²⁸². «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»²⁸³.

Отражение противоречивой сущности предмета, понимание противоречия было всегда камнем преткновения для всей домарксовской философии. Платон, Аристотель, Гегель понимали сущность как способ формирования, но мистифицировали ее и трактовали как нечто изначальное духовное: идея, форма и т.п. Эмпирическая же философия, отождествив сущность со сравнительно общим, навсегда закрывала себе возможность понимания всеобщего, сущности, формирования предмета.

В философии диалектического материализма всесторонне, научно осмыслен вопрос о сущности, о формировании предмета. Всеобщим же условием решения этой сложной проблемы явилось соединение материалистического мировоззрения с принципом развития. Отмечая важность этого принципа, В.И. Ленин писал: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»²⁸⁴.

Здесь, с одной стороны, последовательно признается объективное развитие, формирование реальных предметов материальной действительности, с другой – под сущностью понимается место предмета внутри развивающегося целого, его реальный процесс формирования. Поскольку сущность предмета понимается как формирование, как переход одного в другое, то внутренним ритмом такой сущности является закон единства противоположностей.

Под сущностью предмета понимается, как было отмечено, не абстрактно общее, а единство многообразного, внутренняя взаимосвязь, внутреннее взаимоотношение целого. Если это так, то определенность сущности относится не к какой-либо ее стороне, а характеризует все единство противоположностей, ибо само по себе единство не существует, оно является единством многообразного. В свою очередь многообразие является многообразием единого. Каждая сторона существует постольку, поскольку существует ее другое. Например, невозможно рассуждать так, что вещь в одном отношении единое, а в другом – многое. Она во всех отношениях выступает и как единое, и как многое.

²⁸² Там же. С. 227.

²⁸³ Там же. С. 226-227.

²⁸⁴ Там же. С. 229.

Следовательно, сама сущность предмета противоречива. Устранив противоречивость сущности, мы устраним, элиминируем и сущность. Невозможно эмпирически выделить сущность, так как она вовсе не свойство отдельных вещей, а свойства целого. Например, сущность отдельного человека не в его морфологической структуре, а в том, что он представляет собой в общественном целом. Ключ к уяснению этого дает следующее высказывание К.Маркса: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»²⁸⁵.

Таким образом, целостность, конкретность не существует наглядно, ее невозможно свести к какой-либо эмпирической определенности. Конкретное, следовательно, является формой взаимосвязи, единства многообразного. Поэтому логическим средством, в форме которого отражается сущность, способом формирования конкретного является не термин, не общее представление, а понятие, как синтез многочисленных определений.

Если объективно конкретное есть синтез многих определений, то он возможен только через противоположности. Ибо что-либо можно рассматривать противоположным только в рамках какой-нибудь целостности. Абсолютно разные вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть также противоположными, и наоборот. Абсолютно одинаковые вещи, в свою очередь, не могут быть единными и не образуют внутреннюю целостность. Касаясь товарно-капиталистического производства, К.Маркс писал: «Если бы индивид А имел ту же потребность, что индивид В, и овеществлял свой труд в том же самом предмете, что и индивид В, то между ними не существовало бы никакого отношения; рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства, они вовсе не были бы различными индивидами. У обоих есть потребность дышать; для обоих существует воздух в качестве атмосферы; все это не устанавливает между ними никакого социального контакта; как дышащие индивиды они находятся в отношении друг к другу только как природные тела, а не как личности. Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими

²⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 62.

производства дают повод к обмену и к их социальному приравниванию друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена и вообще является предпосылкой того отношения, в которое они вступают между собой как производящие индивиды»²⁸⁶.

В данном случае сформулировано существо диалектического закона тождества противоположностей. Действительно, каждая сторона противоположностей взаимно дополняет другую, не существует без другой. Каждая сторона противоположностей непосредственно проявляет себя в своей противоположности. Каждый обслуживает другого, чтобы обслуживать самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством. И то, и другое в сознании обоих индивидов представлено таким образом, что: 1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого), только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимозависимость здесь состоит в том, что каждый является одновременно и средством и целью (и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели), делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а тот другой делает себя бытием для него, будучи бытием для себя, — эта взаимосвязь есть непреложный факт, порождаемый естественными условиями обмена.

Именно этим человеческое производство существенно отличается от животного существования. То, что здесь потребность одного может быть удовлетворена продуктом другого, и в то же время один может произвести предмет, являющийся потребностью другого, — все это доказывает, что:

а) каждый из индивидов в качестве человека выходит за пределы своей собственной особой потребности и т.д.;

б) они относятся друг к другу как люди;

в) общая им родовая сущность осознана всеми. «К тому же, — писал Маркс, — не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других. Например, пчелиный рой составляет в сущности лишь одну пчелу, и все пчелы производят одно и то же»²⁸⁷.

²⁸⁶ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 189.

²⁸⁷ Там же. С. 189-190.

В ходе развития товарных отношений внутреннее противоречие товара приобретает все новые и новые формы. Начало данному процессу дает отделение меновой стоимости в виде денег от натуральной формы существования продукта. «Это двоякое *неодинаковое* существование должно развиваться дальше в *различие*, различие – в *противоположность* и в *противоречие*. Это же самое противоречие между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости, которое порождало необходимость определять его двояко: во-первых, как этот определенный товар, во-вторых, как деньги»²⁸⁸.

В ходе дальнейшего развития меновых отношений возникают все новые и новые коллизии, противоречия и т.п. Так, например, деньги не только отрываются от реального источника, от реальных стоимостей: создаются иллюзии, что не деньги – представители стоимостей, а, наоборот, все продукты и работы становятся представителями денег. На этой поверхности иллюзии покоится мнение тех, которые полагают, что можно изменить существо дела с изменением денег.

В действительности деньги возникли из потребности реального обмена, они устраняют затруднения, возникшие в меновой торговле. Поэтому их невозможно отрывать от реальных товарных отношений. «Абсолютно необходимо, – пишет Маркс, – чтобы насильственно разорванные элементы, которые по существу взаимно связаны, показали путем насильственного взрыва, что они представляют собой результат *разрыва* чего-то по существу взаимосвязанного. Единство осуществляется *насильственным* путем. Как только враждебное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на *единство по существу* и абстрагируются от отчужденности»²⁸⁹.

Только в рамках уравнения «товар – деньги» товар выполняет роль единичного, а деньги выступают как всеобщее. Если рассмотреть более широко, деньги не только всеобщий эквивалент, но также особый товар, который исторически выделился из сферы обмена. Касаясь именно двойственного характера денег, К.Маркс писал: «Дело также и в том, что деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются особым товаром (даже и тогда, когда они лишь знак) и поэтому в своем обмене на другие товары подчиняются, в свою очередь, особым условиям обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной обмениваемости»²⁹⁰.

²⁸⁸ Там же. С. 89.

²⁸⁹ Там же. С. 92.

²⁹⁰ Там же. С. 93.

В «Капитале» Маркс, прослеживая развитие товарных отношений, одновременно прослеживает развитие противоречия, его переходы с одного уровня на другой. В этом отношении представляет особый теоретический интерес его анализ превращения денег в капитал. До Маркса было тайной превращение формул товарного обращения в формулы капитала. Более того, возможность прибавочной стоимости противоречила стоимости, обмену эквивалентов. Закон стоимости регулирует обмен эквивалентов, а прибавочная стоимость констатирует обмен неэквивалентов, т.е. неравной стоимости. Здесь противоречие разрешается посредством открытия особого товара – рабочей силы. Тайна возникновения прибавочной стоимости оказывается в неоплаченном труде. Капитал возникает в процессе товарного обращения и вне товарного обращения.

Согласно диалектической логике, противоречивость – всеобщая природа действительности и познания. При этом сущность, объективная противоречивость предмета отражается в форме конкретного понятия диалектико-материалистической логики. В конкретном понятии охвачено единство положительного и отрицательного. Рассматривая отрицательное, диалектическая логика требует нахождения в нем положительного. От утверждения к отрицанию, затем к отрицанию отрицания – такова диалектическая сущность понятия. Без этого мы имеем дело с голым, зряшным, метафизическим отрицанием, омертвляющим предметы и явления в их познании.

Если метафизическое мышление рассматривает отрицательное вне положительного и наоборот, то это говорит о несостоятельности метафизического мышления. Например, абстрактно-общее представление бесконечного и конечного основано на принципе абстрактного тождества, в силу которого бесконечное мыслится как то, что исключает из себя конечное. Но такое представление конечного и бесконечного, хотя и имеет существенное значение в логическом, не истинно, не содержит в себе понятия в более высоком смысле слова. Истинное понятие бесконечного состоит в том, что бесконечное рассматривается в единстве с конечным. Таким образом, конечное неотделимо от бесконечного, а дано в бесконечном как его момент.

В общей цепи взаимодействующих явлений метафизик рассматривает одни из них только как причину, другие как только действие. На деле же их роль не сводится к такой односторонней связи, каждое из них немислимо без своей противоположности. Определение действия

невозможно без его соотнесения с причиной. Причина и действие – не два разных понятия, а лишь моменты, аспекты диалектического, конкретного понятия.

Диалектическое конкретное понятие – результат познания. Оно возникает в процессе движения познания от непосредственной практики через абстракцию к истине. Это отметил В.И. Ленин, писавший, что «истина есть *процесс*, – проходит в своем *развитии*... три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику*..., 3) ступень абсолютной идеи (т.е. полной истины)»²⁹¹. В другом месте: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»²⁹².

В диалектической логике преодолевается узкий горизонт абстрактного рассмотрения. Так, все абстрактные противоположности, например, конечное и бесконечное, причина и действие, добро и зло и т.д., суть противоречия не через какое-либо внешнее соединение, а, напротив, сами по себе суть переход одного в другое. Каждая категория переходит в свою противоположность, поскольку содержит ее в самой себе. Удержание положительного в отрицательном, содержание предпосылки в ее результате – вот что важно с точки зрения диалектической логики. Положительное и отрицательное – стороны противоположности, ставшие самостоятельными. Каждое из них есть одновременно и свое другое. Иными словами, положительное есть положительное, отрицательное есть отрицательное постольку, поскольку каждая сторона содержит внутри себя свое другое: положительное имеет свое отрицание, а отрицательное – свое положительное. Только абстрактный рассудок рассматривает их вне связи, поскольку он, когда говорит о положительном, абстрагируется от отрицательного и, наоборот, когда рассматривает отрицательное, абстрагируется от положительного. Истинное определение содержит противоположности в единстве.

Для иллюстрации этого обратимся к работе К.Маркса «Святое семейство». Пролетариат и буржуазия – это противоположности. Как таковые, они образуют единое целое. Они оба порождены капиталистическим способом производства. Речь идет о том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает в противоречии. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Буржуа-

²⁹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 183.

²⁹² Там же. С. 190.

зия, как монополист богатства, вынуждена сохранять свое собственное существование и тем самым существование своей противоположности-пролетариата. «Это – положительная сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность»²⁹³. Пролетариат же вынужден упразднить самого себя и тем самым – условия, делающие его пролетариатом, – частную собственность на средства производства. «Это – отрицательная сторона антагонизма»²⁹⁴. Таким образом, буржуазия представляет консервативную сторону, пролетариат – революционную. От первой исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго – действие, направленное на его уничтожение. Капиталистическое общество не стоит на одном месте, с его развитием углубляется основное противоречие капитализма: общественный характер производства и частнокапиталистическая форма присвоения. «Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата как пролетариата, – этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же, как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность – частная собственность»²⁹⁵.

Без пролетариата нет буржуазии, без буржуазии нет пролетариата.

Каждое, таким образом, есть вообще постольку, поскольку есть другое.

Противоположности не абсолютны, они могут в процессе развития переходить одна в другую, меняться местами. То, что сейчас

²⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 38.

²⁹⁴ Там же. С. 39.

²⁹⁵ Там же.

рассматривается как случайное, может выявить свою необходимую сторону. В таком же соотношении находится категория разумного и неразумного и т.п.

Метафизическое мышление запутывается в этих определениях и само становится противоречивым. Так бывало с метафизическими противниками Гегеля. Подобным образом продолжают и теперь думать некоторые представители формальной логики и метафизики. Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей. Если противоречие скрыто от представления и абстрактного подхода, то оно раскрывается в форме диалектических понятий. Для метафизика положительное и отрицательное – абсолютные противоположности, поэтому он не в состоянии видеть переход от положительного к отрицательному и наоборот.

В реальной действительности все содержит внутри себя противоречие. Двигается не то, что в данное время находится здесь, а в другое – там; действительно движется то, что в одно и то же время находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом здесь одновременно находится и не находится. Зенон был совершенно прав, когда нашел противоречие в движении, но из противоречия не следует отсутствие движения, наоборот, движение есть само существующее противоречие.

Сущность диалектического самодвижения заключается в том, что в одном и том же отношении существует нечто и его отрицание. Поскольку каждое внутри себя имеет свое отрицание, постольку оно выходит вне себя и начинает изменяться. В мире ничто не стоит на одном месте, все находится в процессе изменения и развития. Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей. Если противоречие скрыто от представления и рассудочной мысли, то оно раскрывается в форме диалектических понятий. Даже самые простые определенности, например верх и низ, правое и левое, содержат в себе противоречие. Верх есть то, что не есть низ; верх определен лишь так, чтобы не быть низом, и есть лишь постольку, поскольку есть низ, и наоборот; в одном определении заключается его противоположность.

Конкретное понятие содержит в себе противоречие в одном и том же отношении, именно: противоположности исключают друг друга, и поскольку исключают, они содержат друг друга. Противоречия, содер-

жающиеся в разных отношениях, не являются диалектическими противоречиями.

В своих важнейших теоретических трудах Маркс, Энгельс и Ленин понимали диалектическое противоречие именно как противоречие в одно и то же время и в одних и тех же отношениях. В своих основных произведениях они, обосновывая всеобщность противоречия, противоречивость мышления и понятий, вовсе не требовали обязательной их корректности к формально-логическому закону противоречия, а наоборот. Необходимо подчеркнуть, что вопрос о противоречии мысли ставится ими в связи с проблемой объективного выражения действительного движения. «Вопрос не о том, – писал В.И. Ленин, – есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»²⁹⁶. И далее: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом суть диалектики. *Эту-то суть* выражает формула: единство, тождество противоположностей»²⁹⁷.

Итак, вопрос о противоречивости мышления, понятия в диалектико-материалистической логике связан с объективной задачей познания, с проблемой духовно-теоретического воспроизведения объективной реальности. Если объективная сущность предмета противоречива, то мышление, понятия, в форме которых воспроизводится сущность предмета, должны быть противоречивыми. Без этого трудно говорить об отражении, об активном, конкретном познании исследуемого предмета.

Действительно, понять предмет это означает не просто выявить его отличие от других предметов, а познать, раскрыть его сущность. Сущность же предмета ни в коей мере не сводится к его особым признакам, она есть способ его формирования внутри некоторого более широкого целого. Когда предмет включается в целое, что то же самое, *когда он формируется*, то обнаруживает свое эмпирическое бытие как форма проявления чего-то другого, т.е. своей противоположности. Так, например, только с первого взгляда, при поверхностном рассмотрении товарное отношение представляется как отношение вещей. Точно так же

²⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 230.

²⁹⁷ Там же. С. 233.

только при поверхностном рассмотрении может показаться, что быть всеобщим эквивалентом – особое, вещественное свойство золота.

В «Капитале» Маркс глубоко и всесторонне показал: чтобы понять сущность таких явлений, как «товар» и «золото» как всеобщий эквивалент, недостаточно рассмотреть, анализ их непосредственно-го эмпирического бытия, структуры; необходимо еще проследить их сложный процесс формирования внутри социального целого.

Маркс ясно показал, что познать сущность «товара», золота как всеобщего эквивалента означает раскрыть их противоречивую природу, понять их эмпирическое бытие как форму обнаружения своего другого, как форму проявления своей противоположности. Так, в понимании Маркса товарное отношение – не отношение вещей, а отношение людей, продукт социальных отношений. Точно так же сущность золота как всеобщего эквивалента можно понять, исходя не из непосредственного свойства золота, а только из его включенности в товарные отношения, как продукт развития товарных отношений. Таким образом, Маркс раскрыл противоречивую природу товара, денег и т.д. Он ясно показал, что процесс формирования товара, денег – противоречивый процесс, процесс превращения одного в другое. Конкретное понятие товара, денег, разработанное в «Капитале», объективно раскрывает противоречивую сущность этих экономических категорий.

Согласно диалектико-материалистической логике, процесс формирования любого теоретического, конкретного понятия противоречив. Диалектическим конкретным понятием охватывается единство противоположностей, противоречивая сущность предмета, процесс формирования, момент превращения одного в другое. Такая логика справедлива и в отношении самих философских категорий. Так, например, в понятии случайности и необходимости улавливается не просто абстрактно-общее многих так называемых случайных и необходимых явлений (это только содержание терминов «случайный», «необходимый»), а объективная противоречивость этих определений – момент превращения случайного в необходимое.

Отсюда случайное и необходимое – два термина, но не два самостоятельных понятия, это стороны, аспекты единого диалектического конкретного понятия. В процессе формирования этого конкретного понятия сначала признается: «случайное есть случайное», «необходимое есть необходимое», затем прослеживается переход случайного в необходимое и наоборот. Такое превращение одного в другое – не

просто формальное положение, оно выражает сущность диалектического конкретного понимания предмета.

То же самое можно сказать относительно понятия движение. В представлении, в абстрактно-общем понятии не схватывается сущность понятия движения, а выявляются лишь отличительные особенности, наиболее характерные признаки движения в отличии от покоя. Только в конкретном понятии познается сущность движения, т.е. диалектический процесс превращения покоя в движение. Движение не есть абстрактно противоположное покою, а есть единство покоя и движения, момент превращения покоя в движение. Без такого превращения, собственно, нет понятия, нет действительного движения, есть лишь описание движения или покоя.

Таким образом, противоречие, понимаемое в одно и то же время, и в одних и тех же отношениях, является важнейшим условием теоретического познания, понимания предмета. Когда же противоречие трактуется как противоречие в разное время и в разных отношениях, то происходит потеря сущности, теоретического понятия. Дело в том, что предмет, рассматриваемый в разное время и в разных отношениях, ни в коей мере не может быть рассмотрен как один предмет. Поэтому противоречие, существующее между разными предметами, является только внешним противоречием, но не противоречием данного предмета, его сущности. Следовательно, способ, трактующий противоречие в разное время и в разных отношениях, по существу, устраняет диалектическое, противоречивое познание предмета. В самом деле, если процесс формирования предмета, его сущность есть единый процесс, то при недialeктическом рассмотрении предмета он распадается на два самостоятельных момента, в которых действительный процесс формирования вовсе снимается, ибо каждая сторона единого формирования определяет себя как самостоятельный предмет, самостоятельная сущность. Поэтому между ними нет противоречия, есть только различие одного предмета от другого.

Поскольку в теоретическом мышлении не постигается процесс превращения одного в другое, постольку результат такого познания не является понятием, теоретическим знанием о предмете, ибо понятие в диалектической логике трактуется как идеальная форма процесса формирования предмета, постижение сущности предмета в мышлении. Иначе говоря, когда предмет рассматривается в разное время и в разных отношениях, то происходит серьезное снижение уровня теоре-

тического конкретного понятия до уровня рассудочного абстрактно-общего. Так, например, когда мы понимаем движение как единство покоя и движения, как процесс превращения покоя в движение, способ формирования понятия движения, то мы твердо стоим на позиции теоретического, конкретного понимания.

Действительно, в материалистической диалектике речь должна идти прежде всего о противоречиях, взаимоисключающих друг друга, существующих в одних и тех же отношениях. Еще Кант ясно понимал, что противоречия, рассматриваемые в разное время и в разных отношениях, не есть противоречия в собственном смысле этого слова. Следовательно, те авторы, которые трактуют диалектические противоречия как противоречия в разных отношениях, – хотя они того или нет, – отрицают диалектическую противоречивость мышления и тем самым универсальность диалектического принципа противоречия. Если отрицается подлинная диалектическая противоречивость мышления, то это необходимо ведет в познавательной деятельности к реальному снижению уровня теоретического мышления. Скажем более определенно: неизбежно ведет к подмене диалектического конкретного понятия (в форме которого воспроизводится сущность объективно-конкретного) абстрактнообщим, т.е. термином, который выполняет совершенно иную функцию в мышлении.

Дело в том, что природу, способ формирования диалектического конкретного понятия невозможно понять без диалектического принципа противоречия. По этой причине недопустимо смешивать способ образования, функционирования теоретического (конкретного) понятия со способом образования, функционирования абстрактно-общего – термина в речи. Если в форме конкретного понятия объект духовно-теоретически воспроизводится, то в форме абстрактно-общего (термина) он главным образом различается, обозначается. И потому, если способ существования (бытия) теоретического мышления, понятия – диалектический принцип противоречия, то закон, способ функционирования абстрактно-общего (термина) регулируется принципом запрета противоречия в рассуждении.

В логике постоянно следует иметь в виду наличие этих двух аспектов. К сожалению, стало обычным явлением, когда абстрактно-общее, рассудочно-общее выдается чуть ли не как единственная форма бытия понятия. В результате происходит отождествление мышления, которое является сложным творческим процессом, идеальной формой отраже-

ния действительности, с его языковым способом существования. Во всяком правильном рассуждении термины должны быть определены и однозначны, но это несомненное правило любого общения, обмена мыслями расширяется – выдается как всеобщее и универсальное условие любого мышления, формирования понятия и категории. Когда В.И. Ленин говорит, что в мышлении не должно быть логических противоречий, то он имеет в виду, что во всяком правильном мышлении термины должны быть однозначны, определены, т.е. в суждении не должно быть формально-логических ошибок. Когда же речь идет о теоретическом познании, о конкретном понимании, то мы имеем дело уже с духовно-теоретическим воспроизведением предмета. Диалектические, взаимоисключающие противоречия, возникающие в данном случае объективно, выступают как следствие познания сущности. Поэтому «исправление» их, переинтерпретация в соответствии с требованием формальной логики неизбежно приводит к искажению их действительной природы.

То обстоятельство, что всеобщим принципом формирования теоретического мышления, конкретного понятия является диалектический принцип противоречия, ни в коей мере не снимает важность, необходимость, ценность законов формальной логики в определенных областях, в определенных пределах. В логике давно пора ясно представить сферы применения законов материалистической диалектики и формальной логики. Поскольку в литературе недостаточно определены, обоснованы их аспекты, границы применения, постольку существуют бесконечные споры, неправильно освещаются взаимоотношения формальной логики и логики диалектической, закона запрета противоречия и закона единства противоположностей диалектико-материалистической логики.

В.И. Ленин в «Философских тетрадах» вскрыл несостоятельность взглядов В.Чернова, который по вопросу о движении пытался критиковать Ф.Энгельса с позиции абстрактного, метафизического представления движения, представить движение непротиворечивым образом. «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте – таково возражение, которое Чернов повторяет (см. его «Философские этюды») вслед за всеми «метафизическими» противниками Гегеля.

Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе воз-

возможности движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т.е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено»²⁹⁸.

Нетрудно догадаться, что в данном случае В.И. Ленин, в противоположность Чернову, защищает понятие движения, диалектическое понимание движения». «Понять значит выразить в форме понятий», – подчеркивает он. – Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuitat*) и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»²⁹⁹.

Таким образом, противоречие – внутренняя сущность всякого понятия, теоретического мышления. Например, категории покой и движение, прерывное и непрерывное, случайное и необходимое выражают диалектическое единство. Здесь каждая парная категория является не двумя различными понятиями, а одним и тем же понятием. Поскольку речь идет не о представлении, не о терминах («случайное» и «необходимое», «покой» и «движение» и т.п.), а о едином понятии, постольку такое конкретное понятие внутренне противоречиво, выступает как единство, синтез, тотальность взаимоисключающих определений.

Все изложенное убеждает нас в том, что всеобщим, универсальным законом природы, общества и мышления является закон тождества противоположностей. Формально-логические законы, как-то: тождества, противоречия и т.п. не универсальны, они имеют смысл и значение только в определенных рамках. Противоречия в мысли – отражение объективного противоречия, а не произвол субъекта. При таком рассмотрении понятий формально-логическое отрицание противоречивости мысли имеет подчиненное значение. Если противоречие в мысли отражает объективное противоречие, то это не ее ошибка, а соответствие наших понятий реальной действительности.

Кто отрицает противоречие, тот отрицает принцип самодвижения. Противоречие в мысли существует в виде отрицания. Логическое отрицание имеет смысл лишь тогда, когда оно отражает противоречие действительности. Противоречивость является сущностью объективного мира и мысли. Значит, исследование противоречивости понятия

²⁹⁸ Там же. С. 232.

²⁹⁹ Там же. С. 231.

один из главных вопросов диалектической логики. Эта точка зрения выдвигается теми, кто вслед за Энгельсом и Лениным, опираясь на «Капитал» Маркса, признают существование и развитие диалектической логики в качестве высшей логики человеческого познания.

Противоречие в мысли выражает сущность действительного мира, находящегося в развитии. Ф.Энгельс писал: «...когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга», то «здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия. Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществляться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно – в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия – и есть именно движение»³⁰⁰.

Рассудочные категории в силу своей формальности, бессодержательности не могут отражать объективные, реальные противоречия. Метафизик, мыслящий посредством неподвижных рассудочных категорий, не способен уловить тождество противоположностей, понять диалектику вещей и процессов. Для него покой и движение абсолютные противоположности, поэтому он не в состоянии перейти от идеи покоя к идее движения, ему преграждает путь указанное выше противоречие.

Противоречие – всеобщая форма действительности. Отрицание противоречия есть отрицание, искажение самой действительности, отрицание движения, связи нашей мысли с действительностью.

Диалектика мысли есть только отражение объективной диалектики. Причем она отражает ее не фотографически, не мертво, а специфично. В.И. Ленин писал: «*Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий*, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»³⁰¹. Но эта специфичность противоречий в мысли не говорит о их самостоятельности. Просто умом конструированные противоречия не имеют никакого значения, они справедливо отвергаются наукой и историческим развитием как произвольное творение ума.

В объективном мире мы имеем дело не только с противоречиями, но и с их разрешением. Недостаточно признать противоречие. Диа-

³⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 123.

³⁰¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

лектиком является тот, кто признает и противоречия, и их разрешение, переход из одного состояния в другое. В действительности противоречие не только существует, но постоянно находит свое разрешение. Отмечая эту сторону вопроса, Энгельс писал: «...мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить»³⁰².

Признание противоречий без понимания их разрешения не есть диалектика в собственном смысле этого слова. До понятия противоречия дошла элеатская школа, и тут прежде всего следует назвать Зенона. До признания неразрешимых противоречий дошел Кант в своих антиномиях. Концепция отрицательной, антиномичной диалектики была в свое время разработана также С.Кьеркегором и его учениками. Кьеркегор понимал диалектические противоречия только в форме негативного, парадокса и антиномии, которые неразрешимы в разумном мышлении.

Поскольку проблемы единства бытия и мышления, сущности человека, человеческого сознания и т.п., объявлялись неразрешимыми, постольку и диалектика этим философом интерпретируется как парадоксальная «логика», иррациональная мудрость, касающаяся субъективных переживаний человека или метафизических основ науки.

Отличие подлинной диалектики от словесной, формальной особенно разительно, когда мы обращаемся к современной буржуазной софистике. В этом отношении характерна работа французского экзистенциалиста Мерло-Понти «Приключения диалектики», в которой от-

³⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497-498.

рицается диалектическое учение об отрицании отрицания. Концепция неогегельянцев антидиалектична и механистична, потому что они сводят диалектические противоречия к антагонизму, принимающему форму противопоставления несводимых друг к другу сил. Гегель же, напротив, говорит о неполноте диалектики, не доходящей до разрешения противоречий, до отрицания старого диалектического единства противоположностей, их перехода к иному единству противоположностей.

Учение о разрешении противоречия у Гегеля является как раз выражением диалектического закона отрицания, рассматривается как дополнение и форма развития диалектического противоречия, закона единства и борьбы противоположностей.

Известно, что любое диалектическое противоречие предполагает наличие двух тенденций, двух сторон: положительной и отрицательной. Взаимопроникновение и борьба противоположностей есть взаимодействие этих двух сторон диалектического противоречия. А отрицание отрицания — синтез положительного содержания предшествующих ступеней, их снятие, превращение их в моменты, т.е. истинное диалектическое разрешение противоречия. Например, первоначальное количество выступает как отрицание качества. Дальнейшее развитие определения категории количества раскрывает качественную природу количества. Качество отрицает количество.

Гегель выражает это иначе: «...качество явило себя переходящим в количество. Количество, наоборот, есть в своей истине возвратившаяся в самое себя, небезразличная внешность»³⁰³. Что же достигается этой диалектикой двух категорий, их взаимными переходами: качества в количество и количества в качество? Достигается, отвечает Гегель, истинное и полное раскрытие содержания этих двух категорий, а вместе с тем и правильное, научное понимание соотношения качественной и количественной определенностей, их взаимосвязи в самой объективности и материальной природе, в вещах объективного материального мира.

Рассудок, который противопоставляет качественную определенность вещи количественной, не дает истинного понимания качества и количества, их связи, не дает целокупности понятия. Рассудок констатирует «две тенденции», констатирует противоречие, и на этом дело заканчивается. Рассудок не доходит, в частности, до понимания того, что вещь есть, по выражению Гегеля, «качественно определенное ко-

³⁰³ Гегель. Наука логики. Т. 1. С. 414.

личество» или «количественно определенное качество». Рассудок не постигает и понятия «меры», в которой воплощается единство количества и качества. Так, например, Кант, говорит Гегель, не дошел до формулирования категории «меры», «не мог найти третьей [категории] к качеству и количеству»³⁰⁴.

Абстрактное противопоставление тождества различию и положительного отрицательному несостоятельно. Важно не только положительное, но и отрицательное, они не существуют отдельно. Раскрытие противоречия и пути его разрешения – главное в диалектической логике, которая ведет в этом вопросе борьбу на два фронта: против тех, кто отрицает противоречие в действительности, и против тех, кто признает существование противоречия в действительности, но отрицает противоречивость мыслей, отражающих реальное противоречие, ссылаясь на то, что наша мысль есть мысль о противоречии, поэтому сама она не должна быть противоречивой. Первая точка зрения выдвигается всеми метафизическими противниками марксизма, вторая трактовка – некоторыми представителями формальной логики.

Обе точки зрения несостоятельны, так как теория конкретного понятия подтверждается историей познания и развитием современной науки. Бурное развитие современного естествознания предоставляет нам все больше и больше фактов, подтверждающих истинность категорий диалектической логики.

Замечательной иллюстрацией к сказанному может служить такое кардинальное понятие, как понятие производство и потребление.

Марксов анализ производства и потребления существенно отличается от метафизического противопоставления их друг другу экономистами, которые просто представляют производство исходным пунктом, потребление – конечным, а распределение и обмен – серединой. Отмечая это обстоятельство, К.Маркс писал: «Это, конечно, связь, но поверхностная»³⁰⁵. К.Маркс раскрывает сущность, диалектику производства и потребления. Марксистский анализ производства и потребления не ограничивается абстрактным противопоставлением производства потреблению. Производство есть производство и в то же время – потребление и наоборот. Потребление есть потребление, но вместе с тем и производство. Подобно тому, как в природе «потребление» (ассимиляция) химических веществ есть производство растений.

³⁰⁴ Там же. С. 419.

³⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 715.

Производство и потребление диалектически взаимосвязаны: без производства нет потребления, без потребления нет производства. Производство делает возможным потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы объект. Однако потребление делает возможным производство, ибо только оно создает для продуктов субъект, для которого они и являются продуктами. Дом, в котором не живут, фактически не является домом. «Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью»³⁰⁶.

В дальнейшем Маркс анализирует соотношение, диалектическую связь производства и потребления более детально. Потребление создает производство в таком смысле: а) только в потреблении продукт становится действительным продуктом; б) потребление создает потребность в новом производстве, оно идеальное начало, предпосылка производства; потребление полагает предмет производства идеальным, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. В свою очередь производство дает предмет потребления, без предмета вообще нет потребления. Производство не только дает предмет потребления, но определяет также способ, характер потребления. Производство создает потребителя. Производство производит не только предмет потребления, но и субъект для предмета. Музыка воспитывает понимающее музыку ухо.

Итак, производство есть не только производство, оно есть также потребление; без потребления нет производства. Потребление есть потребление, но оно есть также производство; без производства нет потребления. В основе изложенных диалектических определений лежит закон единства противоположностей. Каждое из них – оно само и в то же время свое другое. Это конкретное понятие производства и потребления несовместимо с точки зрения формальной логики. На основе законов формальной логики можно сказать только следующее: производство есть производство, поэтому оно не есть потребление, и наоборот. Отсюда невозможно высказать положение: производство есть производство, оно же есть потребление. Сущность, диалектическая природа производства и потребления раскрывается только в диалектической логике, на основе всеобщего закона природы, общества и мысли, закона единства противоположностей.

³⁰⁶ Там же. С. 717.

На основе глубокого диалектического анализа Маркс следующим образом описывает природу производства и потребления: «Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое; но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Потребление прежде всего завершает акт производства, заканчивая продукт как продукт, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму... С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая побуждение к потреблению, самое способность потребления как потребность»³⁰⁷.

Когда мы подчеркиваем идею неразрывной связи производства и потребления, то это не означает, что мы отождествляем производство и потребление. Подобным образом может подходить к вопросу только абстрактный рассудок. Так поступал, например, экономист Сэй, который отождествлял производство с потреблением. При этом Сэй упускал то важное обстоятельство, что и народ не употребляет свой продукт целиком, а создает и средства производства, основной капитал и т.д. Отсюда, когда мы говорим – производство есть потребление, то это не означает абстрактную тождественность производства и потребления, а в данном определении выражено единство противоположностей. Производство есть потребление и в то же время – есть производство; производство есть единство производства и потребления. В этом отношении потребление выступает как момент производства.

Великое значение принципа диалектического противоречия подтверждается историей развития как общественных, так и естественных наук. Все развитие современной науки, формирование научно-теоретического мышления свидетельствуют о его продуктивности в научном познании. Так, например, внимательный анализ метода, стиля мышления в развитых современных теориях (теория относительности, квантовая механика и др.) все больше убеждает в том, что их стиль мышления, методология совпадают с основными принципами диалектической логики, в которой фундаментальное значение имеет признание противоречия в формировании теоретического знания.

Диалектическое мышление, инвариантное закону тождества противоположностей, имеет универсальное значение в современном научно-теоретическом мышлении. Если Гегель, Маркс и Ленин на основе закона единства противоположностей раскрыли внутренние

³⁰⁷ Там же. С. 719.

связи, единство противоположностей таких логических категорий, как случайное и необходимое, положительное и отрицательное, всеобщее и единичное, и тем самым обосновали современное логическое мышление то Эйнштейн и Бор сделали то же самое в области физического мышления. В теории относительности найдена глубокая связь между такими фундаментальными понятиями, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное, что оказало радикальное влияние на всю культуру естественно-научного мышления.

Таким образом, теория относительности есть физическая теория пространства и времени. Если Маркс разработал глубокие логические и методологические проблемы научного познания в ходе экономического анализа капитализма, то Эйнштейн, исходя из проблем электродинамики движущихся сред, создал теорию пространства и времени, которая лежит в основе всей современной физики. Правильно поэтому замечание Л.И. Мандельштама: «...вся теория Эйнштейна далеко вышла за рамки первоначальных задач».

Идея связи пространства и времени подтверждает то положение, что объективной истинностью прежде всего обладает целое, конкретное, которое является системой внутренне связанных отношений. Пространство и время – лишь моменты этого целого. Подобная трактовка истинна не только для теории относительности, но также для всякой истинной теории. Гегель неоднократно подчеркивал, что истина заключается не в общем, которое рассматривается в отрыве от особенного, а в их диалектическом единстве.

Подобно тому, как Гегель посредством закона единства противоположностей рассмотрел в единстве то, что до него мыслили раздельным, так и Эйнштейн, признав всеобщность и истинность преобразований Лоренца, рассматривает в единстве то, что полагалось раньше раздельным. Замечательным примером здесь является раскрытие синтетической природы пространства и времени, массы и энергии, относительного и абсолютного.

Как известно, о принципе относительности и о конечности скорости света знали задолго до Эйнштейна, но эти положения тогда считались несовместимыми. (Здесь видели противоречие).

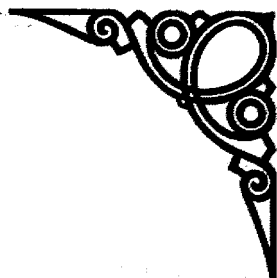
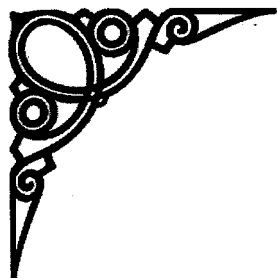
Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он глубоко разрешил противоречия, открыв такое особое, при помощи которого выявил связь принципа относительности с постоянством скорости света, т.е. от-

крыл относительность одновременности и ее роль в преобразованиях Лоренца.

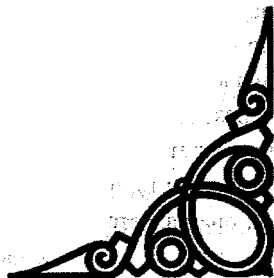
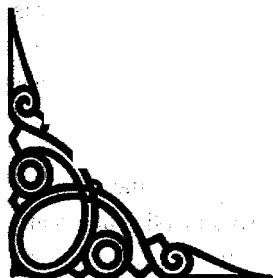
Признание противоречия, анализ противоречивой ситуации имеет серьезное значение и в нерелятивистской квантовой механике, в которой исходным является корпускулярно-волновое понимание микроявлений. Все особенности микрообъекта возможно понять, исходя из корпускулярно-волновой природы микрообъекта. Однако в истории становления квантовой физики это понятие порождало различные трудности. В волнах Луи де Бройля отдельные физики видели нечто иррациональное. В современном теоретическом мышлении физика оно завоевало себе прочное место. При этом следует отметить, что *термин корпускулярно-волновой дуализм* нельзя признать удачным. В квантовой механике речь идет не о дуализме в философском понимании, а о корпускулярно-волновой природе *единого начала*.

В области квантовой механики достаточно распространены отдельные неточности терминологии, которые приводили к неправильному пониманию некоторых важнейших категорий, понятий в квантовой механике. Это прежде всего относится к принципу дополнительности. При внимательном и глубоком исследовании в нем четко видны элементы диалектического понимания физических явлений. Здесь лишь терминологически неудачно высказана идея единства противоположностей. Подобно тому, как возможность кризиса, противоречий капитализма имеется в зародыше уже в товаре, так и соотношения неопределенностей, невозможность однозначной интерпретации содержатся уже в двойственном характере самих микроявлений. В.А. Фок вполне определенно отмечает, что трудности в квантовой механике преодолимы, если полностью признать двойственную корпускулярно-волновую природу электрона, выяснить сущность этого дуализма и понять, к чему относятся рассматриваемые в квантовой механике вероятности.

При всем своем значении принцип дополнительности, идея корпускулы и волны, являясь одной из форм диалектического рассмотрения физических явлений, не достигают более высоких форм диалектических идей, которые наиболее полно реализованы в «Капитале» К.Маркса. Для подлинной диалектики характерно не только признание, констатирование противоречия, но, и, главным образом, разрешение его, прослеживание переходов «одного в другое», превращение противоположных определений друг в друга. В этом, истинная суть, основное содержание диалектики.

**РОЛЬ ПРИНЦИПА
КОНКРЕТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ
НАУКЕ**

ВВЕДЕНИЕ

Развитие и совершенствование теоретического метода научного познания – материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания, предполагает всестороннюю разработку ее категорий, законов и принципов в тесной связи с достижениями современной науки и практики. Современная наука переживает эпоху стремительного развития, которое сопровождается крутой ломкой старых понятий и представлений. В развитии науки происходит также коренной процесс дифференциации и интеграции. Если в целом, одним взором охватить его основное направление, ведущую тенденцию, то это будет интеграция, синтез, синтетическая деятельность в развитии современной науки. При этом синтез, синтетичность, совпадающая с диалектикой, не какой-то отдельный признак, не локальное явление, а универсальное, субстанциальное направление, которое пронизывает всю научно-теоретическую область, начиная с кардинальных понятий и теорий и кончая взаимоотношениями науки с производством.

Бурные перемены в развитии современной науки постоянно и настойчиво выдвигают логико-гносеологические проблемы, которые предполагают углубленное философское решение. Как свидетельствует опыт научно-теоретического познания, актуальные вопросы науки и практики могут быть всесторонне осмыслены, продуктивно разработаны и разрешены только с позиции материалистической диалектики – универсальной методологии научного познания. Это не переходящее обстоятельство, а закономерный процесс развития научно-теоретического познания. Поэтому вполне принципиально следует подчеркнуть, что диалектика не только присуща всей нынешней науке, она является «душой», стилем современного способа мышления. Происходящее сейчас развитие науки ясно свидетельствует о возрас-

тании методологической роли диалектики. Принципы диалектики все больше проникают в современную науку, выступают логикой формирования и развития теоретического знания.

Одним из центральных принципов материалистической диалектики является принцип конкретности, который имеет фундаментальное значение в осмыслении сложнейших процессов жизни, в развитии и синтезе современного научного знания.

Принцип конкретности выступает как важнейший теоретический метод объективного познания действительности, который исследует предмет в его развитии, самодвижении, целостности и необходимой внутренней связи; прослеживает внутренние противоречия предмета, их развитие и нарастание; раскрывает предмет как единство многообразного, осуществляет теоретический синтез и выявляет диалектику всеобщего, особенного и единичного. Таков далеко не полный перечень логических характеристик принципа конкретности.

Принцип конкретности, как содержательный принцип, противоположен всевозможным абстрактным, формальным и отвлеченным способам рассмотрения предмета, которые в целом можно охарактеризовать как рецидивы метафизического (в худшем смысле этого слова) метода мышления. Представители последнего обычно обосновывают свои антинаучные теоретические построения посредством отвлеченных, абстрактных положений, нарушая важнейшие требования диалектики вообще, принцип конкретности в особенности. Выхватывая и абсолютизируя в одном случае одну, а в другом – другую сторону предмета, они извращают истину, пытаются обосновать и внушить такие теоретические выводы, которые противоречат правде жизни, действительности.

В нашей философской литературе различные аспекты принципа конкретности как одного из важных принципов научного познания содержательно обсуждались в работах Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, Л.К. Науменко, З.М. Оруджева, М.М. Розенталя и др.³⁰⁸ Особенно значительные успехи достигнуты в исследовании метода восхождения от абстрактного к конкретному, примененного в «Капитале» К.Маркса.

³⁰⁸ См.: Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1960; Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М., 1969; Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; Оруджев З.М. К.Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К.Маркса. М., 1967.

Отличия абстрактно-общего от конкретно-всеобщего, конкретное понятие как форма логического были исследованы также в книге Ж.Абдильдина, А.Касымжанова, Л.Науменко, М.Баканидзе «Проблемы логики и диалектики познания» (Алма-Ата, 1963).

Хотя в теоретическом изучении отдельных аспектов принципа конкретности достигнуты значительные успехи, несомненный актуальный интерес представляет комплексное исследование, сочетание общефилософского, логического рассмотрения диалектического принципа конкретности с раскрытием его методологической функции в различных областях современной науки. Важно отметить: принцип конкретности, с одной стороны, имеет большое методологическое значение в научно-теоретическом познании, выполняет широкую логико-гносеологическую функцию в развитии и синтезе научного знания, а с другой – сам постоянно развивается, обогащается в ходе применения к различным отраслям общественных и естественных наук.

В данной монографии исследуется генезис марксистского понимания принципа конкретности, его логического содержания, а также демонстрируется роль и значение этого принципа в различных областях современной науки, таких, как математика, физика, геология, география и психология мышления. Исследование в каждом разделе аргументировано, базируется на широком историческом и современном материале, дабы показать продуктивное значение данного принципа в составе современного развивающегося знания. Книга написана с позиции диалектической логики. В ней проведена единая теоретическая концепция в понимании и трактовке принципа конкретности и его роли в научно-теоретическом познании...

ГЛАВА I

ГЕГЕЛЕВСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА КОНКРЕТНОСТИ

Принцип конкретности имеет фундаментальное значение в диалектической логике. Он обеспечивает глубокое, всестороннее познание объективной действительности.

В домарксовской философии данный принцип наиболее полно исследовался Гегелем в логике как учении о конкретности мысли, понятия, идеи. Конкретное понятие, по его характеристике, есть единство многообразного, конкретная тотальность определений.

Раскрывая природу такого понятия, мыслитель подчеркивал, что «оно не является в самом себе *абстрактным единством*, в противоположность различиям, *характеризующим реальность*, а уже в качестве понятия, оно есть единство различных определенностей и, следовательно, конкретная целостность»³⁰⁹.

В гегелевской философии конкретность, целостность трактуется прежде всего как то, что имманентно присуще разуму и, обладая идеальной природой, привносится к вещам или лежит в основании вещей в качестве понятия, идеи. Правда, такое понятие изображается не как мертвая, лишенная различий абстракция, а как живая, внутренне противоречивая мысль, беспокойное движение, себя в себе различающая сущность. Поскольку понятие есть некоторый синтез, отмечает Гегель, оно «имеет определенность и различие внутри самого себя. Поскольку эта определенность есть определенность понятия и тем самым *абсолютная определенность, единичность*, понятие есть основание и источник всякой конечной определенности и всякого многообразия»³¹⁰.

Гегелевская трактовка природы понятия, как известно, принципиально выходила за рамки традиционного представления о понятии. Вместе с тем следует отметить, что первоначальная идея зародыш такого понимания имеет место уже в кантовском учении о синтетическом знании. На это неоднократно указывал и сам Гегель. Если при традиционном представлении под понятием мыслится нечто общее, одинаковые свойства предметов, выделенные путем сравнения, от-

³⁰⁹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. I. М., 1968. С. 116

³¹⁰ Гегель. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 23.

влечения и обобщения из массы индивидуальных объектов, то кантовское учение о синтетическом знании требует, чтобы мы пошли дальше этого представления о понятии. Понятия трактуются Кантом не как мысленное выражение просто общего в предметах и явлениях, а как некоторый синтез, априорные условия знания, при помощи которых формируются данные созерцания.

Поэтому Гегель в своем анализе кантовской трансцендентальной логики отличает ее от рассудочной логики. Согласно рассудочной логике, отмечал он, «я *обладаю* понятиями и понятием точно так же, как я обладаю сюртуком, цветом и другими внешними свойствами», всякое многообразие находится вне понятий, которым присуща лишь форма абстрактной всеобщности. Синтетические суждения а priori, напротив, представляют собой форму конкретного, синтетического знания, в котором предпринята попытка рассмотреть многообразие в некотором единстве (синтезе). «Этот первоначальный синтез апперцепции есть один из глубочайших принципов спекулятивного изложения...; он содержит начало истинного понимания природы понятия...»³¹¹.

В кантовской трактовке проблемы понятия Гегель вместе с тем усматривает непоследовательность, внутренние противоречия. Будучи объективным идеалистом, он, например, с раздражением отмечает, что у Канта категории сами по себе не дают синтетического знания, а достигают его лишь в соединении с чувственными данными. Неполнота понятий, по Гегелю, заключается не в отсутствии у них чувственной реальности, а в том, что понятия еще не сообщили себе из них самих порожденной реальности.

Таким образом, с точки зрения Гегеля синтетичность, конкретность являются внутренними определенностями самого понятия, которые приобретены в ходе его саморазвития. Отсюда не реальность и, тем более, не эмпирическое многообразие является основой понятия, а само понятие, движение мысли порождают действительность, составляют животворную душу всего действительного мира. Абсолютная идея стремится к самосознанию; она сначала совершает чисто логическое развитие, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему инобытию, природе, где проделывает новое развитие, правда, не сознавая самое себя. Абсолютная идея лишь в человеческом обществе выбивается из «грубого естественного состояния» и приходит к самосознанию. В своем первоначальном развитии

³¹¹ Там же. С. 17, 23.

она не была еще абсолютно конкретной (обладала конкретностью лишь в возможности).

Гегель – объективный идеалист, поэтому в его философии отсутствует понимание, во-первых, того, что действительность, конкретная целостность лишь воспроизводится посредством мышления. Однако «это ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия»³¹². Во-вторых, он не понимает и действительной, чувственной деятельности как таковой, роли материальной, общественно-производственной практики, а знает лишь абстрактную, теоретическую деятельность абсолютной идеи. Поэтому подлинно научное разрешение вопроса о природе понятия стало возможно лишь в марксистской философии, в которой понятия рассматриваются как отражение объективной материальной действительности. «Таким образом, – писал Ф.Энгельс, – диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать – вновь поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове»³¹³.

Разумеется, данный факт не снимает того, что в гегелевской логике все же положено начало новому учению о понятии, оказавшему значительное влияние на понимание природы научно-теоретического знания. Представляет громадный интерес гегелевская трактовка понятия как единства многообразного. Действительно, если понятие рассматривается как конкретное, как единство многообразного, то его сущность постигается не путем отвлечения общих, одинаковых признаков предмета, а лишь в результате глубокого раскрытия содержания, внутренней связи и зависимости различных определенностей. Именно так Гегель рассматривает понятие в своей «Логике».

Но мы знаем, что «Логика» не сразу стала «Наукой логики», что Гегель не сразу пришел к идее конкретности, к пониманию конкретного как единства многообразного. Поэтому при анализе гегелевского учения о конкретном недостаточно ограничиваться его «Логикой» и другими произведениями зрелого периода. Необходимо еще рассматривать его ранние работы и «Феноменологию духа», в которых идея конкретности представлена в становлении и развитии.

³¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 38.

³¹³ Там же. Т. 21. С. 302.

В ранних работах Гегеля зародыш конкретного подхода проглядывается в стремлении учесть не только настоящее предмета, но и его прошлое, т.е. взаимосвязь исторических ступеней развития предмета. Сущность религии, например, он пытается понять путем ее исторического рассмотрения, сравнения современного христианства с ранним христианством и даже с античной религией. В определенной мере ему удается сочетать исторический подход к религии с ее критическим рассмотрением. Современное ему христианство Гегель находит отжившим, устарелым, ставшим тормозом общественного прогресса. Выход из этого постигшего религию кризиса он усматривает в том, чтобы заменить христианство новой, «народной» религией, которую интересуется не только бог, но и человек, которая «идет рука об руку со свободой».

Зарождающиеся элементы конкретного подхода четко прослеживаются при анализе понятий «объективность» и «позитивность» религии, которые раскрываются Гегелем как исторические понятия.

Объективность христианства означает его отчужденность от человека – субъекта веры. Оно хочет «воспитать людей гражданами неба, взор которых... устремлен ввысь, и поэтому человеческие чувства делаются им чуждыми»³¹⁴. Христианство проявляет по отношению к человеку равнодушие. Больше того, презирает его. В догматах, ритуалах и предписаниях христианства нет ничего такого, что соответствовало бы интересам и чаяниям человека, побуждало его к активной деятельности «ради целого, ради идеи». «Объективная» религия воспитывает людей в духе покорности, пассивности и приверженности ко всему отжившему, традиционному.

«Позитивность» религии тесно связана с ее «объективностью» и означает, что она навязана человеку извне, предписана. Она насаждает слепую веру в авторитет и традицию и сама зиждется на ней. «Позитивная» религия отвергает всякую самостоятельность мысли и свободу разума, потому что сама возникла на почве деспотизма и духовного рабства.

Позитивность христианства, подчеркивает Гегель, обнаружилась «в более новое время», в свете перспектив, открытых Великой французской революцией. Последняя провозгласила уважение к человеку, признание его прав на Свободу, Разум и Равенство. Неслучайно философские системы Канта и Фихте, воодушевленные этими идея-

³¹⁴ Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 77.

ми, изображали человечество достойным такого уважения. «Это залог того, — пишет Гегель Шеллингу, — что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов. Философы доказывают это достоинство, народы научатся его ощущать и тогда уже не станут требовать свое растоптанное в грязь право, а просто возьмут его обратно, присвоят его»³¹⁵.

Если философия вознесла человека на должную высоту, то христианство, наоборот, унизило его, лишило уверенности, задушило в нем волю и стремление к свободе. «Позитивная» религия в этом плане есть олицетворение деспотизма и несвободы.

«Позитивность» христианства означает также его закостенелость и косность, то, что оно уже исчерпало себя, стало «несоразмерным» с «духом времени».

Понимание природы религии предполагает не только анализ ее настоящего, но и прошлого. С этой целью Гегель обращается к истории христианства и пытается выяснить, почему, в силу каких причин оно стало «объективной» и «позитивной» религией. Существующие точки зрения на этот счет его уже не удовлетворяют. Он вполне резонно критикует просветителей, которые выпячивают на первый план внешние и случайные факторы. С их точки зрения, «неблагие соображения, нечистые страсти, ...вообще внешние, чуждые религии обстоятельства, своекорыстные намерения, хитрость и насилие по-своему формировали веру народов»³¹⁶. Для них религия была и остается «простым суеверием, обманом и глупостью». Такое объяснение упускает из виду сам предмет анализа и конкретно-исторические условия его формирования. Вместо того, чтобы углубиться во «внутри самого религиозного учения» и вывести оттуда его важнейшие черты, подобный анализ ограничивается видимостью, внешним проявлением сути дела.

Гегель же предпочитает объективный и исторический анализ, позволяющий выяснить закономерность и необходимость происходящих с религией перемен. Он старается учесть все обстоятельства, которые обусловили позитивность религии: особенности характера иудейского народа — первого носителя христианства; личность Иисуса и легенды вокруг его имени, способствовавшие упрочению его авторитета и тем самым усилению черт позитивности; веру в чудеса и ожидание Мессии; слепую веру в авторитет, которую насаждало христианство, тре-

³¹⁵ Там же. Т. 2. С. 224.

³¹⁶ Там же. Т. 1. С. 95.

буя «всякого раболепствования и всякой строптивости»; практическое бессилие человека, заставившее его «рыгаться в своих священных книгах в поисках утешения» и взирать на небо, ожидая оттуда помощи и поддержки.

Эти сопутствующие условия повлияли на характер религии, но не они являются непосредственной причиной эволюции христианства в сторону позитивности. Здесь свою роль сыграл политический фактор – утрата людьми своей духовной и политической свободы в результате завоевания. Гегель имеет в виду захват Римом Иудеи. Этот же фактор в конечном счете обусловил и исчезновение античной религии, на смену которой пришло христианство, впоследствии ставшее позитивной религией. «Религия римская и греческая – это была религия только для свободных народов, а когда свобода была утрачена, неизбежно суждено было исчезнуть и ее смыслу, ее силе, ее сообразности людям. Зачем пушки армии, если она расстреляла все свои заряды, – ей нужно искать иное оружие. Зачем сети рыбаку, если русло реки пересохло?»³¹⁷.

Эволюцию религии Гегель пытается объяснить также «изнутри», органически присущими ей противоречиями. Например, он обращает внимание на противоречие между жизнью и догматом. Последний безразличен к тем изменениям, которые происходят вокруг, а это так или иначе сказывается, приводит к тому, что жизнь отбрасывает устаревшие догматы. Противоречиво также отношение между формой и содержанием религии. В современном христианстве, отмечает Гегель, устарела именно форма, она «имеет изъян», а содержание религиозного сознания несет в себе еще много полезного и поучительного (вряд ли можно утверждать, что «убеждения долгих столетий» были «пустой бессмыслицей»), но оно должно быть освобождено от старой формы.

Вскрывая противоречивую природу христианской религии, Гегель обращает внимание на то, что она сумела приспособиться к самым несходным нравам, к самому разному устройству жизни. За это ее то упрекали, то восхваляли. Одновременно она была религией народов, находившихся на различных ступенях развития: сверхтонченных римлян и греков, с одной стороны, и самых невежественных, самых диких, но свободных варваров – с другой. Она была религией как угнетенных крепостных, так и их господ; и те и другие шли в одну

³¹⁷ Там же. С. 186.

церковь. «Ведомые крестом, испанцы в Америке уничтожили целые людские поколения, англичане, опустошая Индию, пели христианские благодарственные гимны. В ее лоне родились и выросли лучшие цветы изобразительных искусств, вознеслось к небу высокое здание наук, и в ее честь изгонялись изящные искусства, а развитие науки приравнивалось к безбожию. В любом климате процветало древо креста, повсюду оно пускало корни, повсюду плодоносило. С ней [религией] связывали народы радости жизни, и самая безысходная печаль находила в ней пищу для себя и оправдание»³¹⁸.

С методологической точки зрения заслуживает внимания то, что история христианства здесь рассматривается в тесной связи «с нравами и характером народов и эпох», с традицией и культурой. «Дух народа, его история, религия, степень политической свободы, — пишет Гегель, — не могут рассматриваться отдельно ни по их влиянию друг на друга, ни по их внутреннему существу, они связаны в один узел...»³¹⁹.

Критерием оценки и анализа религии для Гегеля служит разработанное им «понятие человеческой природы», содержание которого также свидетельствует о стремлении рассмотреть предмет с разных сторон, т.е. конкретно. «При рассмотрении человека... и его жизни, — указывает Гегель, — мы должны... принимать во внимание его чувственность (поскольку она есть «главный элемент всякого действия и стремления человека». — *Авт.*), его зависимость от внешней и внутренней природы — от того, что его окружает и в чем он живет, — а также от чувственных склонностей и от слепого инстинкта»³²⁰.

Вместе с тем Гегель возражает тем, кто игнорирует активность человека, его «субъективность» и рассматривает человека лишь как пассивное существо, как объект воспитания, проповеди, образования, одним словом, как объект внешних воздействий.

Бессилие человека, побудившее его обратиться к богу и искать в нем утешение, — явление временное. Нет ничего неизменного на свете, то же самое и с человеком. Постоянно трудясь «над своим интеллектуальным и моральным совершенствованием», человек в конце концов переделает себя «своей собственной деятельностью»³²¹. В этом у Гегеля нет никакого сомнения.

³¹⁸ Там же. С. 90-91.

³¹⁹ Там же. С. 78.

³²⁰ Там же. С. 48.

³²¹ Там же. С. 81.

В плане выявления истоков изложенного принципа конкретности определенный интерес представляют и другие работы Гегеля, написанные до «Феноменологии духа».

В фрагменте «Первая программа системы немецкого идеализма» (1796 г.) с исторической и критической точек зрения рассматривается уже государство, которое так же, как религия, не соответствует духу времени и противоречит идее свободы. «Государство есть нечто механическое», – заявляет Гегель, – оно не может не рассматривать людей как механические шестеренки, а этого как раз делать нельзя, следовательно, оно должно *исчезнуть*». Он обрушивает критику и на правительство, законодательство, пытаясь разоблачить «до конца все эти жалкие творения рук человеческих»³²².

В «Исторических этюдах» дан превосходный анализ отдельных фрагментов гражданской истории, содержащий элементы конкретного подхода. Обрисовывая черты восточного человека, рассматриваемого в качестве объекта исторического познания, Гегель отмечает, что «характер восточного человека определен раз и навсегда. Он никогда не меняется. Выбрав себе путь, он не отклоняется от него». Над ним довлеют привычка и сила традиции. Отсюда – сплошной догматизм в чувствах, мыслях и в образе жизни. Ему претят противоположности, природу которых он не в силах понять. Где есть необходимость, там нет места случайности и свободе. Точно так же несовместимы отрицательное и положительное. «Мир для него – собрание реальностей и они представляются ему в виде голой противоположности, без собственной души и духа». Но такова ирония судьбы, что восточный человек сам олицетворяет собой единство противоположностей; избегая одних, он вступает в объятия других; *стремясь властвовать над всем*, он оказывается в *покорном подчинении любому рабству*³²³.

В этой работе Гегель близко подходит к пониманию единства противоположностей. Он отмечает переходы «от отрицательного к положительному и от положительного к отрицательному». Победитель, например, – это возможный побежденный, а подчиненный – возможный властитель, говорит он. Субъективное (например, боль), выражаясь внешне (в слезах), становится объективным. Публичная казнь, призванная, по мнению законодателей, предотвратить другие преступления, на деле представляет собой акт произвола и жестокости. Поэтому

³²² Там же. С. 212.

³²³ Там же. С. 214-215.

она порождает новые преступления вместо того, чтобы их предотвратить. Результат получается обратный. «Множество публичных и к тому же жестоких казней способствует одичанию характера народа и тому, что он начинает проявлять равнодушие и к наказанию, и к преступлению»³²⁴.

Интересны рассуждения Гегеля о ходе истории. Правда, ее движущие силы он определяет неверно, идеалистически, апеллируя к отдельным выдающимся личностям. Большинство же людей, по его мнению, «играет роль лишь колесиков машины». Но их влияние на ход истории он не может целиком игнорировать: каждое действующее лицо осуществляет лишь фрагмент исторического действия, последнее же в целом «является результатом многих отдельных действий». Причем «ни у одного из действующих лиц нет сознания действия как целого»³²⁵. Предвосхищая поздние работы, Гегель в «Исторических этюдах» указывает на такой фундаментальный факт, когда результат деятельности людей не всегда совпадает с той целью, которую они преследовали. Поэтому историк, углубляясь в прошлое, не должен ограничиваться голыми результатами; его задача – выявить, как они стали возможны, что «к этим результатам привело».

В 1801 г. в «Тезисах» о диспуте по поводу его диссертации Гегель впервые четко формулирует принцип противоречия, без которого правильное понимание конкретного невозможно: «противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения». В самой же диссертации («Об орбитах планет») он предпринял попытку объяснить движение планет, опираясь на принцип противоречия. Притяжение и отталкивание, центробежные и центростремительные силы, соотношение целого и части невозможно понять, если руководствоваться эмпирическим методом, противопоставляющим их друг другу. Механика, в которой господствует данный метод, до сих пор не может правильно объяснить природу, в частности, свойства материи. Ей чуждо такое понятие материи, согласно которому ее движущие силы находятся в ней же самой, что материя есть «имманентное и внутреннее обоснование противоположных сил». Механическая точка зрения полагает, что материя сама по себе косна и «приводится в движение лишь внешним толчком... Вращаясь, таким образом, в области одних только внешних причин и не возвышаясь до разумного понима-

³²⁴ Там же. С. 227.

³²⁵ Там же. С. 231.

ния природы, она (т.е. механика. – *Авт.*) не может прийти к принципу тождества, которое в самом себе полагает различие»³²⁶. Гегель начинает сознавать преимущество иного, конкретного, диалектического подхода, который учитывает взаимосвязь сторон и частей предмета, а также их развитие.

Серьезный шаг в понимании конкретности как принципа познания сделан в гегелевской работе «О сущности философской критики...».

С точки зрения принципа конкретности или историзма (что одно и то же в применении к истории философии) интересны требования, которые Гегель предъявляет к философской критике. Критика, отмечает он, должна исходить из того, что знание, понятия, науки не стоят на месте, а развиваются. Поэтому «понятие непрестанного изменения и нововведений» необходимо распространить и на философские системы. Иначе нам не понять единство философии и истории философии, единство качественно различных философских систем, которые хотя и кажутся противоположными и несовместимыми, на деле же органически взаимосвязаны как моменты, ступени и формы развития одной, и той же философии. Неправоммерно возводить непроходимую стену между философией и историей философии, между «разумом и его самопознанием».

Критика должна руководствоваться определенным критерием, с позиции которого оценивается та или иная философская система. Он должен соответствовать «самой сути дела», быть ее прообразом. Таким критерием может быть лишь «идея единой философии», которая пронизывает всю историю философии. Любая критика означает «подведение под идею», т.е. выявление философского характера и философского содержания того или иного произведения или учения. После того как обнаружена идея «единой философии», требуется, чтобы критика могла «выяснить вид и степень, с которой эта идея выступает свободно и ясно, а также объем, в котором идея эта развилась до научной системы философии»³²⁷.

Следующее требование касается характера критики. Она не может быть голым отрицанием, «отбрасыванием» или «негативным критицизмом». Критика «должна быть объективной», способной отсеять внешнее, случайное и выявить живое, плодотворное, выражающее в своем развертывании суть дела. От нее требуется, чтобы она могла

³²⁶ Там же. С. 254.

³²⁷ Там же. С. 272.

«очистить шелуху, которая мешает внутреннему стремлению ввысь узреть свет», и выявить «собственную подлинную тенденцию» знания к «совершенной объективности»³²⁸.

Критика не может не учитывать, что объективное содержание учения не всегда совпадает с формой его изложения и с той оценкой, которую оно получает у своего создателя. Каждый философ считает, что его творение – самое оригинальное, истинное, а до него созданные учения – сплошь заблуждения. Ложно понятые «философская свобода, пренебрежение к авторитету и самостоятельность мышления» не позволяют философу «называть себя представителем какой-нибудь уже существующей философии». Поэтому он хочет «возвещать о себе исключительно своей оригинальностью, изобретая непременно собственную и непременно новую систему». В действительности же, отмечает Гегель, каждая система, поскольку она претендует на звание философии, не может возникнуть в стороне от «столбовой дороги культуры», не может быть свободна от всякой традиции. «То собственное, что она создала в пределах этой столбовой дороги, есть особенная форма рефлексий...», которой она и отличается от других систем³²⁹.

Критика должна уметь различать подлинную философию от ее видимости, от псевдофилософских рассуждений, в которых на первый взгляд есть все: название философии, философские термины и понятия, философский стиль мышления, но отсутствует самое главное – внутреннее содержание.

Статья «О сущности философской критики» свидетельствует о том, что Гегель окончательно вступил на путь философии, что отныне (т.е. с начала 1800-х годов) его идеалом и делом всей жизни окажется философия. Он озабочен состоянием философии после Канта, который, ограничив возможности познания, ставит разум «не в конститутивное, а только в регулятивное отношение к знанию». Согласно критической философии, «рассудочные понятия имеют область своего применения только опыт», а «теоретические идеи рассудка лишь запутывают познающий разум в противоречиях». Данное положение Канта использовалось «для того, чтобы в науке отказаться от разума и предаться откровеннейшему эмпиризму»³³⁰. Неудивительно, что на почве

³²⁸ Там же. С. 273.

³²⁹ Там же. С. 273, 274, 275.

³³⁰ Там же. С. 276.

агностицизма и «неуклюжего эмпиризма» процветали субъективизм и формализм. Одним словом, вывод Гегеля неутешителен: философия переживает глубокий кризис. Как его преодолеть? Как выйти из этого положения? Эти вопросы и волнуют мыслителя. Четкого, удовлетворительного ответа у него еще нет, он будет дан в «Феноменологии духа» и «Логике». Пока же имеются предварительные намеки, поиски собственного пути в подлинную философию, которые, однако, очень важны: они ориентируют на путь диалектики, на путь исторического и вместе с тем объективного познания.

Свою зрелую, относительно завершенную форму идея конкретности приобрела в «Феноменологии духа». Здесь она применяется как хорошо продуманный принцип теоретического познания, с помощью которого Гегель прослеживает становление и развитие духа (знания). К этому периоду он освоил лучшие образцы античной диалектики, разобрался в достижениях и упущениях своих предшественников – Канта, Фихте и Шеллинга, тщательно изучил и философски осмыслил наследие классической буржуазной политической экономии, окончательно встал на позиции объективного идеализма. В результате более чем 15-летнего периода философского развития Гегель пришел к точке зрения, что познание есть диалектический процесс, теория познания – сокращенная история познания, «сжатый очерк истории образованности всего мира». Он понял неразрывную связь и взаимообусловленность бытия и мышления, субъекта и объекта, познания и практики. Все эти открытия и достижения, несмотря на идеалистическую интерпретацию, позволили Гегелю обосновать и практически реализовать принцип конкретности.

В «Феноменологии духа» конкретное определяется как *система*, как органическое *целое*, которое, однако, становится таковым лишь как результат развития, а не как нечто данное, готовое. «Истинное есть целое, – пишет Гегель. – Но целое есть только сущность, завершающаяся через свое развитие». Конкретное «по существу *есть результат...* оно лишь *в конце* есть то, что есть оно поистине...»³³¹. Следовательно, определение конкретного как целого, как единства многообразного недостаточно, если не учитывать, что оно становится таковым не сразу, а в ходе и результате своего развития. Поэтому Гегель часто определяет конкретное как *движение, развитие*. Следует подчеркнуть, что в «Феноменологии духа» принцип конкретности реализуется в нераз-

³³¹ Гегель. Соч. Т. 4.

рывной связи с принципом развития, по существу сливаясь с ним, и это придает ему особую методологическую значимость.

Классическую, отчеканенную формулировку принципа развития Гегель впервые дал в предисловии к «Феноменологии духа». В нем подчеркивается поступательность, противоречивость и целостность процесса развития, последнее изображается как отрицание отрицания. Гегель приводит простой, но удачный пример для иллюстрации процесса развития – жизнь растения. «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого»³³².

Сущностной характеристикой конкретного выступает не только то, что оно есть процесс, развитие, но и то, что этот процесс обусловлен им самим, что это имманентный, ничем извне не обусловленный процесс. В этом смысле Гегель подчеркивает, что конкретное мы должны понимать и выразить не только как *субстанцию*, но и как *субъект*. Положение «субстанция – субъект», обоснованное в «Феноменологии духа», удачно выражает идею самодвижения, без которой нет подлинно диалектического понимания развития.

Но, будучи идеалистом, Гегель распространил идею самодвижения лишь на область духовного, на Понятие с большой буквы. Он писал: «Лишь духовное есть то, что *действительно*; оно есть сущность или *в-себе-сущее*, оно есть то, что вступает в *отношения*, и то, что *определено*; оно есть *инобытие* и *для-себя-бытие...*»³³³. Духовное обнимает собой все то, что есть, было и будет. Дух есть сущность и субстанция мира, но не как безжизненная и покоящаяся, а как творящее его начало, как субъект всех его изменений.

В процессе своего развития дух проходит три ступени: субъективный дух, отчужденный от себя дух и абсолютный дух. Критерий этого различения Гегель видит в степени осознания духом самого себя. Как

³³² Там же. С. 2.

³³³ Там же. С. 12.

субъективный, дух имеет о себе абстрактное представление. «Хотя зародыш и есть *в себе* человек, — указывает Гегель, — но он не есть человек *для себя*; *для себя* он таков только как развитый разум, который *превратил* себя в то, что он есть *в себе*». Точно так же дух есть в начале дух лишь в потенции, в возможности, но не в действительности. Чтобы стать действительным, дух «отчуждает себя, а затем из этого отчуждения возвращается в себя, тем самым только теперь проявляется в своей действительности и истине, составляя также достойные сознания»³³⁴.

В этой в целом идеалистической конструкции есть рациональный момент: трактовка отчуждения и его снятия как опредмечивание и распредмечивание, как такую деятельность, содержание которой составляют познание и труд. Заслуга Гегеля состоит в том, что он при определении духа, мышления учитывает роль труда, практики. Применительно к «Феноменологии духа» К.Маркс писал, что в ней «Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека... как результат его *собственного труда*»³³⁵. Известно и высказывание В.И. Ленина, касающееся уже «Логики»: «Замечательно: к «идее» как совпадению понятия с объектом, к идее как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека»³³⁶.

При этом К.Маркс и В.И. Ленин, разумеется, стремились, «материалистически прочесть Гегеля», т.е. обращали внимание на «рациональное зерно» его учения, на поиски, стремления и запросы в нем, хотя учитывали также слабости Гегеля в понимании труда, связанные с его идеализмом.

На основе всего сказанного можно дать развернутое определение конкретного, соответствующее содержанию «Феноменологии духа». Конкретное — это духовное, находящееся в движении и развитии, в процессе которого оно создает не только образы сознания или знание, но также природу и общество со всеми присущими им атрибутами. Конкретное — это самое богатое и субъективное как в силу того, что оно есть результат всего процесса развития, его субстанциальное

³³⁴ Там же. С. 11, 19.

³³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 158-159.

³³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 173.

содержание, так и в силу того, что это развитие обусловлено его же собственной деятельностью. Постигание конкретного предполагает его историческое и логическое рассмотрение, выявление исходного начала в форме противоречия и последовательное прослеживание роста, развития и разрешения этого противоречия.

Знание, по мнению Гегеля, не есть нечто данное и готовое.

Его нельзя представлять также как априорное или врожденное. Чтобы стать знанием в собственном смысле слова, оно должно было совершить трудный и длинный путь, который нельзя иначе проследить и воспроизвести, как только путем его исторического рассмотрения.

Выступая против догматической точки зрения, характерной для Шеллинга, Гегель отмечает, что он ограничивается *готовыми результатами*, добытыми как бы сразу, без особого затруднения, словно «выстрелом из пистолета». Между тем важен не результат сам по себе, ибо результат, если его рассматривать как голый результат, есть «труп, оставивший позади себя тенденцию». Результат должен быть понят «вместе со своим становлением». Путь, пройденный целым, – вот на что должно быть обращено внимание науки. В нем – лишь ключ к пониманию предмета, его сущности, его связей и тенденций дальнейшего движения. Необходимо оживить мертвый результат, вдохнуть в него жизнь и с высоты его теперешнего состояния обозреть все предшествующие этапы его движения и развития. Это очень сложный и трудный путь, но другого выхода у науки нет. «Самое легкое – обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее его постичь, самое трудное – то, что объединяет и то и другое, – воспроизвести его»³³⁷.

Гегель уверен не только в том, что объяснение предмета должно быть историческим, нацеленным на реальную историю предмета. Он уверен и в том, что само это историческое объяснение не может не быть логическим, т.е. отображением истории предмета в исправленном, очищенном и преобразованном виде.

Нужно сказать, что Гегель учитывает различие исторического и логического как определенных форм познания. Историческое, по его мнению, характеризует становление «единичного наличного бытия, некоторого содержания со стороны его случайности и произвола, его определений, которые не необходимы». Логическое же выражает «становление сущности или внутренней природы дела». Различие ис-

³³⁷ Гегель. Соч. Т. 4. С. 2, 3.

торического и логического, однако, нельзя абсолютизировать, потому что в сущности своей они суть единое целое. И не только в познании. «Внутреннее возникновение или становление субстанции есть прямо переход во внешнее или в наличное бытие, в бытие для другого, и, наоборот, становление наличного бытия есть возвращение в сущность. Движение есть двойной процесс...»³³⁸.

Совпадение исторического и логического в «Феноменологии духа» обеспечивается тем, что она изображает историю познания в очищенном, освобожденном от всех несущественных частных и зигзагов виде. В ней прошлое воспроизводится только в общих чертах; сохраняются лишь те моменты, которые составили определенную эпоху в развитии духа (знания). «В духе, который стоит выше другого, более низкое конкретное наличное бытие низведено до незаметного момента; то, что раньше было самой сутью дела, остается только в виде следа...»³³⁹.

Логическое в указанном произведении движется параллельно с историческим, всецело совпадая с его существенным содержанием. Недаром Энгельс называл «Феноменологию духа» «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием»³⁴⁰. Именно единство логического и исторического позволило Гегелю избежать эмпиризма даже там, где последний, казалось бы, господствует всюду – в мире обыденного сознания. Проводимый сознанием опыт и его феноменологическое изложение от начала до конца пронизаны критическим отношением к представлениям, мнению, рассудку, к данными частных наук и т.д. Феноменологический анализ, таким образом, оказывается историко-генетическим, критическим анализом.

Необходимость исторического подхода к познанию Гегель объясняет и теми трудностями, с которыми столкнулась философия и из которых она без помощи историзма не может выбраться. Серьезный критический анализ состояния дел в области философии убеждает мыслителя в том, что она переживает глубокий кризис, затрагивающий ее суть – методологию. Философия не уяснила себе свои собст-

³³⁸ Там же. С. 21, 22.

³³⁹ Там же. С. 14-15.

³⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 278.

венные задачи, свой специфический предмет и метод его постижения. Из этого кризиса ей никак не выбраться, пока она «полностью не уяснит себе своей собственной природы»³⁴¹, а это она может сделать опять же только с помощью историзма.

Говоря о кризисе философии, Гегель имеет в виду то, что она тогда (т.е. до конца 18 в.) была расщеплена на самостоятельные части, которые сами по себе претендовали на звание философии. Онтология, логика, гносеология, космология, рациональная психология, естественная теология – далеко не полный перечень существовавших философий.

Согласно одной – онтологической – точке зрения, философия есть и должна быть наукой о природе, о внешнем мире. Чем же тогда она отличается от физики, механики или космологии, – этот вопрос остается невыясненным. «Онтологи» упускают из виду или просто игнорируют вопросы, касающиеся познания, постижения истины. Всякое знание, включая философское, при этом рассматривается как знание с внешним, об объекте, существующем вне и независимо от субъекта. Гегель отнюдь не считает эту точку зрения нелепой. Он понимает, что она выражает собой исторический факт. Но со временем, по мере развития философии и других наук, она должна была оказаться несостоятельной.

И это раньше всех поняли Кант и Фихте, которые выступили против этой, как казалось им, «догматической» точки зрения и повернули философию в сторону познания и сознания. Специфику философии Кант видел в том, что она изучает познание, его возможности и границы. Познание при этом рассматривалось как субстанциальное, автономное явление. Только так оно становится предметом философии, нацеленной на предельные основания, субстанцию вещей. «Гносеологизм» подобно «онтологизму» также впадал в крайности. Отбросив внешний мир, «вещь в себе», это направление в лице Фихте погрязло в субъективизме и формализме. Как крайности обе точки зрения несостоятельны, хотя они имели оправдание в свое время.

Где же выход? В каком направлении должна развиваться философия, чтобы преодолеть указанные односторонности? Ответ на эти вопросы Гегель ищет на пути анализа всей истории философии. Спрашивается, могла ли онтология быть «чистой», свободной от гносеологии? Или наоборот: могла ли гносеология обойтись без онтологии?

³⁴¹ Гегель. Соч. Т. 4. С. 8.

Гегель отвечает: нет, ибо философия, которая игнорирует проблемы бытия или же проблемы мышления, была бы уже не философией, а одной из специальных наук. В философском знании, считает он, отображено отношение мышления к бытию; значит в нем отображены и мышление и бытие, но только не в оторванности друг от друга, а в единстве, тождестве.

Эта точка зрения впервые была высказана молодым Шеллингом в положении: «абсолютное тождество субъекта и объекта». Однако он лишь выдвинул этот принцип, но не обосновал и не развил его в целостную систему. Шеллинг правильно ухватил суть философии, ее специфику, но пытался выразить ее нефилософским способом. Знание, отображающее тождество субъекта и объекта, – это понятие, и только в нем «кистина обладает стихией своего существования»³⁴². Шеллинг же уповает на «интеллектуальную интуицию», т.е. на нечто такое, что противоположно по своей природе понятию. Выходит, говорит Гегель по этому поводу, что у него «абсолютная действительность» изображается «недействительным образом».

Шеллинг полагает, что тождество субъекта и объекта – факт общеизвестный, очевидный, не требующий особого доказательства и обоснования. Достаточно лишь «непосредственного созерцания» этого факта, для чего и привлекается «интеллектуальная интуиция». Гегель резко возражает против этой некритической, догматической точки зрения. «Известное вообще – от того, что оно *известно*, еще *не познано*. Обыкновеннейший самообман и обман других – предполагать при познании нечто известным и довольствоваться этим», – пишет Гегель³⁴³.

В противовес Шеллингу он уверен в том, что все положения и принципы науки должны быть всесторонне обоснованы и доказаны, и ничто в науке не должно быть воспринято на веру. Философия – не математика и аксиомы в ней неуместны. Как же наука решает эту задачу? Лишь единственным путем, отвечает Гегель, генетическим выведением понятий и принципов науки из анализа всей предшествующей ее истории. В этой связи он также подчеркивает необходимость исторического подхода. Каждое положение, каждое понятие науки должны быть выведены с учетом места и времени, при которых они стали достоянием науки. Поэтому тождество субъекта и объекта следует

³⁴² Гегель. Соч. Т. 4. С. 3.

³⁴³ Там же. С. 16.

рассматривать не как предпосылку науки, от которой следует отталкиваться, а как ее вывод и резюме. Доказательство его, следовательно, состоит в том, чтобы воспроизвести долгий, сложный и противоречивый путь взаимодействия субъекта и объекта. Прежде чем строить науку, исходящую из тождества мышления и бытия, субъекта и объекта (т.е. науку логики), необходимо предварительно исследовать и обосновать данный принцип. Эта задача решается в «Феноменологии духа». Затем в «Логике» прослеживается и воспроизводится развитие, развертывание этого принципа (понятия) до целостной системы.

Тождество противоположностей в понимании Гегеля означает не их безразличие, индифферентность по отношению друг к другу. Оно не есть также «бесформенное повторение одного и того же», и нельзя выдавать тождество субъекта и объекта «за ночь, в которой, как говорится, все кошки серы». Это – тождество конкретное, в котором противоположности представлены в снятом виде. Значит, оно дано в процессе, а не сразу, и необходимо показать это становление, что и сделано в «Феноменологии духа».

Логика же, в форме которой, по мнению Гегеля, в дальнейшем должна развиваться философия, предполагает освобождение от противоположности сознания и его предмета, мышления и бытия. Дело не в том, что логика представляется Гегелю «чистой наукой», не обремененной чуждым ей материалом, взятым из созерцания и представления. Дело в том, что логика имеет дело с понятием, которое не есть нечто априорное или врожденное, а есть вывод и резюме познания. В понятии же объект и субъект тождественны, развиты до единства, иначе оно не было бы понятием в подлинном смысле слова. Дело заключается, далее, в том, что Гегель предпослал логике «Феноменологию духа», в которой сознание (знание, дух) представлено «в его поступательном движении от первой непосредственной противоположности между ним и предметом до абсолютного знания. Этот путь проходит через все формы *отношения сознания к объекту* и имеет своим результатом *понятие науки*. Это понятие, следовательно – не нуждается здесь (т.е. в логике. – Авт.) в оправдании, так как оно его получило уже там...»³⁴⁴.

В отличие от Канта, Фихте и Шеллинга, Гегель не считает науку (логику) заранее данной и готовой, а пытается выяснить ее истоки, теоретические предпосылки. Логика – это наука, в которой развиты самосознание, рефлексия. Разумеется, данную ступень своего развития

³⁴⁴ Гегель. Наука логики. Т. 1. С. 101.

философия не могла достигнуть сразу. Она прошла долгий и сложный путь развития от знания о внешнем, объективном до знания о самой себе, до постижения своей природы. Первоначально она охватывала все возможные знания, олицетворяя собой «любовь к мудрости». Теперь же ей предстоит стать «действительным знанием», строгой и самостоятельной наукой.

Таковой она становится не как «чистая» онтология или гносеология, оторванные друг от друга; а как *логика*, объединяющая и то и другое. Философия как логика изучает не вещи, а смысл, суть, понятие вещей, иначе – в материалистическом истолковании – законы их движения и функционирования. Значит в ней в центре внимания окажется вопрос о методе как методе всякой науки.

Между тем этот вопрос – наименее разработанный в философии. Поэтому упомянутый выше кризис философии можно охарактеризовать и как *методологический*. Именно эта сторона прежних учений больше всего не удовлетворяет Гегеля. Он прямо заявлял, что философия еще не нашла своего метода, который своим движением олицетворял бы «ритм органического целого».

Слабая разработка проблемы метода была обусловлена рядом причин. Во-первых, сказались субъективизм и формализм в понимании природы метода, приверженцы которых рассматривали субъективное и объективное, содержание и форму в отрыве друг от друга, односторонне, метафизически. Это приводило к игнорированию основного требования науки – объективности рассмотрения. Во-вторых, Кант, Фихте и Шеллинг рассматривали метод как нечто готовое, данное, как внешнюю схему, извне накладываемую на содержание. Тем самым метод отрывали от реального процесса познания и его истории. В-третьих, сама философия тогда еще не разобралась в самой себе и не выявила своего собственного метода. Поэтому «она смотрела с завистью на системное построение математики и... заимствовала у нее ее метод или обходилась методом тех наук, которые представляют собой лишь смесь данного материала, исходящих из опыта положений и мыслей, или выходила из затруднения тем, что просто отбрасывала всякий метод»³⁴⁵.

Автор «Феноменологии» не ограничился простой констатацией кризиса философии и критикой своих предшественников по методологическим вопросам. Он разработал и успешно применил в анализе сознания (знания) «образчик нового диалектического метода».

³⁴⁵ Там же. С. 107.

Опираясь на диалектику, он реализовал широкую программу реконструкции всего философского наследия, наметил направление его дальнейшего развития.

Оригинален замысел «Феноменологии духа». В ней прослеживается не только история философии. Последняя рассматривается в тесной связи с религией, моралью, искусством и другими формами общественного сознания. При этом учитывается генетическое родство философии с частными науками, со всей культурой, а также с обыденным сознанием. Философия, подчеркивает Гегель, не является в мир в готовом виде, как Минерва из головы Юпитера. Она становится, формируется, вызревая в недрах обыденного сознания, проходя затем ступени рассудка и разума.

Как отмечалось раньше, Гегель исходит из единства духовного и материального и обогащает анализ интеллектуальной истории человечества интересными и глубокими соображениями о материальной культуре общества, о развитии экономики, промышленности, техники, а также трудовой деятельности человека.

В «Феноменологии духа» он сравнивает, сопоставляет развитие индивида и развитие рода (индивидуального сознания и общественного сознания) и приходит к выводу, что развитие индивида воспроизводит в общих чертах развитие рода. «Отдельный индивид должен... пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выровненного»; образование и воспитание индивида «состоит в том, что он добывает себе то, что находится перед ним, поглощает в себя свою неорганическую природу и овладевает ею для себя».

Субстанцию отдельного индивида, его «неорганическую природу» составляет, таким образом, мир знания, культуры, мир вещей, созданных людьми и для людей.

Сама субстанция не есть нечто покоящееся, безжизненное. Она также развивается и становится субъектом. «Со стороны же всеобщего духа как субстанции образование означает только то, что эта субстанция сообщает себе свое самосознание, т.е. порождает свое становление и свою рефлексию в себя»³⁴⁶.

Ступени становления духа, его образования таковы: а) *чувственное, непосредственное познание* (сюда же входят обыденное сознание,

³⁴⁶ Гегель. Соч. Т. 4. С. 15.

опыт или эксперимент); б) *рассудок* (тут преимущественно представлены частные науки); в) *разум* (теоретическое познание).

У истоков науки, по мнению Гегеля, лежит *опыт*. Весь первый раздел «Феноменологии духа», посвященный исследованию отношения сознание – предмет, представляет собой изложение опыта, проводимого сознанием над предметом и над самим собой, в результате которого возникает определенное знание. Опыт служит критерием чувственного познания.

Опыт, однако, функционирует лишь на низших ступенях познания и играет роль «раздражителя», побуждающего философию к деятельности. Дальнейший ход познания «снимает» опыт и очищает путь для рассудка – господствующей форме мышления в частных науках.

Частные науки, на первый взгляд, имеют дело с материалом, который предполагается в качестве лишь непосредственного и преднайденного, поставленного друг возле друга и, значит, вообще случайного многообразия. Это так, отмечает Гегель, если не учитывать тенденцию их развития. В действительности же эмпирические науки не ограничиваются наблюдением и описанием единичных явлений. С помощью мысли они «обрабатывают материал: отыскивая всеобщие определения, роды и законы, они готовят, таким образом, содержание особенного к тому, чтобы оно могло быть включено в философию». Далее «они понуждают само мышление перейти к этим конкретным определениям».

Философия, со своей стороны, снимает застывшие результаты рассудка, включает их в общий процесс поступательного движения познания и «сообщает этому содержанию форму свободного развития» мысли, «определяемого лишь необходимостью самого предмета»³⁴⁷. Так осуществляется взаимосвязь философии и частных наук.

Прослеживая историю взаимоотношения философии и специальных наук, Гегель отмечает, что между ними не всегда существовал тесный контакт. Естествознание, ограничиваясь эмпирическим материалом, игнорировало абстрактное мышление, логику и впадало вследствие этого в «неуклюжий эмпиризм». А философия, страдая той же односторонностью, оставалась в сфере умозрительной спекуляции. В период создания «Феноменологии духа» Гегель ищет пути их сближения. И находит их; находит с помощью исторического подхода, рассматривая познание как *процесс*.

³⁴⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 98.

Необходимость же единства философии и частных наук объясняется следующим образом. Науки, как всякое явление на свете, постоянно находятся в движении и развитии. Иначе они угаснут. Откуда же науки получают импульс к движению? От понятия, которое исходит от философии. С другой стороны, философия сама обращается к частным наукам и получает от них предметное содержание. Послушаем самого Гегеля: «Философия ведь действительно царица наук благодаря как своим собственным свойствам, так и взаимодействию с другими науками, а также тому, что от нее как от науки, сущность которой – понятие, исходит подвижность, сообщающаяся другим наукам; благодаря всему этому философия получает от других наук полноту своего содержания и со своей стороны побуждает их компенсировать отсутствие у них понятия. Но при этом сама философия испытывает от них побуждение к тому, чтобы избавиться от недостатков абстрактного мышления»³⁴⁸.

Гегель вместе с тем подчеркивает приоритет философии перед другими науками. Он заявляет, что «все, что в каком-нибудь знании и в какой-нибудь науке считается истиной и по содержанию, может быть достойно этого имени только тогда, когда оно порождено философией; что другие науки, сколько бы они ни пытались рассуждать, не обращаясь к философии, они без нее не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной»³⁴⁹.

Философия, по твердому убеждению Гегеля, может и должна указать другим наукам руководящую теоретическую нить исследования, и это она может сделать опять же потому, что живет не только настоящим, но и прошлым: вся история познания органически входит в изучаемый ею предмет.

Исторический подход к познанию, таким образом, позволил установить генетическую, необходимую связь между различными отраслями знания, представить их как ветви единой, целостной системы знания. Конкретное знание, которым обладает философия (наука логики), это – не дар божий, а результат, резюме, итог всей истории познания. «Лишь на основе более глубокого знания других наук логическое возвышается... не только как абстрактно всеобщее, но и как всеобщее, охватывающее собой также богатство особенного»³⁵⁰. Такое всеобщее и составляет предмет науки логики.

³⁴⁸ Гегель. Работы разных лет. Т. 2. С. 248.

³⁴⁹ Гегель. Соч. Т. 4. С. 37.

³⁵⁰ Гегель. Наука логики. Т. 1. С. 112.

Таким образом, философское познание, обогатившись «итогами опыта наук», «существенным содержанием всех иных знаний», «поднимается выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию» и становится на путь развития «изсамого себя»³⁵¹. Так «Логика» оказывается выводом «Феноменологии духа», в которой прослеживаются логические, гносеологические и исторические предпосылки становления философии как подлинной науки.

Как уже отмечалось, Гегель пытается выяснить природу, сущность знания. Но сущность не дана в готовом виде, она формируется. Поэтому вопрос «что такое знание» расшифровывается и так: «как оно возможно, как оно возникает». Отсюда задача – «знание должно быть показано лишь в своем становлении», генезисе.

Знание Гегель рассматривает как субстанциальное явление, способное к имманентному развитию. Поэтому необходимо вскрыть внутренний источник его развития, т.е. показать раздвоение сознания на «знание» и противостоящий ему «предмет». «Существующее в сознании неравенство между «я» и субстанцией, которая есть его предмет, составляет их различие, *негативное* вообще. Его можно считать *недостатком* и того и другого, но оно есть их душа, т.е. то, что приводит их в движение...»³⁵².

Рассмотрение знания Гегель начинает с его простейшей формы, с чувственного, непосредственного знания. Можно даже сказать, что начинает, по существу, с незнания, иллюзии, мнения и показывает, как постепенно дух с помощью проводимого им опыта освобождается от них и приходит к знанию, истине.

Обыденное сознание полагает непосредственное знание самым богатым и конкретным знанием. Для него оно имеет видимость подлинного знания, поскольку предмет, который оно представляет, находится перед ним во всей своей полноте. Так ли это на самом деле? – спрашивает Гегель. Это можно проверить путем анализа определений, присущих чувственному сознанию. В итоге выясняется, что оно обладает самым бедным и абстрактным знанием. В самом деле, непосредственное знание фиксирует лишь то, что нечто есть, существует, обладает бытием. Существует так, как мы его видим в данный момент. Его определения: «это», «этот» и «я» – самые абстрактные и потому приложимые ко всему и всегда определения.

³⁵¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 96, 97.

³⁵² Гегель. Соч. Т. 4. С. 19.

Каков же предмет чувственной достоверности? Последняя воспринимает его как непосредственно сущий и представляет в форме сущности, в форме истинного. «Предмет *есть* истинное и сущность; он *есть*, безразлично к тому, знают ли его или нет; он остается и тогда, когда его не знают; но знания нет, если нет предмета»³⁵³. Казалось бы, так и надо подходить к предмету, отбросив всякие предвзятые мнения. Но нет, Гегель убежден в другом: как в первом случае со знанием, воспринимаемым как богатое и конкретное, так и здесь – в отношении предмета – чувственная достоверность ошибается – не таков ее предмет. На вопрос «что такое предмет?» – сознание отвечает: предмет – вот это, то, что перед нами, что мы видим, слышим, на что можем указать пальцем, как на *тот*, который *здесь*, а не тот, что там, *теперь*, а не тот, что тогда. Сознание и здесь выдает свои определения («этот», «это», «теперь», «здесь») за самые конкретные. Что же есть *это*, на которое указано? «Это» – то, оказывается, трудно определить. На него можно только указать, как на то, что теперь, что здесь и т.д. Например, теперь – это ночь. Хорошо, зафиксируем это положение. Но когда мы повторим вопрос в другое время, услышим: теперь – это день. Где же истина? Она «выдохлась».

То же самое получается при рассмотрении другого определения «этого» – «здесь». Здесь, например, мы видим дом. Повернувшись, мы видим уже не дом, а дерево. Что же остается в этом движении сознания от одного определения к другому? Только сами эти определения: здесь, теперь, это, с помощью которых невозможно понять особенности предмета, которые суть, поэтому, не конкретные, а самые абстрактные, бедные определения. А предмет, который мы пытались понять с помощью органов чувств, исчезает, оказывается неопределенным, абстрактным. Чувственная достоверность, следовательно, не приближает нас к предмету; наоборот, отдаляет от него.

Вначале казалось, что достоверность исходит от предмета и сознание апеллировало к нему как к своему критерию. Теперь же мы видим, что предмет исчез, растворился. На что же может сознание теперь опереться? На само знание, вернее, на я как субъект познания. Истина чувственной достоверности, отмечает Гегель, содержится в предмете, но не как объективном, существующем вне и независимо от субъекта, а в предмете, как в предмете, принадлежащем ему. Иначе: чувственная достоверность мнит, что предмет есть потому, что я (субъект) его знает.

³⁵³ Там же. С. 52.

Рассматривая «я», которое видит, слышит и от которого исходят определения предмета, мы сталкиваемся с той же диалектикой, описанной нами выше. «Я», «этот» вижу дерево и *утверждаю*, что *дерево* это «здесь»; но *другой* «я» видит дом и утверждает, что «здесь» – это не дерево, а дом. Обе истины удостоверяются одним и тем же – непосредственностью видения, но по существу отрицают друг друга.

Что же здесь остается? Остается «я», которое есть все «я», все возможные люди. Точно так же, как раньше всеобщими, неопределенными оказались «теперь», «здесь», «это», тут всеобщим оказывается «я». Значит и «я» не спасает положения. Чувственная достоверность вытесняется и из этого своего убежища.

Путем такого перекрестного анализа Гегель показывает относительность и абстрактность чувственного познания. Истина чувственной достоверности заключается единственно в бытии вещи. Она правомерна лишь в момент видения, слышания, лишь в рамках непосредственного знания, существенного для нее. Указание, показывание – вот ее основные аргументы.

Когда же чувственная достоверность, не ограничиваясь указанием, пытается определить предмет с помощью доступных ей определений («здесь», «теперь», «это», «я» и т.д.), то она покидает почву непосредственности, отрицает сама себя. Она выражает общее, хотя имеет дело с единичным. Органы чувств информируют нас об единичном, но в словах, в языке мы выражаем только общее. «Это», «здесь», «теперь» и т.п. определения справедливы для всех предметов и явлений. Все есть «это», все есть «я», все есть «здесь» и «теперь».

Познание неизбежно начинается с того, что дают нам органы чувств, – с чувственной достоверности. Ничего ущербного в этом нет. Но нельзя выдавать непосредственное знание за окончательную истину.

Познание не застревает на этой ступени, а продвигается вперед. Этому способствует то, что оно внутренне противоречиво. В нем сталкиваются, отрицают и обуславливают друг друга противоположности: единичное и общее, бытие и небытие, абстрактное и конкретное, предмет и знание и т.д. Другими словами, отношение «сознание – предмет» не есть нечто застывшее и мертвое, а есть «некоторое движение, которому присущи различные моменты»³⁵⁴.

³⁵⁴ Там же. С. 56.

Познание в дальнейшем углубляется в основание предмета, стремится за бытием обнаружить сущность. Сознание тут приобретает форму *восприятия*.

Если чувственная достоверность показывает вещи лишь в их непосредственности, то восприятие стремится постичь их связи. Данные ощущения, обоняния, вкуса, зрения, слуха и осязания оно пытается свести воедино, чтобы иметь целостное представление о предмете.

После того, как установлено бытие вещи (нечто есть, существует), познание приступает к анализу конкретных форм бытия. Другими словами, на уровне восприятия сознание имеет дело не с предметом «вообще», а с определенным предметом, выделенным из круга других предметов. Такова, например, вещь с многообразием ее свойств. Вещь представляется Гегелю первой элементарной формой предметности, с которой сталкивается человек на каждом шагу. К тому же она выступает своеобразным звеном, ведущим к целому как единству многообразного.

Как же осуществляется познание вещи?

Предмет представляется восприятию как нечто индивидуальное, единичное. Поэтому восприятие и фиксирует вначале такие черты, которыми он отличается от других предметов. Но вскоре обнаружится, что предмет обладает и такими чертами, свойствами, которые характерны и для других предметов. Это вынуждает сознание выйти за пределы единичности.

Предметную сущность оно теперь воспринимает как некоторую общность вообще. Но в дальнейшем всплывает *определенность* свойства, что означает его противоположность другим свойствам. В таком случае неверно представление о предметной сущности как некоторой общности. Определенность свойства заставляет нас рассматривать сущность как исключаящее «одно», индивидуальность. Таким образом, мы пришли к исходной позиции. Но этот возврат к прежней точке зрения нельзя понимать как топтание на месте. «Сознание, — указывает Гегель, — необходимо проходит опять по этому кругу, но вместе с тем проходит иначе, чем в первый раз»³⁵⁵. Результаты отдельного опыта не отбрасываются совсем, а сохраняются и обогащают познание.

Сознание и на этой ступени начинает с того, что исходит от предмета, но впоследствии, убедившись в относительности определений предмета, приходит к самому себе, как к критерию, которым опре-

³⁵⁵ Там же. С. 64.

деляется содержание знания. Оно начинает воображать, что именно оно – сознание – обуславливает то, что вещь в наших глазах «распадается» на ряд определений: «одно» и «многое»; «индивидуальность» и «всеобщность» и т.д. Сознание мнит, что многообразные и противоположные определения предмета объясняются не сложной, противоречивой природой предмета, а лишь изменением собственной точки зрения.

Когда сознание еще не отделяло себя от предмета, тогда ему казалось, что его определения объективны, отражают предмет. Гегель находит эту точку зрения наивной, характерной для неразвитого сознания. Когда же сознание «не просто воспринимает, а сознает также свою рефлексию в себя и отделяет ее от самого простого постижения», тогда оно полагает, что определенности предмета исходят от него, от сознания, и что, следовательно, они субъективны. Например, «эта вещь – белая только в наших глазах, а также острая – на наш вкус, а также кубическая – на наше осязание и т.д. Все разнообразие этих сторон мы берем не из вещи, а из себя...»³⁵⁶.

И та и другая точки зрения односторонни и как таковые несостоятельны, хотя они исторически обусловлены. К таким крайностям, – по мнению Гегеля, прибегали представители материализма и субъективного идеализма.

Возражая субъективным идеалистам, Гегель подчеркивает, что вещь есть белая не потому, что глаза так воспринимают ее и на этой основе субъект находит ее таковой, а потому, что она белая по сравнению со своей противоположностью – с черным. Точно так же вещь есть «одно» именно в силу того, что она сама противопоставляет себя другим вещам. Вещь индивидуальна, неповторима не потому, что она так воспринимается субъектом, а в силу своей определенности, благодаря чему она и выделяется сама и исключает другие. «Следовательно, – заключает Гегель, – вещи сами суть в себе и для себя определенные вещи; они обладают свойствами, которыми они отличаются от других вещей... Следовательно, поистине сама вещь – белая, а также кубическая, а также острая и т.д.»³⁵⁷.

Возражая же материалистам, Гегель отмечает, что объективность предмета нельзя понимать так, что сознание представляет собой «пассивную среду, сквозь которую проникает к нам свет истины», а актив-

³⁵⁶ Там же. С. 64-65.

³⁵⁷ Там же. С. 65.

ность присуща лишь внешним предметам. В действительности субъект в процессе познания не оставляет вещь «в том виде, в каком она есть для себя, а, напротив, формирует и изменяет ее»³⁵⁸. Сознание и предмет взаимно определяют друг друга. Изменение предмета приводит к тому, что изменяется содержание знания, последнее становится более полным и богатым; развитие же знания обуславливает появление нового предмета, более сложного и богатого свойствами.

На первый взгляд кажется, что Гегель здесь преодолевает односторонности материализма и субъективного идеализма; его позиция представляется последовательной и диалектической. Это верно, но отчасти. Дело в том, что Гегель критикует указанные точки зрения с позиции объективного идеализма. Говоря о предмете, которому должно соответствовать знание, он имеет в виду не материальный, объективно-реальный предмет, а само знание, которое, отчуждаясь от себя, приняло форму предмета. Предмет, возникший вследствие изменения знания, сам по существу принадлежал этому знанию.

Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» указывал, что у Гегеля «предмет есть только видимость предмета, некое марево, а по своей сущности есть не что иное, как само знание...»³⁵⁹.

Анализируя вещь и ее свойства, Гегель учитывает происходящие в ней изменения и ее развитие. Он анализирует также отношение вещи к самой себе и к другим вещам, в которых она предстает как сложное и противоречивое образование, чем и объясняются трудности познания вещи.

Вещь обладает многообразными свойствами. Та или иная наука (та или иная форма сознания) рассматривает ее с определенных позиций и выделяет в ней определенное свойство как наиболее характерное для нее. Другие свойства при этом останутся в тени. Но другая форма сознания по-иному оценит вещь, признавая существенными в ней уже другие свойства. В результате единая вещь распадается на ряд свойств, существенных и несущественных. К первым относятся те, которые обнаруживаются в отношениях вещи к познающему ее субъекту, ко вторым же – те, которые обнаруживаются в отношениях вещи к другим вещам. Существенные свойства вещи характеризуют ее *бытие-для-себя*, а несущественные – ее *бытие-для-другого*. Но, поскольку сознание на ступени восприятия еще не имеет в себе критерия для

³⁵⁸ Там же. С. 41.

³⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 165.

различения существенного свойства от несущественного (существенное в одном отношении несущественно в другом), постольку оно не может постичь сущность вещи. Больше того, вещь исчезает перед ней, погибает. Это означает, что вещь отождествляется с каким-либо из ее свойств, которое потом оказывается преходящим.

Абсолютизация свойства и отождествление его с качественной определенностью вещи основаны на том, что в самой вещи ее свойства имеют самостоятельный характер и относятся друг к другу безразлично. «Каждое свойство, – пишет Гегель, – само есть простое *соотнесение себя с собою*». Но самостоятельность свойства нельзя абсолютизировать: «Если бы эти многие определенные свойства были безусловно безразличны [друг к другу] и если бы они соотносились исключительно только с самими собою, они не были бы *определенными* свойствами, ибо они таковы лишь постольку, поскольку они *различаются и соотносятся с другими* свойствами как с противоположными»³⁶⁰.

Восприятие не ограничивается характеристикой вещи со стороны многообразия ее свойств и стремится постичь ее целостность. Правда, эта целостность воспринимается им как привнесенная в вещь извне, т.е. самим сознанием. Восприятие не может справиться с диалектикой вещи, с тем, что последняя внутренне противоречива. Поэтому оно вынуждено отрывать и противопоставлять друг другу определения, которые выражают единство вещи. При этом «противоречие, которое вообще имеется в предметной сущности, распределяется между двумя предметами», тогда как в действительности вещь «в самой себе... заключает некоторую противоположную истину»³⁶¹.

Переход сознания от чувственной достоверности к восприятию Гегель изображает как шаг вперед в понимании им природы предмета, а через него – шаг вперед к самому себе, поскольку предмет постепенно утрачивает чувственно осязаемый, следовательно, внешний характер по отношению к сознанию. Восприятие снимает *единичность* вещей, *идеально* полагает ее и тем самым отрицает *внешность* отношения предмета к «я». Вследствие этого открывается возможность вхождения «я» во внутрь себя самого, которое, однако, воспринимается сознанием «как углубление в объект»³⁶².

³⁶⁰ Гегель. Соч. Т. 4. С. 62.

³⁶¹ Там же. С. 66-67.

³⁶² Там же. Т. 3. С. 211.

Предыдущий опыт показал, что предмет, рассмотренный с различных сторон в разных отношениях и связях, оказался снятым во всех этих определенностях. Как конкретная вещь, представленная в пространстве и времени, предмет преходящ и конечен. Что же остается в нем в качестве его непреходящей основы? Понятие, мысль, — отвечает Гегель. Анализом вещи с этой ее стороны занимается уже другая форма сознания — *рассудок*.

Отталкиваясь от результата восприятия, рассудок рассматривает вещь как нечто изменяющееся и преходящее, как *явление*. Но явления нет без являющегося, без того внутреннего, которое сохраняется в своих проявлениях. На это внутреннее, т.е. на *сущность* или *субстанцию*, как раз и нацелен рассудок, который, однако, воспринимает это внутреннее не как сущность, а как *силу*, которой обуславливается и порождается явление. *Отношение сущность-явление* на уровне рассудка предстает как отношение *сила и ее проявление*.

Одна сила, воздействуя на другую, вызывает обратную реакцию, т.е. удваивается. Так складывается непосредственное поле деятельности для рассудка — *игра сил*. Гегель отмечает, что «у этих сил нет собственных субстанций, которые были бы их носителями и сохраняли их». Рассудок полагает, что сила действительна лишь в своем внешнем проявлении, но в последнем акте она снимает сама себя. Тогда рассудок прибегает к другому противоположному выводу, признавая действительной силой ту, которая оттесняется из внешнего проявления обратно в себя. Но последняя на деле оказывается лишь отражением внешнего проявления, его рефлексией. «Истина силы остается, следовательно, только *мыслью* о ней; и моменты ее действительности вместе с ее субстанциями и с ее движением, будучи лишены опоры, сваливаются в некоторое неразличимое единство, которое не есть оттесненная обратно в себя сила (ибо последняя сама есть только такой момент), а есть ее *понятие как понятие*»³⁶³.

Сила в своем внешнем проявлении — это лишь явление, с которым имеет дело чувственность. Игра сил — это мир явлений. Познание интересуется тем, что скрывается за явлением. Например, идет дождь. Это — явление. Но что это за явление? Напрашивается ответ: это — проявление какой-то силы, это — стихия природы. Обыденное сознание не выходит за пределы подобного объяснения; наука же вскрывает причину такого явления, обнаруживая силу, которая вызвала его. Так

³⁶³ Там же. Т. 4. С. 76-77.

Гегель знакомит нас с еще одним образом сознания – с понятием *закона*.

Закон характеризуется им как нечто конкретное, различенное внутри самого себя. Сущность закона «состоит в *неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи различных определений*. Так, закон с необходимостью связывает с *преступлением наказание*; преступнику это последнее может, правда, казаться чем-то ему чуждым; однако, в понятии преступления по самому существу подразумевается уже его противоположность, наказание»³⁶⁴. Рассудочное сознание, по Гегелю, лишь фиксирует момент единства, не постигая, однако, это единство как конкретное. Последнее доступно лишь разуму.

Закон, далее, выступает отношением всеобщих пребывающих определений; он содержит свою необходимость в себе самом. На том основании, что закон есть внутреннее, постоянное во всем многообразии явлений, возникла попытка представить это внутреннее как потустороннее для явления, как сверхчувственное (Кант). В самом деле, закон не относится к сфере чувственного; органами чувств его не схватить и не увидишь; законы движения небесных тел не начертаны на небе. Но вместе с тем сверхчувственное не отгорожено китайской стеной от явления: «явление есть его опосредствование... осуществление»³⁶⁵. Явление связывает познающий рассудок с сущностью.

Закон есть истина явления, говорит Гегель. Познание должно довести анализ явлений до определения скрытого в них закона. Но явление и закон не тождественны. «Явление богаче закона», – так резюмировал Ленин мысль Гегеля. Если явление по сути своей – процесс, возникновение и исчезновение, то закон есть, наоборот, устойчивое, сохраняющееся в этой смене явлений. Как нельзя противопоставлять закон и явление, явление и сущность, так и нельзя их отождествлять целиком.

Для закона характерна определенность, ограниченность. Наука имеет дело не с законом вообще (*das Gesetz*), а с некоторым законом (*ein Gesetz*), соотносящимся с определенным кругом явлений. Следовательно, есть неопределенное множество законов или «царство законов». Это обстоятельство сбивает с толку рассудочное сознание, которое стремится постигнуть внутреннее, всеобщее как единое, как одно, как нечто тождественное самому себе. Тождество же представлено

³⁶⁴ Там же. Т. 3. С. 212.

³⁶⁵ Там же. Т. 4. С. 79.

в законе как конкретное тождество. Пытаясь выйти из этого затруднения, рассудок сводит многие законы к одному закону. Например, закон, согласно которому падает камень, и закон, согласно которому движутся небесные тела, он воспринимает как один общий закон. Это приводит к тому, что «законы утрачивают свою определенность; закон становится все более поверхностным и на деле обнаруживается не единство данных определенных законов, а некоторый закон, упускающий их определенность»³⁶⁶. Рассудок, таким образом, устанавливает голое понятие самого закона, хотя он мнит, что нашел всеобщий закон, выражающий всеобщую действительность как таковую.

В рассудочном понимании закон ничем существенно не отличается от силы: «сила – такого же характера, что и закон; ...оба вовсе не различаются». При объяснении закона, вернее, тех отношений, которые в нем выражаются, рассудок впадает в субъективизм. Он, например, не может объяснить необходимость возникновения различий, без которых немислим закон. Так, различие, содержащееся в законе электричества (соотношение положительных и отрицательных зарядов), рассудок объясняет не природой данного явления, а собственной деятельностью.

Рассудок, отмечает Гегель в этой связи, провозглашает тут «лишь собственную необходимость, различие, которое он... проводит... не есть различие самой сути дела»³⁶⁷.

Одним из недостатков рассудочного мышления выступает, по мнению Гегеля, формализм. Рассудок любит порядок, но считает, что он привносится в вещи извне, а не присущ им самим. Рассудок также схематичен: «раскладывает все по полочкам» и таблицам, наклеивает на них ярлыки, подобные этикеткам в бакалейной лавке. Организм, например, в результате рассудочной «обработки» превращается в безжизненный скелет, с костей которого «удалены плоть и кровь». Рассудок не может отобразить предмет как живой организм, как целое. «Вместо того чтобы вникнуть в имманентное содержание дела, этот рассудок всегда просматривает... целое»; «он дает только *оглавление* к содержанию, но не дает самого *содержания*». Одним словом, это – «внешнее познание»³⁶⁸.

Тем не менее рассудок составляет важный и необходимый этап развития сознания от эмпирической формы к теоретической. Рассудок так

³⁶⁶ Там же. С. 81.

³⁶⁷ Там же. С. 84.

³⁶⁸ Там же. С. 28-29.

же необходим, как и разум. Больше того, «разум без рассудка есть ничто, а рассудок и без разума – нечто», – заявляет Гегель. Деятельность рассудка состоит в абстрагировании, в отделении случайного, побочного от существенного. Без анализа, разложения предмета и его представления на первоначальные элементы нет научного понимания предмета. Разлагая целое, рассудок, правда, умерщвляет его. Но при этом он создает также предпосылки для появления нового, для дальнейшего движения вперед. «Ибо только потому, что конкретное разлагается... и делается недействительным, оно и есть то, что приводит себя в движение»³⁶⁹.

Итак, то, что достигнуто рассудком, это – анализ противоположностей самих по себе, как таковых, в отрыве друг от друга. Такой анализ также нужен и важен для понимания единства противоположностей. Последнее, однако, достигается *разумом*, который приходит на смену рассудку. Разум восстанавливает то, что разложено, воспроизводит целое как единство внутреннего и внешнего, необходимого и случайного, сущности и явления. Только разуму удастся понять истинное соотношение объективного и субъективного, понятия и предмета. В последнем он обнаруживает самого себя, духовное, мышление.

Но, считает Гегель, сознание не может сразу достигнуть ступень разума, где ему открывается полная истина, охватывающая и предмет и само сознание. Переход от рассудка к разуму опосредован практической деятельностью, трудом, в ходе которого предметы подвергаются переделке, преобразованию и предстают перед субъектом в новом свете. Так он постигает сущность вещей и узнает в них и через них самого себя. Эту переходную форму сознания, которым опосредован путь к разумному мышлению, Гегель называет на манер прежних ученых *самосознанием*. Но трактует его совершенно иначе: *как труд*. В этом превосходство Гегеля перед своими предшественниками.

Обращение Гегеля к проблеме труда объясняется многими причинами социально-политического и идейно-теоретического характера. Философия, подчеркивал он, есть эпоха, схваченная в мысли, и как таковая она нацелена на то, чтобы обобщить, подытожить огромный исторический, политический и духовный опыт поколений. Несмотря на то, что Гегель рассматривал познание как субстанциальный процесс, как «филиацию идей», тем не менее он учитывал влияние социально-политических факторов на развитие мышления. Поэтому в

³⁶⁹ Там же. С. 17.

своем первом крупном произведении – «Феноменологии», а также в подготовительных к ней материалах («Иенская реальная философия») пытался понять и выразить суть деятельности, труда.

Кант и его последователи до Гегеля в целях обоснования философской системы тоже обращались к проблеме деятельности. Они понимали, что исходный тезис идеализма, утверждающий сознание, «я» творцом действительности, никак нельзя обосновать, если не наделять их творческой активностью, если не считать их единственным полноценным субъектом деятельности. И эту свою активность субъект может проявить лишь в том случае, если ему противостоит «объект» («не-я»), т.е. внешний мир. Но Кант и Фихте никак не могли понять, что внешний мир существует сам по себе, объективно, поэтому нет необходимости его «создавать», полагать или допускать, к чему стремились они. У них это допущение насквозь догматично; им не удалось показать становление объекта в процессе деятельности субъекта, т.е. «выколотать» объект из субъекта. Реальный объект так и остался за порогом их рассуждений. Кант истолковал внешний мир как «вещь в себе», которая никак не входит в сферу деятельности субъекта, а Фихте вообще отбросил эту «вещь в себе» (поскольку при этом подразумевается внешний мир) как пустую, бессодержательную абстракцию. Он пытался избежать дуализма на почве чистого субъективизма. Одним словом, Кант и Фихте пытались решить проблему деятельности, опираясь лишь на мыслительный материал, на «факты сознания» (так называется одна из основных работ Фихте). Отсюда крайне абстрактный характер их рассуждений о деятельности, не говоря уже об их сугубо идеалистической форме. У предшественников Гегеля не было и сознательного исторического подхода к проблеме сознания и познания. Как они формируются и развиваются, какие факторы на них влияют, какова роль труда в возникновении сознания, в осуществлении процесса познания – эти вопросы и не затронуты ими.

Гегель же обращается к проблеме труда, побуждаемый огромным историческим чутьем, стремлением к строгой последовательности и объективности. Будучи врагом догматизма, он не мог голословно утверждать, что познание есть активный процесс, что мышление не плетется в хвосте действительности, а творит ее, что субъектом всемирной истории является дух и т.д. и т.п. Он стремился доказать, обосновать основополагающие принципы своей идеалистической философии. Гегель прекрасно понимал, что, опираясь лишь на теорети-

ческие аргументы, трудно обосновать активность субъекта, что для этого нужны более убедительные, более наглядные, всем понятные, эмпирические факты. Их он искал во взаимодействии человека с окружающей природой.

Отношение «человек – природа» характеризуется диалектичностью, противоречивостью. Нельзя усмотреть в нем или только гармонию, или только вражду. Гармоничным оно было, пожалуй, лишь в юности человечества. «С одной стороны, тогда природа удовлетворяла всякую появлявшуюся в душе человека потребность без помощи человеческого труда; с другой стороны, человек в своей невинности удовлетворялся той пищей, тем жилищем и теми удобствами, которые ему могли доставлять луга, леса, стада, маленький сад, небольшая хижина, ибо тогда еще совершенно молчали страсти честолюбия и корыстолюбия...»³⁷⁰. Такое состояние на первый взгляд кажется идеальным, и историки говорят о том времени как о золотом веке. На деле же «такая жизнь скучна». Со временем человека не могла удовлетворять эта жизнь. Ведь он живет не только своими непосредственными потребностями, есть, пить, иметь жилище, одеваться и т.д., которые составляют «внешнюю жизненную необходимость» труда. Круг потребностей животного удовлетворяется тем, что есть в природе. Человек же стремится и к тому, чего в природе в готовом виде нет. Поэтому упомянутая выше гармония в отношении человека к природе не могла продолжаться долго.

Гегель подчеркивает определенную зависимость человека от внешней природы, у которой он получает средства своего физического существования. С развитием человека, общества эта зависимость стала не так ощутимой, как раньше. Могучим орудием освобождения от оков внешней природы оказался для человека труд, направленный на то, чтобы удовлетворить свои, если можно так выразиться, вторичные, специфически человеческие, потребности. Он вынужден был «овладевать предметами природы, приспособлять их, формировать, устранять со своего пути все препятствия, пользуясь самостоятельно приобретенными умениями, и таким образом превращать внешнее в средство, с помощью которого он получает возможность реализовать себя во всех своих целях»³⁷¹.

В горниле человеческой деятельности предметы и силы природы утрачивают свой враждебный и внешний характер по отношению к

³⁷⁰ Гегель. Эстетика. Т. 1. М., 1968. С. 269.

³⁷¹ Там же. С. 266.

человеку. Они очеловечиваются, поскольку «человек вкладывает в них свои духовные определения и запечатлевает во внешнем мире свою волю». Гегель имеет в виду проявление специфически человеческой жизнедеятельности, так называемую объективацию сущностных сил человека. «Тем самым он (т.е. человек. — *Авт.*) очеловечивает свою среду, показывая, что она способна удовлетворять его потребности и не в состоянии сохранить по отношению к нему независимость. Лишь посредством этой осуществленной деятельности человек действителен для самого себя и чувствует себя освоившимся со своей средой уже не только вообще, но и в частности и по отношению к каждому отдельному предмету»³⁷². Так человек постепенно превращается из раба природы в ее господина.

Все это звучит вполне материалистически. Но Гегель считает, что человеческая деятельность, фрагментарная и конечная по своей природе, лишь отдаленно напоминает и приблизительно воспроизводит деятельность духа — единственного и подлинного субъекта истории.

Люди трудятся и реализуют свои конечные цели, никак не сознавая, что при этом они осуществляют также волю мирового духа. В этом, по мнению Гегеля, проявляется «хитрость» разума. Внешний мир и человек суть продукты идеи, необходимые ей в качестве орудий и средств самопознания.

Труд при ближайшем рассмотрении выступает как деятельность, направленная на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей человека (добывать пищу, строить жилище и т.п.). Это — примитивная, инстинктивная форма труда. Здесь господствует не цель или намерение, а простое *влечение*, направленное на внешний объект, в котором оно ищет своего удовлетворения. Эту форму труда Гегель называет *вождедением*, которое обще нам с животными. Суть вождедения — в потреблении, обладании. Оно есть «чистое уничтожение предметов». Его можно сравнить с кислотой, которая все разъедает и разлагает. Вождедение как способ физического существования ненасытно, в его удовлетворении зарождается новое вождедение.

Собственно человеческий труд-побуждение — характеризуется Гегелем как «чистое опосредование, движение», принимающее предметно-фиксированную форму. «Удовлетворенное побуждение есть снятый труд Я; это его предмет, который работает за него. Труд есть посюстороннее делание-себя-вещью. Раздвоение Я, сущего как по-

³⁷² Там же.

буждение, есть это самое делание-себя-предметом»³⁷³. Гегель подчеркивает, что важное содержание труда как специфически человеческой жизнедеятельности составляет производство *орудий труда*. Если вожделение по сути своей негативно, разрушительно, то труд созидателен. Вожделению недостает *предметной* стороны или *устойчивого существования*. «Труд, напротив того, есть *заторможенное* вожделение, *задержанное*... исчезновение, другими словами, *образует*»³⁷⁴. Причем труд «образует» не только мир необходимых для жизни вещей, мир богатства, но также мир свободы и культуры. Труд формирует самого человека. Таков гениальный вывод «Феноменологии духа», до сих пор сохранивший свое методологическое значение.

Созидательную роль труда Гегель удачно демонстрирует на фоне противоречивого отношения господского и рабского сознания. Отношение господства и рабства, по его мнению, складывается в результате борьбы за признание, борьбы не на жизнь, а на смерть, которую ведут два самосознания. Борьба эта необходима, «ибо достоверность себя самих, состоящую в том, чтобы быть *для себя*, они должны возвысить до истины в другом и в себе самих»³⁷⁵. Раб – это тот, кто в упомянутой борьбе не сумел утвердить свое право, свое «Я», кто не рискнул ради свободы своей жизнью. Следовательно, в отношении раба не совершается никакой несправедливости, он сам обрек себя на рабскую участь. Гегель с презрением заявляет, что «кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом...». Господин, наоборот, ставит свободу выше естественного чувственного бытия, стремится сохранить свое достоинство и идет на риск. Положение их неодинаково: один самостоятелен, он повелевает, а другой находится у него в подчинении и своей службой обеспечивает себе жизнь. Вместе с тем одно не может существовать без другого и в этом отношении нельзя сказать, что господин совершенно свободен и независим от раба.

Раб трудится и создает богатство, которое господин потребляет. Господин, конечно, тоже трудится, но его труд подобен простому вожделению; это – чисто негативное отношение к вещи, *потребление*. Раб также относится к вещи негативно и снимает ее, но в силу того, что он не является ее хозяином, а она принадлежит другому, он не может

³⁷³ Гегель. Работы разных лет. Т. 1. С. 306.

³⁷⁴ Гегель. Соч. Т. 4. С. 106.

³⁷⁵ Там же. С. 101-102.

расправиться с ней полностью – он *обрабатывает ее*. Труд раба, таким образом, выступает как созидательный, производительный труд, а труд господина – как разрушительный. «Поскольку раб работает на господина, следовательно, не исключительно в интересах своей собственной единичности, постольку его вожделение приобретает *широту*, становится не только вожделением вот этого человека, но содержит в себе в то же время и вожделение *другого*. Соответственно с этим раб возвышается над самостной единичностью своей естественной воли, и постольку стоит по своей ценности выше, чем господин, остающийся во власти своего себялюбия...»³⁷⁶.

Вначале раб зависел и от вещи, обладающей самостоятельным бытием по отношению к нему, и от господина – хозяина вещи. В результате же труда, активного отношения к вещи, раб снял ее самостоятельность, сделал ее своей, а это привело к тому, что он освободился также от власти господина. Дело в том, что последний, потребляя то, что создавал раб, в конце концов оказывается в полной зависимости от раба, а раб, формируя вещи, приобретает господство как над ними, так и над господином. Первоначальное отношение перевертывается, теперь не раб является в действительности рабом господина, а господин является рабом раба. Господин зависит не только от раба, от его труда, но также от продуктов этого труда: он становится рабом вещей.

В результате труда, который одновременно есть процесс образования, сознание раба возвышается над своим первоначальным низким уровнем, оно сознает свою силу и бессилие господина, его зависимость от него. Посредством труда сознание раба приходит к самому себе. «Работающее сознание приходит... к созерцанию самостоятельного бытия *как себя самого*... Таким образом, в силу этого обретения себя вновь благодаря себе самому оно становится *собственным смыслом* именно в труде, в котором, казалось, заключался только чужой смысл». Так *истиной* самостоятельного сознания оказывается *рабское сознание*. «Правда, – это последнее проявляется на первых порах *вне* себя и не как истина самосознания. Но подобно тому, как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому, что оно есть непосредственно...»³⁷⁷.

³⁷⁶ Там же. Т. 3. С. 225.

³⁷⁷ Там же. Т. 4. С. 104, 105, 106.

Пример с отношением раба и господина позволяет понять отношение сознание – предмет. Вначале сознание тоже зависело от предмета, который воспринимался им как чуждый и внешний для него предмет. Но позже, взаимодействуя с предметом, сознание постигало его смысл, сущность и убедилось в том, что предмет есть его лицо, зеркало, продукт его деятельности. В предмете оно узнает свою отчужденную сущность. Но к этому выводу оно пришло лишь в результате активной преобразующей деятельности. Таким образом, ключ к тайнам сознания дают труд и правильное понимание труда.

Сферу сознания Гегель характеризует как *теоретическое* отношение к предметам, когда «Я» пассивно и вся его деятельность ограничивается тем, чтобы приводить свои определения в соответствие с предметом. Здесь активность присуща последнему, и все то, чем богато «Я», оно приобрело извне, из предмета, посредством его воздействия. В сфере самосознания «Я» проявляет себя противоположным образом, выступая как *практическое* сознание, которое реализует свои понятия, объективирует, опредмечивает их и затем через них и в них постигает себя. «Самосознание является поэтому 1) деятельным: снимает инобытие предметов и отождествляет их с собой, 2) отчуждает само себя и тем сообщает себе предметность и наличное бытие. И то и другое представляет собой одну и ту же деятельность. Быть определенным для самосознания то же самое, что самому определить себя, и наоборот. Оно само себя порождает как предмет»³⁷⁸.

С самосознанием, заявляет Гегель, мы вступаем теперь в родное ему царство истины (раньше же мы якобы находились в плену иллюзии, наделяя предмет несвойственными ему определениями). Самосознание есть новая форма знания – «знание о себе самом», пришедшее на смену «знанию о некотором «ином»... Последнее знание... исчезло, но его моменты в то же время так же сохранились; и потеря состоит в том, что они здесь такие, какие они *суть в себе*». Изменился предмет прежнего знания, он превратился в абстракцию или понятие (бытие, единичность, всеобщность, внутреннее и т.д.). В нем «утерян... сам главный момент, т.е. *простое самостоятельное существование для сознания*»³⁷⁹.

Подобно сознанию, самосознание также является, формируется; претерпевает изменение и развитие. Оно возникает на определенном этапе развития сознания. Путь к самосознанию – это путь восхож-

³⁷⁸ Гегель. Работы разных лет. Т. 2. С. 85.

³⁷⁹ Гегель. Соч. Т. 4. С. 94.

дения сознания к самому себе через анализ различных форм своей деятельности и ее результатов. Самосознание Гегель определяет как рефлексию в самого себя из бытия чувственного и воспринимаемого мира, как «возвращение из *инобытия*». Под «инобытием» сознания, мышления, идеи он понимает весь предметный мир, якобы порожденный мировым духом.

На первых порах, будучи еще абстрактным, самосознание функционирует как сознание и для него сохраняется весь простор чувственного мира, которым оно обременено. Противоречие между сознанием и предметом, имевшее место раньше, воспроизводится здесь заново, но в другой форме – как противоречие между самосознанием и сознанием. Речь идет об удвоении самосознания, о том, что «самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании»³⁸⁰. Сначала они предстают как различные явления и, как таковые, сосуществуют вместе. Но впоследствии в ходе взаимодействия самосознания со своим предметом, который оказывается им же самим, происходит их слияние. Это значит, что сознание возвышает себя до уровня самосознания. Противоречие между ними, по Гегелю, разрешается таким образом: «Самосознание, которое имеет своим предметом себя как сознание, как «я», развивает *простую идеальность «я» до реального различия* и тем самым, снимая свою *одностороннюю субъективность*, дает себе *объективность*, – процесс, тождественный с противоположным процессом, посредством которого *объект* также *субъективно* полагается «я», погружается во внутреннее существо самости и, таким образом, уничтожается существующая в сознании зависимость «я» от внешней реальности. Так самосознание достигает того, что имеет сознание не *наряду* с собой, не внешне только с ним связано, но действительно проникает его собой и в качестве растворенного содержит его внутри себя самого»³⁸¹.

Самосознание имеет своей целью «я» как конкретное, свободное «я», которое преодолело свою зависимость от внешнего; или иначе: цель самосознания – свобода. Какими путями она достигается? Гегель обращается к истории духа и анализирует различные исторические формы приобретения самосознанием своей свободы. Например, возьмем *стоицизм*. Чтобы стать свободным, стоическое сознание отсеклось от внешнего мира, отвернулось от него и углубилось в самого

³⁸⁰ Там же. С. 98.

³⁸¹ Там же. Т. 3. С. 215-216.

себя, *вчистую всеобщность* мысли. В мышлении, говорит Гегель, «я», конечно, свободен, но только потому, что «я» нахожусь не в некотором другом, а просто не покидаю себя самого, делаю вид, что для меня ничего другого не существует кроме самого себя. Это тоже свобода, но формальная, абстрактная свобода, свобода от всего и только. Она лишена жизненного наполнения; следовательно, эта свобода есть также лишь понятие свободы, а не сама живая свобода»³⁸².

Следующий путь завоевания свободы – *скептицизм*. Как и стоицизм, он отличается полным равнодушием ко всему окружающему. В этом смысле он представляет собой «атараксию мышления о самом себе». Гегель характеризует скептическое сознание как «абсолютный диалектический непокой», как «головокружительное негативное движение». Оно разрушает все устойчивое и живое, сталкивает друг с другом противоположные определения и не может указать ничего положительного. Свободу скептицизм понимает лишь как свободу мысли, в которой утопает, исчезает все остальное. Его метод – отрицание, но как голое, зряшное отрицание. Нагромождая противоречия (следует признать положительным то, что скептицизм вскрывает и сталкивает противоречия), он сам в них и запутывается впоследствии. «Это сознание, следовательно, есть бессознательная болтовня, переходящая от одной крайности – от себе самому равного самосознания – к другой крайности – к случайному, сбитому с толку и сбивающему с толку сознанию. Само оно не согласует эти две мысли о себе самом: *то* оно признает свою свободу как возвышение над всяким хаосом и всякой случайностью наличного бытия, *то* оно точно так же сознается в том, что снова впадает в *несущественность* и блуждает в ней»³⁸³.

От скептицизма Гегель переходит к характеристике *несчастливого сознания*, которое, как показывает само название, очень далеко от действительной, реальной свободы. Несчастное сознание также пронизано внутренней противоречивостью; оно есть «раздвоенное внутри себя», «двойное сознание». Христианин знает, что «мир во зле лежит», и вместе с тем пытается его оправдать как божье творение. Человек для него – существо грешное, но и он причастен богу. «Несчастное сознание...», – пишет Гегель, – есть трагическая *судьба достоверности себя самого*, долженствующей быть в себе и для себя. Оно есть сознание потери всей *существенности в этой достоверности* себя и

³⁸² Там же. Т. 4. С. 108.

³⁸³ Там же. С. 111.

потери именно этого знания о себе, – потери субстанции, как и самости; оно есть скорбь, которая выражается в жестоких словах, что *бог умер*»³⁸⁴. Свободу оно ищет не в этой земной жизни, а в «потусторонней». Поэтому оно избирает такие средства достижения свободы, как заклинание и мольба.

Рассмотренные пути достижения свободы не дали положительных результатов. Это объясняется главным образом тем, что стоицизм, скептицизм и несчастное сознание стремились достичь свободу, минуя действительность, не вступая с ней во взаимодействие, не преодолевая ее в активной борьбе. Единственно плодотворный, конструктивный путь к свободе, следовательно, лежит через труд и борьбу.

Гегеля не удовлетворяет и учение Фихте о свободе, несмотря на то, что у него деятельность, делание, действие признаются основными аргументами свободы. Фихте вывел знаменитую формулу: «я=я», которая содержала в себе глубокую истину, а именно – принцип абсолютного *разума и свободы*. Но он не смог обосновать его надлежащим образом. В постигнутом фихтевской философией «я» всецело доминирует субъективность, противопоставленная (и лишенная) объективности. У Фихте «я=я» – лишь исходный принцип, от которого отталкивается изложение, но к которому оно не приходит через свое осуществление. Данная формула, если истолковать ее в духе субъективизма, означает лишь «лишенную движения тавтологию». «В таком виде самосознание не имеет реальности, ибо оно само, будучи своим *предметом*, в то же время не есть таковой предмет, ибо не существует никакого различия между этим предметом и им самим»³⁸⁵. Согласно формуле «я=я», сознание, конечно, свободно, но эта свобода абстрактна, формальна. Она преднайдена, но не достигнута упорным трудом. Следовательно, она и не есть действительная свобода.

Гегель не отбрасывает принцип «я=я», принцип самосознания, но стремится наполнить его реальным содержанием. Не отталкиваться от «я=я», а прийти, восходить к нему через раскрытие содержания «я» как субъекта самосознания и «я» как объекта самосознания, причем полагаемого как нечто независимое от «я», противостоящее и сопротивляющееся ему – такую задачу Гегель и ставит в «Феноменологии духа». Чтобы стать тождественным самому себе, указывает он, «я»

³⁸⁴ Там же. С. 400.

³⁸⁵ Там же. Т. 3. С. 214.

«вступает в борьбу с внешними предметами», ибо оно чувствует и впоследствии сознает, что «*определенное содержание лежит за пределами «я», принадлежит единственно только предметам*»³⁸⁶. Только так «я»=«я» становится принципом разума и свободы.

Самосознание служит связующим звеном при переходе от рассудка к разуму, готовит почву для формирования разума как высшей формы знания. Разум это теоретическое познание, которое получило в современной Гегелю науке неравномерное развитие. Например, естествознание конца XVIII – начала XIX столетий оставалось еще преимущественно эмпирической, экспериментальной наукой. Идея развития, в особенности сознательное руководство ею еще не стали достоянием частных наук. В физике, химии и биологии дело ограничивалось накоплением опытных знаний, научная систематизация которых только начиналась. Единственно лишь в философии теоретическое познание оказалось ее собственной, родной стихией. Поэтому философское познание представляется Гегелю адекватной и высшей формой теоретического познания.

От обыденного и рассудочного сознания разум отличается тем, что имеет своим предметом не только объект, но также субъект, т.е. самого себя; тем, что он полностью отдает себе отчет в этом. И рассудок «прошел сквозь предметность», т.е. в своем предмете начал узнавать собственные черты. Но, будучи неспособным понять возникновение различий и единство противоположностей, рассудок не смог объяснить, как субъективное становится объективным, а объективное – субъективным. Разум же на основе принципа тождества противоположностей объясняет не только раздвоение единого на противоположные моменты (скажем, сознания на знание и предмет знания), но и взаимодействие этих моментов, доходящее до единства, тождества.

Разум, говорит Гегель, есть достоверность того, что вся реальность есть он сам (т.е. тот же разум). Но эту свою достоверность (т.е. истину) он постигает не сразу. Поэтому, изображая разум, необходимо показать его эволюцию, в процессе которой он поднимается от одностороннего, нефилософского знания до конкретного философского знания, до точки зрения науки логики.

Если предыдущие формы сознания имели дело с отдельными вещами, процессами и явлениями, то разум имеет дело со всей реальностью (с природой и обществом), в которой он постигает не

³⁸⁶ Там же. С. 203.

отдельные, частные законы, а общие законы движения и развития. Будучи уверенным в том, что «он наличествует в мире», разум рассматривает законы последнего как свои собственные законы. Вся действительность, по мнению Гегеля, разумна, т.е. закономерна и необходима. Понятия «разум» и «закономерность», «разум» и «необходимость», следовательно, совпадают. Гегель онтологизировал разум, превратив его в объективную реальность. При этом он, как отмечал Ф.Энгельс, в идеалистической форме высказал глубокую и плодотворную для дальнейшего развития философии мысль: законы действительности и законы познания в своей всеобщей форме суть одни и те же. Гегелевская философия, продолжает Энгельс, «доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории – и обратно – и господство одинаковых законов для всех этих процессов»³⁸⁷.

Средствами разумного познания, нацеленного на суть, законы вещей, являются не органы чувств, а понятия, выведенные и выделенные в длительном историческом процессе познания. Они заключают в себе подлинные знания. Поскольку разум есть единство «Я» и мира, субъекта и объекта, постольку его понятия одновременно и объективны и субъективны. Они суть *категории*, выражающие род и сущность вещей. Рассудок также оперирует ими, но при этом подразумевает не ту или иную категорию саму по себе, а конкретную вещь, конкретное явление. В рассудочном мышлении категории выражают «существенность сущего». Но при этом остается неопределенным: «сущего вообще или сущего по отношению к сознанию». Разум же употребляет категории в их истинном значении. При этом «категория означает, что самосознание и бытие есть *одна и та же* сущность, *та же* не в сравнении, а сама по себе»³⁸⁸. Подобно другим формам знания, разум тоже претерпевает эволюцию и развитие в зависимости от того, что он постигает: природу, дух, соотношение того и другого или же самого себя в качестве действительности, обладающей бытием.

Когда разум нацелен на природу и пытается вскрыть присущие ей законы, он выступает преимущественно как *наблюдающий разум*. Под «наблюдающим разумом» Гегель понимает частные науки (эмпири-

³⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 581.

³⁸⁸ Гегель. Соч. Т. 4. С. 126.

ческое и теоретическое естествознание). Иногда он называет первоначальную форму разумного познания «разумным инстинктом», который не сознает самого себя, не ведает, что, познавая предмет, имеет дело с самим собой, а мнит, что постигает «сущность вещей как вещей». «Если бы оно знало *разум* как одинаковую сущность вещей и себя самого и знало также, что разум может наличествовать в специфическом для него виде только в сознании, то оно, напротив, спустилось бы в свою собственную глубину и искало бы его здесь, а не в вещах»³⁸⁹.

Наблюдение природы последовательно осуществляется через *описание* явлений и их *классификацию*, затем через *нахождение законов* и установление их отношения к явлениям и понятиям. Важнейшие требования, которые предъявляются разуму при этом, во-первых, *объективность рассмотрения* и, во-вторых, *целостный подход* к предметам. Познание, подчеркивает Гегель, «должно принять на *само себя* подлинное движение предмета», «согласоваться с системой самой природы и... выражать только ее»³⁹⁰. Объект разума представляет собой живое, текучее органическое целое и это нельзя упускать из виду при исследовании отдельных явлений. Последние должны быть постигнуты в их взаимосвязи, целостности. Анатомизирование, расщепление целого допустимы лишь как вспомогательные приемы познания, ибо части, оторванные от целого, перестают функционировать, «перестают быть процессами». «*Бытие* организма в целом, как и его моменты, не могут состоять в анатомической (т.е. обособленной. – *Авт.*) системе; действительное выражение и внешние проявления их скорее имеются налицо только в качестве движения, которое проходит через различные части формообразования и в котором то, что выхватывается и закрепляется в качестве отдельной системы, по существу выступает как текучий момент...»³⁹¹.

Постигая органическую природу, разум акцентирует свое внимание на таком удивительном и с точки зрения рассудка непостижимом явлении, как *жизнь*. Гегель понимает противоположность и единство неорганического и органического. Жизнь возможна и действительна как противоречие: она отрицает себя и одновременно воспроизводит, дает начало новой жизни. Жизнь, подчеркивает он, есть всеобщее или род, т.е. то, что сохраняется, разрушаясь.

³⁸⁹ Там же. С. 130.

³⁹⁰ Там же. С. 131-132.

³⁹¹ Там же. С. 148.

Как неорганической, так и органической природе Гегель отказывает в развитии, в поступательном, необходимом движении к совершенству, к прогрессу. «У органической природы нет истории; из своего всеобщего — из жизни — она непосредственно ниспадает в единичность наличного бытия, и соединенные в этой действительности моменты простой определенности и единичной жизненности порождают становление как случайное движение...»³⁹².

В дальнейшем разум имеет дело с духовными явлениями, прежде всего с самым мышлением, постигая логические и психологические законы. В этой связи Гегель отмечает еще один порок метафизического, рассудочного мышления, состоящий в том, что оно отрывает формы и содержание мышления, рассматривает логические законы как чисто формальные, отвлеченные правила или схемы, которым подчиняется процесс рассуждения. Но считать, что законы мышления не имеют реальности, означает, что «в них нет истины».

В действительности же, говорит Гегель, законы мышления, а также категории, понятия заключают в себе всю реальность. В своей системе, в своем движении понятия выражают собой органическое единство формы и содержания мышления, их переход друг в друга. Понятие есть не просто форма знания, а «содержание, которое не находится ни в противоречии с формой, ни вообще от нее не отделено, а скорее есть по существу она сама, ибо форма есть не что иное, как всеобщее, разделяющееся на свои чистые моменты»³⁹³. Именно последние (т.е. чистые моменты), их исчезание, их движение, а не их устойчивое бытие, по Гегелю, выражают истину логических законов.

Содержание действительно и истинно благодаря форме, которая его оживляет, заставляет изменяться и развиваться. Правильные положения, когда их вырывают из их взаимной связи, берут в отдельности и в таком виде выдают за абсолютную истину, превращаются в нечто неистинное, представляют собой заблуждение.

Рассматривая психологические законы, Гегель обращает внимание на то, как в них отображены особенности индивидуальности, отдельной личности, составляющей предмет психологии. Здесь также высказывается глубокая мысль, пронизанная конкретным историзмом: чтобы понять индивида, его особенности, нельзя ограничиваться им самим, нужно постичь его «всеобщую неорганическую природу», а это — «казав-

³⁹² Там же. С. 159.

³⁹³ Там же. С. 160-161.

шиеся налицо обстоятельства, ситуация, обычаи, нравы, религия и т.д.; исходя из них и нужно понять определенную индивидуальность»³⁹⁴.

Не ограничиваясь изучением природы и мышления, разум проникает в мир общественных явлений и рождает системы нравственности, морали, права, искусства, науки, религии и философии. При этом он функционирует как *теоретический разум*.

Гегель подробно показывает также «практическую» мощь разума, преобразование им всей окружающей природы, которая в результате этого превращается в его «неорганическое тело». Посредством «превращения самого себя в действительность» и последующего постижения результатов своей деятельности (т.е. снятия своего «инобытия») разум устанавливает подлинное единство субъекта и объекта. Так он становится познающим *себя духом* и вступает в царство мышления. Но его поступательное движение на этом не прекращается, а поднимается на новую ступень и осуществляется в форме самодвижения понятий. Только так знание развертывает себя в систему, науку.

Логическое движение знания формально не может не отличаться от феноменологического. «Моменты его движения представляются в науке (в логике. – *Авт.*) уже не как определенные *формообразования сознания*, а... как *определенные понятия* и как их органическое внутри себя самого обоснованное движение». И далее: «Если в феноменологии духа каждый момент есть различие между знанием и истиной и есть движение, в котором это различие снимается, то наука, наоборот, не содержит этого различия и его снятия, а поскольку момент обладает формой понятия, то он соединяет в непосредственном единстве предметную форму истины и знающей самости»³⁹⁵.

Но по существу названные пути развития знания совпадают; историческое и логическое суть одно и то же в главном, существенном. «Феноменология духа» и «Наука логики», таким образом, взаимно обуславливают друг друга. Основное содержание, узловые пункты феноменологического движения знания содержатся и сохранены в логическом развертывании понятий и, наоборот, понятие как предпосылка витает в феноменологическом анализе формообразования сознания. Необходимо, подчеркивается в «Феноменологии духа», «взять на себя напряжение понятия»³⁹⁶. Неслучайно в этом произведении история

³⁹⁴ Там же. С. 163.

³⁹⁵ Там же. С. 432.

³⁹⁶ Там же. С. 31.

познания изображается в теоретической, понятийной форме и совпадает с теорией познания. Поэтому Гегель и называет «Феноменологию духа» «историей, постигнутой в понятии». Общий вывод логического и феноменологического анализа движения знания можно сформулировать так: «... оно начинается с простых определенностей и... следующие за ними определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому движение вперед не следует принимать за *процесс*, протекающий от чего-то *иного* к чему-то *иному*»³⁹⁷. Мы имеем дело с поступательным движением одного и того же – начала, которое оказывается а) элементарной формой целого, б) самодвижущимся организмом, в) противоречием, пронизывающим процесс от начала до конца.

Гегелю, как никому другому до него, удалось дать конкретное понимание начала. Начало есть непосредственное, ничем другим не обусловленное, указывает он. В этом смысле начало абстрактно. Оно «ничего не должно предполагать, ничем не должно быть опосредствовано и не должно иметь какое-либо основание; оно само, наоборот, должно быть основанием всей науки»³⁹⁸.

В «Феноменологии духа» как науке о сознании таким началом служит эмпирическое, чувственное сознание, обладающее самым что ни есть непосредственным знанием. Гегель исходит из того, что сознание есть, притом *со* знанием.

То есть он сводит сущность сознания к знанию. История сознания, таким образом, превращается в историю знания. На первый взгляд в этом нет ничего предвзятельного; сознание в самом деле есть знание о чем-то, о внешнем мире, о самом себе. Но, трактуя сознание как знание, Гегель стремится обойти коварный для всякого идеализма вопрос о происхождении сознания. Он полагает, что сознание есть, было и всегда будет. Но в отличие от субъективных идеалистов он изображает сознание как мышление, дух, «бог в его домировом существовании».

Как раньше отмечалось, Гегель учитывает труд, чувственно-предметную деятельность человека, но не в качестве подлинной основы мышления, а как его следствие, форма, как проявление его деятельной способности. Не в процессе трудовой деятельности рождается мышление и способность мыслить; наоборот, готовое, изначально

³⁹⁷ Гегель. Наука логики. Т. 3. С. 306.

³⁹⁸ Там же. Т. 1. С. 126.

существующее мышление обуславливает, предполагает труд и определяет его характер. Поэтому гегелевская схема *развития* (а не происхождения) сознания выглядит так: *слово – дело- вещь – дело – слово*. Тут слово, вернее, деятельность со словом, составляет начало и конец этого циклического, постоянно возвращающегося «к себе» движения³⁹⁹.

Начало не только непосредственно, но в то же время опосредованно. Опосредованно своим последующим движением, своим будущим, которое представлено в начале в неразвитом, потенциальном виде. Начало есть единство опосредованного и непосредственного; оно есть целое. «Однако совершенной действительности в этом новом (в этом целом. – *Авт.*) так же мало, как и в новорожденном младенце», – пишет Гегель. «Как здание не готово, когда заложен его фундамент, так достигнутое понятие целого не есть само целое»⁴⁰⁰. Последнее возможно лишь как «движение и развернутое становление». Источник движения заложен в нем самом. Значит, начало не безжизненная, покоящаяся основа (основание), а субъект. Оно представляет собой *противоречие*, отношение противоположностей. Поэтому в «Феноменологии духа» ее автора интересует не знание как таковое, а знание как отношение, как определенные виды отношения объекта и субъекта. В логике же мы имеем дело с отношением мышления и бытия, которое в снятом виде содержится в понятии.

Самодвижение понятий Гегель начинает с бытия, с такой его определенности, как чистое бытие, и это соответствует требованиям диалектически понимаемого начала. Бытие – непосредственно, оно есть наиболее абстрактная мысль в логическом развертывании мышления. Но оно непосредственно только здесь, в логике, в системе чистых сущностей. В основе логики лежит не чувственное сознание, не сознание индивида в его отношении к предмету, а такая мысль, которая преодолела свою противоположность предмету, включила его определенности как моменты своего развития и тем самым стала чистым знанием. В качестве таковой она является началом, самой бедной определенностью логики.

Но бытие вместе с тем опосредовано. Как мысль, оно есть результат всего исторического развития эмпирического сознания. «Начало нового духа, – пишет Гегель, имея в виду, логическое начало, – есть

³⁹⁹ См.: Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 222.

⁴⁰⁰ Гегель. Соч. Т. 4. С. 6.

продукт далеко простирающегося переворота многообразных форм образования, оно достигается чрезвычайно извилистым путем и ценой столь же многократного напряжения и усилия. Это начало есть целое, которое возвратилось в себя из временной последовательности, как и из своего пространственного протяжения, оно есть образовавшееся *простое понятие* этого целого»⁴⁰¹. То, что выступает началом в логике, есть вывод, итог феноменологического анализа сознания и его отношения к предмету. И тут мы видим единство непосредственного и опосредованного, начала и результата, причины и следствия.

Известно, что «Феноменология» заканчивается разделом «Абсолютное знание», в котором утверждается, что дух достиг чистой стихии своего наличного бытия – понятия и замкнул движение своего формирования. Сказанное нельзя понимать так, что Гегель провозглашает тут абсолютную истину, что на этом познание прекращается, дальнейшего движения не будет. Нет, он имеет в виду не это. Абсолютность знания он понимает как преодоление, разрешение противоречия между сознанием и предметом, субъектом и объектом, как освобождение духа от всякого внешнего влияния, его уход, углубление в себя. Такую цель перед собой ставил дух и он ее достиг.

Как абсолютное знание, дух тоже развивается, но не в прежней сфере, в сфере отношения сознание – предмет, а в стихии чистого мышления, где он вновь рождает себя, но уже «из знания» как «некоторый новый мир и духовное формообразование». В логике «дух должен столь же непредвзято начинать сызнова, придерживаясь его непосредственности, и заново вырастить себя из него...»⁴⁰².

Самодвижение понятий завершается абсолютной идеей, которая также развивается, но в собственной – логической сфере, не соприкасаясь с реальным, объективным миром. Это, конечно, не есть действительное развитие, а, скорее, круговорот, когда результат снова оказывается началом, а начало – результатом⁴⁰³. В этом порок гегелевской логики, ее исходного принципа. Сопоставляя гегелевскую идеалистическую диалектику с материалистической диалектикой Маркса, Энгельс писал: «Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же. С. 434.

⁴⁰³ «Движение понятия, писал Гегель, – мы должны рассматривать лишь как игру: полагаемое этим движением другое на деле не есть другое» // Энциклопедия философских наук. Т. I. С. 343.

параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого»⁴⁰⁴.

Тем не менее Гегель дал в своей «Логике» не только (и не столько) филиацию идей; «в ней во всяком случае было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения»⁴⁰⁵. С позиции науки и практики своего времени Гегель дал глубокое понимание природы мышления, которое воспринято и критически переработано марксизмом.

В гегелевском понимании мышления органически переплетены идеализм и диалектика, мистика и гениальные идеи. Как последовательный объективный идеалист, Гегель отрывает мышление от реальности, от человека и человечества, все более абсолютизирует и объективирует его. Но в то же время через объективацию мышления, трактуя последнее как реальность, как бытие, которым оно становится не сразу, а в *процессе своего развития* (именно тут сказываются диалектика, огромное историческое чутье, чувство реализма), Гегель все более приближает мышление к действительности, к живой жизни, все более наполняет его реальным содержанием. Тем самым он делает значительный шаг вперед в разработке проблемы конкретного.

В «Науке логики» впервые указаны, обоснованы и апробированы принципы, способы анализа понятий, причем некоторые из них до сих пор не утратили свою методологическую ценность. Здесь убедительно показана ограниченность подхода к понятиям с позиции формальной логики, когда основное внимание уделяется лишь «количественной» стороне понятий и их взаимоотношений, тому, каково число признаков, включенных в понятие, каков (большой или меньший) объем его, каково соотношение между родовыми и видовыми понятиями с точки зрения числа признаков, охватываемых ими, и т.д.⁴⁰⁶

Ограниченность формально-логического подхода к понятиям Гегель усмотрел и в том, что понятия при этом рассматриваются как готовые, априорные или врожденные, без движения. Понятия с точки зрения формальной логики суть формы отражения существенных признаков предметов. Да, соглашается Гегель с таким определением:

⁴⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968. С. 516.

⁴⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 496.

⁴⁰⁶ См.: Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. М., 1960. С. 227.

понятия суть выражение сущности, существенного в вещах. Но трудно сразу же определить, что существенно и что несущественно. Существенное не сразу стало таковым. Существенное в одном отношении и в одно время может оказаться несущественным в другом отношении и в другое время. Одним словом, сущность является, т.е. изменяется и развивается, и для ее адекватного отображения необходима гибкость понятий, доходящая до тождества. Поэтому диалектическая логика «требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов». Так Ленин материалистически истолковывает определение Гегелем диалектики как чистого движения мысли в понятиях⁴⁰⁷.

Гегель был первым, кто сознательно применил *принцип развития* к понятиям, к познанию в целом. Истина есть процесс, и понятия, ее отображающие, тоже представляют собой процесс. Неслучайно, что и в «Феноменологии духа», и в «Логике», и в «Истории философии», и в других произведениях Гегеля основное внимание уделяется движению понятий, их переходам друг в друга. Развитие рассматривается как атрибутивное и определяющее свойство понятия, выражение его активности, бесконечной творческой мощи. «Понятие есть принцип всякой жизни и есть, следовательно, вместе с тем всецело конкретное»⁴⁰⁸. Понятие выступает одновременно и субстанцией и субъектом развития.

В анализе понятий принцип конкретности реализуется не только через принцип развития, но одновременно и через *принцип историзма*, точнее, через их органическое единство и слияние. Гегеля интересует само движение, его возможность, источник. Понять движение и выразить его в понятиях – вот что для него важно. Самое трудное, подчеркивает Гегель, это – воспроизвести развитие, для чего требуется совпадение принципа развития с историзмом.

Следующий принцип гегелевского учения о понятии – *положение о содержательности понятий*. Понятие рассматривается им прежде всего как содержательная форма мысли. Такое понимание является непосредственным результатом трактовки понятия как единства, «конкретной тотальности» многочисленных определений. Гегель неоднократно подчеркивал мысль, что если бы понятия представляли собой лишь чистые, лишенные содержания формы, то и знать их было бы совершенно не нужно. Но на самом деле формы понятия суть

⁴⁰⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226, 227.

⁴⁰⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 341.

*«живой дух действительного, а в действительном истинно лишь то, что истинно в силу этих форм, через них и в них»*⁴⁰⁹. Истинность этих форм объясняется тем, что понятийное мышление отражает предмет в его существенных связях, узловых моментах, согласно его логике.

Требование содержательности понятий – одно из замечательных положений гегелевской логики. Гегель прав, когда выступает против метафизического отрыва формы от содержания, мышления от внешнего мира. Он исходит из их единства, тождества в сущности. Но он не прав, полагая, что субстанциальной основой внешнего мира выступает мышление, что саморазвитие понятий в результате, в итоге дает нам тождество мышления и бытия.

В гегелевской логике понятия соответствуют истории познания, истории философии, последовательно выводятся из нее. В этом – преимущество Гегеля перед Кантом и другими предшественниками; на этой основе он смог преодолеть априоризм. В этом смысле логические понятия глубоко содержательны. Но Гегель оставляет в тени связь понятий с жизнью, с действительностью. У него нет постоянного соотношения, соприкосновения понятий с жизнью. Мы уже отмечали, что он учитывает связь познания с практикой, общественно-исторической деятельностью людей. Да, но недостаточно, не в той мере, в какой общественно-историческая практика выступает базой, основой формирования и развития понятий. Практика, по мнению Гегеля, суть форма воплощения понятий в жизни. В этой мере она и учитывается им.

Понятие Гегель рассматривает как воплощенное единство *всеобщего, особенного и единичного*. Понятие не есть просто общее, противостоящее единичному и особенному, а такое общее, которое в самом себе, в своем развитии содержит свое другое, т.е. единичное и особенное. Такое понятие Гегель называет «конкретно-всеобщим». Когда общее выступает само по себе, а единичное само по себе, вне связи друг с другом, не как тождество противоположностей, тогда мы имеем дело с «абстрактно-всеобщим». Отрыв всеобщего от особенного и единичного несостоятелен потому, что такая абстрактная всеобщность, находящаяся вне особенного, сама представляла бы новое особенное. Ограниченность рассудка заключается в том, что он упраздняет как раз то определение, которое сам устанавливает. Рассудок стремится отделить особенное от всеобщего, а на проверку выходит, что особенное благодаря этому возведено во всеобщее.

⁴⁰⁹ Там же. С. 345.

Истинное всеобщее, рассматриваемое в единстве с особенным и единичным, является результатом истории познания.

Между абстрактно-общим и истинно-всеобщим существует громадная разница: всеобщее понятие не абстрактно, а конкретно. Здесь Гегель нащупал подлинную диалектическую категорию. Если всеобщее имеет конкретный характер, то оно едино с особенным и единичным. Конкретное всеобщее есть результат развития, нечто ставшее. О конкретном понятии можно сказать, что оно является простым определением, но оно есть такое простое, которое содержит внутри себя наивысшую степень различия и определенности. Поэтому простота понятий коренным образом отличается от простоты бытия, лишенного всякого определения и потому представляющего собой такое простое, которое исчезает в своей противоположности; его понятием служит становление.

Кроме того, при характеристике понятия конкретного всеобщего Гегель часто сравнивает его с бытием, которое вследствие своей бедности исчезает в своем другом, имеет своей истиной некоторое отличное от него самого определение. Всеобщее как конкретное понятие не исчезает в своем другом, сохраняет себя в нем, проявляется сквозь и через него. «...Всеобщее, даже когда оно придает себе какое-то определение, *остается* в нем тем же, что оно есть. Оно *душа* того конкретного, которому оно присуще, не стесненное и равное самому себе в его многообразии и разности»⁴¹⁰.

Важнейший принцип гегелевской теории понятия составляет *принцип противоречия*, объясняющий и обуславливающий все другие, нами уже рассмотренные, принципы. Противоречие — не только источник развития понятия, но также критерий его полноты и конкретности. Конкретное понятие — это то, что не отвергает своей противоположности, а органически соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним к синтезу.

Не противоречие есть нечто алогичное, мистическое, а предмет или понятие, мыслимые без противоречий. Противоречие суть закон жизни предмета и пронизывающего его понятия. Поэтому следует познать позитивную, эвристическую роль противоречия и уметь руководствоваться этим положением. Только так можно преодолеть рассудочный, переходящий в метафизический, способ мышления. Сам Гегель в своих основных произведениях оставил нам образцы именно такого творческого обращения с противоречием.

⁴¹⁰ Там же. Гегель. Наука логики. Т. 3. С. 37.

Гегель рассматривает идею конкретного понятия не только в логике, но и в применении к конкретным наукам. Благодаря диалектическому методу и учению о конкретном понятии он преодолел формальное, отвлеченное «или – или» своих предшественников и создал свою историю философии. С позиций теории конкретного понятия Гегель подвергал критике тех, кто рассматривал предшествующую историю как сплошное заблуждение. Подобный подход к истории культуры, к истории философии в частности, он оценивал как рассудочный. Он считал, что каждая последующая философская система не просто отрицает предшествующую, а снимает ее, т.е. включает в себя все положительное содержание предшествующей философии и развивает его дальше. Гегель показал, что развитие истории философии, как развитие всякой другой науки, есть процесс, процесс «прогрессирующего развития истины».

Принцип конкретности пронизывает и «Эстетику» Гегеля. Художественное творчество составляет важнейший компонент духовной культуры человечества и может быть понято в единстве «с наиболее общими проблемами мировоззрения», другими словами, в тесной связи с религией, философией, нравственностью, правом и т.д. Больше того, необходимо дойти до установления общей их основы, «общего корня», контуры которого можно вывести из анализа экономических, юридических, нравственных и других отношений людей. Гегель учитывает, что «каждое художественное произведение принадлежит своему времени, своему народу, своей среде и зависит от особых исторических и других представлений и целей»⁴¹¹.

Основные виды искусства и его основные понятия (прекрасное, идеал, характер, образ и т.п.) раскрываются в историческом плане, в поступательном движении от простого к сложному, от абстрактного к конкретному.

Эстетическую деятельность Гегель рассматривает во взаимосвязи и переплетении с различными формами человеческой практики, и прежде всего с трудовой деятельностью людей.

⁴¹¹ Гегель. Эстетика. Т. 1. С. 21.

ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПА КОНКРЕТНОСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Принцип конкретности является важнейшим принципом материалистической диалектики, он имеет фундаментальное значение в развитии и синтезе научно-теоретического знания. В диалектико-материалистической логике принцип конкретности разработан всесторонне и глубоко. Гегелевская же трактовка этого принципа при всем своем значении страдала серьезными недостатками. Будучи объективным идеалистом, Гегель не смог раскрыть и разработать подлинное, продуктивное содержание принципа конкретности в научно-теоретическом познании. Поскольку он гипостазировал, отрывает человеческое мышление от реальных общественных отношений, от действительных связей, постольку его рассмотрение конкретного в конечном счете является абстрактным.

Основной порок гегелевской логики состоит в том, что она исходит прежде всего из «саморазвития мысли», понятия. Развитие действительного предмета, реальных явлений рассматривается ею, по меткому определению Маркса, как «результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления»⁴¹².

Принципиально по-иному трактуется природа принципа, понятия в материалистической диалектике. Понятие для нее есть мысленное воспроизведение, логическое усвоение объективного взаимоотношения вещей и явлений. Для Маркса все богатство особенного и единичного содержится вовсе не в понятии, как казалось Гегелю, а в тех реальных отношениях, которые объективно являются всеобщими отношениями объекта, откуда и вытекает природа конкретного.

В объективной действительности сущность, закономерность явления реализуется в особенном и единичном. В свою очередь особенное и единичное в их совокупности и взаимосвязи образуют «истинную общность», отличную от других общих. Поэтому сущность, закономерные связи явлений раскрываются не в отвлечении от особенного и единичного, а посредством глубокого анализа особенного и единичного. В «Капитале» К.Маркс подвергает глубочайшему анализу не

⁴¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

понятие товара, а анализирует «самое массовидное», «миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества».

Последовательно научная трактовка принципа конкретности осуществлена в диалектико-материалистической логике, являющейся универсальной методологией научного познания. Диалектическое мышление, опираясь на общественную практику, исследует глубокую закономерность, противоречивость объективной реальности. В.И. Ленин писал: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными *противоположностями*...». И далее: «Не только (1) *связь*, и *связь* неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое...»⁴¹³. В.И. Ленин рассматривал диалектику как метод познания «всех процессов мира в их *самодвижении*», в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни...»⁴¹⁴.

В диалектическом познании действительности велика роль принципа конкретности, который, являясь сложным теоретическим методом исследования, обеспечивает объективность познания, соответствие наших теоретических представлений действительности. Конкретное познание – это такой продуктивный теоретический способ воспроизведения объекта, когда действительность исследуется как единство многообразного, внутренне расчлененное единство различных форм его существования. В отличие от формального, отвлеченного рассмотрения, конкретное понимание, по Ленину, не ограничивается выявлением общего, одинакового для данного класса явлений, а стремится выявить всеобщие определенности предмета, исследует его внутренние связи, раскрывает реальные отношения предмета внутри некоторого целого, определяет место и роль данного явления в системе взаимодействующих явлений.

«*Совокупность* всех сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* – вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики...»⁴¹⁵. «*Цельность, совокупность моментов действительности*, которая в *своем развертывании* оказывается необходимостью».

Развертывание всей совокупности моментов действительности NB=сущность диалектического познания⁴¹⁶. Важнейшее значение

⁴¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98, 159, 318.

⁴¹⁴ Там же. С. 317.

⁴¹⁵ Там же. С. 178.

⁴¹⁶ Там же. С. 141.

конкретного познания объективной действительности состоит в том, что оно является той теоретической «естественной» формой, в которой реализуется истина. Конкретное в мышлении поэтому выступает не как простое соединение, сочетание выделенных абстракций, а как действительный синтез, содержательное познание, в процессе которого выявляются сущности, всеобщие определенности, противоречивая природа объективной реальности.

Такое конкретное в мышлении является результатом теоретического познания действительности, оно воспроизводит в познании объективно-исторический процесс становления и формирования предмета. Следовательно, конкретное, диалектическое познание действительности – не искусственный прием, а адекватный предмету метод. В отличие от отвлеченного понимания диалектико-логический метод конкретного познания – целостный метод, он выступает как идеальная форма объективного развития предмета.

Объективная материальная действительность сама по себе конкретна, она является внутренне взаимосвязанным и внутри себя расчлененным объектом. Конкретное, по характеристике К.Маркса, есть единство многочисленных определенностей. В теоретическом мышлении конкретное внутренне взаимосвязанного объекта невозможно воспроизвести сразу. Его можно теоретически выразить лишь в результате движения мышления от абстрактного к конкретному.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть способ теоретического воспроизведения, освоения объективной действительности, а не возникновения самой реальной действительности, как это представлялось Гегелю. К.Маркс разъяснял: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе

конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»⁴¹⁷.

Таким образом объективное, конкретное, внутри себя расчлененное целое подчиняется своим внутренним закономерностям и не зависит от познающего субъекта. Движение от абстрактного к конкретному есть лишь теоретический способ познания действительности. Но это не означает, что абстрактное и конкретное являются только характеристикой теоретического мышления. Они есть прежде всего характеристика самого объекта.

Конкретное означает «внутренне расчлененное единство различных форм существования предмета», единство многочисленных определенностей. Но единство понимается не в смысле простого тождества, а как единство различного. Диалектически понятое единство, конкретное тождество существенно отличается от абстрактного тождества старой, недиалектической логики. Например, биологический вид, элементарные частицы, современная эпоха – все они внутри себя расчлененные, внутренне связанные системы. Каждая из этих систем есть не просто механический агрегат различных признаков, а единство различных определенностей, каждая из них – внутренне определенная конкретная система.

Целью научно-теоретического познания является воспроизведение объективной реальности в логике мышления. Подлинно научное воспроизведение действительности раскрывает объекты такими, какими они являются в объективной реальности, т.е. в единстве его определений.

Законы познания объективного конкретного и выражение его в логике мышления не укладываются в рамки формальной логики. Это задача диалектической логики, которая познает действительность в системе категорий, внутренне связанных и вытекающих друг из друга. Внутренним стержнем всех категорий диалектической логики является закон единства противоположностей. Категории диалектической логики конкретны в целом, в системе, но они конкретны также в своей парности, ибо выражают собой единство противоположностей.

Категории диалектической логики в своем единстве воспроизводят действительность как единство многообразного, как конкретное.

В «Капитале» К.Маркс показал образец диалектического, конкретного воспроизведения действительности в научной теории. По это-

⁴¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

му поводу В.И. Ленин писал, что если К.Маркс не оставил Логики с большой буквы, то он оставил логику «Капитала». Он теоретически воспроизводит производственные отношения капиталистического общества, начиная с самого простого отношения, с отношения товаров, и кончая сложными экономическими отношениями. Категории здесь так внутренне связаны друг с другом, как это обстоит в самой действительности. Следует отметить, что сами категории «Капитала» не развиваются, не образуют систему и не живут самостоятельной жизнью, как это происходит у Гегеля, они есть лишь отражение реально существующих экономических отношений.

В диалектико-материалистической логике всесторонне разрабатывается не только общее положение о диалектическом и конкретном познании, но и тщательно раскрываются механизмы и действительные принципы, обеспечивающие всеобщие условия конкретного познания конкретной действительности. Вопрос о конкретном, диалектическом познании объекта, предмета может остаться только пожеланием, фразой, если не разработать те теоретические рычаги, принципы, всеобщие условия, которые реально способствуют такому познанию. Здесь прежде всего речь идет о **принципе целостного рассмотрения предмета**. По мнению В.И. Ленина, для конкретного, диалектического познания действительности недостаточны примеры, перечисление признаков, а необходимо целостное рассмотрение предмета, выявление его сущности и тенденции. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»⁴¹⁸.

В исследовании сложных социальных явлений, по Ленину, требуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса в целом, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата. Та же самая теоретическая установка четко сформулирована в его работе «Статистика и социология». Здесь, подчеркнув недопустимость преувеличения роли примеров в исследовании общества, он писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фантиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их

⁴¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»⁴¹⁹.

В конкретном анализе предмета целостное рассмотрение объекта – не искусственный прием, а универсальный теоретико-логический принцип, выработанный в результате сложного развития истории философии и научного познания.

Продуктивность целостного рассмотрения предмета связана с тем, что вещь, явление выражают свою сущность, действительное содержание – только в их включенности в целое, как момент развивающегося целого. В этой связи раскрыть сущность, содержание вещи прежде всего означает выявить ее место внутри целого. «Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого, – писал Гегель, – вне которого оно есть необоснованное предположение, или субъективная уверенность. Многие философские произведения ограничиваются тем, что высказывают таким образом лишь умонастроения и мнения»⁴²⁰. В своей философии Гегель целостное рассмотрение связывал с изображением идеи, постижением субстанциальной природы духа. Он выразил это так: «Талантливый историк, например, имеет перед собой в живом созерцании *целое* подлежащих его описанию состояний и событий; напротив, тот, кто не имеет таланта к изображению истории, задерживается на частностях и за ними упускает из виду субстанциальное»⁴²¹.

В диалектической логике целостность рассматривается не как мысль, а как объективно-всеобщее, закономерное отношение и связи индивидов, единичностей. Поэтому целостное, всеобщее не существует отдельно от единичностей, индивидуальностей. В свою очередь единичное неинтересно для научного познания в его абсолютной неповторимости, вне его связи с целым. В объективной действительности целостность, закономерность явлений реализуется в особенном и единичном. Так, например, биологический вид как общность проявляется в составляющих его индивидах, человеческое общество – в единичном и особенном, а вне их не существует.

В объективном мире, таким образом, мы имеем внутренне связанную, внутренне расчлененную систему связей и отношений. При этом каждая система связей образует определенное целое, в котором есть

⁴¹⁹ Там же. С. 350.

⁴²⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974. С. 100.

⁴²¹ Гегель. Соч. Т. 3. М., 1956. С. 251.

особенное, выполняющее в этой системе функцию всеобщего отношения. В свою очередь, особенное и единичное в их совокупности и взаимосвязи образуют «истинную общность», отличную от других общих. Таким образом, каждое явление имеет свое значение не в его обособленности, а как часть некоторого целого. Ни один элемент не следует произвольно вырывать из конкретного целого и рассматривать изолированно. Аристотель справедливо отмечал, что рука, оторванная от туловища, уже не является рукой.

Целостное рассмотрение является важнейшим элементом диалектического познания конкретной действительности. В настоящее время бесспорность его, можно сказать, общепризнанна. В частности, видный представитель американской «философии науки» П.Фейерабенд, требуя объединить противоречивые тенденции в теории научного знания, пишет, что целостный синтетический подход «является истинной сущностью диалектического материализма»⁴². В том же духе неоднократно высказывался К.Поппер: «Историцизм интересует развитие не аспектов социальной жизни, а «общества как целого» и тут же подчеркивает, что «холистический (т.е. целостный) подход является самым сильным элементом в союзе историцизма и утопизма»⁴³.

Диалектическое понимание целостности, конкретности формировалось в результате трудного и сложного развития истории философии и науки. Зачатки и первые наброски этого теоретического принципа обозначились еще в философии Платона. В книге о государстве, рассматривая понятие справедливости, Платон предложил рассмотреть его целостно. «Справедливость, – пишет он, – мы находим не только у отдельного лица, но также и в государстве, а государство больше отдельного лица. Она поэтому будет выражена в государствах более крупными чертами и ее легче будет распознать...» Он намерен поэтому «рассматривать справедливость такой, какой она является в государстве»⁴⁴.

Принцип целостного рассмотрения так же продуктивно применен в философии Аристотеля, согласно которому сущность предмета не сводится к тем элементам (материи), из которых состоит предмет, а определяется той формой, которая делает данный предмет данным предметом. Поэтому понять дом не означает указать на кирпичи, из

⁴² Feyerabend P. Consolations for the specialist. – In: Criticism and the Growth of Knowledge/ Cambridge, 1970.

⁴³ Popper K. The poverty of historicism. London. 1961. P. 74.

⁴⁴ Платон. Сочинения. Т. 3. С. 144. (Цит. по: Герель. Соч. Т. X. С. 200-204).

которых строится дом, а надо указать идею архитектора, которая дает всем элементам целесообразное направление.

Идею целостного рассмотрения Аристотель глубоко применял и в своей социальной философии. Примером такого рассмотрения является его «Политика». Здесь при определении добра и зла, справедливости и несправедливости он, как и Платон, обращает особое внимание на государство. Человека же определяет как политическое существо: «Объединение людей составляет семью и государство, — пишет он, — но между этими двумя объединениями существует такое соотношение, что государство по природе... «предшествует семье» и «каждому отдельному человеку»⁴²⁵.

По этому поводу Гегель справедливо замечал: «Аристотель не делает отдельного человека и его права основным принципом, а признает государство чем-то по своей сущности высшим, чем отдельный человек и семья, потому что оно составляет их субстанциональность. «Ибо целое есть первое по сравнению с частью. Если, например, исчезнет человек, то нет ни рук, ни ног помимо названия, как, например, мы называем рукой каменную руку, ибо отрезанная рука все равно, что каменная». Когда человек умер, с ним гибнут все члены. «Ибо все определено посредством энтелехии и возможности»⁴²⁶.

В истории философии, таким образом, целостное рассмотрение выступает как синоним теоретического, конкретного понимания предмета. В новое время целостное рассмотрение предмета развито в исследованиях Б.Спинозы и Г.Лейбница. Для Спинозы абсолютной целостностью обладает лишь субстанция, к которой сводятся все другие части. Он писал: «...В отношении к субстанции я считаю, что каждая отдельная часть ее находится в еще более тесном единении (*unio*) со своим целым [т.е. с субстанцией]. Ибо так как природе субстанции (как я пытался доказать это раньше, еще когда я жил в Рейнсбурге) принадлежит быть бесконечной, то отсюда следует, что каждая отдельная часть целой телесной субстанции необходимо принадлежит и целой субстанции и без остальной субстанции [т.е. без всех остальных частей этой телесной субстанции] не может ни существовать, ни быть мыслимой»⁴²⁷.

В понимании природы единства и целостности четко вырисовывается отличие теоретического подхода к предмету от эмпирического

⁴²⁵ Гегель. Соч. Т. X. С. 302.

⁴²⁶ Там же. С. 302-303.

⁴²⁷ Спиноза Б. Избр. произв. Т. II. М., 1957. С. 514.

исследования. Мысль представителей эмпиризма всегда остается на поверхности явлений, констатирует факты, не проникает в глубинные связи. В своих исследованиях они видят односторонне только многообразие, но не замечают целостности, внутренней связи, которые обнаруживаются тогда, когда мы идем дальше односторонних определенностей. Поэтому эмпиризм в теоретической и практической деятельности занят главным образом устранением разнообразия и различных тенденций. В области теории его основной заботой является непосредственное сведение разнообразия к общему, одинаковому. Представители этого направления в многообразии видят нечто несовместимое с единством и целостностью.

Теоретическая несостоятельность и ограниченность эмпирического понимания знания и обобщения стала общим местом для современной философии. Так, например, И.Лакатос пишет: «Согласно классическому эмпиризму наука пользуется индуктивным выводом: сначала собираются некоторые факты, а затем... производится процедура индуктивного вывода теории, которую индуктивисты совершенно естественно называют обобщением»⁴²⁸. «Индуктивист, – продолжает Лакатос, – занят только тем, что «вылавливает... предложения, описывающие твердо установленные факты и индуктивные обобщения», но он «не может дать рационального, «внутреннего» объяснения тому, почему на первой ступени некоторым фактам было отдано предпочтение перед другими. Для него это иррациональная... проблема»⁴²⁹.

Важнейшее значение целостного рассмотрения предмета раскрыто также в работах известного французского историка времен Реставрации О.Тьерри. Он неоднократно подчеркивал, что умение охватывать только общее, единое и непонимание их связи с различным, т.е. неумение раскрыть целостную природу предмета неминуемо ведет к упрощению и искажению прошлой истории. Касаясь этой стороны вопроса, он писал: «Великое правило, которое следует рекомендовать историкам, заключается в том, что надо различать, а не смешивать, ибо уменьшение разнообразия еще не приводит к истине. К несчастью, посредственные умы склонны к однообразию. Однообразие так удобно! Если оно все искажает, то по крайней мере смело разрешает все вопросы, и с ним никакой путь не труден. Этим объясняется, почему

⁴²⁸ Lakatos L. Changes in the problem of inductive logic. – in: The problem of inductive logic. Amsterdam, 1968. P. 328-329.

⁴²⁹ Lakatos L. History of science and its Rational reconstructions. – In: Boston Studies in the philosophy of science. Dordrecht, 1970. Vol. VIII. P. 94.

наши анналисты стремятся к историческому единству. Оно им нужно во что бы то ни стало, они хватаются за имя народа, они прослеживают его через все эпохи, и вот уже в их руках нить Ариадны»⁴³⁰.

В данном случае Тьерри четко понимает, что абстрактно-общее ни в коей мере не выражает сущность исторического процесса. Только единство многообразного и прослеживание внутренней связи явления дает нам понимание сущности общественных явлений. Сущность предмета – не какое-либо абстрактное одинаковое, а своеобразное сочетание, единство, совокупность многочисленных связей. Поэтому Тьерри продолжает: «Главное достоинство национальной истории, написанной для великого народа, должно заключаться в том, чтобы никого не забывать, никем не жертвовать и для каждой части территории описывать тех людей и те факты, которые к ней относятся. История родной страны, родной провинции, родного народа является единственной, которая пробуждает в нашей душе патриотический интерес. Другие истории могут казаться нам занятыми, поучительными, достойными удивления, но они не волнуют нас в такой мере»⁴³¹. После этих общеметодологических рассуждений Тьерри стремится проанализировать французскую историю и показать те искажения, которые имели место в изложении истории французского народа.

Стремление понять смысл, внутренние связи эмпирических фактов является важнейшим свойством теоретического познания.

В своей работе по поводу сочинения Г.Галлама «Конституционная история Англии...» Тьерри резко критиковал манеру абстрактно описывать перемены, совершавшиеся в стране. Труд Галлама он характеризует как наиболее полный и толковый обзор законов и парламентских актов Англии. «Такого рода описания с первого взгляда подкупают, – писал Тьерри, – но в действительности они далеко не столь поучительны, как это кажется. Они страдают тем существенным недостатком, что... законодательные акты излагаются в них вне связи с обстоятельствами, которые их породили и точное изображение которых только и может установить их подлинный смысл. Автор «Конституционной истории...» устремляет все свое внимание на изучение законов и административных документов, что же касается последовательности исторических фактов, то обыкновенно он полагается здесь на первое попавшееся ему под руки повествовательное изложение, не

⁴³⁰ Тьерри О. Избр. соч. М., 1937. С. 209-210.

⁴³¹ Там же. С. 208.

подвергая фактов новой критической проверке, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы глубже проникнуть в социальное бытие, изменения которого обуславливают собой различные стадии законодательства»⁴³².

В данном случае Тьерри разбирает типичный случай эмпирического подхода к историческим явлениям. В этих исследованиях есть, казалось бы, все: факты, кропотливое описание, эрудиция, но не хватает понимания истинного смысла фактов. Поэтому такие исторические исследования остаются абстрактными. Тьерри подчеркивает, что «реальные мотивы, лежащие в основе этих актов, лишь слабо просвечивают в небольшом количестве исторических фактов, которые случайно подвернулись ему под перо. Мы видим конституцию английского народа в различные эпохи, но мы нигде не видим самого английского народа»⁴³³.

Французские историки времен Реставрации стремились внедрить в историческую науку целостное, теоретическое понимание предмета. В этом отношении интересна книга О.Тьерри «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия», о которой Маркс писал Энгельсу: «Из его изложения прекрасно видно, каким образом происходит возвышение класса, в то время как различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, и различные части класса, приобретавшие влияние благодаря этим формам, гибнут. Этот последовательный ряд метаморфоз, проделываемых классом, пока он не достигнет господства, нигде, по-моему, до этого не был изображен так хорошо — по крайней мере по богатству материала»⁴³⁴.

Тьерри стремился конкретно проследить становление третьего сословия. В предисловии к книге он так определил свой метод: «Приходилось создавать для нее (т.е. истории. — *Авт.*) плоть, отстраняя в исторических явлениях путем отвлечения все, что сюда не относится; нужно было внести жизнь и повествовательный интерес в последовательный ряд суждений и общих фактов»⁴³⁵.

В отличие от эмпирических и абстрактных способов рассмотрения, Тьерри исходит прежде всего из понимания конкретного целого, логически раскрывает внутреннее содержание предмета, историю возникновения и развития которого собирается проследить. Поэтому его

⁴³² Там же. С. 263.

⁴³³ Там же. С. 264.

⁴³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 322.

⁴³⁵ Тьерри О. Избр. соч. С. 7.

исследование имеет своим результатом не абстрактную, формальную историю, а конкретную, целостную историю реально происходящего явления.

Диалектико-логический принцип конкретного, целостного рассмотрения явлений выступает не каким-то удобным принципом, конвенцией, он объективно имеет великое значение в познании. В нем отражаются внутренние связи объективной конкретной системы. Если целостная система содержит в себе всю историю в свернутом виде, то логический анализ этого конкретного и выявление всеобщего элемента в нем может совпадать с исходной и зародышевой формой системы в историческом развитии. То, что является, первым в истории, служит первым также в логике, так как существует диалектическое совпадение истории и логики. Естественно возникает вопрос: почему необходим целостный подход в конкретном познании конкретной действительности? Каково его логико-гносеологическое преимущество в познании объективной реальности?

Целостное рассмотрение предмета, объекта имеет принципиальное преимущество по сравнению с эмпирическим, плюралистическим подходом, так как оно с самого начала выступает аспектом, моментом конкретного, теоретического познания действительности. При этом целостное рассмотрение – не внешний, а имманентный предмету метод познания, воспроизведения объективной реальности. Например, каждый предмет имеет свое действительное содержание не сам по себе, не в изолированности, а как момент конкретного целого. Поэтому-то целостный подход к действительности дает возможность напасть на след закономерности исследуемого предмета, способствует выявлению сущности, внутренней связи предметов и явлений.

Методологическое преимущество данного метода состоит далее в том, что без целостного подхода принципиально невозможно выявить и раскрыть такие важнейшие аспекты в построении научной теории, как открытие начала, сущности, коренных движущих сил исследуемой предметной области. Известно, какое фундаментальное значение имеет в построении теории выявление начала, сущности объективной предметной действительности. Без выявления начала, всеобщего предметной области невозможно осуществить теоретически систематическое постижение исследуемого предмета, невозможно продуктивно провести метод восхождения от абстрактного к конкретному. Однако такую теоретико-познавательную концепцию не разделяют многие

современные философы. Отсутствие целостного подхода ведет их к растерянности, к пессимистической логико-эпистемологической картине. В этом отношении характерна логико-теоретическая концепция К.Поппера, разрабатываемая им в так называемой «критической эпистемологии обыкновенного знания». В своей критике традиционной эпистемологии он решительно отрицает познавательное и продуктивное значение понятия начала. «Выбор начала исследования несуществен, — пишет он, — так как оно, подобно всему остальному, может быть критически пересмотрено и исправлено»⁴³⁶.

Теоретическая позиция К.Поппера несостоятельна. Внимательное изучение процесса формирования научно-теоретического знания свидетельствует, что выявление начала, всеобщего существенно, важно, оно имеет великое познавательное значение в теоретическом познании. Правда, начало теоретического познания имеет свое определение, своеобразную характеристику, оно — всеобщее, элементарная конкретность, «клеточка», наиболее абстрактное в данной предметной области. По этой причине начало выявляется только посредством теоретического анализа предмета. Это понятно, так как начало не есть просто общее, элемент исследуемого объекта, который выявляется обычно посредством простого эмпирического анализа. В отличие от эмпирического анализа теоретический анализ подходит к предмету целостно.

Поэтому начало анализируемого предмета — не абстрактно простое, элементарное, а всеобщее, простейшее данного конкретного целого. Постоянное удержание в мысли целого, т.е. целостной идеи, имеет важное логико-теоретическое значение в научном познании объективной действительности.

То же самое происходит при выяснении сущности предметов и явлений. Целью научного познания является познание внутренней связи, сущности предметов и явлений, которые объективно постигаются только в результате целостного, конкретного рассмотрения. Действительно, сущность предмета, то, что делает данный предмет данным предметом, принципиально не постижимо, когда мы пытаемся выявить сущность в результате сравнения одного предмета с другими, когда познание объекта начинается с анализа, сравнения. При таком методе исследования обнаруживаются общие признаки, существен-

⁴³⁶ Popper K. Objective Knowledge. An evolutionary approach. Oxford. Clarendon press. 1973.

ные для данного класса явлений, но ни в коей мере невозможно понять сущность, то, что делает данный предмет данным предметом.

Чтобы яснее выразить эти мысли, обратимся к истории понятия «человек». Вся домарксистская философия рассматривала человека отвлеченно. Она пыталась выработать понятие человека прежде всего путем сравнения одного индивида данного класса с другим (Петра с Иваном и т.п.). При этом было обнаружено несколько общих признаков человека: наличие языка, мысли, прямая походка и т.п. В итоге дальнейшего обобщения домарксовская философия в исследовании человека самое большее могла прийти только до той мысли, что человек – разумное, мыслящее существо.

В отличие от всей предшествующей философии в исследовании понятия «человек» К.Маркс выработал новый методологический и логический принцип. Он пытался выработать понятие «человек» не путем выделения общего у различных индивидов, а посредством глубокого рассмотрения реального, конкретного целого. По отношению к человеку таким целым, реальным субъектом является не отдельный индивидуум (Иван, Петр), а человеческое общество. Поскольку выделено такое конкретное целое, постольку внимание исследователя направлено на выявление его всеобщего основания. Всеобщим условием человеческого общества, по Марксу, является труд. Отдельный человек может и не производить, но общество в целом не может не производить. Итак, субстанция человека есть труд. Все другие человеческие определенности, например, прямая походка, язык, мышление, вполне объясняются, исходя из труда.

Если придерживаться традиционного взгляда, то такое определение человека просто невозможно, так как труд не является общим признаком всех людей. Производство орудий труда – особый признак людей, которые непосредственно занимаются в сфере производства. Отсюда излюбленное возражение представителей старой логики: «Разве Сократ не человек?» Сам по себе этот вопрос является следствием недиалектического мышления, так как сущности противопоставляется эмпирическая форма проявления. Действительно, всеобщим условием, субстанцией человека является производство орудий труда, но Сократ, Рафаэль не производили орудий труда, они занимались другой деятельностью. Спрашивается, как быть в таком случае?

Старая логика требует уточнения исходного определения. Величие Маркса состоит в том, что он последовательно провел свой исходный

теоретический принцип, разрешил все противоречия, возникшие на этом пути.

В теоретической деятельности Маркса принцип целостного рассмотрения реализуется и в том случае, когда исследуется единичность. С первого взгляда создается впечатление, что этот случай как бы противоречит изложенному нами раньше. Однако здесь нет никакого противоречия: целостный подход, целостное рассмотрение реализуется, и в данном случае, если единичное, единичный случай рассматривается с точки зрения выявления всеобщих условий формирования всего целого. Так, при рассмотрении единичности внимание исследователя концентрируется не на особых определениях, не на признаках, а на всеобщих условиях формирования данного явления.

В «Капитале», например, анализируется единичное товарное отношение, непосредственный обмен одного товара на другой. Разумеется, исследователя в данном случае интересуют не особенности единичного обмена. Вообще с самого начала исследование ведется с целью выявить всеобщее условие целого, всеобщее условие товарно-капиталистических отношений.

Таким образом, целостное изучение является важнейшим и необходимым моментом конкретного теоретического познания действительности. Когда последовательно не проводится целостный способ рассмотрения предмета, то абстрактно-общее обычно смешивается с началом, формально-общее – с содержательно-общим, существенный признак предмета – с сущностью. При этом у исследователя, который знает только абстрактно-общее, возникает иллюзия, будто он познал начало, а те, кто знает только формально-общее, существенные признаки, могут воображать, что знают содержательно-общее, сущность предметов и явлений.

Следует подчеркнуть, что смешение начала с абстрактно-общим, содержательно-общего с формальнообщим, сущности с существенным признаком вовсе не безобидное явление в познавательной деятельности человека. Такое смешение недопустимо, оно порождает серьезные отрицательные последствия в познании действительности. Оно прежде всего проявляется в том, что на пути научно-теоретической деятельности возникают неразрешимые трудности. Действительно, когда абстрактно-общее выдается за начало, а существенный признак за сущность, то дальнейшее развертывание познания, в результате которого воспроизводится целостный и конкретный объект,

прекращается. Познание отличительной особенности предмета кажется познанием сущности, выработка общего представления порождает иллюзию понимания. Люди, выяснившие только особенность, получившие лишь представление о предмете, воображают, что имеют понятие, теоретическое знание о нем.

В научно-теоретическом исследовании еще одним заблуждением является то, что констатацию, выявление многих сторон, факторов исследуемого предмета выдают как синоним его конкретного рассмотрения. В действительности нет ничего более несостоятельного, неистинного, чем такое убеждение. Сущность предмета не совпадает с простой совокупностью признаков, суммой факторов, а есть, по характеристике В.И. Ленина, *своеобразное* сочетание этих определенностей. Поэтому подлинная сущность предмета доступна пониманию только тогда, когда охватывается, улавливается именно своеобразное сочетание, своеобразное проявление этого многообразного.

Таким образом, диалектико-материалистическая логика исходит из вполне определенного понимания сущности. Здесь под сущностью подразумевается не сумма факторов, не абстрактно-общий признак, а своеобразное сочетание, внутренняя взаимосвязь, взаимоотношение целого. Поэтому конкретное понятие трактуется как та логическая форма, в которой теоретически воспроизводится сущность, объективно конкретное в предметах и явлениях.

Важная заслуга Платона и Аристотеля, показанная выше, состояла в том, что они видели задачу познания в постижении этого целого. Поскольку они не могли отнести такое конкретное целое к элементам, постольку трактовали его в виде идеи, формы и т.п. Такое понимание получило свое дальнейшее развитие в гегелевской философии, в которой целостность, конкретность трактовалась как функция мышления, результат саморазвития объективного мышления. Преимущество гегелевского подхода состояло еще в том, что если Платон постулировал главным образом всеобщее, то Гегель рассматривал всеобщее в единстве с особенным и единичным.

В марксистской философии конкретное знание понимается только как духовная форма объективной конкретности, которую ни в коей мере нельзя свести к какой-либо эмпирической определенности. Объективная конкретность – единство многообразного. Отсюда конкретным понятием, отражающим это единство многообразного, может

быть не термин, не общее представление, а такая мысль, в которой охватываются в синтезе многочисленные определения объективного конкретного.

Объективно-конкретное как единство многообразного содержательно и противоречиво.

Мысль способна познать синтез многообразного только в том случае, когда она сама есть синтез многочисленных определений. Внутренним стержнем такой синтетической мысли опять-таки является закон тождества противоположностей. В самом деле, то абстрактно-общее, которое образовано посредством отвлечения от особенного и специфического в явлениях, действительно исключает противоречие, ибо, обнаружив противоречие, оно тотчас же старается дальше продолжить процесс абстрагирования и отвлечения. Другое дело с конкретно-всеобщим понятием. Оно отражает сущность, способ формирования предмета.

Если понятие определить как форму мысли, отражающей сущность, внутренние связи предмета, то абстрактно-общее ни в коей мере не должно считаться понятием. Дело в том, что в этих абстракциях охватываются лишь отдельные стороны объекта. В диалектической логике четко доказано, что конкретно-всеобщее понятие есть мысль, которая охватывает те связи, способ формирования которых делает данный предмет данным предметом.

Слабость абстрактного, рассудочного рассмотрения состоит в том, что оно не постигает конкретную целостность объективной действительности. Такая ограниченность присуща отдельным представителям современной философии, которые абстрактно трактуют общественное развитие, в противоположность научной теории общественного развития выдвигают так называемую «теорию многофакторности» явлений. В ней отсутствует закономерное понимание развития общества.

Марксистскому принципу детерминизма и историзма представитель современной философии Поппер противопоставляет свой волюнтаризм и эмпиризм. По его мнению, тенденции существуют, или, точнее, предположение, что они существуют, часто является полезным статистическим приемом. Ход человеческой истории, пишет Поппер в книге «Нищета историзма», в большой мере зависит от роста человеческих знаний. Но так как невозможно научно предсказать будущее расширение наших знаний, то нельзя предсказать будущий ход чело-

веческой истории⁴³⁷. Поэтому научная теория истории невозможна, а любые утверждения о будущем суть беспочвенные «пророчества», лишенные всякого объективного содержания⁴³⁸.

Тот же Поппер считает, что законы не являются предметом специального исследования и не дают руководящую точку зрения. Отсюда вытекают различные «интерпретации» истории, которые объясняют историческое развитие то как продукт деятельности великих людей, то как результат экономических процессов, то как следствие изменений в религиозных чувствах. Так делается вывод о правомерности множества «интерпретаций» и об отсутствии в исторической науке критерия объективности.

Методологическая несостоятельность концепции многофакторности состоит в ее эмпиричности и эклектичности. Действительность постигается наукой не посредством перечисления различных факторов, а путем выделения из всех отношений общественной жизни такого отношения, которое является основанием всех других. Марксистский монизм таким отношением считает экономические отношения и прослеживает их связь с другими отношениями в обществе. Плюрализм современной буржуазной социологии представляет собой эклектику, ведущую в конечном счете к идеализму.

К.Маркс понимал развитие общественно-экономической формации конкретно. При этом он не ограничивался объяснением общественно-экономической формации исключительно производственными отношениями, а постепенно прослеживал соответствующие надстройки. «Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, – писал В.И. Ленин, – что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую – с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями

⁴³⁷ В понимании Поппера марксизм является «взглядом, что история человечества имеет свой план, и, если мы сумеем его разгадать, то получим ключ к будущему» (Там же. С.338). Он, соглашаясь, что у марксистов на вооружении находится исторический метод, пишет: историк стремится «понять законы исторического развития. Если у него это получится, он, конечно, сможет предвидеть будущее развитие. Он сможет тогда подвести под политику прочную базу и дать практический совет, указав нам, какие действия в политике будут, по всей видимости, успешными или неуспешными» (*Popper K. Open Society and its Enemies. Vol. I. London, 1962. P. 8*)

⁴³⁸ *Popper K. Mistere de l'historisme. London. 1956. P. IX-X.*

свободы, равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями»⁴³⁹.

К пониманию многих коренных проблем современности (образ жизни, наука и мораль, научно-техническая революция и окружающая среда и т.п.) представители современной западной философии подходят абстрактно и отвлеченно. Односторонность и отвлеченность их метода рассмотрения общественных явлений состоит в том, что они, по существу, подменяют субстанциальные причины, определяющие истинную природу данного явления, теми факторами, явлениями, которые вовсе не выполняют такой функции в системе исследуемых общественных отношений. Изучая современные общественные отношения, отношение человека к окружающей среде, взаимоотношения науки и нравственности, такой философский метод не способен раскрыть их подлинные причины, а акцентирует внимание главным образом на те социальные факторы и процессы, которые не имеют решающего значения. Поэтому он в лучшем случае оттеняет побудительные причины, но не доходит до истинного основания. Как говорил Ф.Энгельс, не выявляет и не раскрывает побудительные причины побудительных причин.

В этом отношении весьма характерны теоретические позиции таких социологов и психологов, как Э.Фромм, А.Турен, О.Тоффлер, Ж.Фурастье, Р.де Джордж, Дж. Насемора и др. Обсуждая процессы, протекающие в западных странах, их образ жизни, они выявляют и тщательно описывают множество отрицательных явлений, фактов из жизни. Тут им нельзя отказать в наблюдательности, в знании фактов и т.п. Согласно Э.Фромму, человек в «постиндустриальном обществе» является по существу придатком системы бюрократически управляемого индустриализма. Индивид данного общества страдает бездуховностью, разрывом, дисгармонией ума и сердца, чувства и мысли, интегрально охвачен культом потребления, проявляет себя в потреблении, свободен в потреблении. Притом потребительный инстинкт «массового» индивида чрезмерно разжигается экономической и социальной структурой нынешнего западного общества. Э.Фромм в дальнейшем описал пустоту, духовную бедность «общества потребления», показал его перспективы. По его мнению, оно движется «к новому типу общества и к новому типу человеческой жизни, зачатки которых уже видны и которые очень быстро прогрессируют: это – общество

⁴³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 139.

типа «мегамашины», т.е. в высшей степени организованная и гомогенная социальная структура, функционирующая по принципу машины, где люди играют роль «винтиков»⁴⁴⁰.

Не менее ярко пустоту, однообразие образа жизни «общества потребления» описывает и другой социолог О.Толфлер, который отмечает, что там даже образ жизни стал моментом, аспектом потребления. «Массовые» индивиды, считает он, начинают потреблять «стили жизни точь-в-точь так же, как люди прежней, менее перегруженной выборами, эпохи потребляли обычные продукты»⁴⁴¹.

Абстрактность, отвлеченность исследований подобного рода ученых состоит в том, что они не идут дальше констатации, описания недостатков и пороков. Вместо того, чтобы рассмотреть коренные социально-экономические причины в качестве реального основания образа жизни «общества потребления», они видят причину тусклого однообразия последнего, его духовной пустоты в научно-технической революции и в культе потребления. Вместо того, чтобы выдвинуть решительные социально-экономические преобразования такого общества, эти социологи предлагают частные меры, небольшие реформы, которые якобы должны привести к улучшению ущербного образа жизни, снять его негативные аспекты. Касаясь этой стороны вопроса, справедливо писал В.И. Толстых: «Э.Фромм предлагает, не меняя социально-экономических основ буржуазного общества, превратить «бюрократически управляемый индустриализм» в некий «гуманистический индустриализм», где решающую роль будет играть человеческий фактор, а не социальная система или техника. В качестве альтернативы революционному изменению условий человеческого существования Фромм предлагает следующие меры по гуманизации «технического общества». Во-первых, «гуманистическое планирование», где критерием будет не максимальное развитие производства, а оптимальное совершенствование человека и, в частности, стимулирование его «жизнелюбия». Во-вторых, активизация и высвобождение человеческой энергии: превращение «пассивного потребителя» в инициативного и способного на «непосредственное общение» человека посредством оптимальной централизации с оптимальной вовлеченностью людей в процесс принятия и реализации решений. В-третьих,

⁴⁴⁰ *Fromm E. The revelation of hope Toward a humanized technology. Toronto – New York – London. 1968. P. 28.*

⁴⁴¹ *Toffler A. Future Shock. N. Y., 1970. P. 270.*

«гуманизация потребления»: воспитание у людей правильного понимания их подлинных потребностей после предварительного выяснения, какие именно потребности современного человека служат его совершенствованию и развитию»⁴⁴².

Абстрактность, и апологетичность данной программы «не подлежит никакому сомнению. Все пороки современного «общества потребления», его образа жизни коренятся и формируются на основе социально-экономических условий его существования. Чтобы преодолеть его пороки, необходимо решительно покончить с тем всеобщим основанием, антагонистическими производственными отношениями, которые обуславливают и постоянно формируют такой образ жизни. Частичные и абстрактные программы «добрых» социологов не могут привести ни к каким результатам по той простой причине, что они не затрагивают тех коренных движущих сил, которые непрерывно и постоянно порождают культ потребления, явления однообразия и убогой духовной жизни индивида в условиях такого общества.

Абстрактно и отвлеченно рассматривает западная философия также взаимоотношения научно-технической революции и окружающей среды. Во время XV Международного философского конгресса (Варна, 1973) философы Р. де Джордж, Д.Пасемора (Австрия), Д.Коэн (Англия), Д.Хук и Д.Филлипс (США) довольно-таки резко критиковали технику, техницизм, неосмотрительное отношение к окружающей среде, пессимистически описали картину будущего. Р. де Джордж выступил против отождествления техники с разумом, а критики техники – с критикой разума. Если рассматривать технику как парадигму рациональности, то связанный с техникой аналитический разум становится синонимом разума вообще. Но в действительности, по его мнению, кроме аналитического существует еще синтетический и диалектический разум.

Дж. Пасемора выступал противником как концепции «технического» оптимизма, так и тенденции «технического» пессимизма, призывал к технологической осторожности. Д.Коэн, Д.Хук и Д.Филлипс призывали к гуманистическому отношению к окружающей среде, предлагали различные меры разумного отношения к природе. При всех их благих намерениях постановка проблемы о технике, об экологии этими философами была абстрактна, отвлеченна. Обсуждая эту чрезвычайно актуальную проблему и предлагая различные способы ее решения, они

⁴⁴² Толстых В.И. Образ жизни. М., 1975. С. 79-80.

оставляют в стороне ее глубинные причины, хотят решать сложнейшие вопросы научно-технической революции, охраны окружающей среды, не принимая во внимание характер «общества потребления». Все эти кардинальные вопросы приобретают реальное содержание, смысл, своеобразие в зависимости от тех или иных конкретных социально-экономических условий, в которых существуют. Природу указанных процессов, их характер и тенденции невозможно осмыслить без учета характера социально-экономических причин, которые обуславливают и формируют сущность этих общественных явлений.

Другой важной определенностью принципа конкретности является стремление познать факты, явления на основе коренных движущих сил и глубинных процессов.

Научно-теоретическое познание возможно тогда, когда устанавливаются внутренние связи фактов. В ходе познания глубинных связей предметов и явлений теоретическое мышление проходит следующие ступени: выявление отношений твердо установленных фактов к первоначальному обобщению и нахождению закономерности явлений, сведение этой закономерности к истинной причине явлений, субстанции, коренным законам. Ступени такого проникновения познания в сущность, субстанцию предмета охвачены в следующем ленинском положении: «Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т.д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»⁴⁴³.

Диалектическое, конкретно-научное рассмотрение вопроса исключает выхватывание отдельных фактов, случайных явлений, а тщательно анализирует всю совокупность фактов, раскрывает их внутренние связи и взаимодействия. «Развертывание всей совокупности моментов действительности NB = сущность диалектического познания»⁴⁴⁴.

Диалектическое рассмотрение несовместимо с абстрактными и софистическими рассуждениями. «Софист выхватывает один из «доводов», – отмечает В.И. Ленин, – и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать репшительно для всего на свете»⁴⁴⁵. Так, Г.В. Плеханов, не сумев раскрыть коренную особенность первой мировой войны как продолжения политики империализма, высказывал абстрактные размышления, схожие с софистическим положением

⁴⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

⁴⁴⁴ Там же. С. 141.

⁴⁴⁵ Там же. Т. 26. С. 223.

К.Каутского: все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права социалистами всех наций. Такие суждения В.И. Ленин считал гнусным предательством марксизма.

Согласно марксистской логике, конкретное, диалектическое познание объективной действительности не исчерпывается сведением фактов (явлений) к коренным движущим силам, оно требует познания их как формы саморазвития, саморасчленения этой единой основы.

Важнейшей особенностью диалектического метода является познание предмета, явлений, «всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни»⁴⁴⁶, т.е. как единства противоположностей. Такой способ рассмотрения – важнейшая черта диалектико-логического метода анализа действительности. «Диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, *«самодвижении»* (как говорит иногда Гегель), изменении»⁴⁴⁷.

Коренные движущие силы по своей логико-гносеологической природе являются не просто общим, абстрактно-общим, а всеобщим, конкретно-всеобщим, исходя из которого можно понять природу данного целого. Если бы коренные движущие силы трактовались как абстрактно-общее, то дальнейшее развитие теоретической мысли было бы невозможно, ибо от абстрактно-общего невозможно теоретически восходить к конкретному.

В самом деле, восхождение от абстрактного к конкретному невозможно начать с любой абстракции, с любого произвольного пункта, а необходимо предпринять с такой определенности системы, которая является всеобщим основанием данной, исторически развивающейся системы. Поэтому важнейшее логико-теоретическое значение ленинской идеи сведения многочисленных фактов к коренным движущим силам состоит в том, что речь идет о выявлении основания, конкретно-всеобщей определенности системы. Именно коренные движущие силы являются субстанциальным определением предмета. В силу этого сведение многочисленных явлений к коренным движущим силам – не просто редукция конкретного к абстрактному, а своеобразный способ выявления всеобщих форм данного конкретного целого.

В научно-теоретическом познании объективной действительности, таким образом, первостепенное значение имеет рассмотрение много-

⁴⁴⁶ Там же. Т. 29. С. 317.

⁴⁴⁷ Там же. Т. 42. С. 290.

численных фактов, явлений исходя из всеобщих оснований. Без этого, собственно, трудно говорить о теоретическом, конкретном познании действительности. Однако такое теоретическое понимание объекта принципиально отличается от абстрактной редукции, которая обычно ограничивается сведением конкретного, сложного к его «абстрактно-общему выражению».

* * *

Важнейшей задачей диалектического, конкретного познания является целостное воспроизведение исследуемого объекта. Поэтому здесь сведение многочисленных фактов к единому основанию совпадает с выяснением конкретно-всеобщего в предметах. Кроме того, диалектическое, конкретное рассмотрение отнюдь не ограничивается сведением многочисленных явлений к их единому основанию, а пытается духовно воспроизводить предмет во всей его конкретной целостности. Для диалектической логики важно не только обнаружение всеобщего, но также выведение, движение от всеобщего к особенному и единичному. Диалектическое, конкретное познание заключается не в формальном подведении единичного и особенного под общее, а в теоретическом воспроизведении, логическом освоении движения от всеобщего к особенному и единичному.

Для подведения фактов, единичностей под общее правило обычно нет необходимости в диалектике. Диалектическое рассмотрение необходимо тогда, когда стремятся познать, воспроизвести сложное взаимоотношение всеобщего с единичным, разрешить противоречие конкретно-всеобщего с единичными формами проявления. Таким образом, диалектически, конкретно мыслить – это прежде всего умение применять понятия, принципы к реальной ситуации, к осмыслению определенных фактов. Применение общего положения к конкретной ситуации – не простая, формальная операция, оно предполагает сложное теоретическое осмысление связи всеобщего определения предмета с особенным и единичным.

Поэтому в целостном, конкретном воспроизведении объективной реальности фундаментальное значение имеет открытие *особенного*, посредством которого разрешается противоречие всеобщего и единичного. Так, например, прибавочная стоимость непосредственно не вытекает из стоимости, а обнаруживается и реализуется лишь на

основе нахождения такого особого товара, как рабочая сила. Как известно, анализ товара и обоснование трудовой теории стоимости осуществили уже классики английской политической экономии А.Смит и Д.Рикардо. Великая заслуга К.Маркса состоит в том, что он более глубоко рассмотрел природу этой категории и исследовал ее связь с прибавочной стоимостью, которая непосредственно не вытекает из стоимости, открыл и обосновал рабочую силу как товар. В результате такого теоретического исследования Маркс дал целостную картину буржуазного общества, осуществил движение от всеобщего к единичному и разрешил те противоречия, которые были камнем преткновения для всех буржуазных экономистов.

Подобным образом обстоит дело и в физике. Как известно, о принципе относительности и о конечности скорости света знали задолго до Эйнштейна, но эти положения тогда считались несовместимыми. Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он глубоко разрешил противоречия, совместил эти принципы, открыв такое особое, при помощи которого нашел связь принципа относительности с постоянством скорости света, т.е. открыл относительность одновременности и ее роль в преобразованиях Лоренца.

Сложность теоретического воспроизведения действительности состоит в том, что обычно в ходе углубления в познание объекта многочисленные факты, лежащие на поверхности, как бы противоречат всеобщему, общему принципу рассматриваемых явлений. Этот факт является камнем преткновения для формально-логически мыслящих ученых. Увидев такую ситуацию, они нередко приходят в замешательство, начинают сомневаться в истинности исходного теоретического принципа и непосредственно приступают к его «исправлению». Такой способ рассмотрения предмета, когда исследователь, руководствуясь принципом формальной последовательности, пытается переделать теорию, теоретическое воззрение на предмет, Маркс охарактеризовал как потерю теоретического понимания, как вульгарную концепцию о действительности.

В противоположность указанной концепции Маркс, Энгельс и Ленин постоянно требовали диалектически, конкретно воспроизводить объективную действительность, раскрывать ее противоречивую сущность, развитие и самодвижение. Они оставили образцы применения общего положения, принципа к конкретной ситуации посредством открытия особого, своеобразия момента, оставили блестящие примеры

глубокого разрешения противоречия сущности с формами проявления, всеобщего с единичным и т.п.

В.И. Ленин резко критиковал своих теоретических противников, извращавших истину, абстрактно противопоставлявших факты, единичное общему, всеобщему принципу исследуемого объекта. Он поправлял своих соратников, единомышленников, когда те допускали логико-теоретические ошибки, не умели разобраться в сложной диалектике социального развития. Так, В.И. Ленин отметил теоретическую ошибку И.Ф. Арманд, когда она, исходя из общего положения, сформулированного К.Марксом, что рабочие не имеют отечества, пыталась абстрактно, формально, без конкретного анализа обосновать отсутствие всяких национальных войн. Касаясь этого тезиса, В.И. Ленин писал: «*Вообще же говоря, мне сдается, что Вы рассуждаете как-то немного односторонне и формалистично. Взяли одну цитату из «Коммунистического Манифеста» (рабочие не имеют отечества) и хотите как будто без оговорок применять ее, вплоть до отрицания национальных войн.*

Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь а) исторически; б) лишь в связи с другими; γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁴⁴⁸.

Возникает вопрос: в чем именно состоит заблуждение И.Ф. Арманд? Она абстрактно исходит из общего положения, не учитывает его историчность, особое значение в системе особой конкретной ситуации. «Отечество понятие историческое, – напоминает В.И. Ленин. – Иное дело отечество в эпоху или еще точнее: в момент борьбы за свержение национального гнета. Иное дело – в момент, когда национальные движения далеко позади. Для «3-х типов стран» (§6 наших тезисов о самоопределении) не может быть одинаково применимо при всех условиях положение об отечестве и его защите»⁴⁴⁹. Следовательно, когда речь идет о сложных социальных явлениях, абстрактное рассуждение, формальная дедукция мало дает для понимания сути дела. Нельзя упускать из виду, что общее, в данном случае положение «рабочие не имеют отечества», всегда конкретно модифицируется в зависимости от того, о каких странах идет речь, зависит от конкретного обстоятельства.

В своих теоретических размышлениях Маркс и Энгельс применяли данное понятие конкретно. «В *Коммунистическом Манифесте*» сказано, что рабочие не имеют отечества.

⁴⁴⁸ Там же. Т. 49. С. 329.

⁴⁴⁹ Там же.

Справедливо. Но там сказано *не только* это. Там сказано еще, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и *забывать* его *связь* со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно.

В чем же состоит эта связь? По-моему, именно в том, что в *демократическом* движении (в такой момент, в такой конкретной обстановке) пролетариат не может отказаться от поддержки его (следовательно; и от защиты отечества в войне национальной)⁴⁵⁰.

Таким образом, диалектическое конкретное познание предмета не сводится к выявлению просто общего, общего положения, и подведению фактов, единичностей под это общее, абстрактное положение. В.И. Ленин требовал конкретного анализа конкретной ситуации. Важнейшим логико-теоретическим условием реализации этого методологического требования является раскрытие диалектики всеобщего, особенного и единичного. В самом деле, в процессе теоретического осмысления конкретного всеобщее условие данной предметной области непосредственно не совпадает с фактами, единичными формами проявления. В такой теоретической ситуации задача исследователя состоит вовсе не в противопоставлении единичного всеобщему или абстрактном подведении единичностей под всеобщее. И потому В.И. Ленин всегда призывал к глубокому осмыслению природы конкретного целого, рекомендовал теоретически разрешить противоречие всеобщего с единичным посредством открытия, выяснения специфической роли особенного. При таком понимании единичное не абстрактно, не формально подводится под всеобщее, здесь прослеживается действительное развитие всеобщего, его переход в особенное и единичное. В этой теоретической ситуации своеобразную функцию выполняет *особое*, в форме которого реально разрешается противоречие всеобщего и единичного.

С точки зрения диалектической логики общее, особенное и единичное не разные виды понятия, а аспекты одного и того же понятия. Подобно тому, как причина и следствие не являются двумя понятиями, а выступают как моменты, аспекты одного и того же понятия, так общее, особенное и единичное представляют собой не различные понятия, а моменты конкретного всеобщего, которое является не просто

⁴⁵⁰ Там же.

общим, противостоящим единичному и особенному, голой и абстрактной общностью, а таким всеобщим, которое в самом себе, в своем развитии содержит свое другое, т.е. единичное и особенное.

Диалектическое всеобщее понятие является воспроизведением, логическим усвоением объективного всеобщего. Оно отражает сущность объективной действительности, единство единичного и общего. Истинно всеобщее понятие образуется в результате научного анализа объективной действительности, познания внутренних связей аналитически выделенных определенностей. Характерная особенность конкретного понятия состоит в том, что в нем особенное и единичное не просто, не метафизически отрицается, а находится в диалектическом единстве. Конкретное всеобщее является отрицанием отрицания.

Абстрактно общее просто отрицает всякое особенное и тем самым опускается до уровня особенного. Первое отрицание присуще и абстрактному понятию, так как образуется путем отбрасывания особенностей конкретного. Для иллюстрации важной функции особенного в познании обратимся к идее В.И. Ленина об основном звене. Характеризуя необходимость конкретного анализа сложного клубка событий, он писал: «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной... цепи»⁴⁵¹. Основное звено в данном случае выражает сущность всего процесса, оно зависит от характера явления в целом. Общественные явления, как и всякие иные, не неподвижны. Следовательно, изменяется основное звено, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь.

Познание основного звена возможно лишь в неразрывной связи с явлением в целом, так как вне его оно не существует. Логическое содержание основного звена есть особое, которое синтезирует всеобщее и единичное. Основное звено бывает основным постольку, поскольку в нем разрешается противоречие всеобщего и единичного.

Все эти положения имеют величайшее значение в познании объективной реальности. Познание есть сложный диалектический процесс воспроизведения объекта. Воспроизвести в теоретическом мышлении объективную действительность возможно лишь тогда, когда объект

⁴⁵¹ Там же. Т. 36. С. 205.

рассматривается во всеобщей связи со всеми явлениями, т.е. целостно и конкретно. В форме конкретного понятия таким образом воспроизводится целостная картина объективной реальности, единство всеобщего, особенного и единичного.

Еще одним аспектом принципа конкретности является познание и прослеживание историчности сущности, субстанции предмета. Все в мире находится в постоянном изменении и развитии. Развитие действительно лишь в том случае, если изменение затрагивает сущность, существенные отношения предмета. Положение о том, что нельзя ограничиваться знанием сущности предмета, следует учитывать и ее развитие, очень важно, если иметь в виду, что развитие предмета не есть только процесс медленного роста, а является диалектическим формообразованием.

В домарксистской философии этот принцип первым разработал Гегель. Однако его постановка вопроса страдала определенной узостью. Дело в том, что он рассмотрел сущность лишь в сфере духовной деятельности. Хотя в этих рамках проследил ее достаточно глубоко. Ограниченность гегелевской постановки вопроса состоит в том, что он не смог проанализировать развитие, формообразование реальных общественных отношений. Это, однако, не помешало тому, что именно Гегель был тем мыслителем, который впервые во всей предшествующей философии проанализировал развитие сущности как философско-логическое понятие и даже выработал идею субстанции-субъекта. В «Науке логики» он неоднократно подчеркивал, что по сравнению с его философией ограниченность философии Спинозы состоит в том, что Спиноза в своей теоретической концепции дошло только до идеи субстанции, но не понимал понятия субстанции-субъекта.

Важнейшая заслуга Маркса, Энгельса, Ленина состоит в том, что они принцип развития сущности не только разработали как философскую категорию, развитие логических форм мышления, а всесторонне применили его как методологический принцип в анализе закономерности природы, общества и человеческого мышления. В отличие от Плеханова Ленин диалектику рассматривал не как абстрактную сумму примеров, а как логический метод конкретного анализа общественных явлений.

Положение о историчности сущности является результатом глубокого теоретического анализа, больших философских, логико-методологических размышлений. Оно тесно связано с пониманием развития

действительности. Ставший предмет это результат внутреннего изменения и самодвижения. Поэтому один этап развития предмета ни в коей мере невозможно редуцировать в пройденной форме, а необходимо понять и теоретически воспроизвести на его собственной основе. Вот почему в теоретическом исследовании недопустимо ограничиваться только рассмотрением абстрактной сущности предмета, а следует проследить и его развитие, видоизменение и формообразование.

Проблема развития сущности в анализе Маркса и Ленина выступает в двух аспектах: с одной стороны, это отношение сущности к формам ее проявления, с другой – отношение субстанции-субъекта.

Прежде чем перейти к этим двум аспектам, мы еще раз кратко остановимся на понятии сущности. Оно по своей природе относится к числу сложнейших понятий логической науки. Вся трудность состоит в том, что сущность не является субстратом, элементом, общим, а с самого начала фигурирует как результат некоего взаимодействия. Поэтому обычное разложение (анализ) целого на составные, эмпирические элементы не только не способствует познанию сущности, а, наоборот, ведет к ее потере. Вот почему в теоретическом анализе сущность не изображается неким остаточным явлением, а рассматривается как реальное движение, смысл целого, который возникает лишь в реальном отношении. Так, сущность человека, говорим мы, – не абстракт, а совокупность общественных отношений. Человек, оторванный от реальных общественных отношений, не является человеком в собственном смысле этого слова.

Поскольку сущность есть некоторое взаимоотношение, взаимодействие, внутренний смысл целого, постольку она существует только через это отношение и проявляется через те стороны, которые составляют данные взаимоотношения. Поэтому всегда существует отношение сущности и видимости, сущности и явления и т.п. Если сущность существует как некая внутренняя связь, взаимодействие и потому непосредственно не доступна, то явление функционирует непосредственно, эмпирически-реально. Вот почему эмпирическое знание не совпадает со знанием сущности. В этой связи К.Маркс подчеркивал: если сущность предмета непосредственно совпала бы с явлением (формой), то не было бы необходимости в науке, ибо все было бы непосредственно очевидно.

Идея развития сущности, принцип субстанции-субъекта имеет важнейшее значение в научно-теоретическом познании Она в качестве

принципа сформулирована как результат всей истории познания и истории философии. Важнейшим моментом этого понимания сущности является то, что она здесь трактуется не в смысле субстрата, а как особые связи конкретного и целостного. Значит ее нельзя редуцировать к первичной форме, а возможно только понять и выразить через анализ этого конкретного, ибо каждое конкретное имеет свою сущность, свои специфические закономерности. Только такой теоретико-познавательный принцип дает возможность адекватно воспроизвести объективную историчность предметов и явлений.

Эта теоретико-познавательная концепция одновременно дает возможность преодолеть механицизм, редуционизм в исследовании предмета. Еще Спиноза стремился понятию многообразия на основе единой субстанции. Это было крупнейшим завоеванием теоретической мысли, хотя он еще не дошел до идеи историчности субстанции, историчности систем. По сравнению со Спинозой Гегель пошел значительно дальше. Его непреходящая заслуга в том, что он последовательно провел идею историчности субстанции, принцип субстанции-субъекта.

Плодотворность этого теоретического принципа обнаружена в теории относительности и квантовой механике. В теории относительности Эйнштейн доказал несводимость электромагнитных явлений и их закономерностей к механике, механическим системам. Это прямо следует из того, что в электромагнитных явлениях субстанционально имеет место постоянство скорости света.

В физике начало такому субстанциональному пониманию электромагнитных явлений положили Фарадей и Максвелл, хотя они еще решительно не разорвали со старым теоретическим представлением. Только Эйнштейн положил конец механической интерпретации электромагнитных явлений. Он обосновал специальный принцип относительности, изменил старое представление о пространстве и времени, доказав относительность одновременности и неприменимости преобразований Галилея в области электромагнитных явлений. Так была окончательно преодолена механическая концепция в области физических явлений.

В физике существует большая литература, в которой подвергается критике принцип механицизма. При этом недостаточно внимания обращается на гносеологическую сторону проблемы. Основная методологическая порочность механицизма состоит в том, что он не

признает историчность сущности, историчность формообразования различных систем. Поэтому он в основном совпадает с абстрактной редукцией, согласно которой сложное сводится к простому, исторически последующее – непосредственно к предыдущему.

Продуктивность принципа развития сущности проявилась и в квантовой механике. В истории исследования микроявлений, как известно, были многочисленные попытки осмыслить закономерности квантовых явлений на основе фундаментальных принципов классической физики. Такие попытки настойчиво и неоднократно предпринимались многими выдающимися исследователями, внесшими великий вклад в развитие физической науки. Однако дальнейшее развитие физического познания не оправдало надежд этих исследователей. Принцип неопределенности Гейзенберга четко показал, что закономерности микроявлений имеют принципиально иную природу, нежели законы макромира. При этом в области квантовых явлений не оправдывается такой общенаучный принцип, как причинность. На это сначала весьма остро реагировал мир науки. Людям показалось, что с крушением классической причинности наука теряет действительную научную основу. Но их опасение не оправдалось.

С созданием квантовой механики все трудности были преодолены. Постепенно физики стали понимать, что речь идет не о крушении науки, а лишь о новой системе, о новой субстанции, которую невозможно свести и редуцировать к прежней системе, а можно только осознать и понять на ее собственной основе. Если в классической физике универсальное значение имеет классический принцип причинности, то в новой системе – принцип вероятности, статистической закономерности. Такое понимание не противоречит науке, является закономерностью в развитии научного познания.

Принцип историчности сущности, идея субстанции субъекта имеет первостепенное методологическое значение и в биологии. В биологии в настоящее время общепризнана существенная роль физико-химических методов исследования, благодаря которым достигнуты значительные результаты. Однако на беспспорных достижениях паразитируют абстрактные, редукционистские попытки свести явления жизни, биологическое только к физико-химическим закономерностям.

Основная теоретическая несостоятельность редукционистских воззрений в биологии состоит в том, что в них не учитывается историчность сущности, несводимость одной качественно определенной

системы к другой. Исследуя явления жизни, иные ученые забывают специфику, качественное своеобразие биологического, следовательно, упускают из поля зрения ту грань, тот реальный предел, за которым исчезает особенность этой системы. Так, например, в книге «Случайность и необходимость (*J. Monod. Chance and Necessity. N.-Y., 1972*) французский биолог Ж.Моно пытается свести сущность явлений жизни к молекулярным процессам. Он решительно утверждает, что «изучение целого (интегратизм) бесплодно», что интегратисты не понимают научного метода. В качестве аргумента он указывает на то, что уже одна молекула белка в клетке способна активизировать сложную цепь реакций... Ж.Моно соглашается с догмой, согласно которой информация идет только в одном направлении – от ДНК к РНК и затем к белку. Он настаивает на том, что клетка – это консервативная, закрытая система, неспособная получить информацию от внешнего мира. Моно считает, что картина кода в клетке не допускает никакого «диалектического» описания. Она глубоко картезианская, а совсем не гегелевская: «клетка есть действительно машина»⁴⁵².

В другом месте, объясняя появление мутации, Ж.Моно утверждает, что она коренится «в квантовой структуре самой материи. Таким образом, мутация является квантовым событием... непредвидимым по самой своей сути»⁴⁵³.

Абстрактность, методологическая несостоятельность редукционизма в биологии содержательно проанализированы в трудах Н.П. Дубинина, И.Т. Фролова, Г.А. Югая и др. Показывая ложность, абстрактность редукционизма, Н.П. Дубинин в то же время глубоко обосновывает специфику, своеобразие биологической системы. «Явление жизни, – пишет он, – это целостное единство вещества, энергии и информации. Явление жизни связано с воспроизведением. Живая система в силу процессов ассимиляции и диссимиляции проходит стадии рождения, зрелости и гибели. Без воспроизведения сходных форм обмена веществ нет явления жизни»⁴⁵⁴. Собственно биологическое возникает только в условиях живой системы – клетки. «Она есть основа и итог истории органических форм. Попытка свести явления жизни исключительно к законам физики и химии и мнение, будто качественная специфика явлений наследственности ог-

⁴⁵² Дубинин И.П. Генетика на пороге дальнейших открытий // Коммунист. 1975. №18. С. 62.

⁴⁵³ Monod J. Chance and Necessity. N.-Y., 1972. P. 114-115.

⁴⁵⁴ Дубинин И.П. Указ. работа. С. 61.

раничена записью информации в молекулах ДНК и РНК, – глубокое заблуждение»⁴⁵⁵.

Глубокое понимание принципа субстанции-субъекта свойственно работам В.И. Ленина. В анализе социальных процессов он никогда не выбирал легкий метод сведения сложного конкретного к абстрактному. Ему был чужд абстрактный редукционизм. В своих теоретических исследованиях В.И. Ленин тщательно прослеживал историческое развитие конкретного целого и его многообразные взаимоотношения с другими явлениями. Поэтому каждый исторический период, крупную полосу исторического развития он трактует в зависимости от сложного сочетания различных сторон действительности, как самостоятельное формообразование, особую субстанцию, которая не сводима к прежней ступени развития.

Наконец, **важнейшей характеристикой марксистского конкретного анализа является рассмотрение универсальности развития, противоречия предмета.** Если признается универсальность развития (развитие есть разрешение противоречий), то необходимо признание и проведение принципа противоречия как важнейшего условия формирования теоретического знания. В материалистической диалектике развитие исследуется не как простой процесс роста, а как процесс формообразования, изменения сущности, переход от одного качественного состояния к другому.

Критикуя поверхностное, филистерское понимание развития, В.И. Ленин писал: «Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, *увеличение* (respectively *уменьшение*) etc. – Раз так, то... надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, *взаимопереходы*»⁴⁵⁶.

С этим исключительно богатым по содержанию и четким определением тесно связано следующее положение: «Тожество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций *во всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их *самодвижении*», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей». Только такое понима-

⁴⁵⁵ Там же. С. 60.

⁴⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

ние развития, указывал В.И. Ленин, и «дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только» оно «дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»⁴⁵⁷.

Противоречие – имманентная сущность всякого развивающегося предмета. Если сущность не есть просто общее, а целостность, конкретность, то ее мера существования есть тождество противоположностей. Это особенно четко видно, когда мы прослеживаем процесс формирования предмета. Например, сущность золота как денег – не эмпирическая его определенность, а его реальная функция в системе товарных отношений. То же самое можно сказать об мышлении. Сущность мышления нельзя непосредственно редуцировать к структуре мозга, его можно понять только как форму человеческой предметной деятельности.

Таким образом, сущность предмета не просто общее, а способ формирования предмета, его место внутри развивающегося целого. Это целое не есть результат имманентной деятельности разума, духа, некоей формы, как считают идеалисты, оно является результатом общественно-исторического движения.

Если бы сущностью предмета было просто общее, то не было бы необходимости в принципе диалектического противоречия. Поскольку в диалектической логике речь идет о сущности как способе формирования предмета, то естественно встает вопрос о тождестве противоположностей. Дело в том, что в процессе действительного формирования предмет, вещь, имея свои особые определения, начинает включаться в состав другого целого, движется по параметрам этого целого, обнаруживая себя как форма проявления сущности. Здесь его прежние определенности, реальное бытие выступают только как форма проявления, как моменты другого движения, которое теперь выступает для него подлинной сущностью.

Познать сущность, способ формирования предмета означает понять его как противоречие, как диалектическое превращение одного в другое, обнаружение предметом себя в виде формы проявления своей сущности. Поэтому диалектику В.И. Ленин характеризовал как обнаружение, вскрытие противоречивой сущности предмета. «В собственном смысле диалектика, – писал он, – есть изучение противоречия в *самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвиж-

⁴⁵⁷ Там же. С. 316-317.

ны, текучи, отделены лишь условными гранями, *ноисущности* вещей также»⁴⁵⁸. Кроме того, «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»⁴⁵⁹.

Вот почему отражение противоречивой сущности предмета, понимание противоречия было всегда камнем преткновения для всей домарксовской философии. Платон, Аристотель, Гегель понимали сущность как способ формирования, но мистифицировали и трактовали ее как нечто изначальное духовное, идея, форма и т.п. Эмпирическая же философия, отождествляя сущность со сравнительно общим, навсегда закрывала себе возможность разглядеть всеобщее, сущность, формирование предмета.

Только в марксистской философии всесторонне и научно осмыслен вопрос о сущности, о формировании предмета. Всеобщим же условием решения этой сложной проблемы явилось соединение материалистического мировоззрения с принципом развития. Отмечая важность данного положения, В.И. Ленин писал: «...Всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»⁴⁶⁰.

Здесь, с одной стороны, последовательно признается объективное развитие, формообразование реальных предметов материальной действительности, с другой – под сущностью понимается место предмета внутри развивающегося целого, его реальный процесс формирования. Поскольку сущность предмета понимается как формирование, как переход одного в другое, то ее внутренним ритмом является закон единства противоположностей.

Здесь под сущностью предмета понимается, как было отмечено, не абстрактно-общее, а единство многообразного, внутренняя взаимосвязь, внутреннее взаимоотношение целого. Если это так, то определенность сущности относится не к какой-либо стороне, а характеризует все единство противоположностей, ибо само по себе единство не существует, оно является единством многообразного. В свою очередь многообразии является многообразием единого. Каждая сторона существует постольку, поскольку существует ее другое. При этом было бы ошибочно рассуждать так, что вещь в одном отношении единое, в

⁴⁵⁸ Там же. С. 227.

⁴⁵⁹ Там же. С. 226-227.

⁴⁶⁰ Там же. С. 229.

другом — многое. Она во всех отношениях выступает и как единое, и как многое. Следовательно, сама сущность предмета противоречива. Устранив противоречивость сущности, мы устраним, элиминируем и самую сущность. Невозможно эмпирически выделить сущность, она вовсе не свойство отдельных вещей, а свойство целого.

Таким образом, целостность, конкретность не существует наглядно, ее нельзя свести к какой-либо эмпирической определенности. Конкретное является формой взаимосвязи многообразного, его единства. Поэтому логическим средством, в форме которого отражается сущность, способ формирования конкретного, является не общее представление, а понятие, которое охватывает синтез многочисленных определений.

Если объективно конкретное есть синтез многих определений, то он возможен только через противоположности. Ибо что-либо можно рассматривать противоположным лишь в рамках какой-нибудь целостности. Абсолютно разные вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть также противоположными, и наоборот. Абсолютно одинаковые вещи, в свою очередь, не могут быть единными и не образуют внутреннюю целостность.

Касаясь товарно-капиталистического производства, К.Маркс писал: «Если бы индивид А имел ту же потребность, что индивид В, и овеществлял свой труд в том же самом предмете, что и индивид В, то между ними не существовало бы никакого отношения; рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства, они вовсе не были бы различными индивидами. У обоих есть потребность дышать; для обоих существует воздух в качестве атмосферы; все это не устанавливает между ними никакого социального контакта; как дышащие индивиды они находятся в отношении друг к другу только как природные тела, а не как личности. Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и их социальному приравнению друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена и вообще является предпосылкой того отношения, в которое они вступают между собой как производящие индивиды»⁴⁶¹.

В данном случае сформулировано существо диалектического закона тождества противоположностей. Действительно, все стороны

⁴⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Т. 1. С. 189.

противоположностей взаимно дополняют друг друга, не существуют друг без друга, каждая непосредственно проявляет себя в своей противоположности.

В диалектической логике преодолевается узкий горизонт абстрактного рассмотрения. Так, все абстрактные противоположности, например, конечное и бесконечное, причина и действие, добро и зло и т.д., суть противоречия не через какое-либо внешнее соединение, напротив, они сами по себе суть переходы одного в другое. Каждая из категорий переходит в свою противоположность, поскольку они содержат ее в себе. Удержание положительного в отрицательном, содержания предпосылок в их результате – вот что важно с точки зрения диалектической логики. Положительное и отрицательное суть стороны противоположности, ставшие самостоятельными. Каждое из них есть и свое другое. Иными словами, положительное есть положительное, а отрицательное есть отрицательное постольку, поскольку каждая сторона содержит внутри себя свое другое: положительное имеет свое отрицание, отрицательное – свое положительное. Только абстрактный рассудок рассматривает их вне связи, поскольку он, когда говорит о положительном, абстрагируется от отрицательного и, наоборот, рассматривая отрицательное, абстрагируется от положительного. Истинное определение содержит противоположности в единстве.

Непонимание истинного содержания, продуктивного значения диалектического противоречия в формировании и развитии научно-теоретического познания характерно для современной западной философии. Так, например, ее видный представитель К.Поппер решительно отрицает универсальность принципа противоречия, его продуктивность в научно-теоретическом познании. По его мнению, основная слабость марксизма проявляется прежде всего в утверждении, что «противоречий избежать нельзя, поскольку они встречаются повсюду в мире». Если мы признаем марксистский принцип противоречия, решительно заявляет Поппер, то будем вынуждены «отказаться от какой бы то ни было научной деятельности, а это ознаменовало бы абсолютный крах науки»⁴⁶². Поэтому он предлагает исключить любую систему, в которой имеет место противоречие, т.е. предлагает отвергнуть такие системы.

Однако в настоящее время такой подход, абстрактное отрицание всякого противоречия в теоретическом познании не принимается даже

⁴⁶² *Popper K. Conjectures and Refutation. London. 1963. P. 316-317.*

в рамках западных логико-методологических теорий, возникших в 50–60-х годах на волне кризиса позитивизма. В частности, И.Лакатос, критикуя эту сторону воззрений Поппера, отмечает следующее: «Некоторые научно-исследовательские программы разрабатывались на противоречивом фундаменте. Нередко наиболее хорошим правилом для ученого в таких случаях оказывается на практике: «Идти вперед, а убежденность придет позднее».

Эта антипопперовская методология гарантирует передышку как для бесконечно малых исчислений, так и для теории простых рядов, когда логические парадоксы сбивали их с толку. И действительно, если бы научная игра велась согласно Попперу, то статья Н.Бора 1913 г. не смогла бы увидеть света, поскольку она была противоречиво привита к теории Максвелла, а дельта-функция Дирака оставалась бы неизвестной до Шварца. Все эти примеры научного исследования, базировавшегося на противоречивой основе, образуют дальнейшую «фальсификацию фальсификационистской методологии»⁴⁶³.

Противоречия – всеобщая форма действительности. Отрицание противоречия есть отрицание, искажение самой действительности, отрицание движения, отрицание связи нашей мысли с действительностью. Если противоречие скрыто от представления и абстрактного рассмотрения предмета, то оно познается и раскрывается в форме диалектических конкретных понятий. Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых сторон предмета. Касаясь этого вопроса, В.И. Ленин писал: «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не *без движения*, не *без противоречий*, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»⁴⁶⁴.

В объективном мире мы имеем дело не только с противоречиями, но и с их разрешением. Недостаточно признать противоречие. Диалектиком является тот, кто признает не только противоречие, но и его разрешение, переход из одного состояния в другое. В действительности противоречие не только существует, но и постоянно находит свое разрешение.

Признание противоречий без понимания их разрешения не есть диалектика в собственном смысле слова. До понятия противоречия дошла элеатская школа, в особенности Зенон. До признания нераз-

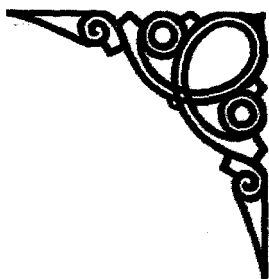
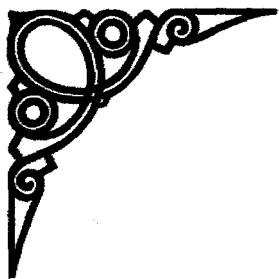
⁴⁶³ Lakatos I. History of science and its rational... P. 1 13.

⁴⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

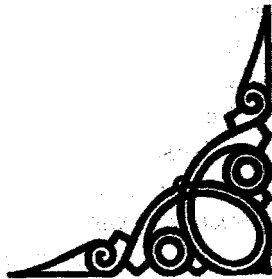
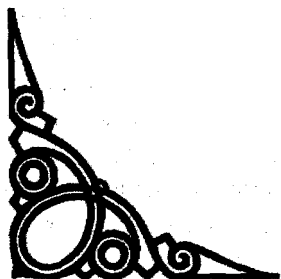
решимых противоречий, как мы выше показали, дошел Кант в своих антиномиях. Концепция отрицательной, антиномичной диалектики в свое время была разработана также С.Кьеркегором и его учениками. Он понимал диалектическое противоречие лишь в форме негативно-го, парадокса и антиномии, которые неразрешимы в разумном мышлении. Поскольку такие философские вопросы, как единство бытия и мышления, проблема сущности человека и т.п., объявлялись неразрешимыми, постольку и диалектика интерпретируется Кьеркегором как парадоксальная «логика», иррациональная мудрость, касающаяся субъективных переживаний человека или метафизических основ науки.

Отличие подлинной диалектики от формальной особенно разительно, когда мы обращаемся к современной буржуазной софистике. В этом отношении характерна работа французского экзистенциалиста Мерло-Понти «Приключения диалектики», в которой отрицается диалектическое учение об отрицании отрицания⁴⁶⁵. Концепция неогегельянцев антидиалектична и механистична, потому что они сводят диалектические противоречия к антагонизму, противопоставлению несводимых друг к другу сил. В диалектико-материалистической логике раскрытие противоречия и нахождение путей его решения признаются главными в формировании и развитии научно-теоретического знания.

⁴⁶⁵ Реальное содержание диалектического закона отрицания отрицания отвергает так же К.Поппер. С его точки зрения, диалектика – как «теория, которая утверждает, что нечто, особенно человеческое мышление, развивается по пути так называемой «диалектической триады» – ничто // *Popper K. Conjectures and Refutation. London. 1963. P. 313.*

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Основное содержание современной науки характеризуется большими теоретическими обобщениями. Оно неразрывно связано с изменением логики познания. В физике общепринято, что многие современные физические теории, непосредственно не связанные с теорией относительности и квантовой механикой, имеют общий с ними стиль мышления и методологию. По методу и логике мышления эти теории существенно отличаются от старых физических теорий. Такой процесс изменения логики мышления типичен для всей современной научно-теоретической области. Закономерно встает вопрос о той логике, которая удовлетворительно объясняет логику современного научно-теоретического познания.

Познать объективную действительность – означает понять и теоретически выразить объект в логике понятий. Истинной логикой теоретического воспроизведения действительности является диалектическая логика. Все развитие современной науки, формирование научно-теоретического мышления совпадает в целом с диалектической логикой, которая опирается на законы и категории диалектики и конкретно применяет их к процессу формирования и выражения научного знания.

Внимательный анализ метода мышления в развитых современных теориях (теория относительности, квантовая механика и др.) все больше убеждает в том, что их стиль мышления, методология совпадают с основными принципами диалектической логики, логики «Капитала» Маркса. По своей логике «Капитал» является классической формой современного теоретического знания. Поэтому систематическая разработка теории диалектики («Логики» с большой буквы) должна опираться не только на историю познания и практики, но и на теоретический анализ логики «Капитала» и других современных теорий. Реальной основой такого рассмотрения является сам предмет, един-

ство логики и истории реально функционирующего мышления. Как абстрактна история вне логики, так абстрактна и логика предмета вне ее истории.

Кроме того, в построении логики речь, видимо, не идет об абстрактной системе категорий, а рассматривается вопрос о логике как системе категорий современного мышления.

Диалектическое же мышление, инвариантное закону тождества противоположностей, принципу развития, имеет универсальное значение в современной науке. Если Гегель и Маркс на основе закона единства противоположностей раскрыли внутренние связи, единство случайного и необходимого, положительного и отрицательного, всеобщего и единичного, субстанции и формы проявления и тем самым обосновали современное логическое мышление, то Эйнштейн и Бор сделали то же самое в области физического мышления. В теории относительности найдена глубокая связь между такими фундаментальными понятиями, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное, что оказало радикальное влияние на всю культуру естественнонаучного мышления. То же имеет место и в квантовой механике. В идее корпускулы-волны, принципе дополнительности проявляется признание закона единства противоположностей⁴⁶⁶.

В диалектической логике разработаны конкретные логические принципы, продуктивно применяющиеся в науке. Прежде всего речь идет о методе восхождения от абстрактного к конкретному, о дедукции Маркса, об исследовании субстанции независимо от форм проявления и о диалектическом принципе противоречия в теории и т.д.

Методу восхождения от абстрактного к конкретному подчиняется вся логика теории, он является наиболее универсальным методом теоретического познания. В отличие от формальных методов, охватывающих лишь одну сторону конкретного целого, диалектико-логический метод восхождения является наиболее развитым, целостным методом, и в нем адекватно отражается реально-исторический процесс возникновения и развития объективно конкретного. Поэтому, при диалектическом воспроизведении действительности находятся в единстве индукция и дедукция, анализ и синтез, сведение и выведение. В силу своей синтетичности, конкретности такой метод принципиально превосходит как индуктивные, так и формально-дедуктивные методы.

⁴⁶⁶ Подробно см.: *Абдильдин Ж.М.* Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата. 1967.

Важнейшим моментом этого метода является определение предметной области, теоретический анализ ее, выявление начала, проследивание движения всеобщего к особенному и единичному. Вопрос о начале необходим в любой теории. До выявления начала трудно говорить о систематическом, теоретическом исследовании. Дело в том, что в отличие от эмпирического рассмотрения теоретическое понимание реально осуществляется в том случае, когда многообразие единичностей (факты) сводится ко всеобщему и постигается как форма проявления этой основы. Поэтому понятие начала также выступает труднейшим вопросом всякой теории. Ибо вопрос о систематическом познании почти не разрешим, пока не выявлено начало развивающейся системы и не прослежены способы его теоретического движения.

Марксистское понимание начала прежде всего связано с предметной характеристикой объекта. Важнейшей предпосылкой марксистского понимания является признание историчности системы. Исходное всеобщее понимается не как мысль (абстракция) в оторванной от реальности замкнутой теоретической области, а как элементарная конкретность, всеобщее, «клеточка» развивающейся системы. В «Капитале» таким всеобщим является товар и товарное отношение. Вот почему Маркс начинает анализ капитализма с анализа товара, «клеточки» капитализма и обнаруживает, раскрывает в этой простейшей конкретности противоречия капитализма. В квантовой механике таким всеобщим является корпускулярно-волновая природа микроявлений. Все особенности микрообъекта возможно понять исходя из этого основания. Подобно тому, как возможность кризиса, противоречия капитализма имеется в зародыше уже в товаре, так и соотношения неопределенностей, невозможность однозначной интерпретации, принцип дополнителности содержатся уже в двойственном характере микроявлений.

В теории относительности исходный пункт, всеобщее – это принцип относительности. При исследовании электромагнитных явлений в движущихся системах возникает вопрос, как обобщить уравнения Максвелла для неподвижных тел на электромагнитные явления в движущихся средах, если эфира нет, а электромагнитные явления (поле) представляют самостоятельную реальность. Кроме того, движущиеся относительно друг друга системы отсчета являются неускоренными, а пространство в этой системе – евклидовым, т.е. однородным и изотропным. Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он дал ответ на

этот вопрос. Согласно его теории всеобщим основанием, исходным пунктом при обобщении уравнений Максвелла на электромагнитные явления в движущихся средах является принцип относительности, его связь с постоянством скорости света.

В диалектической логике разработаны также основные логические принципы обоснования и выявления начала систематического развертывания теории: а) роль целостного подхода в обосновании начала; б) самообоснование начала; в) единство исторического и логического в обосновании начала.

Принцип целостного рассмотрения внутренне связан с диалектико-логическим положением, согласно которому сущность предмета выявляется не посредством сравнения, нахождения общего, одинакового для всех единичностей, а путем выявления всеобщего основания конкретного целого, выделенной предметной области. Это ясно дано у Маркса при анализе понятия «человек». Такое же наблюдаем и в теории относительности. Перед теоретиком стояла определенная задача – теоретическое понимание электродинамики в движущихся средах. Только упорные поиски основания этой предметной реальности дали возможность выявить исходный пункт, начало данной теории.

Начало же выступает как всеобщее, наиболее абстрактная определенность этого целого. Однако при выделении такого целого, анализ которого дает возможность напасть на след исходного начала теории, возникают известные трудности. Дело в том, что целое при исследовании появляется дважды: как предпосылка теоретического познания и как результат постигающего свой предмет мышления.

Возникают вопросы. Какова природа первоначального целого и как оно выделяется? Целое, с которого начинается теоретический анализ предмета, по своей природе является чувственным или имеет понятийную форму? Если первоначальное целое является чувственным, то каким образом в логическое познание предмета привносятся нелогические моменты? А если целое с самого начала является понятием, то будет ли дальнейшее развитие мысли, по существу, расширением имеющегося знания?

В исследовании возникают и другие трудности и парадоксы. Так, выявление и открытие исходного начала системы – лишь необходимый момент теоретического воспроизведения целого. Чтобы теоретически понять природу целого, конкретного, исследователь должен выявить исходное начало. Однако для этого необходимо иметь некоторые зна-

ния о целом. Получается парадокс. Приступая к теоретическому познанию целого, необходимым моментом которого является выявление исходного начала, исследователь, оказывается, уже знает о целом.

И снова вопрос. Если теоретик имеет некоторое знание о целом до выявления исходного всеобщего, «клеточки» системы, то не будет ли восхождение от всеобщего к конкретному только формальностью, т.е. нахождением того, что уже известно.

Вопросы об отличии первоначального целого от того, которое получается в результате исследования, рационально разрешены и обоснованы в логике Маркса.

Выявление исходного начала имеет фундаментальное значение в построении научной теории. Однако, согласно Марксу, теоретическое познание предмета не завершается выявлением начала системы. Всеобщее суть основание предмета, но не может быть всем его содержанием.

Для конкретно-научного понимания действительности необходимо движение познания от всеобщего, субстанции, к формам ее проявления. Лишь в результате этого происходит теоретическое освоение объекта, т.е. наша мысль об объекте станет все содержательнее.

Как известно, исследование капитализма не кончается открытием стоимости, а устанавливается необходимая связь с такими формами, как прибыль, процент. Кстати сказать, изучение товара и открытие стоимости было осуществлено классиками английской политической экономии. Заслуга К.Маркса состоит в том, что он более глубоко раскрыл природу этой категории и исследовал ее связь с прибавочной стоимостью, которая непосредственно не вытекает из стоимости. В «Капитале» сначала рассмотрена прибавочная стоимость в чистом виде, независимо от форм ее проявления, а затем раскрыта их внутренняя связь.

Так обстоит дело и в физике. Как известно, о принципе относительности и конечности скорости света знали задолго до Эйнштейна, но эти принципы тогда казались несовместимыми. Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он открыл то особое явление, при помощи которого связал принцип относительности с постоянством скорости света, т.е. открыл относительность одновременности и определил ее роль в преобразованиях Лоренца.

Аналогичное мы наблюдаем и в области квантовой механики. В виде волнового уравнения создано субстанциональное уравнение

квантовой механики. В волновой функции улавливается идеальное, объективное состояние микрообъекта, оно непосредственно не совпадает с картиной, имеющей место после фактического измерения. В этой связи имеет глубокий смысл утверждение В.А. Фока о строгом различении возможного от действительного, субстанции от формы проявления.

В теории Маркса ставится и разрешается проблема противоречия. Если сущность объективной действительности противоречива, то понятия, теории, постигающие ее, тоже противоречивы, иначе они не отражают сущность действительности. Формальная логика запрещает всякое противоречие в мышлении. Согласно диалектической логике противоречие в теории лишь в том случае незаконно, когда противоречивость искажает объективную действительность. Противоречивость теоретического знания оправдана, если она правильно отражает реальную диалектическую противоречивость предмета. Противоречие в понятии, теории недопустимо лишь с позиции формального подхода к вопросу.

В действительном процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие, что было известно еще в глубокой древности (апории Зенона и т.д.). В новое время необходимость противоречий-антиномий в разуме доказал Кант. И сколько бы формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из этого ничего не выходило: изгнанное в данном месте противоречие еще глубже, в еще большей степени проявлялось в другом.

В этом отношении небезынтересна история политической экономии. Вопрос о противоречии в политической экономии не возникал, пока она была описательной наукой. Когда Рикардо попытался понять развитые экономические категории исходя из закона стоимости, возникла проблема противоречий, которую он выразил, но не мог теоретически разрешить. Противоречие в теории Рикардо имелось. Это со злорадством отмечали все его противники. Но в этом была не только слабость, но и сила его теории. Когда впоследствии ученики Рикардо пытались освободить его теорию от противоречий посредством простого «исправления терминов», теоретическое рассмотрение было потеряно; возникла так называемая вульгарная политическая экономия. Маркс не пошел по линии формального исправления теории, а посредством более глубокого анализа и открытия опосредствующих

звеньев разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое объяснение всем экономическим явлениям.

Признание противоречий без понимания их разрешения не есть диалектика в собственном смысле этого слова. До понятия противоречия дошла элеатская школа, в особенности Зенон. Признание неразрешимых противоречий находим в антиномиях Канта. Но это не было еще истинной диалектикой. Раскрытие противоречия и пути его разрешения является главной проблемой в диалектической логике.

РОЛЬ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТРОЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

В развитии современной науки непрерывно возрастает значение материалистической диалектики, ее универсальных принципов и категорий. Внимательный анализ развития современных научных теорий все больше убеждает в том, что именно диалектика является логикой и методологией современной науки, определяет и формирует процесс возникновения и построения современного научного знания. Действительно, в процессе формирования и построения научной теории участвуют не только собственные, специфические принципы и законы той или иной конкретной научной области, но и универсальные понятия и принципы диалектики, которые выполняют роль всеобщих условий развития и формирования научно-теоретического знания.

Построение всякой теории начинается прежде всего с выбора предметной области (объективного конкретного), которая должна быть подвергнута теоретическому анализу. С первого взгляда представляется, что предмет, предметная область неизменно даны исследователю. Однако при ближайшем рассмотрении предметной области оказывается, что она не дана раз и навсегда. Правильное понимание и постановка проблемы предметной области предполагает определенное применение таких категорий материалистической диалектики, как объект и субъект, отражение и творчество, теоретическое и практическое и т.п.

Если объективная реальность, материя существует сама по себе (абсолютно независимо от субъекта), то понимание объекта (предмета) предполагает предметную деятельность субъекта. Поэтому при определении предметной области исследования необходимо учитывать и по возможности точно формулировать диалектическое отношение предмета (объекта) и субъекта.

Такая постановка проблемы является важнейшей отличительной особенностью марксистского принципа познания, согласно которому

в познании предмета, объекта и в формировании теоретических представлений и понятий о нем с самого начала подчеркивается активность познающего субъекта, учитываются его потребности, его конкретное отношение к объекту.

Согласно марксистской гносеологии, чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала правильно указать ту систему отсчета, относительно которой реально существует предмет. В данном случае практика непосредственно входит в формулировку теоретических представлений о предмете. Если при формулировке, выработке понятия о предмете не учтено практическое отношение к нему субъекта, то такое понятие ни в коей мере не является конкретным. В области общественных наук необходимо с самого начала указать ту объективную позицию класса, которая существенна для формулирования теоретического понятия. Так, например, конкретное понятие свободы невозможно, если не указать ту систему отсчета (классы), относительно которой оно и приобретает конкретный смысл. Вне такой постановки вопроса научное познание предмета исследования невозможно.

В своих теоретических работах В.И. Ленин всесторонне рассмотрел данную проблему. Он подчеркивал, что именно в процессе предметной деятельности человек выделяет объект, предметную область. Вне этого отношения предмет является только бытием, но не конкретной предметной областью, подлежащей изучению. Например, В.И. Ленин указывал, что сущность профсоюза невозможно понять и выразить абстрактно, необходимо рассмотреть ее в свете объективных обстоятельств и конкретных исторических условий.

Для современной науки этот методологический подход имеет универсальное значение. При исследовании физической реальности классическая физика пыталась по возможности элиминировать субъект, отвлекаясь от самого факта его участия в эксперименте. В современной физике ситуация изменилась. Эйнштейн доказал, что понятие одновременности не абсолютно, а имеет смысл лишь относительно той или иной инерциальной системы, так что в действительности события, одновременные в одной системе, вовсе не одновременны в другой системе. Вследствие этого время относительно, и преобразования Лоренца есть результат относительности одновременности, а не следствие чисто механического «сплющивания» тела по направлению движения, как предполагали Лоренц и Фицджеральд. То же самое происходит в

области квантовой механики. Как показал В.А. Фок, в формулировку теории необходимо должна включиться характеристика прибора, должно учитываться влияние прибора на поведение микрообъектов.

При всем своем значении эмпирическое рассмотрение предметной области является, по существу, только подступом к действительному теоретическому знанию. В отличие от эмпирического теоретическое познание предполагает сведение многочисленных фактов в систему. Здесь необходимо возникает вопрос о начале теории. Понятие начала – труднейший вопрос всякой теории, ибо систематическое познание невозможно, пока не выявлено начало развивающейся системы. В самом деле, идет ли речь о «Капитале» К.Маркса, о теории империализма В.И. Ленина, о теории относительности, о квантовой механике, о теории элементарных частиц или о систематическом построении теории материалистической диалектики – всюду возникают неизбежные для теоретика проблемы начала, исходного пункта построения теоретического знания, а также критериев и способов его нахождения.

Марксистское понимание исходного пункта познания прежде всего связано с предметной характеристикой объекта. Кроме того, важнейшей предпосылкой марксистского подхода является также признание историчности системы. Ввиду этого «начало» теоретической системы понимается не как мысль (абстракция), оторванная от реальности, замкнутая теоретической областью, а как *элементарная конкретность, всеобщее*, «клеточка» развивающейся системы.

У Маркса при изучении капиталистической экономики в «Капитале» таким «началом», исходным всеобщим является товар и товарное отношение, в квантовой механике – корпускулярно-волновая природа микроявлений и т.п. В диалектико-материалистической логике не только раскрываются критерии начала, но также обосновываются способы его нахождения: речь идет о роли целостного подхода в обосновании начала, о самообосновании начала и о единстве исторического и логического и др.

Итак, выявление начала – важнейший момент в развитии и формировании теории. Однако строго научное обоснование его предполагает ясную методологическую установку, четкое понимание ряда категорий материалистической диалектики.

Развитие и формирование теории выступает как ряд последовательных ступеней, решение ряда противоречий. Следующим важнейшим этапом в построении теории является *обоснование фундаментальных*

принципов теории. В их обосновании обнаруживается коренное отличие диалектико-логического метода от формальных и эмпирических методов построения знания. Действительно, невозможно эффективно и продуктивно обосновать принципы теории, если с позиции материалистической диалектики не применить такие фундаментальные категории, как субстанция и всеобщее, понятие, развитие и т.п., которые, по существу, являются всеобщими условиями формирования принципов научной теории. При формальном, недиалектическом понимании этих категорий в научно-теоретическом познании возникают серьезные трудности, в частности то или иное одностороннее понимание предмета. Одни теоретики с целью понять предмет пытаются свести сложное (конкретное) к более простому, другие начинают говорить о принципиально новом объекте, о новой системе, хотя в действительности это не так.

Принцип, как было сказано, важен в построении и развитии теории, но он не исчерпывает всего содержания теории – в действительном формировании теории существенное значение имеет выявление основного *понятия* теории. В домарксовской философии начало, принцип, основное понятие теоретического познания нередко отождествлялись, в рамках же марксистской логики они выступают тремя уровнями построения целостной теории.

Обоснование основного понятия теории – сложный и трудный процесс, в ходе его возникает ряд логико-гносеологических трудностей, проблем и т.п. Поэтому успешное, продуктивное решение этих вопросов возможно только путем последовательного применения принципов и категорий диалектики как подлинно универсальной методологии научного знания. Прежде всего речь идет о таких категориях, как сущность (и о ее рассмотрении независимо от форм проявления), противоречие и т.п.

И действительно, в обосновании основного понятия теории категория сущности выполняет важнейшую логико-методологическую функцию. Предшественники К.Маркса в области политической экономии не смогли обосновать понятие прибавочной стоимости, отождествляя ее с особыми формами (прибыль, рента, процент), потому что методологически исходили из эмпирического, ограниченного представления о сущности. В их понимании сущность – это нечто общее, одинаковое для данного класса предметов. Поэтому, чтобы выработать понятие прибавочной стоимости, они или обращались к эмпирическому обще-

му, или просто описывали какую-либо частную форму. Даже понятие стоимости они трактовали как абстрактно общее, из которого непосредственно пытались вывести особые, более развитые ее формы.

В обосновании основного понятия немаловажное значение имеет рассмотрение сущности независимо от форм ее проявления, а также диалектический *принцип противоречия*. Принцип противоречия в формировании теории выполняет двоякую функцию. С одной стороны, он является логической формой обоснования основного понятия, а с другой – имеет продуктивное значение в осмыслении взаимоотношения основного понятия, сущности с формами ее проявления. Рассмотрим кратко каждую из этих функций.

Противоречие – имманентная сущность всякого развивающегося предмета. Сущность – это не просто общее, а целесообразность, конкретность, в основе ее существования лежит тождество противоположностей. Если бы сущностью предмета, которая воспроизводится в теоретическом понятии, было бы просто общее, не было бы необходимости в диалектическом принципе противоречия. Но дело в том, что в процессе формирования предмет, вещь, имея свои особые определения, включается в состав другого целого, движется по законам этого целого, обнаруживая себя как форму проявления этой сущности. Здесь прежние определенности, реальное бытие выступают формой проявления, моментом другого движения, которое теперь выступает подлинной сущностью.

Противоречие, понимание противоречия пронизывают всю логику теории, начиная с исходного пункта до заключительного результата. Однако, как мы считаем, значение принципа противоречия особенно велико в обосновании основного понятия.

Основное понятие имеет фундаментальное значение в построении теории. В нем, по существу, схвачено главное противоречие конкретного целого, однако обоснованием основного понятия теории не исчерпывается задача теоретического познания действительности. Возникает очередная задача – целостного и систематического воспроизведения предмета, которое необходимо предполагает развитие сущности (основного понятия) предмета, постижение связи сущности с формами проявления и разрешение противоречий и трудностей, возникающих в процессе познания предмета. Целостное и систематическое воспроизведение предмета является главной задачей науки.

ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Современная наука переживает эпоху бурного развития, которое сопровождается крутой ломкой старых понятий и представлений. При этом неуклонное изменение, развитие происходит не в отдельных аспектах, моментах, а кардинальное, субстанциональное изменение пронизывает всю природу современной науки в целом.

Основное направление и содержание современной науки характеризуется большими теоретическими обобщениями. Бурное развитие научной мысли сделало границы науки относительными. Многие новые области возникают на стыках наук. В целом современная наука похожа на гигантскую систему, которая постоянно пересматривает свои собственные основы. Во многих областях она не наглядна.

В развитии современной науки также происходит коренной процесс дифференциации и интеграции, аналитичности и синтетичности. Если в целом, одним взором охватить основное направление, ведущую тенденции в развитии современной науки, то, безусловно, это будет интеграция, синтез, синтетическая деятельность в развитии современной науки. Итак, синтетическая деятельность, диалектика не признак, не локальное явление, а универсальное, субстанциональное направление, которое пронизывает всю научно-теоретическую область, начиная с кардинальных понятий и теорий и кончая взаимоотношениями науки с производством.

Кардинальные и стремительные перемены в развитии современной науки также связаны с изменением логики научно-теоретического познания. Внимательный анализ метода, природы современной науки обнаруживает истинную связь ее с диалектикой, понимаемой как логика и теория познания марксизма. Такой характер науки – это не преходящее и не поверхностное явление, не случайное совпадение обстоятельств, а закономерный процесс, который инвариантен принципу тождества противоположностей. Поэтому вполне принципи-

ально следует подчеркнуть, что диалектика не просто присуща всей нынешней науке, она является «душой», стержнем, стилем современного способа мышления. Происходящее сейчас развитие науки ясно свидетельствует о возрастании методологической роли диалектики. Принцип противоречия, являющийся ядром диалектики, все больше проникает в современную науку, определяет ее стиль мышления, логику формирования и развития теоретического знания.

В развитии культуры и науки изменение метода, стиля мышления имеет фундаментальное значение. Дело в том, что прогресс в науке, в теоретическом познании связаны не только с открытием новых фактов, явлений, получением очень важных экспериментальных данных, но также с изменением логических принципов познания. Речь идет об изменении содержания фундаментальных понятий и принципов, с помощью которых человек мыслит, осваивает факты, предметы действительности. Поэтому человечество всегда особо выделяло и ценило тех ученых, которые совершили революцию в способе мышления. В самом деле, в физике особый авторитет таких гениальных ученых, как А.Эйнштейн, Н.Бор, М.Планк, связан не с тем, что они открыли какие-то удивительные факты, а с тем, что они изменили способ, стиль мышления, пересмотрели такие кардинальные понятия, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное, прерывное и непрерывное. Если ранее эти понятия мыслились раздельно, то Эйнштейн и Бор смогли обосновать их единство в структуре физической теории.

В области философии К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И. Ленин, творчески преодолев старый тип мышления, обосновали диалектическую логику, которая является логикой современного научно-теоретического мышления. Всесторонне и материалистически обосновав принцип развития, противоречия и т.п., они принципиально по – новому понимали фундаментальные понятия и категории материалистической диалектики, такие, как материя и сознание, отражение и творчество, практическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, историческое и логическое, всеобщее и единичное и т.п.

Все развитие современной науки, формирование научно-теоретического мышления совпадают в целом с диалектической логикой, которая, опираясь на законы и категории диалектики, конкретно применяет их к процессу формирования и выражения научного знания.

Внимательный анализ метода, стиля мышления в развитых современных теориях (теория относительности, квантовая механика и др.) все больше убеждает в том, что их стиль мышления, методология совпадают с основными принципами диалектической логики, логикой «Капитала» Маркса. По логике «Капитал» является классической формой современного теоретического знания. Поэтому систематическая разработка теории диалектики (Логики с большой буквы) должна опираться не только на историю познания и практики, но также на теоретический анализ «Капитала» и других современных теорий. Основой такого рассмотрения является сам предмет, единство логики и истории реально функционирующего мышления. Как история абстрактна вне логики, так и логика предмета абстрактна вне истории своего становления.

Наконец, диалектика не только определяет форму синтеза знания, не только является стилем современного мышления, она является логикой и методологией современной науки, определяет и формирует процесс возникновения и построения современного научного знания. В процессе формирования научно-теоретического знания, теории действуют не только собственные, специфические принципы и законы, но и универсальные принципы диалектики, которые выполняют роль всеобщего условия развития и формирования научно-теоретического знания.

Велико методологическое значение диалектико-логических принципов как в построении теории в целом, так и в осмыслении ее конкретных этапов развития. Действительно, важнейшим моментом всякой научной теории является выбор предметной области, выявление начала, обоснование всеобщего принципа, основного понятия теории и выяснение диалектической связи сущности с формами проявления, эмпирическими фактами.

Вся теория в целом и ступени ее формирования необходимо предполагают последовательное применение метода восхождения от абстрактного к конкретному, глубокое понимание и осмысление таких диалектических принципов (категорий), как объект и субъект, отражение, развитие, субстанция, сущность, противоречие, всеобщее, особое и т.п. В процессе построения теоретического знания фундаментальное значение имеют не отдельные категории, не отдельные принципы, а все категории, диалектико-логические принципы построения теоретического знания в целом.

Для того чтобы обосновать высказанные мысли, кардинальное значение диалектики как методологии современного знания, обратимся к такой сложной и важной форме теоретического знания, как теория. Кстати, в современном научном процессе теория выступает в качестве основной формы бытия научно-теоретического познания.

В объективном мире существуют различные системы: физические, химические, органические, социальные и т.п. Задача науки — теоретически осмыслить эти системы. В теории же идеально дается всеобщее условие формирования и функционирования, возможности и действительности целостной реальности. Она выступает как форма практической деятельности.

Построение всякой теории начинается прежде всего с выбора предметной области (объективного конкретного), которая должна быть подвергнута теоретическому анализу. С первого взгляда представляется, что предмет, предметная область неизменно даны исследователю. При ближайшем рассмотрении выбор предметной области оказывается сложным вопросом, так как она не дана раз и навсегда, а имеет относительную природу, выступает исторической проблемой. Правильное понимание и постановка проблемы о предметной области предполагают определенное понимание таких категорий материалистической диалектики, как объект и субъект, отражение и творчество, теоретическое и практическое и т.п.

Если объективная реальность, материя существует сама по себе (абсолютно независимо от субъекта), то понимание объекта (предмета) должно постоянно включать предметную деятельность субъекта. Поэтому при определении, выборе предметной области исследования необходимо учитывать и по возможности точно формулировать диалектическое отношение предмета (объекта) к субъекту.

Такая постановка проблемы является важнейшей отличительной особенностью марксистского принципа познания, согласно которому в познании предмета, объекта и в формулировке теоретических представлений и понятий о нем с самого начала подчеркивается активность познающего субъекта, учитываются его потребности, его конкретное отношение к субъекту.

Согласно марксистской гносеологии, чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала правильно поставить, указать ту систему, объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его

теоретическому анализу. В данном случае практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при формулировке, выработке понятия о предмете не учитывать практическое отношение субъекта, то такое понятие ни в коей мере не является конкретным. А с абстрактной, отвлеченной позиции невозможно понять такие понятия, как «свобода», «человек», «одновременность» и т.п. Поэтому необходимо с самого начала указать ту систему отсчета, объективную позицию, которая входит в формулировку теоретического понятия. Так, например, невозможно сформулировать конкретное понятие свободы, если не указать ту систему отсчета (классы), относительно которой оно имеет реальный смысл. Вне такой конкретной постановки невозможно научное понимание этих понятий.

В своих теоретических работах В.И. Ленин всесторонне рассмотрел эту проблему. Он подчеркивал, что в ходе предметной деятельности человек выделяет объект, предметную область. Вне этого отношения предмет является только бытием, но не конкретной предметной областью, что имеет важнейшее значение в ее понимании.

В современной науке этот методологический подход имеет универсальное значение. При исследовании объекта, предметной области классическая физика пыталась по возможности элиминировать субъект, систему отсчета. Эйнштейн же доказал, что понятие одновременности не абсолютно, оно имеет смысл лишь относительно той или иной инерциальной системы. Анализ показал, что одновременность во всех системах – фикция, а в действительности события, одновременные в одной системе, вовсе не одновременны в другой. Вследствие этого, время относительно, и преобразования Лоренца есть результат относительности одновременности, а не следствие механического сплющивания, как предполагали Лоренц и Фицджеральд.

То же самое происходит в области квантовой механики. Как доказал В.А. Фок, в формулировку теории необходимо должна включаться характеристика прибора, влияние прибора на микроявления.

Таким образом, выявление предметной области, первоначального целого играет важнейшую роль в научно-теоретическом познании. Однако нельзя преувеличивать его значения, ибо задача познания – понять объект, теоретически выразить его в логике понятий. Первоначальное целое является первоначальным потому, что оно еще не проанализировано и дает, по выражению Маркса, только хаотическое представление о целом.

При всем своем значении рассмотрение предметной области является, по существу, только подступом к действительному теоретическому познанию. В отличие от эмпирического теоретическое познание предполагает сведение многочисленных фактов, явлений к единому и осмысление на основе этого единого. Здесь необходимо возникает вопрос о начале теории. До выявления начала трудно говорить о систематическом, теоретическом исследовании. Поэтому понятие начала – труднейший вопрос всякой теории, ибо систематическое познание почти невозможно, пока не выявлено начало развивающейся системы. В самом деле, идет ли речь о «Капитале» Маркса, о теории империализма В.И. Ленина, теории относительности, квантовой механике, теории элементарных частиц или о систематическом построении теории материалистической диалектики (Логике с большой буквы) – всюду возникает неизбежная для теоретика проблема начала, исходного пункта построения теоретического знания, критериев и способов его нахождения.

Марксистское понимание начала прежде всего связано с предметной характеристикой объекта. Важнейшей предпосылкой марксистского понимания является также признание историчности системы. Исходное всеобщее понимается не как мысль (абстракция) в оторванной от реальности замкнутой теоретической области, а как *элементарная конкретность, всеобщее, «клеточка»* «развивающейся системы.

В «Капитале» таким всеобщим является товар и товарное отношение, в квантовой механике – корпускулярно-волновая природа микроявлений. В теории относительности таким началом является принцип относительности. В диалектической логике не только раскрываются определенности, критерии начала, но также обосновываются способы его нахождения, т.е. речь идет о роли целостного подхода к обоснованию начала, о самообосновании и единстве исторического и логического в обосновании начала.

Итак, начало, его выявление – важнейший элемент в развитии и формировании теории. Однако эффективное обоснование его предполагает ясную методологическую постановку, четкое понимание ряда категорий материалистической диалектики, рассматриваемой как логика и теория познания марксизма. Без определенной логико-теоретической постановки невозможно обосновать начало теории, разрешить гносеологические трудности и парадоксы, возникающие в процессе ее формирования и развития.

Выявление начала, как видим, имеет фундаментальное значение в построении научной теории. Однако нельзя преувеличивать его роль. Начало называется началом, «элементарной клеткой» системы потому, что оно является наиболее абстрактной определенностью системы, в построении теоретического знания. Теория, развитие и формирование ее выступают как ряд последовательных формообразований, как процесс решения ряда противоречий. При этом возникает вопрос о следующем этапе в построении теории. Речь идет об обосновании всеобщих принципов теории. Действительно, если в результате выявления и анализа исходного пункта объективного конкретного делается первый шаг в теоретическом воспроизведении предмета, то в анализе и обосновании всеобщей абстракции (принципа) теории делается следующий довольно крупный шаг в научно-теоретическом познании действительности. Пока не обосновано всеобщее, фундаментальное понятие теории, невозможно говорить о теоретическом познании действительности. На этом уровне научно-теоретического познания вся задача теории концентрируется вокруг правильного понимания и обоснования исходного принципа теоретического познания действительности.

В обосновании всеобщего принципа теории четко выделяется коренное отличие диалектико-логического подхода от формальных и эмпирических методов построения знания. Действительно, невозможно эффективно обосновать всеобщий принцип теории, если с позиции материалистической диалектики не применять такие фундаментальные категории, как «субстанция» и «всеобщее», «понятие», «развитие» и т.п., которые, по существу, являются всеобщими условиями формирования принципа научной теории. При формальном, недиалектическом понимании этих категорий возникают серьезные трудности на пути развивающегося знания. Так, например, вследствие непонимания диалектики субстанции, всеобщего, категории субстанции-субъекта в научно-теоретическом познании возникает ряд односторонних способов понимания предмета. Одни, с целью понять предмет редуцируют сложное (конкретное) к более простому, другие, сталкиваясь с теоретическими трудностями (противоречиями) в познании предмета, убеждают, будто речь идет о принципиально новом объекте, о новой системе, хотя в действительности это не так. В теоретическом познании единственным способом, путем которого действительно преодолеваются трудности, проблемные ситуации, возникающие в обос-

новании принципа, фундаментальных определений теории, является всестороннее применение марксистского понятия субстанции, всеобщего, историчности субстанции и т.п.

Принцип, как было сказано, важен в построении и развитии теории, но он не является всем ее содержанием. Поэтому в действительном формировании теории существенное значение имеет обоснование ее основного понятия. В домарксовской философии начало, принцип, основное понятие теоретического познания отождествляются. В рамках диалектической логики они выступают тремя уровнями в построении целостной теории. Как известно, исследование капитализма не кончается – открытием стоимости, нужно обосновать основное понятие теории – понятие прибавочной стоимости. Кстати сказать, рассмотрение товара и открытие стоимости было осуществлено классиками английской политической экономии. Заслуга Маркса состоит в том, что он более глубоко раскрыл природу этой категории и исследовал ее связь с прибавочной стоимостью, которая непосредственно не вытекает из стоимости. В «Капитале» Маркс рассматривает сначала прибавочную стоимость в чистом виде, независимо от форм ее проявления, и затем раскрывает их внутреннюю связь.

Так обстоит дело и в физике. Как известно, о принципе относительности и о конечности скорости света знали задолго до Эйнштейна, но эти положения тогда казались несовместимыми. Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он открыл то *особое* явление, при помощи которого связал принцип относительности с постоянством скорости света, т.е. открыл *относительность одновременности* и определил ее роль в преобразованиях Лоренца.

В области квантовой механики мы наблюдаем ту же ситуацию. В виде волнового уравнения создано субстанциональное уравнение квантовой механики. В волновой функции улавливается идеальное, объективное состояние микрообъекта, и оно непосредственно не совпадает с картиной, которая наблюдается после фактического измерения. В этой связи имеет глубокий смысл утверждение В.А. Фока, в котором строго отличается возможное от действительного, как субстанция от формы проявления.

Таким образом, основное понятие теории имеет решающее значение в ее построении. Без фундаментального его обоснования трудно говорить о теории. В политической экономии главные трудности возникали в процессе обоснования основного понятия капитализма – по-

нятия прибавочной стоимости, отчего зависело в основном и теоретическое воспроизведение предмета. «Необходимо точно развить понятие капитала, – писал Маркс, – так как оно является основным понятием современной политической экономии»⁴⁶⁷.

Обоснование основного понятия теории – сложный и трудный процесс. При этом возникает ряд логико-гносеологических трудностей, проблем и т.п. Поэтому успешное решение данных вопросов возможно только путем последовательного применения диалектики как подлинно универсальной методологии научного знания. Это означает, что в ходе обоснования основного понятия теории надо руководствоваться теми логико-гносеологическими условиями, принципами, категориями материалистической диалектики, которые дают возможность успешно обосновать основное понятие теории и разрешить трудности, возникающие в ходе разработки данного понятия. Прежде всего речь идет о таких категориях, как «сущность», «рассмотрение сущности независимо от форм проявления», «противоречие» и т.п.

На самом деле, в обосновании основного понятия теории категория сущности выполняет важнейшую логико-методологическую функцию. Предшественники Маркса, в том числе Родбертус, не смогли обосновать понятие прибавочной стоимости, отождествляли ее с особыми формами (прибыль, рента, процент), потому что исходили из эмпирического, ограниченного представления о сущности. В их понимании сущность – это нечто общее и одинаковое для данного класса явлений. Поэтому, чтобы выработать понятие прибавочной стоимости, они брали за основу или эмпирическое общее, или просто описывали какую-либо частную форму. Даже понятие стоимости они трактовали как абстрактно-общее, из которого непосредственно пытались вывести особые, более развитые формы.

В ходе обоснования понятия прибавочной стоимости Маркс реализовал принципиально иное понимание сущности. По его трактовке, сущность – это не элемент, не абстракт, а та особая форма развития субстанции, которая имеет всеобщее значение в данной системе. В понимании Маркса сущность выступает как особый «эфир», который определяет удельный вес всех сторон изучаемого явления.

В таком понимании сущность, разумеется, не покоится в эмпирической структуре отдельного предмета, а реально существует в тех особых связях и отношениях, которые этот предмет занимает внутри

⁴⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 288.

некоторого целого. Поэтому понять сущность предметов и явлений означает раскрыть природу целостности, внутреннего движения, делающую данный предмет тем, что он есть. Обычное же разложение (анализ) целого на составные эмпирические элементы не только не способствует познанию сущности, а, наоборот, ведет к ее потере. Вот почему в ленинском анализе сущность не изображается неким остаточным явлением, а рассматривается как реальное движение, смысл целого, возникающий лишь в реальном отношении. На самом деле; сколько бы ни анализировали средствами физики и химии вещественную природу золота, в нем невозможно найти то, что делает золото всеобщим эквивалентом. Быть деньгами — это вовсе не природное свойства золота; лишь определенные социально-экономические условия превращают золото в деньги, дают возможность ему функционировать в этом качестве.

В обосновании основного понятия немаловажное значение имеет рассмотрение сущности независимо от форм проявления. В обосновании основного понятия теории (теоретического знания вообще) имеет важнейшее значение диалектический принцип противоречия. Если все находится в постоянном развитии, противоречии, то это необходимо должно относиться и к мышлению, формированию теоретического знания. Поэтому диалектическая логика в построении теоретического знания широко опирается на этот принцип. Правда, роль этого принципа решается не абстрактно, а конкретно, на основе тщательного анализа проблемы. Противоречивость теоретического знания закономерна, когда она отражает реальную противоречивость предмета и деятельности. Противоречие в теории недопустимо, если оно следствие логических ошибок, если оно субъективно и т.п. Поэтому противоречие в теории, понятии всегда запрещается лишь с позиции абстрактного, формального подхода к вопросу.

В действительности в процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие — это несомненный факт. В этом отношении небезынтересна история политической экономии. Вопрос о противоречии не мог быть в политэкономии, пока она была описательной наукой. Когда Рикардо стремился понять развитые экономические категории исходя из закона стоимости, то в теории необходимо возникало противоречие, которое он выразил, он не смог теоретически разрешить. Подобным образом обстоит дело в биологии, в современной физике.

Непонимание истинного содержания, продуктивного значения диалектического противоречия в формировании и развитии научно-теоретического познания характерно для современной западной философии. Так, например, ее видный представитель К.Поппер решительно отрицает универсальность принципа противоречия, его продуктивность в научно-теоретическом познании. Основная слабость марксизма, по его мнению, прежде всего проявляется в утверждении, что «противоречий избежать нельзя», поскольку «они встречаются повсюду в мире». Если мы признаем марксистский принцип противоречия, решительно заявляет Поппер, то будем вынуждены «отказаться от какой – бы то ни было научной деятельности, а это ознаменовало бы абсолютный крах науки»⁴⁶⁸. Поэтому он предлагает исключить любую систему, в которой имеет место противоречие, т.е. предлагает отвергнуть такие системы. Однако в настоящее время такой подход, абстрактное отрицание всякого противоречия в теоретическом познании не принимается даже в рамках буржуазных логико-методологических теорий, возникших в 50–60-х годах на волне кризиса позитивизма. В частности, И.Лакатос, критикуя эту сторону воззрений Поппера, отмечает следующее: «Некоторые научно-исследовательские программы разрабатывались на противоречивом фундаменте. Нередко наиболее хорошим правилом для ученого в таких случаях оказывается на практике: «Идти вперед, а убежденность придет позднее». Эта антипопперовская методология гарантирует передышку как для бесконечно малых исчислений, так и для теории простых рядов, когда логические парадоксы сбивали их с толку. И действительно, если бы научная игра велась согласно Попперу, то статья Н.Бора 1913 года не смогла бы увидеть свет, поскольку она была противоречиво привита к теории Максвелла, а дельта-функция Дирака оставалась бы неизвестной до Шварца. Все эти примеры научного исследования, базировавшегося на противоречивой основе, образуют дальнейшую «фальсификацию» фальсификационистской методологии»⁴⁶⁹.

Принцип противоречия в формировании теории выполняет двоякую функцию. С одной стороны, он является логической формой в обосновании основного понятия, а с другой – имеет продуктивное значение в осмыслении взаимоотношения основного понятия, сущности с формами проявления. Рассмотрим кратко каждую из этих функций.

⁴⁶⁸ *Popper K. Conjectures and Refutation. London, 1963. P. 316-317.*

⁴⁶⁹ *Lakatos I. History of science and its rational.*

Противоречие – имманентная сущность всякого развивающегося предмета. Если сущность не просто общее, а есть целостность, конкретность, то ее мера существования есть тождество противоположностей. Если бы сущность предмета, которая воспроизводится в теоретическом понятии, была бы просто общее, то не было бы необходимости в диалектическом принципе противоречия. Поскольку в диалектической логике речь идет о сущности как способе формирования предмета, то, естественно, встает вопрос о тождестве противоположностей. Дело в том, что в процессе действительного формирования предмет, имея свои особые определения, начинает включаться в состав другого целого, движется по параметрам этого целого, обнаруживая себя как форма проявления этой сущности. Здесь его прежние определенности, реальное бытие выступают только как форма проявления, как момент другого движения, которое теперь является для него подлинной сущностью.

Познать сущность, способ формирования предмета означает понять его как противоречие, как диалектическое превращение одного в другое, обнаружение предметом себя в виде формы проявления своей сущности. Отражение противоречивой сущности предмета, понимание противоречия было всегда камнем преткновения для всей домарксовской философии. Платон, Аристотель, Гегель понимали сущность как способ формирования, но мистифицировали и трактовали ее как нечто изначальное духовное, идею, форму и т.п. Эмпирическая же философия, отождествляя сущность со сравнительно общим, не смогла выявить подлинную сущность, всеобщую определенность предмета. Только философией диалектического материализма кардинально и продуктивно решен данный вопрос. Всеобщим же условием решения этой сложной проблемы явилось соединение материалистического мировоззрения с принципом развития.

Противоречие, понимание противоречия пронизывают всю логику теории, начиная с исходного пункта до заключительного результата. Однако значение принципа противоречия особенно велико в обосновании основного понятия, так как именно здесь происходит коренное превращение одного в другое.

Основное понятие имеет фундаментальное значение в построении теории. В нем, по существу, схвачено главное противоречие конкретного целого. Однако обоскованием основного понятия теории не исчерпывается задача теоретического познания действительности. Воз-

никает очередная задача научного познания – целостное и систематическое воспроизведение предмета, которое необходимо предполагает развитие сущности (основного понятия) предмета, постижение связи сущности с формами проявления и разрешение противоречий, трудностей, возникающих в процессе систематического познания предмета. Целостное и систематическое воспроизведение предмета является сложнейшей задачей науки. В теоретическом познании предмета не было бы никакой трудности, если сущность предмета, отражающаяся в форме основного понятия теории, непосредственно совпадала бы с формами проявления. Как уже было показано, такого совпадения нет и быть не может. Этот факт сам по себе порождает непреодолимые трудности для эмпирической философии, методологическая порочность которой состоит в том, что она, преувеличивая значение непосредственного данного, фактов, отрицает объективное значение фундаментальных понятий науки и трактует их как «удобные схемы», субъективные творения человеческого духа.

В действительности противоречие основного понятия теории с эмпирическими формами обусловлено тем, что при обосновании основного понятия предмет рассматривается в чистом виде, идеализированно, отвлеченно от тех связей, которые реально влияют на проявление сущности предмета. Другими словами, на стадии формирования основного понятия теории предмет рассматривается сам по себе, и исследователь занят выявлением тех связей (законов), которые вытекают из имманентного способа существования и функционирования предмета.

Чтобы теоретически воспроизвести целостную предметную область, необходимо проследить развитие сущности и всесторонне вскрыть ее связь с особыми, эмпирическими формами проявления. Следует подчеркнуть, что такое рассмотрение – труднейшая проблема теоретического познания. Дело в том, что при попытке последовательно провести монистическое понимание предмета возникает противоречие между сущностью и эмпирическими формами, которое как бы ведет к опровержению исходного принципа. Поэтому вполне закономерно развитие теории сводится к рациональному (диалектическому) разрешению противоречий.

Методологическая продуктивность той или иной научной концепции главным образом определяется по ее отношению к противоречиям в развитии теории. Типичным примером такого рода может служить

история политической экономии. При попытке объяснения экономических фактов исходя из общего принципа, из понятия стоимости, как известно, возникли противоречия, которые Рикардо выразил, но не мог теоретически разрешить, так как не понимал диалектики сущности и форм проявления, развития сущности, не имел представления об опосредствующих звеньях, в которых реально разрешаются противоречия теории.

Когда впоследствии ученики Рикардо пытались освободить его теорию от противоречий посредством исправления исходного пункта, теоретическое рассмотрение проблем было потеряно; возникла так называемая вульгарная политическая экономия. К.Маркс не пошел по линии формального «исправления» теории, а на основе более глубокого рассмотрения вопросов разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое и рациональное объяснение экономическим явлениям.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДИАЛЕКТИКИ КАТЕГОРИЙ «МАТЕРИЯ» И «ФОРМА»

Марксистско-ленинская философия по своему содержанию является монистической, в ней последовательно проведено материалистическое мировоззрение и преодолены все формы идеалистического и дуалистического миропонимания. Методологическое преимущество философии диалектического материализма так же ясно проявляется в обосновании диалектики категорий «материя» и «форма».

Вопрос о материи и форме впервые основательно проанализирован в философии Аристотеля, хотя в трактовке этих категорий ясно обнаружилось теоретические недостатки его концепции. Он не видит внутренней связи материи и формы, рассматривает их как генетически разные начала, хотя постоянно подчеркивает, что всякая сущность, конкретная вещь состоит из материи и формы. Поэтому в своих исследованиях Аристотель прежде всего обращает внимание на то, что в составе реальной сущности категории «материя» и «форма» выполняют различные функции. Если материя выступает как элемент, субстрат в составе конкретной сущности, находится в состоянии возможности, функционирует как пассивное начало, то форма выступает как носитель целостности, сути бытия, и поэтому она трактуется философом как активное, деятельное начало в образовании составной сущности.

Недостаток аристотелевского способа рассмотрения этих категорий состоит в том, что великий Стагирит все же не смог осуществить истинного синтеза, раскрыть внутреннюю связь этих понятий. Причина этого кроется в том, что он путается в диалектике этих категорий, в диалектике общего и отдельного. «Путается человек именно в диалектике общего и отдельного, понятия и ощущения *etc.* сущности и явления *etc.*»⁴⁷⁰, – писал по этому поводу В.И. Ленин. Еще один недостаток аристотелевского способа рассмотрения тот, что эти философские понятия исследованы в основном в онтологическом аспекте

⁴⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 327.

и недостаточно раскрыты их значения в гносеологии и логике. Тем не менее, исследуя эти категории, Аристотель высказал глубокие мысли, ибо отделил деятельность, активность и формирующую способность категории формы. При этом он обратил внимание на формирующую способность человеческой целесообразной деятельности. Поскольку же он не понимал сущности и содержания человеческой деятельности, труда, постольку и не видел связи материи и формы, материи и деятельности.

В исследовании категорий «материя» и «форма» еще одним крупным этапом является философия Канта, который в отличие от Аристотеля, рассмотревшего взаимоотношение материи и формы в онтологическом аспекте, глубоко проанализировал их роль в процессе формирования научно-теоретического знания. Кант, как и Аристотель, не смог раскрыть внутренние связи, диалектику категорий формы и материи.

В чувственности и рассудке он видит два самостоятельных источника познания. Чувственность, по Канту, дает содержание, материю познания, а рассудок дает форму, устанавливающую связь явлений опыта. Этой формой являются логические категории. Категории объективны своей предметностью, а созерцания объективны, когда подведены под категории. Чистые рассудочные понятия – категории – касаются только формы мышления, т.е. сами по себе лишены содержания.

Когда Кант исследует вопрос о синтезе материи и формы, о применении категорий рассудка к чувственному многообразию, яснее обнаруживаются теоретические пороки его концепции. Он понимает, что для подведения чувственного материала под категорию (формы) представление первого должно быть однородно с последним. Кант не смог выявить внутреннего единства материи и формы, чувственности и рассудочных категорий и потому осуществляет синтез внешним образом, посредством трансцендентальной схемы (времени).

Домарковская философия и логика, как видно, не смогла научно обосновать диалектику материи и формы. Философия марксизма, критически преодолев предшествующую философию, доказала генетическую связь, внутреннее взаимодействие материи и формы на основе принципа развития. Здесь последовательно проводится продуктивная мысль, что активность, формирование не есть просто духовный феномен (Аристотель) и не имманентная функция сознания (Кант), а есть по своему содержанию материальное, предметное отношение. Недостаток всей домарковской философии (как материализма, так и идеа-

лизма) состоит в том, что ее представители истолковывали природу человеческой деятельности лишь как нечто духовное. Они не видели материальности человеческой предметной деятельности и человеческого общения. Отсюда – ложный поиск источника человеческой активности, «формы», целесообразного формирования предметов в разуме, сознании.

В противоположность прежней философии К.Маркс последовательно материалистически истолковал сущность предметной деятельности, природу «формы», глубоко раскрыл содержание процесса целесообразного формирования предметов и явлений. Согласно марксистской концепции человек не рождается с готовым разумом, сознанием, они – результат человеческой истории. Только производство материальных благ является общим условием человеческого бытия, благодаря которому человек стал человеком, организовался в общество и сформировал у себя духовные силы, идеальное отношение. Такие важнейшие способности человека, как мышление, разум, сознание, существовали отнюдь не изначально и не были присущи естественной природе человека, будучи общественно-исторически выработанными способностями, они выступают формой человеческой предметной деятельности и общения.

В свете такого теоретического представления открытие и обоснование материальности предметной деятельности и общения имело, несомненно, принципиальное значение как для обоснования марксистского, конкретно-всеобщего понятия материи, так и для последовательного проведения материалистического мировоззрения. Оно также имело огромное значение для научно-материалистического понимания категории «форма» и для познания диалектического взаимоотношения материи и формы. В самом деле, если производство, предметная деятельность человека материальны, то понимание материи, взаимоотношения категории материи и формы ставится принципиально в ином виде, т.е. вносится существенная поправка в старое понимание понятия материи. Другими словами, если материальна предметная деятельность, то под материей следует понимать не вещество, не абстрактно-общее, присущее всем веществам природы, а объективную реальность, которая существует вне нас и независимо от нашего сознания.

При таком конкретном понимании материи ее взаимоотношение с формой выступает не как отношение вещества, субстрата к идеальной форме, а как отношение всеобщего, конкретно-всеобщей материи

к материальной форме, предметной деятельности, которая вовсе не чужда материи, а есть ее особая, специфическая форма реального бытия. Иными словами, отношение материи к форме не есть отношение пассивной материи к активной форме, а есть, по существу, субстанциональное отношение конкретно-всеобщего понятия материи к особой форме (предметной деятельности).

В свою очередь, в процессе предметной деятельности происходит не оформление пассивной, аморфной материи некой активной, деятельной формой, как это представляли Аристотель, Кант и др., а деятельное изменение материей самой себя. Иными словами, в процессе предметной деятельности, изменяя вещества природы, конечные объекты, движущаяся материя последовательно обнаруживает свою субстанциональную, родовую сущность, свое универсальное самодвижение.

Важность марксистской постановки проблемы состоит в том, что здесь впервые в истории философии и науки осуществлен колоссальный прогресс в понимании материи по сравнению со всей предшествующей философией. Домарксовская философия в понимании материи в лучшем случае дошла до абстрактно-общего понимания или же монотонно перечисляла множество конечных форм, конечных объектов, совокупность которых определялась как материя. Так, например, Л.Фейербах рассуждал: «Природа есть свет, электричество, магнетизм, воздух, вода, огонь, земля, животное, растение, человек, поскольку он является существом, произвольно и бессознательно действующим, – под словом «природа» я не разумею ничего более, ничего мистического, ничего туманного, ничего теологического»⁴⁷¹. Старые философы отождествляли материю с веществом. Пассивность вещества, конечных форм, включенных в сферу человеческой целесообразной деятельности, выдавали за изначальную пассивность самой материи. Абстрактно и идеалистически обобщая это явление, они разработали идеалистическую концепцию соотношения формы и материи, пришли к идеалистическому учению о формах форм.

В марксистской философии всесторонне обоснована несостоятельность такого идеалистического обобщения. Важнейшая особенность марксистского метода рассмотрения состоит в том, что при исследовании проблемы ни в коей мере не ограничиваются непосредственным обобщением данного, эмпирических фактов, а пытаются раскрыть сущность, коренные движущие силы, субстанциальные определения

⁴⁷¹ Цит.: Там же. С. 47.

проблемы. Подчеркивая фундаментальное значение такого способа рассмотрения, В.И. Ленин писал: «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»⁴⁷². Как явствует из методологических требований В.И. Ленина, диалектическое рассмотрение вопроса исключает выделение случайных явлений, предполагая тщательный анализ всей совокупности фактов, раскрытие их внутренних связей и взаимодействия: «Развертывание всей совокупности моментов действительности $N \rightarrow B$ = сущность диалектического познания»⁴⁷³.

В марксистской философии осуществлено истинное понимание взаимоотношения материи и формы. В ней проведена та принципиально важная мысль, что если материя по своей сущности не вещество, не конечная форма, а конкретно-всеобщее, объективная реальность, существующая вне нас, вне нашего сознания, то практическая деятельность человека, в процессе которой формируются, целесообразно изменяются вещества природы, не субъективна, а объективна и материальна.

В объективном мире нет ничего, кроме движущейся материи и форм ее проявления. Правда, ее конечные формы, в которых она проявляется, по своему содержанию неравноценны. Среди ее конечных форм есть одна, выступающая в качестве «классической» формы. Речь идет о социальной форме бытия материи, о предметной, практической деятельности, которая, являясь особой формой, по содержанию совпадает со всеобщей формой существования материи и ни в коей мере не совпадает с другими конечными формами ее существования. В конкретно-всеобщем понятии материи отражается сущность, всеобщее основание всех этих конкретных форм ее существования.

Важнейшее значение этой особой формы также состоит в том, что понятие материи в марксистской философии выработано не на пути традиционной абстракции, а при внимательном и всестороннем рассмотрении и анализе этой особой формы (социального бытия). Иными словами, конкретно-всеобщее понятие материи схватывает не абстрактно-общее различным конечным формам, а всеобщее условие бытия материального вообще, социальной формы в особенности. Вот почему при обосновании марксистской философии, материалистичес-

⁴⁷² Там же. Т. 26. С. 223

⁴⁷³ Там же. Т. 29. С. 141.

кого монизма фундаментальное значение придается всестороннему и глубокому анализу именно общественной формы материи.

В трактовке К.Маркса предметная деятельность – это раскрытая книга всей природы. Она не только самая сложная форма бытия материи, но в ней в чистом виде схвачены развитие, динамика и закономерности всей природы. Своеобразие рассматриваемой проблемы таково, что, открывая и раскрывая всеобщие законы предметной деятельности (социальной формы материи), люди одновременно познают всеобщие законы природы и мышления.

Внимательное исследование свидетельствует, что человеческое мышление вопреки утверждению отдельных логиков и философов вовсе не имеет особых, специфических всеобщих законов. Всеобщие законы человеческого мышления по своей сущности являются отражением всеобщих законов предметной деятельности (общественной формы материи), в которой раскрываются всеобщие законы формирования самой природы. В этом состоит тайна того, что логические категории, являясь всеобщими формами, которые возникли в процессе предметной деятельности, одновременно выступают и всеобщими законами самой природы.

В марксистской философии, таким образом, в исследовании категорий «материя» и «форма» имеется два аспекта. С одной стороны, это обоснование, последовательное проведение материалистического мировоззрения, т.е. обоснование универсального, конкретно-всеобщего понятия материи и прослеживание ее отношения к особой форме, к особому способу своего бытия, а с другой (в более узком плане) – как отношение вещества, субстрата, элемента к общественному целому, общественно-исторической связи, к предметной деятельности. Иными словами, в марксистской философии проанализирован и тот аспект, в котором материя рассматривается как субстрат, элемент, вещь, которые входят или вовлекаются в состав более широкого целого, в орбиту человеческой деятельности. В свою очередь, форма трактуется в философии диалектического материализма как некоторое общественное целое, целостное движение. В таком понимании форма выступает как такое понятие, которое как бы однопорядково с такими категориями, как сущность, целостность, отношение и т.п.

Как первый, так и второй аспект в исследовании категорий материи и формы является результатом развития всей истории философии и научного познания. Действительно, обоснование материальности

предметной деятельности и, следовательно, самого понятия «формы» явилось эпохой, революционным переворотом в развитии философии. Если раньше «форма» в философии трактовалась лишь как нечто духовное, идеальное, имеющее свой источник только в разуме, то теперь была всесторонне обоснована материальность категории «формы».

Совершенно справедливо, что сама по себе куча кирпичей отнюдь не дом, необходима еще форма, чтобы груды материала превратить в дом. Сам по себе мрамор также не есть статуя, и действительно, нужна форма, чтобы изваять из мрамора скульптуру. Но тайна вопроса оказывается в том, что кирпичи превращаются в дом, мрамор – в статую не посредством абстрактной, логической категории «форма», а в результате предметной деятельности, в результате целесообразной деятельности архитекторов, строителей и эстетической деятельности скульпторов.

В данном случае четко проявляется то, что когда речь идет о реальной форме, о реальном процессе формирования, то всегда речь должна идти о реальном деле, о предметной деятельности. Вся история человечества есть история производства, история непрерывного изменения и приспособления вещества природы к человеческим потребностям, так как человек не находит в природе в готовом виде предметы своей потребности. В лучшем случае он находит там природные объекты, вещества, которые он должен изменить посредством орудия труда и дать им целесообразную форму. В рамках философии диалектического материализма, таким образом, всесторонне доказано, что категория «форма» вовсе не априорное понятие, не продукт разума, а отражение объективного в субъективном. В результате такого понимания взаимоотношения материи и формы все старые представления о них, рассмотренные в трудах крупнейших философов (Аристотель, Кант и др.), были существенно пересмотрены. Получило всестороннее обоснование материалистическое мировоззрение, согласно которому в процессе своего самодвижения и развития материя формирует самое себя, переходит от одной формы к другой, пока не создает социальную форму материи, которая существенно расширяет самодвижение материи, противостоит ее конечным формам, изменяет их и порождает, в свою очередь, систему духовных отношений (мышление, сознание и т.п.).

Такое материалистическое понимание диалектики материи и формы было великим завоеванием философии, крупным этапом в познании и осмыслении этой сложной проблемы.

ИСТОРИЧНОСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Вопрос о предмете философии и ее взаимоотношении с другими науками, несомненно, сложный вопрос. Его можно понять, т.е. теоретически воспроизвести, только с позиции марксистской философии, марксистского принципа историзма. При этом философия и наука должны рассматриваться в тесной связи с общественно-историческим развитием, в контексте человеческой истории. Необходимость такого рассмотрения философии внутренне связана с тем, что философия, как и другие науки, является продуктом практической, предметной деятельности общества. Поэтому ее развитие и изменение может быть понятно только на основе развития общества, производства и общественного разделения труда. Философия и наука возникли лишь в определенную общественно-историческую эпоху; и причины их возникновения, следовательно, надо искать в социально-экономических условиях, в развитии общества, общественной потребности людей в определенную эпоху.

Анализ истории философии и науки свидетельствует о том, что не только их возникновение и развитие обусловлено уровнем развития практики, но и разделение внутри науки, ее дифференциация также отражает определенный этап общественного разделения труда, внутренней расчлененности человеческой деятельности.

Если тщательно проанализировать историю человеческой деятельности, то обнаружится, что она была еще весьма неразвита в античном мире, в средние века, не говоря уже о ее слабости и примитивности на заре человеческой истории. В структуре производства античного общества еще не существовало развитых форм разделения труда! Производственный процесс совершался в основном посредством довольно примитивных орудий труда. Неразвитой форме производства, нерасчлененности производственной деятельности соответствовала синкретичность, неразвитость и нерасчлененность человеческого зна-

ния. Поэтому практически вся наука в античности выступает в форме философии, которая в общем и целом соответствовала уровню развития производства.

По той же причине и философия, в свою очередь, еще не стала особой наукой, она олицетворяла все науки, совокупное знание. Своеобразие философии античности состоит в том, что она являлась совокупной наукой, целостным учением о мире.

С развитием человеческого общества, практики все постепенно изменялось. Разделение труда в Новое время принципиально отличалось от разделения труда в античности и средних веках. Для греческого общества, покоящегося на ручном рабском труде, было вполне достаточно такой единой науки, как философия. Поэтому естествознание в собственном смысле этого слова еще отсутствовало. Оно явилось продуктом Нового времени, нового разделения труда и новой общественной потребности.

Философия с ее умозрительной структурой не могла удовлетворять и эффективно обслуживать новое производство, его постоянно растущие потребности. Дифференциация единой системы знания, возникновение новых наук и научных дисциплин стали общественно-исторической необходимостью. Все это породило новую ситуацию в развитии философии и науки. Отражая реальные потребности общества, общественного производства, от философии одна за другой стали отпочковываться частные науки. Причем этот процесс шел с возрастающей быстротой. Вследствие этого связи между науками все больше ослаблялись, а человеческое познание все больше углублялось в изучение частных наук. Подобно тому, как в сфере материального производства произошло распадение на частных производителей, связь между которыми осуществлялась только через рынок, так и духовное производство, развитие науки все больше дифференцировалось и одни ее области все более отделялись от других.

Все это не могло не оказать влияние на общую духовную атмосферу, на содержание и предмет самой философии. Она должна была изменить свою форму и действительно изменилась, стала выполнять уже другую функцию, которая была продиктована развитием общественного разделения труда. Отныне задача конкретных наук – исследование определенных сторон, аспектов объективного мира: философия же должна создавать обобщающую картину мира. По этой именно причине философию трактовали как науку наук.

Такое понимание философии как натурфилософии, взаимоотношения философии и естествознания не было ошибкой, заблуждением, оно отражало объективное положение вещей. Здесь вполне уместна аналогия с функцией золота в условиях товарного производства. Своеобразное развитие науки, разделение труда в эпоху Нового времени породили потребность в духовном «золоте», функция которого должна была состоять в объединении, синтезировании результатов научного познания. Если золото выделялось из других товаров благодаря некоторым природным преимуществам, то и философия выступила как синтез, онтология, натурфилософия в системе научного разделения труда также благодаря своей своеобразной истории и традиции.

История науки и познания свидетельствует, что философия справлялась со своей задачей, выступала своеобразным духовным эквивалентом других наук. «Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, — писал Ф.Энгельс, — что, несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пытались объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»⁴⁷⁴.

Такое состояние философии, ее реальная функция в разделении труда, несомненно, соответствовали уровню развития практики, производства, общественных отношений и науки. Однако это соответствие было относительным. С развитием капиталистического способа производства не только выявлялись его коренные пороки и противоречия, обнажались его социальные антагонизмы. В это же время произошли серьезные изменения в науках, в их взаимоотношении друг с другом. Если в XVII – XVIII вв. в основном шел процесс отпочкования от философии конкретных наук, их дифференциация, то в середине XIX в. стали проявляться и другие закономерности. В развитии науки стали обнаруживаться элементы целостного рассмотрения и раскрытия внутренней связи, взаимодействия форм и процессов окружающей действительности. Здесь главное значение имели, разумеется, три великие открытия – открытие клетки, открытие превращения энергии и создание теории естественного отбора Дарвиным.

Аналогичное положение наблюдалось также и в области общественных наук. Все это свидетельствовало о том, что такая тенденция

⁴⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 350.

в развитии науки не является локальным явлением, а есть общее направление в развитии научно-теоретического познания.

Разумеется, эти процессы не были безразличными для философии, для философского отношения к миру. На этот счет Ф.Энгельс высказывался вполне определенно: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму»⁴⁷⁵. В своих теоретических исследованиях Маркс и Энгельс решительно отстаивали эту мысль, провозгласили неизбежный конец старой философии, онтологии, натурфилософии⁴⁷⁶. Поэтому они обосновали необходимость новой философии, появление которой стало революционным переворотом во всей предшествующей истории философии.

Особенность философии марксизма состоит в том, что она вступает в принципиально иные отношения с конкретными науками, т.е. не претендует на роль науки наук, не создает философской картины мира, не является учением о мире в целом, а совместно со всеми науками участвует в создании общей научной картины мира, являясь мировоззрением, методологией и логикой научного познания.

Важнейшая заслуга Маркса и Энгельса как основателей новой философии состоит в доказательстве того, что философия является такой же особой наукой, как и другие науки, и занимает свое особое место в теоретическом познании окружающей действительности.

В этой связи обычно возникает вопрос: если философия перестает быть наукой наук, не претендует на создание общей картины мира и не является учением о мире в целом, то не теряет ли она своего значения?

Прежде всего такое опасение напрасно, ибо, только отказавшись от претензии на роль науки наук, на создание общей картины мира, философия впервые в истории познания определила свою особую область, выделила свой особый предмет. Отныне она является наукой, изучающей всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления. Крушение онтологии, натурфилософии вовсе не есть смерть философии вообще, а есть конец старой философии, старого способа философствования, который был внутренне связан со старым разделением труда, со старой формой общественных отношений.

⁴⁷⁵ Там же. Т. 21. С. 286.

⁴⁷⁶ См.: Там же. С. 305.

Только с возникновением материалистической диалектики философия становится подлинно самостоятельной наукой. Отныне она представляет не что-либо другое, не абстрактно-общие связи в общественном разделении труда, а представляет самое себя, имеет свой особый предмет, т.е., говоря словами Гегеля, ее в-себе-бытие одновременно выступает ее для-себя-бытием. Специфика марксистской философии состоит в том, что она исследует не абстрактно-общие определения бытия и мышления, а всеобщие законы формирования действительности и познающего мышления. Иными словами, в ней основное внимание концентрируется на категориях, всеобщих законах мышления, в которых отражаются всеобщие условия как природы, так и человеческой предметной деятельности по преобразованию природы. Категории поэтому выступают как всеобщие формы отражения объективного в субъективном.

Если философию, ее предмет и содержание рассмотреть с этой методологической позиции, то она с возникновением марксистской философии стала принципиально иной, выполняют совершенно новую функцию в культуре и познании. Она, изучая всеобщие законы природы, общества и мышления, одновременно является мировоззрением, логикой и методологией научно-теоретического познания. При этом марксистская философия опирается на всю общественно-историческую практику человечества в ее целостности и на историю познания и в ней последовательно обоснован и проведен принцип материалистического монизма.

О РАЗРАБОТКЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Академик Б.М. КЕДРОВ

...Третий коллектив наметился вне Москвы – в Алма-Ате. Его надо активно поддержать, тем более что его участники ближе всего, пожалуй, подошли к основной идее Ленина, согласно которой диалектику и ее теорию нужно разрабатывать с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному. Но в данном случае получается несколько странная картина: все науки без исключения излагаются в порядке восхождения от исходной «клеточки» ко все более сложному, развитому предмету, кроме самой диалектики. Ленин говорил, что и диалектику надо излагать именно таким методом. Однако она очень часто не излагается так, как этого требовал Ленин. Философы-алмаатинцы – Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысанбаев и другие – взялись за это дело и выпустили ряд работ. Назову две из них: это «Проблема начала (то есть «клеточки». – *Б.К.*) в теоретическом познании» (1967) и совсем недавно вышедшая очень интересная работа «Диалектико-логические принципы построения теории» (1973). Обе работы показывают, что указанный коллектив, хотя и небольшой по численности, созрел для того, чтобы в этом направлении разрабатывать теорию диалектики...

Ж.АБДИЛЬДИН, А.НЫСАНБАЕВ.
ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ.
АЛМА-АТА: НАУКА, 1973.

В последние годы исследования в области методологии науки заметно активизировались. Это особенно относится к анализу науки средствами логики — науки, ориентирующейся на воспроизведение фрагментов структуры знания формальнологическими методами; в то же время сравнительно невелико количество работ, посвященных анализу методологии на чисто философском уровне, в рамках исследования диалектики как логики и теории научного познания.

Стремясь восполнить этот пробел, авторы рецензируемой книги пишут о необходимости исследования диалектико-логических принципов построения и развития научной теории, основные идеи которых изложены К.Марксом в «Капитале» и В.И. Лениным в «Философских тетрадах» и других работах. Замысел авторов интересен прежде всего тем, что, не задаваясь ригористичной целью экспликации понятия конкретно-научной теории, они стремятся по существу построить понятие философской теории исходя из марксистского тезиса о человеческой предметной деятельности, а затем рассмотреть проблемы формирования и развития специально-научных теорий на категориальном уровне применительно к физике и математике. Авторы указывают на тесную связь частных научных теорий с производством и предметной деятельностью общественного субъекта, сразу же констатируя включенность понятий и теорий в широкую общественную практику. Аналогично тому, как процесс труда угасает в продукте, который в свернутом виде содержит весь предшествующий процесс деятельности, так и понятия, теория аккумулируют в себе весь предшествующий процесс их формирования.

В книге выдвигается мысль, что важнейшей чертой теории является сведение многообразного к единому, выявление всеобщих условий конкретной целостности. Поэтому в теории важное значение придается исходным понятиям, поскольку дальнейшее развитие теории опирается на них. Самими же принципами построения теоретического знания представляются метод восхождения от абстрактного к конкретному, содержательная дедукция, исследование сущности независимо от форм проявления, принцип диалектического противоречия.

Выделение предметной области познания также квалифицируется авторами как результат процесса предметной деятельности людей, причем указывается, что необходимо найти ту систему, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Хочется отметить, что, анализируя аспект практики как критерий истины и удачно апеллируя к анализу Эйнштейном понятий «одновременности» (необходимость учета системы отсчета) авторы все же несколько расширительно истолковывают воздействие предметно-практической деятельности на внутреннюю логику развивающегося знания. Небесспорной представляется трактовка ими объекта и предмета познания

Наиболее благоприятное впечатление производят страницы, посвященные теоретическому анализу первоначального целого и выявлению исходного пункта теории, критериев и способов его нахождения. Вопрос об элементарной конкретности перерастает в вопрос о средстве выявления всеобщей абстракции данного конкретного целого, об обосновании субстанционального принципа теории. В книге выдвигается тезис, что в ходе познания глубинных связей предметов и явлений теоретическое мышление проходит следующие ступени: выявление отношений твердо установленных фактов к первоначальному обобщению и нахождение закономерности явлений, а в дальнейшем сведение этой закономерности к истинной причине явлений, субстанции. Следовательно, выявление субстанции оказывается фундаментальной задачей научной теории. Как пример продуктивности принципа субстанции – субъекта авторы анализируют квантово-релятивистские воззрения Дирака, дарвиновскую теорию развития видов и марксову теорию общественного развития. В связи с этим возникает вопрос об обосновании основного понятия теории, о рассмотрении сущности независимо от форм проявления. Трактую сущность как особую форму развития субстанции, которая имеет всеобщее значение в данной системе, авторы следующей задачей теории полагают воспроизведение целого как результата саморазвития субстанции, прослеживание противоречивого развития, формообразования, раскрытие опосредствующих звеньев и т.д. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой принципа единства диалектики, логики и теории познания, однако авторская точка зрения проводится достаточно убедительно, причем, помимо естественнонаучного материала и «Капитала» Маркса, они

привлекают работы В.И. Ленина и данные современной общественной практики.

Первые три главы работы могут быть рассмотрены и как своеобразная попытка анализа некоторых аспектов создания теории материалистической диалектики, которая должна синтезировать историю познания, результаты современной науки и практической деятельности. Поэтому анализ диалектических подходов к построению научной теории вообще неминуемо перекликается с задачей построения собственно философской теории, и результаты, полученные в этом направлении, позволяют авторам совершенно недвусмысленным образом ориентировать развитие работ этого плана по определенному пути. Систематическое проведение смысловых параллелей между развитием философской логики и данными естествознания, также демонстрирует большую степень эвристичности диалектических идей для специальных научных дисциплин.

Большой интерес вызывает анализ дискуссий о логике теории относительности Эйнштейна, о внутренней связи и субординации ее категорий. Полемизируя с точкой зрения акад. А.Д. Александрова о «перевернутости» логики теории относительности, авторы, на наш взгляд, правомерно проводят мысль, что невозможно с самого начала постулировать абсолютное единство пространства и времени, так как оно есть результат определенного этапа теоретического познания предмета, поэтому действительный выход из трудности состоит не в критике логики теории относительности, а в диалектическом осмыслении понятия системы отсчета, позволяющем преодолеть позитивистские извращения.

Один из существенных недостатков книги Ж. Абдильдина и А. Нысанбаева – отсутствие полемики с аналогичными работами в области логики науки. Эта книга, показывающая, сколь сложен и тернист путь философского анализа методологических проблем частных научных теорий, к тому же написанная с нетрадиционных позиций, может, конечно, вызвать и определенные дискуссии. Однако нельзя не признать, что перед нами содержательное исследование, позволяющее по-новому взглянуть на ряд проблем научного познания.

В.А. Лекторский

ПРИНЦИП ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ АЛМА-АТА: НАУКА, 1975.

Проблема диалектического противоречия в теоретическом освоении действительности продолжает оставаться одной из серьезнейших проблем материалистической диалектики. Рецензируемая монография, подготовленная сотрудниками отдела диалектического материализма Института философии и права АН КазССР, как раз и посвящена этой проблеме. Она выполнена под руководством и при участии члена-корреспондента АН КазССР Ж.М. Абдильдина.

Книгу условно можно расчленить на два, не совпадающие по объему, раздела: общеметодологический (охватывающий первую главу) и «прикладной» (включающий остальные главы), в котором, как сказано во «Введении», «на материале естественных наук показывается продуктивность диалектико-логического понимания категории противоречия, раскрывается роль принципа противоречия в формировании развитии научных теорий» (с. 214). Рассмотрим теперь более подробно, в какой мере замысел и интенции авторов нашли свою реализацию в изданной коллективной монографии.

Отметим также, что в книге осуществлена попытка провести единую точку зрения на природу и роль диалектического противоречия в познании. Это обстоятельство обязывает нас более подробно остановиться на первой главе, носящей название «Диалектическая логика о сущности диалектического противоречия в познании» (автор Ж.М. Абдильдин). На наш взгляд, автор поставил перед собой задачу не столько развития собственных взглядов на категорию диалектического противоречия (хотя и эти моменты имеются), сколько глубокого обобщения того положительного, что на сегодняшний день выработано по этому вопросу в марксистской философии.

Вопрос о том, допустимо ли в логически правильном мышлении противоречие, имеет почти двухтысячелетнюю историю: доказательством тому – хотя бы знаменитые апории Зенона из Элей. В этой связи автор, по нашему мнению, вполне оправданно обращается к истории философии, причем начинает не «с самого начала», а рассматривает лишь концепции Канта и Гегеля, что, на наш взгляд, в данном случае опять же имеет свои основания.

Ж.М. Абдильдин справедливо обращает внимание на то, что и в «докритический» период своей деятельности, в частности, в трудах

«Всеобщая естественная история и теория неба» и «Введение понятия отрицательных величин в философию», Кант постоянно сталкивается с проблемой диалектического противоречия и своеобразно решает ее, хотя нигде и не упоминает о диалектике. Автор отмечает, что в этот период Кант достиг значительных результатов в понимании роли противоречия в объективном развитии, а также в признании его значения для решения проблем космологии. Но тем не менее Кант «не смог осознать ее (категории противоречия. – Э.И. и А.Х.) методологическую и логическую функции» (с. 219), а «в дальнейшей работе философа этот продуктивный аспект не получил должного развития» (с. 218).

По сравнению с предшествующей философской культурой Кант в «критический» период своей философской деятельности в понимание противоречия внес нечто новое, а именно он «связал проблему противоречия, антиномии с особой познавательной способностью – с разумом и его стремлением познать безусловное, реализовать полный синтез» (с. 225). Несмотря на то, что сам Кант видел в этом недостаток разума, объективно-исторически заслуга его философии состоит в том, «что она доказала необходимость противоречия, антиномии в употреблении разума за пределами опыта» (с. 227). В главе отмечаются также существенные недостатки кантовского понимания противоречия. Ведь Кант был «убежден, что всеобщим условием научного знания является его непротиворечивость» (с. 231).

По-иному на природу и роль диалектического противоречия смотрел Гегель. Автор показывает, что «Гегель не просто описывает, не просто дает дефиницию понятия противоречия, не рассказывает, не рассуждает об отличии его от других философских понятий и категорий, а пытается исследовать содержательно, раскрыть категорию «противоречия» во всей ее конкретности, тотальности, выявляя сначала ее всеобщие определения, после чего шаг за шагом раскрывая более конкретные определенности» (с. 234). Далее подробно анализируются как положительные, так и негативные стороны гегелевской трактовки противоречия.

Переходя к марксистскому решению вопроса, Ж.М. Абдильдин отмечает: «Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения – главное в диалектико-материалистической логике» (с. 242) и подвергает тщательному анализу взгляды классиков марксизма.

Известно, что в современной марксистской философской литературе существуют различные представления о категории диалектического противоречия, о специфике противоречия в научном познании. Позиция автора вполне определена. Он исходит из того, что поскольку сущность всех предметов противоречива, постольку конкретное понятие ее возможно лишь как тождество противоположных определений, т.е. как содержащее внутри себя противоречие. Что же касается закона запрета противоречия в формальной логике, то он, согласно автору, может быть адекватно осмыслен лишь «как закон языкового выражения мышления» (с. 246). В литературе существует мнение о диалектическом противоречии как противоречии «в разных отношениях» (см., например, многочисленные работы И.С. Нарского). Полемизируя с этим воззрением, Ж.М. Абдильдин отмечает: «Противоречия, содержащиеся в разных отношениях, не являются диалектическими противоречиями» (с. 262). К этому можно добавить, что, более того, они вообще не являются противоречиями в подлинном смысле этого слова. Автор утверждает, что «противоречие, понимаемое в одно и то же время и в одних и тех же отношениях, является важнейшим условием теоретического познания, понимания предмета. Когда же противоречие трактуется как противоречие в разное время и в разных отношениях, то происходит потеря сущности, теоретического понятия» (с. 264).

В этом вопросе, на наш взгляд, автор проводит ту глубоко правильную трактовку в понимании диалектического противоречия, которая зародилась еще в глубокой древности и, развиваясь и обогащаясь, прошла через все подлинно философские системы и которая была принята марксизмом. Эта трактовка связана с такими мыслителями как Гераклит, Гегель, Маркс, Ленин.

Но, как и всякая работа, труд Ж.М. Абдильдина не свободен от отдельных недостатков. Имеются некоторые замечания к общей трактовке диалектического противоречия. Так, например, он подчас идентифицирует единство и тождество, взаимодействие и взаимопроникновение. Но ведь единство противоположностей и тождество противоположностей суть различные моменты. Единство противоположностей может иметь место и без их тождества (например, единство правого и левого), ибо тождество есть не внешнее сосуществование противоположностей, но их внутреннее соотношение, так сказать, «единство единства и не-единства», т.е. оно есть противоречие. То же самое можно сказать и о двух других категориях: первая выражает,

скорее, внешнее, вторая – внутреннее отношение противоположностей.

...В целом же рецензируемая коллективная монография, по нашему мнению, является весьма серьезным вкладом в разработку теории материалистической диалектики.

*Э.В. Ильенков, доктор философских наук,
А.А. Хамидов*

ПРИМЕЧАНИЯ

Монография «Диалектико-логические принципы построения теории» (Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. 420 с.) была опубликована в соавторстве с А.Н. Нысанбаевым, ныне директором Института философии и политологии МОиН РК, членом-корреспондентом НАН РК, одним из учеников Жабайхана Мубараковича. Книга состоит из шести глав, а также введения и заключения. Первые четыре главы были написаны Ж.М. Абдильдиным, а введение и заключение – совместно.

*стр.68. Ниже воспроизведена часть материалов, приведенных в брошюре, написанной автором совместно с М.С. Сабитовым: *Абдильдин Ж.М., Сабитов М.С. Диалектика и современная наука. Алма-Ата, 1972. С. 24-31.*

Коллективная монография «Принцип противоречия в современной науке» (Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1975) явилась первой в серии книг, специально посвященных раскрытию смысла, содержания и роли отдельных диалектико-логических принципов в человеческом познании и практике. Здесь печатаются лишь те разделы книги, которые принадлежат перу Ж.М. Абдильдина, являющегося руководителем авторского коллектива, а именно: введение и глава первая.

Коллективная монография «Роль принципа конкретности в современной науке» (Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. 382 с.) была также написана под руководством Ж.М. Абдильдина. Здесь печатаются введение, первая (в соавторстве с Т.Х. Рыскалиевым) и вторая главы, принадлежащие его перу.

Эта статья была опубликована в книге «Актуальные проблемы диалектической логики» (Алма-Ата: Наука КазССР, 1971. С. 28-33), в которой были собраны и изданы материалы первого Всесоюзного симпозиума по диалектической логике, прошедшего в Алма-Ате в сентябре 1968 г. Ответственный редактор книги Ж.М. Абдильдин являлся одним из главных организаторов этого симпозиума.

Статья впервые опубликована в журнале «Философские науки» (1978. №4. с. 125-128.)

Данная статья представляет собою текст доклада Ж.М. Абдильдина на заседании Президиума Академии наук Казахской ССР от 8 сентября 1976 г. и была впервые опубликована в журнале «Вестник АН КазССР» (1976. №11. с. 11-20).

Статья опубликована в коллективном труде «Материалистическая диалектика как логика» (Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. с. 230-237), составленном на основе материалов второго Всесоюзного симпозиума по диалектике как логике и методологии научного познания, проходившегося в Алма-Ате в сентябре 1977 г.

Статья «Историчность взаимоотношений философии и естествознания» впервые была опубликована в книге «Диалектика в науках о природе и человеке. Диалектика – мировоззрение и методология современного естествознания» (М., 1983. с. 256-261), являющейся первой в серии из четырех книг, в которых публиковались труды 3-го Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания, прошедшего в Москве в апреле 1981 г.

В статье академика АН СССР Б.М. Кедрова «О разработке материалистической диалектики» (Вопросы философии. 1973. №9. с. 3-14) был дан анализ различных подходов к разработке теории диалектики, сложившихся к началу 70-х годов в СССР. Здесь приводится лишь небольшая выдержка из нее, в которой дается оценка деятельности творческого коллектива, возглавлявшегося Ж.М. Абдильдиным.

Рецензия на монографию Ж.Абдильдина и А.Нысанбаева «Диалектико-логические принципы построения теории», написанная видным русским философом В.А. Лекторским, была опубликована в журнале «Вопросы философии» (1974. №7. С. 170-173). здесь взята та ее часть, в которой речь идет о разделах, написанных Ж.М. Абдильдиным, и приведено заключение рецензента о книге в целом.

Данная рецензия на коллективную монографию «Принцип противоречия в современной науке» (Алма-Ата, 1975) увидела свет в журнале «Вестник Академии наук Казахской ССР» (1978. №2. С. 75-78). Она примечательна тем, что одним из ее авторов является выдающийся советский философ Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979 гг.), творчество которого в свое время оказало существенное влияние на Ж.М. Абдильдина. Рецензия публикуется с необходимыми сокращениями.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ

Введение	4
ГЛАВА I. РАЗРАБОТКА КАНТОМ И ГЕГЕЛЕМ ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	7
Кантовская постановка проблемы	7
Гегелевский анализ диалектико-логических принципов знания	18
ГЛАВА II. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ТЕОРИИ. ВЫБОР ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ И АНАЛИЗ ВСЕОБЩЕГО ПРИНЦИПА ТЕОРИИ	37
Материалистическое обоснование диалектико-логических принципов теории	37
Выбор предметной области – важное условие теории	56
Теоретический анализ первоначального целого и выявления исходного пункта теории	71
Анализ всеобщего принципа как необходимый этап в построении теории. Диалектическое понимание субстанции как метод обоснования принципа теории	77
ГЛАВА III. ОБОСНОВАНИЕ ОСНОВНОГО ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СВЯЗ СУЩНОСТИ С ФОРМАМИ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ	111
Основное понятие теории. Анализ категорий «сущность», «противоречие» как логических форм (принципов) обоснования основного понятия теории	111
А. Категория сущности и ее роль в обосновании основного понятия теории	123
Б. Противоречие и его роль в обосновании основного понятия теории	130
Целостная теория и рассмотрение логических условий, обеспечивающих развитие и завершение теории	143
ГЛАВА IV. ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ЛОГИКА ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ	151
Заключение	183

ПРИНЦИП ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Введение 186

**ГЛАВА I. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА О СУЩНОСТИ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗНАНИИ** 190

РОЛЬ ПРИНЦИПА КОНКРЕТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Введение 248

**ГЛАВА I. ГЕГЕЛЕВСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА
КОНКРЕТНОСТИ** 251

**ГЛАВА II. ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПА
КОНКРЕТНОСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ** 307

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Диалектическая логика как методология научного познания 348
Роль универсальных логических категорий в построении
и развитии научной теории 355
Диалектико-логические принципы построения научной теории 360
Материалистическое обоснование диалектики категорий
«материя» и «форма» 374
Историчность взаимоотношений философии и естествознания 381

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кедров Б.М. О разработке материалистической диалектике 386
Лекторский В.А. Ж.Абдильдин, А.Нысанбаев. Диалектико-логические
принципы построения теории. Алма-Ата: Наука, 1973 387
Ильенков Э.В., Хамидов А.А. Лекторский В.А. Принцип противоречия
в современной науке. Алма-Ата: Наука, 1975 390
Примечания 394

Ответственный за издание книги –
директор издательства «Қазығұрт»
КОПБАЕВ Тимурғали Муратбекович

ЖАБАЙХАН АБДИЛЬДИН

Собрание сочинений в десяти томах

Второй том

Редактор

А. Даткин

Технический редактор

Г. Акажанова

Дизайнер

Б. Серикбай

Компьютерная верстка

Г. Утенова

Сдано в набор 20.09.2010 г. Подписано в печать 29.10.2010 г.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 21,0. Уч. изд. л. 20,0. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1165.

Издательство «Қазығұрт», 050009, г. Алматы,
пр. Абая, 143, офис 522.
Телефон/факс: 8(727) 394-42-86
e-mail: kazygurt@list.ru
<http://www.kazygurt.kz>

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 394-39-22, 394-39-34, 394-39-42,
E-mail: rpik-daur81@mail.ru, rpik-daur2@mail.ru